

Гарольд Бранд

Звездные троны

«— Сложно пытаться усидеть сразу на двух тронах, верно?

— Двух? — простодушно удивился Гамлет, не с первой секунды уловивший аналогию или подумавший о Секторе Цефея.

— Один — в пространстве, — усмехнувшись, подсказал ему Олаф, схвативший все на лету. — Второй — во времени».

0. (Книга I. Туннелирование)

*Этот мир не только «вертится»,
но еще и все время взрывается.*

*Фемида носит повязку.
Хроносу она не нужна.*

Всему на свете приходит конец.
Время от времени.

Иногда все встает на свои места с таким лязгом и скрежетом, что кажется, уж лучше бы никогда не вставало.

Совершенно чужие люди, в чуждой среде, а ты совершенно сложившаяся личность, приспособленная к чему-то... совсем другому.

Понятия не имею, на что мы когда-то надеялись. На то, что этого никогда не случится? Несмотря на все перемещения во времени, мы выросли в мире, где монархии казались безбожным анахронизмом. Правда, и таких миров и времен мы повидали немало, но этот мир не был привычнодругим. Он был нашим. А мы — были в нем анахронизмом.

Почти то же, что оказаться вдруг по другую сторону линз микроскопа.

И я никак не мог решить, благодарить ли родителей за замечательно проведенное детство, или осуждать за то, что теперь я не то чтобы не был ко всему этому готов, а прямо-таки не желал быть готовым.

К тому же это чертовски странно — ощущать себя шпионом в собственном... королевстве. Будто изучающим его отстраненно с какой-то целью.

Я знал, что мама очень беспокоилась обо всех нас, когда раскрыла давний секрет, потребовав свидетельств нашей жизни и безопасности. Но даже не представлял, как себя с ней вести. Это пугало. Ведь вышло так, что мы ее совсем не знали. Разве что понаслышке. Несомненно, она о нас заботилась, как могла на расстоянии, в частности как раз в том, что предоставила нам столько лет жить своей жизнью. Но то, что она знала о нас теперь, было совершенной абстракцией. Столкновение с реальностью могло всех нас сильно разочаровать. Разочаровать ее. Чего стоил ее столь долговременный вклад? Не думаю, что мы могли ожидать от нее больше, чем она от нас. Она сделала все, что могла. А вот мы пока не сделали ничего. Больше всего разочаровать себя могли только мы сами.

Тем более, увы, что у нас не было никакого желания менять свою жизнь. Но не было и выбора. Едва только стало известно, кто мы по происхождению — и путь назад был отрезан. Ни одно из государств не должно слишком сильно влиять на «Янус». Ни Солнечная Лига, которой мы в этом отказали, приняв чрезвычайные меры, ни Денеб, который мы теперь представляли по праву рождения. Если мы не пожелаем уйти, это автоматически будет означать захват Станции. Одно то, что мы пробыли здесь так долго, знали слишком много, а под конец оказались замешаны в крупном скандале на всю известную обитаемую вселенную с внезапным исчезновением из континуума крупного международного секретного объекта выглядело, мягко говоря, сомнительно. Скорее всего, это повлияет в сторону ужесточения на галактическое законодательство об «отложенных браках». Немалые вольности в которых

объяснялись тем, что браки сейчас людям не так уж нужны. Но когда дело доходит до вопросов наследства, особенно при таких анахронизмах как монархии, все летит кувырком. Даром что все связанные с последним обстоятельством инциденты носят в галактике штучный характер. Как точечно попадающие снаряды.

Мы еще оставались на Станции по завершении последнего эксперимента, отягощенного сложностями политики и всеобщего переполоха. Какое-то время мы уже находились в своем пространстве и даже совершили кое-какие действия, прежде чем объявили о своем возвращении и удачном опыте — некоторых открытиях и уточнениях, касающихся потенциальных возможностей «Януса», до конца еще не изученных. Теперь, лучше их понимая, мы можем создавать новые аналогичные механизмы с меньшим предполагаемым риском и меньшей вероятностью фатальных ошибок.

Может быть, нам надо было прямо заглянуть в то самое время, когда был «изобретен» «Янус»? Но как это отразится на всем дальнейшем, если мы «спугнем» его «создателей»? Оставалась еще вероятность, что сам «Янус» некогда попал к нам из будущего, которое, раз это случилось, уже никогда не будет нашим будущим, так как изменилось слишком многое. Мы все еще не были к этому готовы. И раскрывать все собственные карты — не были готовы тоже. Если мы уже существуем в «подправленной» вселенной... А это ведь происходит, судя по всему, постоянно, так или иначе. Мы уже сами были когда-то в поворотной точке для «новой вселенной» — целой ветви вероятностей, даже столкнулись с коллегой-наблюдателем из будущего, которое никогда не было и не будет нашим. Он вел себя очень осторожно. Его возможности были если не выше наших, то какими-то иными. По-видимому, он действительно прожил бок о бок с нашими двойниками из прошлого, в сознание которых нам пришлось тогда внедриться, много лет, следя за каждым их шагом, явно боясь что-то нарушить, и все-таки вмешиваясь одним своим присутствием и наверняка что-то изменив, что создавало новые и новые вероятности.

Однажды, конечно, кто-то вернется в тот момент времени, когда был создан «Янус», чтобы взглянуть на него. Но не сейчас. Несмотря на то, что с перспективой никогда больше не отправиться в прошлое хотелось совершить напоследок что-нибудь безумное. Но именно это желание и останавливало, мы уже натворили достаточно много безумного, теперь последнее, что стоило бы делать, это окончательно выбивать из-под себя табуретку реальности.

В любом случае близился момент, когда «буферное время» восстановится, перекрыв этот важный период еще надолго. Причем непредсказуемо, когда именно это случится, и сможем ли мы благополучно вернуться, если все же вздумаем рискнуть. Не стоило слишком усугублять хаос. И не стоило слишком быстро все узнавать, раз мы собирались поделиться кое-какими открытиями с другими — с теми, кто продолжит все это уже без нас. Иногда некоторых вещей надежней не знать.

Пока не восстановится буфер, мы надеялись вовсе никого сюда не пускать. Хотя бы пока «Янус» не «замрет». Потому что сперва, на неопределенный срок, он перестанет функционировать, перейдет в нерабочее состояние. Объяснить которое тем, кто нас сменит, будет трудно. Но они ничего не смогут с этим поделать. Мы собирались объяснить замирание механизма — на неопределенное время при полном масштабном перемещении — поглощением слишком большого количества энергии. Так оно и было — мы скрывали только первоначальный эффект с временным исчезновением буфера сразу после подобного перемещения.

Но пока «Янус» снова не «отомрет», мир в галактике будет буквально висеть на волоске. Не подозревать нас в намеренной диверсии будет только ленивый. В идеале нам следовало объявить о своем присутствии лишь тогда, когда все наладится. Но это могло занять еще очень долгий срок. Мог наложиться и эффект от предыдущего «прыжка» Станции, и еще больше увеличить время замирания. А в галактике и так все было совсем не весело.

И теперь вся галактика была в курсе, где мы находимся. Мы объявили об успешном окончании эксперимента и выразили полное недоумение по поводу имеющего место всеобщего смятения — мы же всех предупредили! Разве нет? Мы не предупредили непосредственно правительство Лиги? А разве мы были должны? Да и кто ожидал, что все получится с первой же попытки? Нам просто повезло. А вот возвращаться в то же время и в те же координаты было чрезвычайно опасно — могли случиться какие угодно катастрофические накладки по элементарным физическим причинам. И мы выбрали нейтральную не оживленную зону, где было меньше шансов с кем-либо столкнуться. К тому же у нас и впрямь есть тревожащие сведения от нашего пропавшего было, но благополучно нашедшегося, младшего члена экипажа — лейтенанта Карелла. И эти сведения требуют разбирательства.

А что произошло со мной во время полета на «Горгулье», которая якобы взорвалась, а затем внезапно объявилась, хоть и потрепанная, но почти целехонькая, перед самым исчезновением «Януса»? Абсолютно ничего. На корабль, на котором мне посчастливилось лететь с Марса, действительно напали откуда-то взявшиеся сумасшедшие пираты, но команда благополучно отбилась и доставила всех пассажиров на место в целости и сохранности. Да, разумеется, мы все не исключаем, что это были не просто пираты, но это всего лишь подозрения и все обошлось. Потому что мы очень вовремя обнаружили и обезвредили заложенную на борту во время атаки бомбу. И конечно, машина времени тут совершенно ни при чем. Зарегистрированный патрулем взрыв был всего лишь визуальной симуляцией, произведенной в интересах безопасности пассажиров. Да, нам всем по разным каналам доступны кое-какие интересные маневры. Просто удача, ловкость легендарной команды капитана Арли и ничего больше. Разве само его имя не говорит за себя? Неудивительно, что команда справилась с проблемой шутя. Но теперь, увы, и ей, и сестре нашего младшего научного сотрудника, как и ему самому, почему-то требуется политическое убежище. Которое, естественно, мы не можем не предоставить, став непосредственными свидетелями того, какие творятся странности. Вот свидетелем происходящего, как один из пассажиров, я действительно был. И конечно, мы немного беспокоились за себя. Так как все это, без сомнения, ужасно подозрительно.

Итак, то, что мы почти сразу после инцидента с взрывающимся и возвращающимся кораблем, а также после моего присутствия на опознании погибшего в результате несчастного случая бывшего коллеги, переместили Станцию, пропав без вести, вовсе не являлось захватом Денебом ценного секретного объекта. Мы действительно готовы оставить его в любое время. Но только не в Солнечной Лиге, пока все странности не прояснятся. И всегда готовы консультировать новых исследователей. К сожалению, прямо сейчас у нас на борту некоторые технические проблемы, вызванные беспрецедентным масштабным маневром. Подробный отчет обо всем непременно будет представлен, как только мы справимся с некоторыми последствиями эксперимента.

Нет ничего удивительного или возмутительного в том, что некоторым из нас придется

оставить Станцию практически немедленно, в ультимативном порядке, раз вселенной так будет спокойнее, мы все отлично понимаем. А что касается тех, кому мы предоставили убежище, теперь мы предоставляем его им от имени Денеба. Абсолютно очевидно, мы все еще полностью готовы сотрудничать с Космополитическим Союзом, в чьей юрисдикции всегда и находился «Янус».

1. Туннелирование

«Янус» окружали десятки боевых кораблей. Они нетерпеливо застыли неподалеку, выстроившись в занятные фигуры, напоминающие кристаллические решетки. Все страшно боялись потерять бдительность. Предполагалось, что эти корабли — наша необходимая защита. Может, они были бы рады оказаться не только защитой, но, если бы нам вздумалось снова испариться, ничего поделаться, по большому счету, они бы не смогли. При наличии злой воли они бы не были помехой. Так что были раздражающим фактором только при наличии «доброй». Ну и, разумеется, в некотором роде действительно служили защитой. От внешних врагов. По собственной воле или неволе.

Отец побарабанил пальцами по панели управления и посмотрел на, как обычно, невозмутимую Антею.

— Смотрю, эффект пока не собирается пропадать. Но раз о нем пока никто не знает, возможно, его удастся скрыть, даже если нас тут уже не будет.

— Разумеется, — бодро ответила Антея. Казалось, проблемы существуют для нее разве что в виде абстрактных графиков и отвлеченных задач. — О буфере известно всем. Так что его отсутствие никто не заподозрит. А если заподозрит, решит, что сам еще чего-то не понимает.

— А буфер тем временем восстановится.

— А «замрет» Станция еще раньше, и будет в это время совершенно безопасна.

Антея оставалась на «Янусе». Удалить отсюда сразу всех специалистов, работавших в режиме секретности, было и неразумно, и невозможно, только они могли знать все детали и тонкости, и помочь кому-то еще справиться с механизмом. Отбывали только мы трое — отец, Линор и я, свежее испеченное денебское королевское семейство. А также посторонние, в число которых попал теперь и Нейт. Остальным предстояло нести оборону дальше. Бразды правления временно и номинально принимали Олаф и Антея: Олаф по административно-десантной части, Антея по инженерной. Было бы неплохо, если бы кто-то из них по-настоящему возглавил Станцию, а не кто-либо назначенный со стороны. Но, несмотря на все наши рекомендации, решать это было уже не нам.

Я припоминал ощущение, не так давно испытанное в Камелоте: что чувствует отрезанный ломоть, когда нож уже прошелся? Он все еще лежит на доске, слишком близко к тому, от чего его отрезали, и не может поверить, что связи больше нет.

Есть в попытках постигнуть подобные вещи что-то совершенно бесполезное, но они придают бытию незабываемые оттенки. Нет чтобы это было что-то хорошее... Впрочем, в хорошем зачастую просто не хочется разбираться. Оно цельно. А сложное — это, может быть, тоже не что-то плохое, это просто что-то сложное. Странное. Интересное. Ведь, строго говоря, далеко не во всех версиях вселенной все это происходит. И кажется, в такие моменты можно почувствовать, как один слой отделяется от другого, чтобы отойти затем неизмеримо далеко. Но ты еще чувствуешь смежные измерения, в которых ничего подобного не происходит, они еще «рядом», там все будет «по-старому». И еще долго не изменится и просто все будет совсем-совсем иначе. И ты прощаешься с этими другими мирами и другим собой. Мог ли ты как-то повлиять на то, в какой вселенной окажешься? Это происходило каждое мгновение. И вот мы — здесь. И будем где-то еще.

— Верно, — кивнул отец. — Не считая того, что это может быть опасно для вас.

— Никто, кроме нас, не сможет ничего наладить, — улыбнулась Антея. — Это удержит непосвященных на почтительном расстоянии.

Отец тихо одобрительно усмехнулся в медные усы.

— Мы ведь уже предупредили, что после масштабного перемещения вот-вот наступит тот эффект, что должен случиться, — продолжала Антея. — Так что пользоваться «Янусом» сейчас не стоит: «замереть» он может в любой момент, и где тогда окажутся вздумавшие рисковать исследователи?

— В любом случае это чертовски похоже на диверсию, — меланхолично заявил Фризиан.

— Чертовски, — подхватил отец. — Но боюсь, если мы будем тут еще оставаться в то время, когда замрет Станция, объяснить это будет еще труднее.

— Определенно, — согласился Фризиан, поморщившись и чуть наигранно вздохнув. — Я думаю, что вы можете полностью на нас положиться, доктор Гелион. А мы уж постараемся не подвести. — Он тонко, будто натянуто, улыбнулся, посмотрев на отца загадочно-печальным и одновременно изучающим взглядом темных глаз, который можно было бы назвать настораживающим, если бы мы не знали Фризиана сто лет, и не привыкли, что он всегда ведет себя как нераскрытый шпион, знающий обо всем на свете куда больше, чем говорит. Такая уж у него манера. И надо признать, зверски харизматичная. Всерьез ее принимал разве что только Гамлет. Да и тот, пожалуй, больше для развлечения. Чтобы было кого поподозревать и над чем иногда шумно подрамматизировать и поморализировать, спуская пар. У всех свои любимые игры и свое чувство юмора.

— Всегда хотел знать, на кого ты работаешь, — сварливо пробурчал Гамлет, с удовольствием лоя наживку. — Может, скоро узнаю.

Все может быть. В конце концов, никогда ничего не известно полностью. О нас и Денебе, к примеру, тоже долго никто ничего не знал.

Я оглянулся в зал, где посреди капсул перемещений, оглядывая их с опаской и изумлением, расхаживала старшая сестрица Нейта — Тарси. В синем бархатном элегантном костюме, строгом, но ничуть не напоминающем ее прежней зловещей темно-зеленой униформы. Иссиня-черные волосы уложены свободнее, но по-прежнему безупречно. То, как она дотронулась до стенки капсулы, а потом почти отдернула руку, выглядело едва ли по-доброму заинтересованно.

— Они пугают тебя? — поинтересовался я вполголоса, подойдя ближе.

Она со странным затруднением перевела дух и, прищурившись, мрачновато посмотрела на капсулу, которой мы пользовались совсем недавно, чтобы попасть на «Горгулью», потом перевела оставшийся колючим взгляд на другие капсулы, используемые для неполного перемещения — только для отправки в прошлое психоматрицы, подсаживаемой в голову подходящему носителю.

— И это вы называете «возвращением»? — проговорила она своим мелодичным голосом Снежной королевы — позванивающим как льдинки. — Строго говоря, вас рассеивает на атомы, а потом собирает снова, из совсем других частиц, подвернувшихся в нужном месте и времени. Полные копии... Но ведь лишь копии! А оригиналы при этом — разрушаются?..

— Ну... если подходить технически, не совсем, но... примерно так и есть. Почему бы нет? Оригиналы — это тоже лишь определенный порядок атомов. И порядок — сохраняется. Все, что могло быть произведено их набором, который, в сущности, нейтрален. Даже

странно, что ты так это воспринимаешь. Признаться, после всего, что я о тебе знаю, не ожидал...

Она не улыбнулась в ответ. Оставалась напряженной.

— Это просто первый раз, — заметил я со всем привычным хладнокровием. — Я уже забыл, как это бывает. Обычно думаешь обо всем сразу — тот ли ты, что был еще вчера, сколько в тебе осталось настоящего? Сколько вообще в этой вселенной настоящего? Что такое «настоящее» — существует ли оно? Но мы меняемся каждый день и остаемся теми же. Это не слишком отличается от обычного порядка вещей.

Тарси чуть поджала губы, нервничая.

— Может быть. Я знала, что это происходило с моим братом. Но знание — это одно. А когда попробуешь... и вдруг осознаешь, что обратной дороги нет — кем бы ты ни стал, кем бы ни был в прошлом, это уже свершилось. Твоего оригинала не существует. Но есть ты, и ты не знаешь, кто ты... — она покачала головой. — Вы все преспокойно совершаете это с собой, постоянно. Я даже не знаю, чем тебя пыталась напугать моя мать.

— Если задуматься, только тем, что еще больше разуверила меня в реальности.

Наверное, в моем голосе прозвучало что-то не совсем безмятежное, потому что она быстро вскинула на меня взгляд широко-раскрытых ярко-синих глаз, уже не кажущихся холодными.

— Прости. Вот теперь я почему-то почувствовала, что это все-таки реальность, — она снова перевела дух. — И она очень... жесткая. Странно, наверное, что у меня могут сдавать нервы по таким пустякам?

— Да нет, не странно. Наверное, все вместе. Ты сама разрушила свою реальность, потому что сочла это нужным. И она разрушилась во всех смыслах, какие можно представить. И в простом человеческом, и — в техническом, если так можно назвать. Ты даже побывала в другой вселенной, которую теперь не знаешь, как расценивать — как бред, галлюцинацию или что-то настоящее — но если это было настоящим, то чем было прошлое, в котором все было по-другому? Что тогда это наше настоящее — настоящее ли оно? Правильное? Или правильный мир какой-то совсем другой, а этот всего лишь ошибка и недоразумение. Кошмар, который хочется прогнать, стараясь проснуться. Ведь кажется, что все могло быть иначе. Что все можно изменить прямо сейчас, неоднократно, пробуя снова и снова, доводя до совершенства или безумия, бесконечно. Только чем тогда все станет? Почему нельзя изменить больше? Почему не попытаться исправить все на свете? Но отнимая право на реальность у чего бы то ни было, отнимаешь его у самого себя — потому что и ты просто ошибка и случайность, порожденная многими ошибками и недоразумениями.

Она закрыла глаза и выдохнула.

— Да!..

— И ты сожалеешь о том, что сделала, когда вздумала изменить свою реальность?

Тарси вздрогнула.

— Я не сожалею об этом!..

— Не сожалела. В прошлом. Время имеет значение. Время, которое, может быть, можно переписать.

— Это недостойно! Я просто теряю веру в происходящее и мне хочется... как же звалась эта глупая древняя птица? Та, что прятала голову в песок?.. Как же говорил Нейт?..

— Страус.

— Страус! Это я.

— Это не ты. Даже не представляю, сколько нужно храбрости, чтобы однажды вырваться из того мира, в котором ты жила.

Она перевела дух и слегка покачала головой.

— Совсем немного, если чувствуешь, что не живешь. И все становится страшнее и страшнее. И кажется, что хуже быть просто не может. Можно сделать что угодно, лишь бы это изменить.

— Даже заключить сделку с дьяволом, который может казаться таким привлекательным. То есть, с нами. — Она возмущенно нахмурилась, вместо того, чтобы улыбнуться, но не стала возражать. Что поделать, если так сейчас звучали ее мысли. Сомнения на то и сомнения, что мнения на какой-то счет могут быть самыми противоречивыми одновременно, в одной и той же голове. — Думаю, ты к себе несправедлива. Но в одном ты права, — я погладил стенку ближайшей капсулы. — Это очень далеко даже от той реальности, к которой ты была готова. Это многих сводило с ума. Буквально. Но это пройдет. Ты выдержишь. Я бы даже сказал, что... тебе это точно должно было помочь *развеяться!*

Тарси воззрилась на меня, пораженно приоткрыв рот.

— Развеяться?!. — будто сама от себя этого не ожидая, она звонко расхохоталась, и тут же постаралась заглушить смех, смущенно закашлявшись. — Да это чистая правда!.. Развеяться!..

— Теперь можно взглянуть на мир по-новому! Совершенно другими глазами! Начать новую жизнь!

— Какой ужас! — воскликнула она, явно повеселев. — Ваш мир совершенно сумасшедший! Боже мой... — покачав головой, она уже с новым оттенком изумления прикоснулась к капсуле. — И вдруг он стал мне нравится!.. Но жаль — только стал нравится, и... — она немного порозовела, — нет, жаль не за себя. Жаль, что вам придется его покинуть...

Мне тоже. Я пожал плечами.

— Нам придется покинуть только «Янус». А мир — как был сумасшедшим, так и останется. Все эти вселенные — они ведь существуют на самом деле. И продолжают расходиться каждое мгновение, постоянно появляется что-то новое и разбегается во все стороны, а мы случайно остаемся там, где осознаем себя. Случайно или закономерно — часто совсем неважно. Путешествие продолжается. Всегда.

— Спасибо, — сказала она серьезно, улыбнувшись. — Теперь мне легче ощущать себя оторванной от своего прошлого. Даже не ожидала...

Я украдкой пристально посмотрел на нее — точеный профиль, четко-очерченные губы, которых я уже касался и был бы не прочь коснуться снова, но... ощущение магнетизма, почти материальное, хоть и оставалось, словно было под запретом. Я мельком глянул в сторону — может быть, мешало то, что слишком неподалеку кто-то есть? Нет, не это. Что-то другое. Невидимое. Несуществующее? Наверное — просто реальность.

С тех пор, как Тарси призналась, кто она, кто они оба с Нейтом, пусть я сам об этом давно догадывался, между нами, собственно говоря, было все кончено. Хотя то, что она призналась, выражало ее добрую волю, но также говорило о том, что «все, что мы можем подозревать, возможно». Даже сейчас. Если в этом есть дурной замысел.

Она нравилась мне, потому что должна была нравиться. Для этого были созданы все условия. Но в какой момент это перестало быть изначальной интригой? И даже —

переставало ли?

Все, что она теперь могла сделать хорошего — самоустраниться и держаться намеренно в стороне. Зная, что нравится мне и этим. При всей искренности с обеих сторон, это продолжало оставаться ловушкой.

Корабль, прибывший за нами, был небольшим. Нейтральным. Довольно обшарпанным и казавшимся ветхим. Будто его выбрали за то, что его будет не жалко, если что-то стрясется или просто как подходящий случаю исторический раритет. Ему надлежало доставить нас на борт денебского флагмана, который, разумеется, ни в коем случае не мог приблизиться к «Янусу» без международного скандала.

«Горгулья» тоже не могла доставить нас на место самостоятельно, ей предписывалось следовать за нами «в кильватере», строго рассчитанным курсом, без попыток какого бы то ни было уклонения в сторону.

Оставалось надеяться, что мы действительно доберемся без эксцессов. (Или что какие-нибудь наши двойники вмешаются вовремя, чтобы изъять очередную бомбу, впрочем, это всего лишь нервная шутка для посвященных). По крайней мере, экипаж нашего транспорта явно не испытывал к нам ни тени симпатии. Кем бы мы ни являлись, прежде всего мы были бессовестными авантюристами, ловко воспользовавшимися лазейками в законах, применительно к материям буквально священным и неприкосновенным. Если мы не нарушили «букву» закона, то «дух» уж точно. А теперь еще и надежно прикрыты дипломатическим иммунитетом, если, конечно, кто-нибудь не пожелает немедленно выставить ультиматум и развязать войну. Строго говоря, мы же нарывались на то, чтобы она была развязана — мы сами ее развязывали! И кто мы после этого?

Впрочем, ближе к концу недолгого путешествия наше сопровождение стало оттаивать. Возможно, они тоже опасались эксцессов. Возможно, ожидали с нашей стороны какой-то неведомой подлости. Но чувствуя, что скоро все закончится, заметно повеселели.

Так что на борт «Денебского Штандарта» — чем все серьезней, тем оригинальнее названия, мы перешли в совсем уже дружеской обстановке — оставляя ее за спиной. Зато на самом флагмане, несмотря на официальную торжественность, снова царила настороженность и едва прикрытая растерянность.

— Как каждый раз — в иную воду, — усмехнулся отец.

— И каждый раз в холодную, — поддержал я.

— Лучше, чем кипятки, — философски заметила сестрица Линор.

Учитывая кое-какой жизненный опыт, я был склонен с ней согласиться.

На этот раз «Горгулье» не пришлось сопровождать нас в «кильватере». Она пришвартовалась к одному из шлюзов, где была закреплена... опустим слово «намертво», и ее команда также перешла на борт флагмана, где, несмотря на некоторые вялые возражения капитана, мы встретили ее лично. Хотя бы одна из встреч должна же оказаться дружеской.

— Ну, расставались мы совсем ненадолго, — нарочито бодро заметил Майк Арли. Сколько вариаций его имени мелькнуло на моей недолгой памяти? Сперва я знал его под именем Ажен Майк, затем он оказался Майком Арли, а на самом деле, хотя вряд ли кто-нибудь когда-нибудь назовет его этим именем, его стоило бы звать Майкрофтом Фейербластом, если прилично сократить его родовое имя. Он мог бы быть наследником трона Веги. Которого теперь не существовало. Вега была республикой, а ее последний правитель — проклинаемым сумасшедшим. Мало кто знал, что он не был повинен в

происходивших полвека назад ужасах, кроме одного лишь последнего; что он остался в живых и, сменив все, что можно сменить, стал одним из самых известных героев Галактики. Сумев наступить на горло собственному прошлому.

Я даже понятия не имел, знает ли об этом сам Майк. Вышло так, что знали мы — чертовы историки, наводящие на многих чуть не суеверный ужас, знала Тарси, чье прошлое протекло в веселой преисподней, где о заговоре знали совсем с другой стороны — той, где он был создан. Но знал ли об этом Майк? Мы как-то не спрашивали.

Не заговаривали об этом и с его отцом. Хотя не сомневались — он знает, что мы знаем. Но это не та вещь, о которой было бы приятно поговорить. О таких вещах приятнее молчать, хоть и ненамного. Знать и молчать тут — признак уважения.

— Наши дороги, похоже, вообще не склонны расходиться далеко. — И хорошо бы не в общем историческом смысле.

Майк кивнул, его глаза давно настороженно ничего не выражали. С одной стороны, команда «Горгульи» получила нашу защиту. С другой, стала зависимой от нас, от всей окружающей нас дипломатии, в которую никогда не играют чисто. Это не могло не угнетать.

— Буквально связаны. Во всех смыслах. Но это еще не самая скверная связь, — прибавил он спохватившись.

Всегда может быть хуже, и то верно.

Мы все не пожелали сразу расходиться по своим каютам, предпочтя просторную гостиную, где еще могли ощущать себя чем-то целым, чем-то с общим прошлым и наверняка общим зловещим будущим. По крайней мере, на ближайшую пару часов, пока мы, будто атомы, «туннелировали» к какой-то совсем другой своей жизни.

2. Фанфары

Первая официальная встреча с матушкой должна была состояться в очередном «подвешенном состоянии». Ни на одной из планет. Впрочем, стоило ли считать стационарную военную базу просто кораблем? Пусть война еще не началась, но... это все равно одна из тех новых реальностей, с которыми придется иметь дело.

Может, лучше было остаться в Камелоте? Но тогда мы никогда не узнали бы, чего именно избежали, и стоило ли это делать. Все равно вечно чувствовали бы неудовлетворенность в «не своем» мире, почти ненастоящем для нас.

А этот вот — настоящий?

Насколько возможно, конечно да...

Я задумчиво медитировал над белым с золотом парадным мундиром королевских бомбардировщиков. Именно в нем мне предстояло встретить завтра матушку, впервые на людях в сознательной, да и в бессознательной, жизни. Выглядело все это так, что немедленно хотелось признать, что черный мундир «Януса» — верх адекватности... но, в конце концов, это лишь недостойный порыв убежать от всего. Что бы в этой ситуации, в этом окружении, выглядело нормально? Наверное, все равно ничего.

Предполагалось, что теперь я являюсь августейшим шефом данного рода войск. Всего лишь условность и формальность. В чине командера. (Да, я нарочно поставил эти две фразы рядом, именно в таком порядке).

Это была традиция. Когда-то давным-давно, когда Денебского королевства еще не существовало, один из предков правящей династии, Доннер Аллет, тот самый, маневр которого я однажды повторил, и в чьем разуме обитал какое-то время незамеченным, возглавлял эскадрилью, считавшуюся прародительницей именно этого полка. А это ведь даже занятно, что когда-то я действительно побывал в тех временах. В каком-то смысле условность и формальность почти переставала быть всего лишь условностью и формальностью. Как если бы — весьма отчасти — здесь мог присутствовать сам Доннер. Или почему сразу не король Артур, вернувшийся из Авалона? Я невольно рассмеялся вслух посреди пустой каюты. Честное слово, это забавно. И не было ни совпадением, ни чем-то знаковым или фатальным. Совершенно обыденная для нас закономерность. Как же не побывать в самых интересных исторических периодах, если можешь? Все элементарно и логично.

Я влез в новую «змеиную кожу» — а ведь предполагается, что у змей новая отрастает сама... и посмотрел в зеркало. Кто это?

Видимо, я. Но ощущение возникло такое, будто я снова в каком-то другом времени и мире. Снова кто-то другой — это казалось естественным и привычным. Но на этот раз это в самом деле я. Для которого прежний образ был маской, под которой я мог благополучно прожить всю жизнь. Она меня вполне устраивала — но устраивала сама по себе, или потому, что была маской? Мы не привыкли ни к собственному миру, ни к тому, чтобы быть собой. Правда... разве под маской мы всегда не более искренни, чем настоящие? Медаль о двух сторонах. Полкартины закрыто в одном случае, полкартины в другом. Что именно вы сочли бы более важным? Только букву или только дух — закона или беззакония?

Это можно было назвать классическими потайными ходами — каюты «королевской

семьи» соединялись отдельными внутренними коридорами. Узкими, обитыми для вящего удобства какой-то мягкой тканью. С автоматически включающимся приглушенным освещением. По одному из этих коридорчиков я проследовал и постучался в каюту Линор.

— Эрвин? — вскоре донеслось из-за двери.

— И легион фамильных призраков, — в мрачном настроении очень хотелось молот чепуху, какой бы она ни была натянутой.

Щелкнула задвижка. Ого... Да, я предполагал, что Линор тоже готовится к завтрашнему дню, и все равно — ого... Золотистое атласное платье со стоячим кружевным воротником, сплетенным из тонких проволочек, зубчатым, унизанным янтарными шишечками, смотрелось на Линор так, что это действительно было «ого!»

— Где белый конь? — поинтересовалась Линор, иронично прищурившись.

— Скончался в страшных муках, переев одуванчиков. Потрясающе выглядишь!

— Как-то несерьезно, — с сомнением покрутила головой Линор.

— Это ты-то несерьезно? Это я, кажется, несерьезно.

— Да, есть кое-какая нелепость...

— Спасибо, я так и знал!

— Знала, что ты сомневался, — фыркнула Линор. — Почему, если ты в мундире, то я — нет? Начинаю подозревать подспудную дискриминацию!..

— Зато... это означает потенциально меньшую фиксацию в системе. Ты и так принцесса, и этим все сказано. Ты можешь быть кем угодно, вплоть до главнокомандующего и «господа бога», а я — всего лишь командер? Да, я согласен, тут есть какое-то подозрительное неравенство!

Линор звонко расхохоталась.

— Это же ничего не значит!..

— Вот именно! — подтвердил я похоронным тоном.

— Может, это так для равновесия? Наверное, мы и правда смотрелись бы смешнее, будь оба якобы за какие-то войска. Надо же символически представлять и гражданских...

— Согласен.

— И было бы менее серьезно, если бы мы оба выглядели нейтрально — убились бы половина официальности. А так — есть некоторая подчеркнутость, что все серьезно. И все в равновесии.

— Угу, уверен, тут все продумано.

Линор усмехнулась и вздохнула.

— Да, конечно. А отец все еще будет при некоторых регалиях «Януса».

— Это будет справедливо. Пусть «в отставке», но он отдал ему всю жизнь. Он до сих пор скорее представитель Союза, чем какого-либо государства.

— Даже *нашего*, — она произнесла это слово, как если бы оно плохо укладывалось у нее на языке и еще хуже в голове. — Такое ощущение, будто нас растаскивает по разным мирам и временам... Не старую команду, — уточнила она, — наши собственные личности, по частям, как если бы отделялись психоматрицы — мы все еще считаем себя кем-то, кем привыкли считать, но вот-вот связь нарушится и останется... понятия не имею, что останется! Странная иллюзия.

— По-моему, уже растащило.

— Надеюсь, что все-таки еще нет ...

— Это потому что янтарные шишечки — нейтральны.

— А военные игры, одни или другие — тоже совершенно одинаковы!

— Хорошо бы не с самими собой, если совсем радикально растащит. Античастица тоже частица, но с обычной частицей аннигилирует. Хотя, казалось бы, ведь один черт. Особенно обидно, если действительно один...

— Эй, а как же насчет главной победы — над самим собой?! — напомнила сестрица почти развеселившись.

— Тогда и поражение всегда соответствующее. Без вариантов.

— Какие-то мы сегодня жизнеутверждающие, — снова вздохнула Линор.

— Я не знаю, будем ли мы когда-нибудь другими. Мне кажется... — Я помолчал, потом махнул рукой. У меня было ощущение, будто мы — бабочки, которые вот-вот должны занять свое место в гербарии.

Есть ли жизнь в гербарии? Скоро узнаем. Золотистые проволочки — как крылья. Эффектные и неживые.

— Знаешь, — сказала Линор, задумчиво глядя в кажущееся старомодным зеркало-трюмо. — Мне жаль, что мы не могли забрать с собой Эскалибур.

Я улыбнулся и кивнул. Меч остался в коллекции «Януса». Как будто у нас вообще не было ничего личного, принадлежащего именно нам — скользнули по жизни и по чужим жизням, как тени.

— Кстати об оружии, — чуть оживилась Линор, оглянувшись и снова окинув меня изучающим взглядом. — Ничего огнестрельного, а? Разве нам не положено?

— Видимо, нет. — Я развел руками. — Предполагается, что у нас целые армии и флотилии защитников. С пушками, способными разносить планеты в мелкое крошево.

— Но холодное... — Линор кивнула на мою парадную шпагу. — Оно игрушечное?

Я рассмеялся и вытащил «игрушку» из ножен. Узкий, матовый, инкрустированный узорами желтого металла, клинок.

— Почти. Она «дуэльная» — электрическая. Помнишь такие? Нажимаешь на кнопку, попадая в противника тем, что тут считается острием, и его сваливает с ног разрядом.

— Детский сад, — посмеявшись, признала Линор.

— Не спорю!

— Интересно, хоть аккумулятор в ней есть?

— Есть, я проверил.

— И спрятал трупы под ковриком?

— Думаю, повод еще будет...

— Да уж. Никуда не денется...

Мы шли по «золотой дорожке», благосклонно улыбаясь всем вокруг, на все стороны света и пространства-времени. Отец прошел тут ровно на десять минут раньше нас, присоединившись к нашей матери официально и на людях впервые. С принятием некоторых персональных почестей. Что он чувствовал на самом деле — было трудно сказать даже нам. Что попался? Что всех обыграл своей тайной и не зависит ни от чего, даже от нее и, при ее посредстве, от всего остального?

Что чувствовала мама, тоже трудно было сказать. Чувство превосходства? Свидетельство того, что она сделала со своей жизнью, что хотела? Некое злорадство по отношению ко всем традициям и условностям, или даже по отношению к нам, наконец вернув все «на круги своя»? Или чувство уязвимости, когда все открылось? И полной

неуверенности в том, чем же она на самом деле теперь обладает.

Кот в мешке почти то же, что «барашек в ящике», но не совсем. Он существует.

Линор присела в реверансе, а потом удостоилась милости быть взаимно расцелованной матушкой в обе щеки. Со мной вышло формальней и смешнее, и довольно сомнительно. Я преклонил перед матерью колени как перед прекрасной дамой, под благосклонным взглядом отца, и чопорно поцеловал ей руку. Подумав в этот момент, «а точно ли это выглядит так, будто она моя мать?» И что за дикие ассоциации?.. «Молодой лев всегда убивает старого льва...» «Я не страдаю эдиповым комплексом! Я не страдаю эдиповым комплексом!..» Что поделать: архетипы — страшная штука, а все эти формальные ритуалы — во что именно играют? Что иллюстрируют?..

Закончилось, конечно, так же как с Линор. Мы расцеловались бы более душевно, если бы знали друг о друге хоть что-то. Но, может быть, узнаем. Хотя «все эти формальности» осаживают и охлаждают с самого начала.

А на деле, я ведь очень хотел узнать ее. Но казалось, на это так мало шансов. Наши жизни пронесли мимо друг друга. А то, что осталось — недостаточно и слишком поздно, до несправедливости. Но разве это относится не ко всему в жизни? Не упустить всего, уследить за всем невозможно. А если уследишь, это будет голая схема, ободранная более чем до костей. И самая долгая жизнь тут не поможет. Вечность все равно длиннее. И безразличнее — все в ней обесценится и не будет иметь никакого значения. Общий заряд вселенной равен нулю.

Мимо прошествовали дружные ряды попугаев. Хорошо, отлично... ясно, что не все тут были попугаями, а уж кто к этому относился серьезно — наверняка можно пересчитать по пальцам. Это субъективное восприятие, неправомерное, неоригинальное, далекое от откровений и интеллектуальности, попросту глупое. Но как невротическая реакция — ладно уж, сойдет. Ведь все равно именно это я и чувствовал, хотя знал, что это глупо.

И кончаться этот день не собирался. В космосе всегда ночь. Или — всегда день.

Все в тот же бесконечный день мы отправились на Леду — столичную планету Денебского королевства.

И в какой-то момент по дороге туда оказались наконец с матерью наедине, без посторонних. «Как давно мы не виделись». Мы практически никогда не виделись. «Наконец-то мы вместе» — все очень холодно и отстраненно. Впрочем, могло быть гораздо хуже. Могли быть сантименты. А это, наверное, и правда было то, что нужно. Пожалуй, отношения между нами могли считаться сугубо деловыми.

Комната — язык не поворачивался назвать ее каютой — была увешана серебристыми коврами и ярко освещена. На низеньком стеклянном столике стояла ажурная ваза с экзотическими фруктами, рядом мягко журчал небольшой фонтанчик.

— Ну... — проговорила мама, восседая в кресле с высокой спинкой. Мы все сидели в таких, но спинки наших были приличествующим образом пониже. Ее медно-каштановые волосы, уложенные короной, увенчивала тонкая бриллиантовая диадема. Глаза казались очень темными и, как ночные небеса, полными мерцающих звезд. — Добро пожаловать домой. Я представляю, как странно вы себя сейчас чувствуете. Но вы знаете, я не могла поступить иначе. Никто из нас сейчас не может быть в безопасности. Я беспокоилась не только о вас, но и о себе, и обо всем Денебе. Даже тут — о чем-то большем — об общем балансе сил во вселенной. Можно возразить, что это вечное затруднение. Но едва ли вы станете отрицать, что я ждала достаточно долго.

Пока мы не стали совсем другими людьми, едва ли предназначенными для того, что происходит.

— Пока, быть может, не стало поздно, и вы не стали совсем другими людьми, считающими, что вы не предназначены для того, что теперь с вами происходит. Но есть надежда, что все как раз наоборот. Никто лучше вас не может быть к этому подготовлен. Вы совсем другие, не такие, какими выросли бы на Леде, вы видели в своей жизни очень многое и весьма разное, несмотря на молодость. Это хорошо, что вы другие. Денебу нужна «свежая кровь», нечто новое и здоровое. А если мы ошиблись, значит, звездные монархии просто исчерпали себя, и им пришло время кануть в прошлое. По крайней мере, этому королевству, этой династии. Если выйдет именно так, значит, так тому и быть.

— Получается, мы воюем со временем? — спросил я. Ее надежды на то, что мы могли изменить что-то к лучшему, немного пугали. А готовность признать исчерпанность едва ли ободряла.

Мама улыбнулась. Жемчуг, которым было расшито ее платье, казался белее снега, и точно так же искрился. Нонсенс... При всем этом «снеге», она действительно ощущалась очень родной. Да почему бы и нет, если немногие во вселенной, кто мог бы желать нам добра и не мечтать уничтожить — это все-таки наши родители? Бывают, конечно, исключения, но лишь подтверждающие правило. Прямой опасности от нее не исходило. Она явно не желала нам «навредить», неважно, во что все это могло вылиться.

— Очень похоже на то, — ответила она слишком ровным голосом. Мягким, приятным, очень далеким от оптимизма.

Кажется, у нас оставались все шансы стать «королями зимы», как и было обещано давным-давно кое-какими покойными друидами.

И пусть можно сказать, что со временем мы воюем каждое мгновение, продираясь в будущее сквозь настоящее...

Все мы знаем, что тут есть кое-какие тонкости.

3. Леда

Ощущение огромного непреодолимого пространства. В котором безнадежно тонут слова, чувства, звуки, само время — оно не остановилось и не растворилось бесследно, но всепоглощающий океан унес песчинки с яркого побережья в темные зыби. Окружил плотностью, тяжестью и глухотой. Цвета изумруда и ультрамарина.

На Земле созвездие, в котором самой яркой звездой сияет Денеб, с древних времен звалось Лебедем. Столичную планету королевства зовут Ледой, но гербом Денеба стал золотой дракон, не имеющий к Лебедю никакого отношения, кроме разве того, что мифический персонаж, являвшийся Леде в образе лебедя, притворялся, бывало, и быком, и орлом, и золотым дождем, а громы и молнии, которыми он повелевал, вполне сошли бы за драконов. И самыми традиционными тут считались два цвета — белый или серебряный, что значило в геральдике одно и то же, и золотой. Белый все же был данью лебедю, тогда как дракон, родившийся из символа молнии, был знаком самих Аллетов, одного из домов, правивших некогда на Лунах Юпитера. А точнее, все того же Доннера Аллета — стремительного и непредсказуемого. По крайней мере, в преданиях. Хотя в реальности он был не хуже, только менее шаблонным. Предания ведь все упрощают. А некоторые стремятся все переиначить. Я догадывался, что однажды матери захочется узнать побольше о нем. Хотя она прекрасно понимала, как мало может быть общего между легендой и реальностью. Вернее, именно потому, что она это понимала.

До того, как мы прибыли на Леду, вскоре после разговора о войне со временем, меня снова позвали к ней. Теперь местом встречи была ее личная каюта, элегантная, и также вся в коврах, создающих эффект... мягких стен в маленькой закрытой комнате. Наверное, все мы на «Янусе» давно стали сумасшедшими, и целый мир — обычный мир, для нас лишь психиатрическая клиника, где мы чувствуем себя взаперти. Нам вечно будет чего-то не хватать, и едва ли хоть когда-нибудь исчезнет повод поговорить об этом.

— Я даже не знаю, как начать, — улыбнулась она, после того как мы поприветствовали друг друга, оставаясь на какой-то напряженной дистанции, — но, наверное, я хотела бы узнать о том, что у нас есть общего, о чем ты знаешь гораздо больше меня. Расскажи мне, каким он был?..

И я принялся рассказывать, сперва испытывая некоторую неловкость — это ведь довольно странно — ощущать себя в каком-то смысле предком собственной матери. Потом увлекшись и забыв о неловкости, почти позволив себе считать именно так: что я не только был в прошлом в сознании Доннера, что я был им самим. Или он мной, как если бы я был одержим его духом — его мыслями, чувствами, памятью. Ему было бы странно все это увидеть — во что превратится его род через несколько столетий. Тогда и речи не шло ни о каком Денебском королевстве — огромной космической империи. Только Юпитер, его спутники, искусственные базы, станции. Но чтобы целые звездные системы... В какой-то момент я обнаружил, что мы громко смеемся, оживившись, будто действительно знаем друг друга сто лет, и пока мы уже совершенно непринужденно болтаем, пролетело одним мигмом несколько часов. Я немного протрезвел и опомнился только когда на стене замигала небольшая янтарная лампочка.

Мама посмотрела на нее с досадой и вздохнула, а потом снова перевела взгляд на меня.

И я с тревогой отметил, что этот взгляд — усталый. Впрочем, усталым он был, когда она

смотрела на лампочку, а не на меня. А когда отвела его от этого напоминания о долге, в нем снова вспыхнуло что-то теплое и азартное.

— Спасибо, Эрвин. Это было изумительно. Я хотела бы услышать еще многое. И то, что уже рассказано тоже, еще раз! Мне хотелось бы знать подробности — все кажется таким живым! Поразительно. Но ведь прошли столетия.

— В каком-то смысле, — улыбнулся я, делаясь одним из главных секретов «Януса» — не скрывааемых, но лишь там ощущаемых в полной мере, — все времена существуют «одновременно».

— Это хорошо, — улыбнулась она в ответ. — Значит, в каком-то смысле мы всегда живы.

И всегда нет. Но раз не бывает иначе — какой смысл видеть плохие стороны? Надежда на равновесие и приход дня после темной ночи?

— Мы прибываем! — сказала королева. — Нас ждет торжественная встреча.

Ощущение вакуума пропало. Мир наполнился яркими цветами, фактурой, громкими звуками, материей, плотностью, шероховатостью, грубостью, резким запахом нагретого металла и праха, сгоревшего и развеянного.

Не реальность по умолчанию, не нулевая точка, а просто еще один новый неизведанный мир, один из многих, неповторимый, уникальный, не данность, не обычное положение вещей — нечто дышащее, податливое, ускользающее. Мимолетное и прекрасное своей эфемерностью и преходящестью, необязательностью существования.

В шлюзы корабля ворвался ветер, приправленный странными специфическими благоуханиями иного мира и масляно-металлической гарью. Мы вышли за границы судна на некое подобие стеклянной галереи — высоко над поверхностью планеты, над которой зависли как горящее разноцветными огнями облачко в небе. И пока мы шли по этой стеклянной галерее, нас сопровождал негромкий, но отчетливый хрустальный звон, угрожающий, бодрящий и зачаровывающий. Под нами змеились полыхающие драконы и распускались мерцающие лилии, а по сторонам опадали, как лепестки роз, огоньки обычных фейерверков, оставляющие сизые следы крошечных комет, сплетающиеся в призрачную, колеблющуюся в воздухе, медленно развеивающуюся паутину.

В ночном небе бледно светились огрызки двух маленьких лун и довольно ярко — крупная синяя звезда, спорящая с лунами и блеском и величиной: собственно Денеб, что известна как Альфа Лебеда, и отнюдь не та звезда, вокруг которой на самом деле обращается Леда. В нашем современном понимании Денеб — это огромный сектор, где он почти всюду виден ярким, как Луна в земном небе. Солнце Леды, правда, тоже по традиции зовут Денебом, но Малым, иногда опуская эту часть как саму собой разумеющуюся. Планеты, обращающиеся вокруг настоящего Денеба, вследствие его массы и мощности его свечения — сущие котлеты, а не планеты. Леда является столицей королевства, островками разбросанного по всему сектору как наиболее благоприятная для обитания при своей близости к этому мощному ориентиру, наблюдаемому с Земли, и как первая из них, освоенная земными колонистами и конкистадорами. Так было принято со многими звездами-сверхгигантами, именем которых назывались основанные в относительной близости государства, и на которые просто было удобнее ориентироваться.

То, на что мы ступили в конце галереи, не было ни полом, ни даже лифтом в обычном смысле слова. Это было упругой воздушной подушкой в огромной цилиндрической

прозрачной трубе, которая подалась и медленно заскользила вниз, тогда как, в сущности, под ногами у нас ничего не было. Нам навстречу понемногу принялись вырастать из плотной белой точки ярко освещенные шпили королевского дворца, окруженные темными садами и сияющими фонтанами.

— Жизнь небожителей не для слабых духом, — едва слышно выдохнула Линор, когда мы опустились уже почти до уровня верхушки самого высокого шпиля. Я чуть заметно согласно кивнул. А ведь могли спуститься по-человечески, на шаттле... Но раз такое возможно — упустить это было бы жаль — спуск с головокружительной высоты посреди прозрачного цилиндра. Интересно, как выглядела бы эта панорама днем? Но тогда не вышло бы такой театральной подсветки, которая все это сопровождала, создавая эффект, будто мы спускаемся на сияющем облаке.

— Не зря же мы побывали в Асгарде, — ободрил я. Хотя, наверное, это лучше было считать весьма условным символическим визитом в эфемерную зыбкую вероятность. Трудно сказать, где на самом деле блуждало тогда наше сознание, когда мы видели сияющий Биврёст и чувствовали брызги воздушного водопада, по которому двигалось нечто, в чем мы умудрились распознать Нагльфар. — Потренировались...

Линор тихо рассмеялась.

Стеклянные стены растворились. На самом деле они вовсе не были стеклянными, их роль играло силовое поле. И отовсюду грянула музыка — оркестр в королевском парке.

Я вдруг заметил, что мама искоса смотрит на нас и немного натянуто улыбается.

— Я знаю, мне вас не поразить, — шепнула она, будто одними губами, — но это традиция. — И отвернулась, устремив спокойный прямой взгляд вперед. Отец смотрел на нас снисходительно еще почти секунду, прежде чем сделать то же самое.

Как будто так было для него всегда. Насколько хорошо мы его знали? Настолько же, насколько себя. Если это хоть что-нибудь значит.

Я подал руку Линор и, кажется, мы все прониклись этой спокойной серьезностью. Нас охватило странное чувство — что так было всегда. Мы могли внушить его и другим. Так же, как себе. Мы всегда были здесь, мы знали это место. А оно — знало нас.

С корабля на бал — не просто констатация факта. Это норма и заведенный порядок. Тем более что флагман все же весьма комфортабельный корабль, сам по себе летучий дворец. Да и спуск с небес на сияющем облаке тоже может считаться более чем комфортабельным. Море света и музыки, плескаясь волнами в стены и окна, разливалось по дворцу, в который мы вошли из собственного парка, а не со стороны парадного подъезда, через который приличествует прибывать гостям.

— Что-то мне подсказывает, что наших друзей мы сегодня не увидим... — с легким беспокойством заметил я, оглянувшись по дороге на потемневшее небо на месте недавно сиявшего там флагмана.

— Шаткая дипломатическая ситуация, — качнула головой Линор. — Ни к чему сразу же раздражать общественность. Надо сперва дать ей к нам привыкнуть. И так все обо всем в курсе более, чем это было бы приемлемо и... — Линор пожала плечами с такой забавной гримаской, будто хотела сказать «чем это было бы благопристойно».

— Ну да, конечно...

В распахнутые стеклянные двери, на этот раз из настоящего стекла, лились ароматы экзотических цветов и ночная прохлада, ложащаяся легкой дымкой на узоры на стекле. Вот это и есть звездное королевство? Ну конечно. Все планеты блуждают в пространстве, и

чтобы почувствовать это, не нужно непременно находиться на Луне, практически безжизненной. Очень утилитарной в той зоне, в которой находился «Янус». Тогда мы больше ощущали свою оторванность от каких бы то ни было планет. А теперь перспектива осесть где бы то ни было, конечно, внушала вполне естественный ужас. Но кто недавно рассуждал о бессмысленности нашего существования? И о возможности того, что «Янус» не вернет нас, а доставит в любое место, где бы наши желания по-своему, пусть искаженно, выполнялись, ведь во многом он пользовался компасом в наших собственных головах. По крайней мере тогда, когда доставил нас в очень сомнительный конец пятого века, которого просто не могло быть, если исключить все сказки, что мы когда-то слышали.

И хотя он должен был вернуть нас обратно в тот же мир, откуда исчез, по собственному следу, вызывающему наименьшее сопротивление — но тут был пропущен некоторый промежуток времени, да и в пространстве мы тоже сместились — всегда имела место неизбежная погрешность в вероятностях. Время, в которое мы вернулись, могло быть «по-настоящему нашим», насколько это вообще возможно или имело значение, в нашем прошлом пока не было найдено никаких расхождений с текущей действительностью. А могло быть, теоретически, каким угодно, каким мы решили бы его считать. Как бы мы ни старались учесть все, это не оказалось бы ближе к нашему настоящему времени. Попробайся мы сместиться куда-либо еще, внести поправки, мы лишь увеличим погрешность. Мы там, где мы есть. И это и есть реальность. Ничего лучшего или более реального нам все равно не добиться.

Обычные вальсы. Вернее, они назывались уже иначе, и были обычными именно для этого места и времени, но какая разница? Все было так старомодно, так замшело... В день прибытия, кажется, у нас не намечалось ничего серьезного, кроме того, чтобы тратить время впустую у всех на виду. И это придется делать часто и помногу, если не постоянно. Чтобы никто не подумал, что мы тратим его на что-то темное и зловещее.

— Когда-то на Вега... — проговорил я просто из-за свободного бесцельного блуждания мыслей, — был знаменитый «зал парящих колонн»... — Со сложной системой антигравитации, а вернее, произвольной гравитации под ногами танцующих — колонны тут были ни при чем, только облегчали навигацию, — и во время танца все кружились в воздухе... — ой!..

Линор засмеялась.

— Ну при чем тут Вега? В наши времена такое есть повсюду.

— Вот знаешь, вдруг подумал, что здесь даже не сподобились, для солидности... — И это после патетического спуска с небес? Кажется, я сам себе противоречил, смешивая воспоминания о давнем и старомодном с тем, что попадалось на глаза. — А там когда-то был самый легендарный. Пока весь королевский дворец не взлетел на воздух...

И как раз с этим ассоциировал тоже. Иначе не получалось.

Мы снова воспарили на воздушной подушке, на этот раз не на безумной высоте.

— Упускаешь детали, — назидательно заметила Линор. — Явно хочешь быть где-то еще, а не здесь.

— А кто нет? — риторически спросил я.

Конечно, пока мы здесь, и мы даже потанцуем — но перспективу жить под микроскопом не возместить никакими сияющими облаками. Кажется, мое настроение опять стало портиться. Кого можно обмануть тем, что здесь что-то можно сделать? Все это только иллюзия полета, искусственные гравитационные поля. Надежно удерживающие в

воздухе так, что даже трудно потерять равновесие — они мгновенно перестраиваются под тобой и держат — куда надежней, чем морская вода. Они не дают упасть, они не блокируют некоторые движения — иначе танец был бы невозможен. Некоторые — не значит все. Можно приноровиться и достичь высокого искусства в этом передвижении, но свободы тут нет — меньше, чем если просто двигаться по паркету. Зато можно взмыть ввысь. Сделать вид. Если не случится никакой неполадки.

4. Безопасность

Утро началось скверно. С назойливой вибрации будильника и тревожного, выпрыгнувшего из тяжелого сна, электрического ощущения, что произошло что-то непоправимое — мы действительно упустили какие-то детали. Важные для нас. И это было скверно. С нашей стороны скверно. Хуже привкуса похмелья, которого в наши дни не так-то просто добиться честно. Мы сделали что-то — чего-то не сделав, не заметив. Так чувствуешь себя какое-то время спустя после того, как тебя обвели вокруг пальца. Твое внимание все время было отвлечено, и вдруг картина становится ясной. Или почти ясной. Возможной.

Так-так-так... коммуникатор... Сволочь! У нас же не было своих! Только действующие на флагмане — приспособленные для связи в его пределах. Здесь — был дворцовый. А все прочее, что еще оставалось «нашим», было оставлено на корабле и забыто. И неодушевленные предметы, и не только. Прежде чем я разыскал кого-то, даже Линор, я уже осознал, что произошло — слишком скользкая политическая ситуация. Для того чтобы оставили в покое нас самих, кем-то пришлось пожертвовать. Всей командой «Горгульи», а также Нейтом и Тарси. Я не мог добиться внятного ответа, куда именно они делись. Просто — Денеб не мог предоставить им убежища, и им пришлось срочно покинуть его — пока мы исправно теряли время у всех на виду.

— Но это же значит, что мы ничего не значим!

— Да, именно так, — отрезал отец. Едва услышав от меня что-то, он сгреб меня в охапку и затолкал в комнату. Предполагалось, что это какая-то часть их общих с матерью покоев, но какая именно, сразу не скажешь. Еще не обжитая. Его кабинет? Приемная? Кунсткамера? Какие-то глухие шкафы, портреты на стенах, статуэтки — тихий ужас. — Привыкай. Это тебе не игрушечное сказочное королевство, наполовину созданное воображением.

— Они все созданы воображением. Миллиардов людей, а потом воплощены. Но почему нам не сказали ни слова?..

— Подумай сам.

— Я знаю, почему!

— Тогда чего ты требуешь?

— Чтобы такого не было! Они знали, что нам это не понравится, и потому смолчали. — Меня осенила нехорошая мысль... — А ты? Ты знал?

— Нет. Я знаю только, что теперь мы можем ожидать чего угодно.

— Нас же просто водили за нос!

— Значит, не видели другого выхода.

— Или не хотели видеть. И мать — уж она-то точно знала.

Он помолчал, потом вздохнул.

— Конечно, знала.

— Все это, чтобы уберечь нас, конечно?

— Вот именно. Тебе не раз придется поступать так самому, и от этого она нас тоже бережет поначалу. Ты уже поступал так в прошлом. Нечего сказать на это?

Если и было что, я этого не вспомнил, пока он не продолжил:

— Сколько раз ты повторял: «Я мог бы сказать, что это был не я, если бы не знал

обратного». Это было только преувеличение? Попытка причаститься к чему-то пусть скверному, но великому, за неимением собственного? Теперь оно твое.

Я посмотрел на отца и почувствовал удивление. Я как будто никогда не смотрел на него настолько со стороны. В этой странной обстановке, в совсем другой жизни, вдали от «Януса». Он показался мне странно молодым, как если бы вдруг перестал быть отцом и стал братом. Здесь, в этом мире, он тоже не управлял ситуацией, не был «царем и богом». И он действительно был еще молод (здесь не чувствовалось наслоений чужих жизней, я и сам ощущал себя совсем ребенком) и... взбешен. Он тоже был расстроен. И ничего не мог поделать.

Я кашлянул, прочищая горло.

— Линор...

— Отлично. — Отец, печатая шаг, прошел к двери и распахнул ее. — Приведи ее. Понятия не имею, где она сейчас может быть — найди ее...

Я кивнул, но не успел выйти.

— Я здесь, — тихо раздалось из коридора.

Отец вздохнул чуть успокоенно и впустил нашу... мою сестру в комнату.

Линор выглядела как тоненький неуверенный призрак, совершенно не напоминая себя саму. Будто была здесь случайной тенью, забредшей по ошибке из какой-то другой реальности.

— Ну? — спросил отец, переводя взгляд с одного из нас на другого. — Кажется, придется повторить весь разговор? Или не придется?

Линор тоже посмотрела на нас обоих поочередно, и покачала головой. Это вызвало у меня нервную усмешку.

— И все-таки нас не спросили, — укоризненно сказала она. — Разве мы не могли что-нибудь придумать? И разве кто-то, кроме нас, знает, насколько это плохо?

— Может быть, кто-то и знает, — пожал плечами отец. — На это есть специальные организации. Называются секретные службы.

— Которые наверняка даже сейчас прослушивают эту комнату. Ради нашей безопасности, разумеется, — вставил я.

Отец раздраженно отмахнулся.

— Разумеется! Еще бы было иначе!

— Тогда им следует знать, если они случайно не в курсе... — начал было я, намеренно повышая голос.

— А если в курсе всего, и именно это послужило причиной?..

— Того, что экипаж «Горгульи» пропал бесследно? Я надеюсь, что они еще живы. Вот пока я не услышу четкого ответа, что их хотя бы не уничтожили на месте...

— И кто, как ты думаешь, тебе ответит?

— А какого дьявола тогда мы здесь делаем?

— Такого, что так вышло, и вам не посчастливилось родиться именно от этого брака. Впрочем, могла быть альтернатива, если бы вам посчастливилось — в данный момент могли избавиться от вас. Может, думаете, что обычным людям легче?

— Но если мы на нашем месте — то мы обязаны чувствовать свою ответственность хоть за что-то. Хоть за собственное данное слово.

— Вот вы ее сейчас и чувствуете. Со всеми сопутствующими эффектами.

— Ее величество чрезвычайно заняты и не могут вас принять. За время отсутствия ее величества в столице скопилось бесконечное множество неотложных дел...

— Ну разумеется. Ее величество заняты двадцать четыре часа в сутки, на то это и ее величество. Но верите ли вы в то, что остальные члены королевской семьи тоже должны исполнять какие-то функции?

— Конечно же! Ваше расписание составлено и в данный момент как раз утверждается. Но сперва вас нужно будет ввести в курс дела...

Или сразу в штопор.

— В курс дела мы в некоторой степени были введены еще на корабле. Не терять же столько времени бесцельно.

— В таком случае...

— Доложите о том, что я хочу поговорить с ней.

— Это невозможно...

— Чепуха. Причина, по которой она сейчас недоступна, мне известна, как и вам. Но чем усложнять ситуацию, можно разобраться с ней немедленно.

— Я вас не понимаю...

— Понимать — не ваша функция. Зато я вас понимаю, этого достаточно.

— Ваше высочество...

— Прекрасно, офицер, вы сказали это впервые.

Полусекретарь-полугвардеец, нервно выскочивший из-за конторки при моем появлении, густо покраснел.

— У меня прямой приказ. Никого не допускать в ее кабинет во время работы. Это ее отвлечет.

— Вы этого не знаете.

— Виноват...

— Пока еще нет. Я ничего не ставлю вам в вину. Ей — тоже.

— Простите!..

— Формально, я являюсь шефом не только королевских бомбардировщиков, но и всей гвардии. Разумеется, ее величество является верховным главнокомандующим, но я — ваш более непосредственный начальник. — С лица гвардейца медленно сползла недавно столь яркая краска.

— Но... сэр!..

— Конфликт приоритетов налицо. Но «бог на небесах», а я здесь, рядом с вами.

— Бог?.. Я не понимаю...

— Откройте эту дверь, — произнес я с нажимом, пристально глядя ему в глаза, и стараясь не отвлекаться на его дрожащую нижнюю челюсть. Уж так мы созданы — движение всегда привлекает внимание. — Соблюдайте субординацию.

Его рука, казалось, сама потянулась к ручке двери, неровно подергиваясь, как если бы хотела замереть, только у нее не получалось. Но едва она ее коснулась, позади меня раздался негромкий, но резкий оклик:

— В чем дело, энсин?!

Рука гвардейца отдернулась, будто дверь оказалась раскаленной.

— Лейтенант, сэр!.. — приветствие потонуло во вздохе облегчения.

Я развернулся и посмотрел на лейтенанта.

— В чем дело, лейтенант?

— Коммандер, ваше высочество? — лейтенант хладнокровно отдал честь. — Чем могу служить?

Вот как, делаем вид, что непонятно? Очень по-военному. Вечно всем все приходится объяснять заново. И только потому, что на самом деле все притворяются.

— Пожалуй, можете, тем, что немедленно проведете расследование, куда именно отправились лица, взятые под наше личное покровительство, а затем выдворенные за пределы Денебского королевства в результате неслаженности действий различных структур в государственной системе.

— Сэр, это вне нашей компетенции!..

— Точно так же, как препятствовать мне в данный момент. Надеюсь, вы понимаете меня предельно ясно.

В лице лейтенанта тоже поубавилось красок, хоть он предварительно и не краснел. Но он выглядел озабоченно-сосредоточенным, а не растерянным.

— Мы не можем нарушить отданный нам прямой приказ. Надеюсь, вы понимаете это, сэр. Боже, храни Королеву! Я обязан защищать ее интересы до последнего. При всем уважении, сэр, не вынуждайте нас оказывать вам сопротивление.

— Вот еще один пример неслаженности действий этого великолепного механизма, — подчеркнул я. — Вы подчиняетесь мне и мне же собираетесь сопротивляться. Каким, позвольте спросить, образом? Грубой силой? Как вы это себе представляете? И как затем объясните хотя бы тому, кто отдал вам подобный приказ, но едва ли имел в виду его буквальное исполнение, если дойдет до дела, и едва ли имел в виду, что нам не повредит прямо сейчас небольшой скандал с членовредительством?

— С членовре?..

— Несомненно! — я радостно улыбнулся, не делая пока ни одного угрожающего движения, хотя одно спокойствие при подобных требованиях наверняка смотрелось неестественным и настораживающим. — Чтобы остановить меня, вам придется причинить мне вред. А насколько он будет оправдан — решать ведь не вам.

— Но вы же не станете...

— С чего вы взяли, что не стану?

— Вы хотите сказать, что способны поднять руку на младших по рангу? Я о вас лучшего мнения, сэр. — Какой подлый прием!

— И все-таки сейчас вы пойдете и доложите обо мне. Потому что в ином случае мне придется отказаться от своего ранга, от своих прав, и покинуть это королевство, которое я более не могу считать своим.

— Вы так не поступите, сэр. Я полагаю, вам следует успокоиться...

— Если сейчас я уйду отсюда, то уже не вернусь. Мне нечего тут делать. А у трона есть еще один наследник. Королевство ничего не потеряет.

— Хорошо, сэр, — кротко ответил лейтенант и посторонился, освобождая путь в коридор. — Если вы полагаете это правильным, я не смею вас задерживать...

Ловко. Разумеется, не допускает ни на минуту, что я могу говорить серьезно.

Я рассмеялся и, наконец взявшись за золоченый эфес несерьезной электрической шпаги, частично извлек ее из ножен, будто рассеянно разглядывая, что это там у нас выгравировано на клинке.

— Но видите ли в чем дело! Раз я отказываюсь от своих прав, вы мне более не младшие по рангу, а просто препятствие. Так вы готовы попытаться нанести мне вред?

Лейтенант едва заметно, но нервно сглотнул.

— Вы не можете пытаться войти к ее величеству с оружием в руках!

— Я не собираюсь входить к ней с оружием в руках. Только перешагнуть через вас, затем я его просто брошу. Королеве абсолютно ничего не грозит.

Лейтенант издал шумный вздох.

— Хорошо, сэр, я доложу о вас. Но если вас все же не пожелают видеть...

— Тогда передайте ее величеству, что по крайней мере одного наследника трона она лишилась. Я не вижу смысла в своем здесь пребывании.

Лейтенант слегка кивнул, явно вымотанный разговором, пройдя мимо, ухватился за ручку двери, повернул ее — ох уж эти вычурные золоченые ручки по всему дворцу, отправляющие часть наших произвольных реакций в псевдопрошлое...

— И еще, лейтенант, — добавил я негромко, раз уж его ухо оказалось вдруг ко мне гораздо ближе, чем прежде, — на тот случай, если вы все же собираетесь только сделать вид, что дойдете до цели и доложите обо мне, передайте ее величеству, что у меня есть послание от Доннера Аллета: «В мире больше пустоты, чем звезд». — По сути это не так верно, как кажется. Если развернуть все черные дыры, которые тоже звезды, из сингулярности, распределив материю по пространству ровным слоем — да и само пространство далеко не пустота, хотя можно считать, что по большей части из пустоты состоят атомы... впрочем, это абсолютно не важно. — И принесите мне ответ на это.

Пусть думает, что это пароль. Это просто принудит его действительно сделать доклад. Правда, его остановившийся взгляд указывал на нечто большее. Он ведь знал, кто я, помимо того, кем был здесь и сейчас. И теперь вспомнил, что в некотором роде это то же, что говорить с призраком. Отлично. Тоже не лишне. Вечно приходится прибегать к «грубой силе». Что поделатъ — это ведь последний довод королей. Иначе даже непонятно, на что они нужны.

Лейтенант отсутствовал пару минут, затем вернулся с озадаченным видом.

— Верный ответ: «но пустота не заслоняет от нас звезды»? — уточнил он, и распахнул дверь шире. — Вас ждут, сэр.

Еще один недлинный глухой коридор, совершенно пустой. И еще одна дверь, в его конце.

Лейтенант открыл ее и, просочившись мимо меня вдоль стены, растворился позади безвучной бесплотной тенью. Я вошел в комнату и посмотрел на усталую мрачную женщину за рабочим столом. Несколько экранов, голопроекторы, бумаги, тишина, ввевшаяся в стены, обитые чем-то мягким, поглощающим звуки, как и белый пушистый ковер, в котором утопали ножки стола.

Она смотрела на меня в ответ почти неприязненно. «Ворчливо», я бы сказал, если бы она проронила при этом хоть слово. Вокруг стояло несколько пустых кресел, в стенах красовались еще две закрытые двери. Едва ли она была тут на самом деле одна — если считать близлежащие смежные пространства. И учитывая ее плоские экраны и отключенные на время трехмерные проекции, с которыми не требовалось физического присутствия бесконечного множества людей. Даже сейчас здесь незримо ощущалась толпа. Посреди белизны, мягкости и тишины.

— Может быть, хочешь подержать на руках небо? — спросила она ядовито, хоть и не зло. — Или хочешь поделиться какими-нибудь вечными истинами и откровениями?

— Ничего вечного, — я покачал головой. — Только сиюминутное. Что же нам так грозило, что пришлось пойти на это? Ведь не просто «на всякий случай»? Я в это не верю.

Она раздраженно поморщилась.

— Тебе, наверное, кажется, что это что-то из ряда вон выходящее? Но это лишь капля в море...

— Каплю в море легко не заметить, не нужно было бы вовсе ничего с ней делать. А тут понадобилось. — Я демонстративно огляделся. — Нас сейчас кто-нибудь видит и слышит? Я хотел бы кое-что сказать об этих людях. — От которых мы избавились? О тех, кто видит и слышит? Неважно.

— Прямо сейчас — никто, — заверила мать, но нажала на какую-то кнопку. Вероятно, для надежности. — Ты не желаешь сесть?

Я кивнул, сел в ближайшее к ней кресло и, опершись о подлокотник, слегка подался вперед.

— Ты же знаешь, кто на самом деле Фил Арли? Только, пожалуйста, скажи мне, ты знаешь об этом от нас, или по каким-то своим каналам?

Она неопределенно отвела взгляд. Неопределенно, так как было в нем что-то, заставлявшее сомневаться как в том, что знала и желала это скрыть, так и в обратном.

Разговор обещал быть нелегким, но, надеясь на легкость, бессмысленно было бы его затевать, прорываясь сюда с боем.

— Значит, вы — я имею в виду власти и спецслужбы Денеба — не можете опровергнуть тот факт, что он является последним королем Веги. Как не можете опровергнуть, что Филиард Арли — не тот человек, которого можно не заметить, как каплю в море, и значит, что-то в этой истории с деланьем вида, что ничего особенного не происходит, сильно не так...

— Эрвин, — окликнула она довольно резко. — Я устала и не хочу слушать эти лирические отступления! Я знала, что все выльется только в них!

— Это не лирические отступления!

— Не смей повышать на меня голос! — Не уверен, что в самом деле повышал, но она ушла в защиту превентивно.

— Я этого не делаю, боюсь только, что придется рассказать тебе то, чего я совсем не хотел рассказывать.

Она перевела дух, почти свирепо хмуря брови:

— Что-нибудь из минувших столетий, в духе подобающей бесполезной нравоучительной притчи?!

— Нет, только из событий последнего года для меня и последнего месяца для вас.

Она снова выжидающе приподняла брови.

— Как ты думаешь, что произошло в тот день, когда я летел на корабле Арли с Марса, и на него произошло то «нелепое нападение пиратов», окончившееся «неудачей», после чего на следующий день «Янус» загадочно исчез? Ты действительно думаешь, что то нападение окончилось неудачей?

В ее взгляде появилось тревожное внимание.

— Чем же оно кончилось, если все остались живы?

— Не все. Несколько членов экипажа погибли.

Внимание сменилось пренебрежением.

— Кто-то гибнет всегда. Ты хочешь сказать, что кто-то пожертвовал жизнью ради

твоего спасения, а теперь мы пожертвовали ими снова?

Я усмехнулся. Невесело.

— Вообще-то, в тот день жизнью пожертвовал я. Чтобы всех пассажиров не перетравили газом. Общая связь в тот момент была включена. Если бы вы обратили внимание на рассказы пассажиров...

Она перебила меня невольно взволнованным кивком.

— Мы обратили. Но судя по всему, затем вы сумели отбиться при помощи какой-то хитрости.

— Нет. Не сумели, — отверг я со странной для себя самого безмятежностью.

— Нет?

— Мне пришлось полететь с ними.

Она смотрела на меня довольно-таки недоверчиво. Я не мог понять, сложнее ли мне от этой недоверчивости или, наоборот, легче, потому что мне самому хотелось, чтобы это не было правдой. Мы не собирались раскрывать произошедшее, и пусть бы наши враги терялись в догадках — было ли это для нас на самом деле, или из последнего эксперимента во времени вернулись какие-то иные версии нас самих. Они не могли бы доказать, что мы — ненастоящие мы, юридически это все равно бы ничего не значило, прецедентов подобных случаев не существовало. Не знали бы, могут ли они как-то на нас воздействовать, и насколько мы осведомлены об их темных делах — меньше, или напротив, больше, чем должны. Это бы их пугало и сбивало с толку. Едва ли они стали бы сами напоминать о случившемся, чтобы не портить тонкие дипломатические отношения. Пусть Кареллы рассказали бы нам обо всем, элемент личного участия или его отсутствие всегда имеет значение. Возможно, я сделал ошибку, что все-таки заговорил об этом. Но, может быть, это способ обезопаситься от других ошибок, вроде той, что уже совершилась сегодня утром.

— И что же произошло?

— Не очень приятные вещи. В основном, с моей головой. Не знаю точно, что именно, я не все время был в сознании. Пока мы не обнаружили серьезных последствий и отклонений. Все-таки меня спасли довольно быстро. Хотя не берусь ручаться, что это было совершенно бескорыстно. — Я сделал это уточнение лишь затем, чтобы продемонстрировать, что по-прежнему могу рассуждать здраво и беспристрастно. — Но небескорытность бывает разной. Кареллам действительно нужны были союзники, и мы на эту роль отлично подходили. Тем не менее, я понимаю, что план мог быть мрачнее и заходить дальше. Это неприятно, но радует и то, что я могу это подозревать, не отменяя сомнения сразу, тогда со мной явно было бы что-то не так. Но это ведь было бы слишком явно, правда, если бы не подозревал? И это тоже было бы им не нужно. То, что есть, им, может быть, нужнее.

Она бросила быстрый невольный взгляд на стол. На экран? На кнопку тревоги? Я знал, что сейчас она испытывает страх. Если связь прервана, а она находится сейчас в одной комнате с тикающей в моей голове бомбой... Не могу сказать, что отчасти не проверял себя намеренно и не следил при этом за собой самым тщательным образом. Способен ли я выкинуть что-то странное и непредсказуемое? Не последует ли внезапное отключение сознания? За время, проведенное в Камелоте, многое могло улечься и развеяться, даже если что-то было. Но кто знает, что может послужить спусковым механизмом для чего-то спящего глубоко внутри, и в какой момент. Чтобы обезвредить бомбу, надо не только подозревать, что она может существовать, но знать где она и что из себя представляет. И даже если известно все это — последний штрих: синий провод или красный? И самые

оптимистичные прогнозы — пятьдесят на пятьдесят.

По крайней мере, теперь она знала, откуда может исходить опасность. Это тоже было причиной тому, что я решил «совершить ошибку» и пуститься в откровения.

— Возможно, мне и нечего помнить о тех моментах, что я не помню, — продолжил я. — Я был там совсем недолго, они могли не успеть сделать что-то опасное, но имею представление, что могло происходить когда-то на Вега. Потому что мы уже знаем, что тут есть связь. Как бы это ни казалось опасно само по себе, Арли и Кареллов не стоило отпускать и терять из вида. Они знали очень многое о том, чего нам следовало бы опасаться, чтобы то, что произошло на Вега, не повторилось здесь.

— Я тоже не хотела, чтобы повторилось нечто подобное! — проговорила она почти сквозь зубы, очень напряженно. Брови были по-прежнему нахмурены, на висках контрастно проступили красные пятна.

— Именно поэтому ты от них избавилась? — мягко спросил я, и она посмотрела на меня пристально исподлобья.

— Да.

Я кивнул.

— Понятно. Но даже опасность лучше держать под рукой, чтобы контролировать.

— Может быть, и так, — произнесла она мрачно, переведя взгляд на стену.

— В Лиге ведь уже знали, кто мы. Вега и мы — части одной истории. Подрыв соседних империй. Если не прямой захват. Последнее, впрочем, обременительно, но перераспределение баланса, контроль над обозримой вселенной...

— Перестань! — воскликнула она. И помолчала, переводя дух. Это были просто эмоции. Она все понимала. Да и я уже озвучивал слишком очевидное.

— Если мы еще можем вернуть их...

— Нет.

— Совсем не нужно давать им встречаться со мной. Может, мне даже не нужно об этом знать. Так будет безопаснее. Но они могут быть очень полезными союзниками. Для тебя. Для вас. А меня можешь сбросить со счетов. Не обязательно никому ничего объяснять. Просто таков наш личный выбор. Я думаю, есть смысл сделать основной наследницей Линор.

Мы с Линор были близнецами. В определенном, не очень похожем на старомодный, смысле. Наша ДНК разнилась вследствие не только естественных причин, но и некоторых искусственных манипуляций. Например, для внешности Линор намеренно подбирались рецессивные гены обоих родителей, потому она была светловолосой и голубоглазой, не считая свойств, которые не так бросались в глаза. Со мной усердствовали меньше, в частности по той причине, что более заметная преимущество в моем случае только приветствовалась. Да и в инкубаторе, для верности, подержали немного дольше, чем Линор. По денебским законам преимущество в престолонаследии принадлежало не самому старшему ребенку, а старшему отпрыску противоположного пола по отношению к ныне царствующему монарху. В случае, если бы монархом оказался я, преимуществом обладала бы моя дочь.

— Я подумаю об этом. — Разумеется.

— Прости, что напугал и расстроил.

Она тяжело вздохнула. Это ее не просто расстроило, это причинило ей страдания. Рушило какие-то планы, вынашиваемые так долго, ее мечты. Надежды спрятать нас.

— Я понимаю, как опасно тут рисковать, даже если опасности на самом деле нет.

— Просто оставь меня сейчас...

— Конечно. — Я поднялся и отошел к двери. Может, затем ей придется избавиться от меня и более радикально... Черт возьми, о чем я только думаю?

— Эрвин! — Я обернулся. — Прости меня. — Кажется, она всхлипнула?..

— Конечно, — повторил я успокаивающе. — Я люблю тебя. Именно поэтому не хочу подвергать даже призрачной опасности. Все прочее — в твоих руках. Я был бы рад помочь тебе в любом деле, прямо сейчас. — Я кивнул на ее неразобраный стол с погашенными экранами. — Но, боюсь, ты можешь больше никогда не захотеть этого.

Она всхлипнула отчетливей, сердито засопела и вытащила откуда-то носовой платок. Полупрозрачный, умиливший своими кружевами.

— Ты ошибаешься, — сказала она уже спокойно, весьма изящно воспользовавшись этим ажурным предметом. — Я хочу этого. — Она снова указала мне на кресло и даже сумела слегка улыбнуться. — Вернись. Что же, посмотрим, на что годятся мои древние коллеги и предки. Пожалуй, мне хотелось бы услышать их советы. Надеюсь, ты сможешь мне это обеспечить?

— Постараюсь сделать, что смогу, — рассмеялся я, возвращаясь. Она зажгла первый рабочий экран.

5. Идиллия

Спустя несколько часов мы все еще не выходили из комнаты. Мы успели провести несколько коротких переговоров с главами соседних и не очень соседних государств, кое-какими общественными организациями, неожиданно ответить, что мы будем делать со знаниями о «Янусе» на очередной обеспокоенный запрос Космополитического Союза — им то и дело требовались уточнения, и устроить несколько тайных совещаний по совершенно разношерстным проектам, включая программу какого-то очень уж экзотического национального праздника в недрах газового гиганта.

Наконец мы прервались. Я разрывался между ощущением, будто прошло лишь несколько минут, и несколько недель.

— И так каждый день, — она отметила очевидное. — Кажется, что столько всего происходит, а потом все сливается в сплошной белый шум. Он может быть увлекательным, даже сейчас. Но порой кажется, что жизнь идет где-то в стороне, только не в этом сумасшедшем потоке.

— Но она же здесь, в этом потоке. Нельзя одновременно быть повсюду. А здесь это почти получается — быть сразу во многих местах. И все это даже что-то значит.

— Ты в самом деле так думаешь? — ее удивила моя внезапная наивность.

— В любом месте и времени сложно получить больше. Всегда и везде будет чего-то не хватать. Обычным человеком тоже быть непросто. Все вокруг тебя движется, все тебя задевает, и ты тонешь во всем этом, прямо как здесь. Только еще думаешь, что где-то кто-то может на что-то повлиять, что-то изменить, стремишься к этому всю жизнь. А что получаешь?

Она усмехнулась.

— Никогда об этом не думала. — Она, конечно, преувеличивала. Я улыбнулся ей в ответ с этой мыслью. Она чуть покраснела, будто сама забавляясь и явно уловив эту мысль.

— Но все же, что случилось тогда? Ты сказал, они уже знали, кто вы?

— Мне сказали об этом позже. Хотя я догадывался и раньше. Это напрашивалось.

— Они спрашивали о чем-то?..

— Только о «Янусе». По крайней мере, то, что я помню. Но у меня есть искусственные провалы в памяти. Я не знаю, шла ли тогда речь о чем-то другом.

Может быть, и нет. Было достаточно, что они могли как-то на меня повлиять, хотя бы вызвать «стокгольмский синдром», из-за чего я продолжал очень настороженно относиться к Тарси, несмотря на все существующее притяжение. Но она не зря была слишком похожа на королеву Лорелей. Как бы мне ни хотелось, второй раз этот номер не пройдет.

Возможно, втайне, я даже чувствовал облегчение от того, что ее больше нет рядом.

— Что ж, в любом случае нам не стоит забывать о себе. — Мама поднялась и прошла к одной из закрытых до сих пор дверей. — Ужин давно сервирован, и о тебе, конечно, знают. Сегодня мы расположимся здесь.

За дверью обнаружилась столовая с полностью накрытым уже столом на двоих, с рядами блюд, накрытых серебряными крышками с терморегуляторами, сохраняющими их именно в той кондиции, в какой нужно. Я почувствовал, что мы снова что-то упускаем.

— Послушай, мы, кажется, совсем забыли о...

— Но ведь мы с ними встретимся сразу же, как только сможем. Сейчас я просто не в

состоянии ни о чем думать, нужно отдохнуть. Тебя бы здесь тоже не было, если бы ты случайно сюда не пробился. Но я рада этому. Просто не все сразу.

— Конечно. — В самом деле, я сам тут случайно. И она правда устала и не могла думать больше ни о чем. Но она была рада, что я сюда пробился, хотя, конечно, представить себе такого не могла до этого. — Просто позволь им тоже помочь тебе. А я помогу избежать повторения одних и тех же вопросов, отвечу на них сам. Поверь, это отвратительно — чувствовать себя бесполезным.

— Но это же не так! — не очень искренне возмутилась она.

— Именно так. Формальности и чистые соображения ничего не значат. Ты говоришь, жизнь проходит где угодно, только не здесь? Мы были не здесь, и она у нас не стояла на месте, не нужно теперь думать, как нас воспитывать, не отвлекаясь от этого потока, и беспокоиться, получится ли из нас хоть что-то. Что-то уже вышло. Нас можно просто бросить в воду, мы умеем плавать, нам нужен только сам поток, чтобы не оставаться будто за герметичными стенками, когда мы ничего не можем сделать друг для друга.

Она немного поколебалась, затем взяла со стола старомодный серебряный колокольчик. Иногда неплохо казаться абсурдно старше собственных предков, когда твои слова не просто твои слова. Но в то же время — ты знаешь, что в этот момент могут прислушиваться вовсе не к тебе.

Как и обещал, я объяснил в общих чертах все сам, позволив себе туманные оптимистичные намеки на то, что то, чего мы не знаем, не обязательно является таковым, каким кажется, иногда требуется лишь само незнание.

Когда все более-менее успокоились, хотя громких проявлений беспокойства не было — лишь мрачноватое напряжение, вечер действительно стал казаться мирным. Мы перешли от филе из гигантских жаворонков к десерту из чего-то нежно-лазурного цвета, сладкого, студенистого, с затейливо закрученными щупальцами, когда она наконец сказала совершенно безмятежно:

— Я нахожу справедливым и оправданным предложение сменить приоритет наследования.

Это меня неожиданно глубоко кольнуло. Верно, я предложил это сам. Но после всего, что произошло затем, полагал, что предложение повисло в воздухе, на тот случай, если появятся признаки опасности. Или они уже появились? Возможно, я все-таки слишком на нее давил. Я постарался никак не показать своего отношения, но, к собственному удивлению, мне показалось, что во мне в очередной раз что-то умерло. И раз я это почувствовал, наверное, она была права. Точно ли это было мое желание не оставаться в стороне? Точно ли моё чувство невольной обиды, которое, может быть, должно со временем разжечь ненависть и угрозу для них всех? Может, именно поэтому она не отказалась сегодня от моей помощи — чтобы посмотреть, как все будет происходить, понаблюдать, оценить степень возможной опасности. Может быть, она делает это прямо сейчас — стоит дышать ровнее. В конце концов, правда, зачем мне это все? Разве я не говорил, что хочу другого? Пусть то, что не находит применения — извращается и действительно может стать опасным... Если ему позволить, проявив слабость и собственное ничтожество. Кто именно должен с этим справиться, кроме меня?

Линор неопределенно промолчала. Отец приподнял брови, немного устало. Непохоже, чтобы они были довольны таким поворотом. Но что-то происходило. В противовес

предыдущей пустоте. А у меня внезапно переменялось настроение. Действительно внезапно. Сказать об этом сейчас, после того, как мы активно прообщались весь день, оставив их в томительном ожидании и размышлениях о ненужности и невозможности что-то поделаться с непредвиденным предательством, было весьма изящным ходом — теперь, для компенсации, мы выводили их на первый план.

— Да, — подтвердил я. — Мне кажется, это будет правильно.

Линор покосилась на меня как-то мрачно: «И ты, Брут?»

— Это не значит, что я тебя брошу, — улыбнулся я с театральным энтузиазмом. — Оставить тебя одну и сбежать я пока не планирую.

Кажется, она мне не поверила. Видно, решила, что я нашел удобный предлог именно сбежать после утреннего происшествия.

Может, она даже была права, если учитывать мое подсознание. Но если учитывать только сознание, то все не так драматично. Я решил попозже объяснить ей это тет-а-тет.

Но, похоже, нарвался на еще большее непонимание. Или скопившийся заряд напряжения, которое обо что же еще разряжать?

— То есть, ты согласился предать их? И себя самого тоже?! — Этот разговор происходил уже в ее комнате. Которая мало чем отличалась от моей. Хотя в общей гамме все того же привычного белого цвета присутствовало больше мягких кремовых оттенков, а не холодновато-серых.

Ну конечно, весь день ей было некуда выплеснуть злость. Все несло по кругу.

— Ага! — ответил я, тоже злясь. У меня за этот день, казалось, не одна жизнь промелькнула перед глазами, а теперь меня, как будто, тащили обратно, в ту точку, от которой мне удалось оторваться не без усилий и даже не без насилия над собой. — Согласился. Знаешь, я не оптимист. А если бы был им, все равно считал бы себя не вправе быть оптимистом!

— Я не могу забывать так просто, как ты!

Просто??? Забывать что?! Как будто ей было, что забывать!..

— Так научись! — рявкнул я без всякой жалости. Чем явно поверг ее в глубокую оторопь. — Хватит уже быть бесплотным эхом моей совести. Попробуй побыть чем-то настоящим! — Линор ошарашенно открыла рот, закрыла и, будто потеряв все силы или махнув рукой на их присутствие, упала в кресло. Молча. Даже не предложила мне немедленно убираться. Так что, подумав, убираться я не стал, сел в кресло напротив и принялся сверлить ее взбешенным взглядом.

— Но...

— Перестань! — процедил я. — Меня нет. Теперь есть только ты. Вот себя и оценивай!

Быть царем, значит не только восседать на бархатных подушках, но и всегда, в той или иной мере, быть приколоченным к кресту. И уж точно не значит смотреть на все отстраненным взглядом независимого ценителя и критиковать, ссылаясь на «полезные противовесы» — а вдруг забудешь? А вдруг не подумал, прежде чем пришел к решению? Давай потормошу, сто раз напомнив давно тобой пройденное — вдруг тебе скучно?

Мы сидели в полной звенящей тишине, сверля друг друга взглядами, и минуты катились одна за другой, как гремящие каменные шары, долго не смягчая напряжения.

— Но мы ведь должны что-то значить, — наконец выдавила она почти беспомощно.

— К сожалению, мы значим слишком много, — отозвался я. И тишина снова упала

тяжелым железным занавесом и вновь зазвенела.

И все это время мне казалось, что в Линор что-то неуловимо меняется. Будто она обретает реальность. Нащупывает ее и становится реальной сама. Пожалуй, это того стоило. Сожаления развеивались без остатка.

Мы на самом деле нашли верное решение. Хотя со стороны оно могло на мгновение показаться страшноватым. Все реальное — достаточно страшно. И его всегда хочется избежать. А потом мы вздыхаем о том, что в нашей жизни слишком много фальши.

Звон клинков притворно отдавал чем-то архаичным. В гулком зале отчетливо слышался призыв, выдающий, что клинки были полыми. Когда-то по их поверхности, не полностью изолированной, тоже могли передаваться электрические импульсы, пусть гораздо рассеянной и с неэкономным расходом заряда — в зависимости от нажатия нужной кнопки, импульс передавал или проводник в сердцевине клинка, втяжной как кошачий коготь, для исключительно точечной угрозы, или сам клинок. Но в последнем случае в высокотехнологичных пространствах, для которых они и были созданы в противовес слишком разрушительным видам оружия, как более точное и избирательное, порой все равно выходило средство массового и бессмысленного поражения, чреватое прискорбными авариями и собственно аутопоражением. Использование этого метода все называли «последним доводом идиотов». Но это, разумеется, если без разбора. Сама же ловкость в переключении наиболее эффективных режимов без расхода заряда попусту очень даже ценилась. Как бы то ни было, соображения безопасности давно победили нелепые пережитки прошлого, вроде электрических рапир, оставив их лишь частью традиций, с сохранением самого безвредного режима, и просто спортивным инвентарем. Разумеется, в тренировочном оружии не было даже потенциальной опасности, крайне слабые импульсы лишь передавали сигналы на пульт, где и производился подсчет очков. Почти как в старые добрые времена до всяких массовых космических полетов и высокотехнологических пространств.

— Всякое семя должно падать на благодатную почву. А то ведь как бывает: хочешь кого-то стимулировать, а его это убивает. А хочешь кого-то убить, так его это, сволочь такую, стимулирует!

Взрыв смеха был смущенно замят, когда первый из компании отдыхающих между схватками офицеров случайно бросил взгляд в мою сторону и узнал меня. До того удавалось остаться неузнанным — я хорошо закамуфлировался в ничем не отличающийся от прочих тренировочный костюм, в таких все казались похожими друг на друга.

— Продолжайте, господа! — махнул я благосклонно. — Хочу лишь поинтересоваться, не составит ли кто мне компанию для дружеского боя, когда вы отдохнете. Может быть, вы, лейтенант?

У меня не было к нему ровно никаких счетов, всего лишь единственное знакомое лицо — по вчерашней увлекательной перепалке в приемной королевы. И он же оказался сегодняшним шутником, чьи слова всех так развеселили. Он определенно обещал быть интересным противником.

Насчет противника я не ошибся. Лейтенант поначалу немного тушевался, считая, что у меня на него какой-то зуб после вчерашнего, но понемногу мы увлеклись, проявляя в то же время взаимное уважение и исключительную предупредительность, все больше и больше

набирая обороты и заводясь, так что обнаружили в какой-то момент, что не только всласть загоняли друг друга, но и что все давно забросили свои собственные поединки и, сгрудившись вокруг, восторженно аплодируют. Тут мы с чувством исполненного долга пожали друг другу руки, и я наконец узнал его имя — Доннер Вирем.

— О, тезка моего легендарного предка!

— В его честь меня и назвали, — скромно заметил лейтенант.

После небольшой передышки я пофехтовал еще с несколькими офицерами, установив подобным образом зачаточные дружеские отношения. Кажется, всех порадовало, что я знаю, за какой конец надо держать эту старомодную шпильку, уже нигде толком не бывшую в ходу, кроме страшно погрязшего в традициях Денебского королевства. И не только знаю, но обращаюсь с ней достаточно оригинально, с элементами чудовищно старых школ и, вместе с тем, успешно. Что показалось всем чрезвычайно любопытным, помимо того, что вызвало одобрение узнавания и признания — определенно кого-то из своего круга, не совсем чуждого, откуда бы я ни взялся, и нежелающего знаться с чудаковатыми местными пережитками. У многих появилась и надежда узнать что-то новенькое, которое, конечно, было всего лишь хорошо забытым стареньким, так что удалился я с приятным ощущением раскрытия себя самого как «золотой жилы». Забавно и весело.

А потом мы с Линор отправились на бесконечную инспекцию войск. Чем дальше, тем более бесполезными и отмирающими мне казались не только эти королевские инспекции, но и сами войска. Но потихоньку мы начали обзаводиться новыми друзьями. Я, по крайней мере. Одного лишь выражения желания было достаточно, чтобы Доннер Вирем стал моим личным адъютантом. Линор действовала по каким-то своим каналам, которые казались мне сейчас чужими, и образовывала какое-то свое, очень далекое для меня общество. А отца в последнее время мы почти вовсе не видели.

Все казалось мирно входящим в новую, по-своему обыденную, накатанную колею, когда случилось то, что случилось.

Я оставался на Леде в качестве временного регента, когда мои родные отправились в новое ритуальное путешествие по важным пунктам королевства, чтобы представить повсюду Линор как официальную наследницу трона. Но путешествие закончилось, не начавшись. При переходе в гиперпространство «Денебский штандарт» с моими родителями и сестрой на борту по неизвестной причине взорвался в мелкую космическую пыль...

6. Сингулярность

Мне казалось, я уже отказался от собственной жизни и потерял ее. Но оказывается, еще очень даже было, куда падать.

Я снова почувствовал себя вышвырнутым в совершенно новый, незнакомый мир. Существование которого хотелось отрицать, но это было бесполезно. Прежний разлетелся вдребезги и осыпался тысячей осколков. Будто закончилось абсолютно все. Пространство, время, пятимерная модель замкнулась и оуклилась, а я почему-то оказался снаружи. В псевдо-вселенной, где все было «почти» как в старой, только без главных ее основ, а жизнь почему-то, по абсолютно непостижимой мне причине, еще продолжалась — будто и не знала, что из-под нее выбиты опоры. Как во сне. Гротескная дурная шутка, в которую невозможно поверить, хотя ощущаешь реальность каждой клеточкой, как никогда раньше. Всю ее хрупкость, абсурдность, невозможность и вместе с тем — осязаемость и плотность. Абсолютно по-новому. В начале новой вселенной.

Никогда не чувствуешь себя настолько живым, как после смерти.

И все же, где я? Зачем? Кто все эти люди вокруг?

Доннер почти ворвался в тот самый кабинет, в который совсем недавно не хотел меня пускать.

— Прошу прощения, но если вы не видели, боюсь, я должен сказать это первым...

— Я видел... — на этом способность производить звуки у меня пропала.

— Да... — лейтенант обвел кабинет взглядом. Все экраны и трехмерные проекции показывали, бесконечно и беззвучно прокручивая, одно и то же.

— Выключите это, — с мягкой настойчивостью сказал Доннер. Ему бы во врачи, а не в военные...

— Я не могу. — У меня было странное обманчивое чувство при всем этом, будто я совершенно спокоен, чему сам поражался. Ощущение пустоты, как в гулком бочонке. Только почему-то не мог пошевелинуться.

— Надо. — Мой адъютант сам решительно подошел к столу, пару секунд смотрел на кнопки, его и самого немного подтормаживало, затем нажал нужные, отключив и проекции, и беснующиеся огоньки вызовов. — А теперь, — проговорил он все так же деловито, — боюсь, вам придется сделать обращение. Чем скорее, тем лучше. Естественно, очень скоро сюда пробьются все ответственные лица, что находятся поблизости и что не поблизости — тоже. Можете, конечно, оставить все им, все завертится и совершится само собой, но...

— Отлично все понимаю, Доннер, спасибо. Надо же притвориться, что взрыв унес не всех. Может быть, для кого-то это окажется неприятный сюрприз...

Я обратил внимание, что он осторожно похлопывает меня по плечу, будто проверяя, не свалюсь ли я в обморок от малейшего дополнительного толчка, или заранее готовясь поймать, если вдруг прямо сейчас я это и сделаю.

— Ничего, ничего, — проговорил я, уклоняясь. Кажется, я все-таки еще функционировал. Интересно. — Как ни жутко звучит, мне не то чтобы впервой. Проклятье... Не совсем мне, но это неважно — можно представить себя кем-то другим... Это помогает...

— Надо думать, что так, — фальшиво согласился Доннер. Я был ему благодарен за эту фальшь — он правильно понял, что я совершенно не чувствовал того, что нес, хотя и хотел верить в то, что это возможно... Нет, не хотел, от одной мысли об этом тошнило.

Я кивнул, вдохнул побольше воздуха на мгновение и, пока еще не успел прийти в себя, набрал на панели нужный код. «Приходить в себя» порой вовсе не следует, лучше немедленно переходить к действиям, как-то вмешиваться, контролировать происходящее, брать быка за рога, иначе все растворится в инерции, затянет в болото. Навсегда. Стоит только дать шанс этой силе тяжести...

Связь была односторонней. Я не принимал вызовы, это было лишь обращение ко всем, кто мог меня слышать:

— Я не стану говорить о случившейся трагедии и о том, что она значит для Денебского королевства. Все обстоятельства произошедшего будут расследованы. До тех пор, пока не будет выяснено абсолютно все, я остаюсь регентом. Никаких коронаций. Никакой передачи прав наследования, пока это не будет сочтено оптимальным и необходимым. После рассмотрения всех деталей возникшей ситуации. Хранителем трона я объявляю себя, но занимать его считаю себя не вправе. — Я выдержал паузу. — В данный момент. В данный момент я вылетаю к месту трагедии. И как бы то ни было... слава королеве!

После того, как я выключил связь, воцарилась тишина. Трудно сказать, надолго ли и что именно она означала. В любом случае, в ней был привкус смятения. Которое разливалось повсюду, далеко за пределами этой комнаты. Я ощущал его почти физически, распространяющееся волнами в пространстве.

— Регентом? — скептически переспросил Доннер.

— Для «оживления» ситуации, — пробормотал я мрачно. — Ничто не пойдет по накатанной...

Пауза.

— Едва ли это разумно. Вам бы следовало укрепить свою позицию. Она и так очень шатка.

— Ее нет, если откровенно, — отрезал я. — Ее «укрепление» только подтвердило бы ее формальность. Но этого не будет.

— А что будет? Вы хотите, чтобы все рассыпалось?

— Все и так рассыплется когда-нибудь. И рассыпалось бы, иди все своим чередом. Но если мы сделаем по-другому, есть некоторый шанс что-то удержать...

— Чем?

— Силой шока. Пока что.

Доннер неопределенно покачал головой, но не стал спорить. Он же знал, что я сам в шоке, значит, увещевать бесполезно. Наконец он шумно выдохнул, будто пришел к какому-то решению, и посмотрел на меня странно предупреждающе.

— Регент или нет, теперь вы глава государства и у вас должен быть доступ к кое-какой новой информации. Я понимаю, что это может быть важно. Хотя едва ли утешит в ситуации такой, как эта, и все же... Это касается «Горгульи», якобы высланной за пределы королевства.

Несмотря ни на что, я не удержался от улыбки. Странное завихрение чувств посреди бушующего океана, чем-то отличное от общего волнения.

— Вы знали? — уточнил Доннер.

— Догадывался. Скорее, просто допускал. Рад подтверждению.

— Экипаж по-прежнему здесь, на Леде. Что-то вроде программы защиты свидетелей. Это должно было быть секретно для всех, включая вас.

— Из соображений безопасности, — вздохнул я. — Понимаю.

— Но теперь — какая уж, к чертям, безопасность, правда?!

— Абсолютная, Доннер! Я могу их увидеть?

— Прямо сейчас?.. — слегка опешил лейтенант.

— Да, если это возможно и они близко. И если близко «Горгулья». Полагаю, что хочу отправиться на место трагедии именно на ней и с ними. Если можно это сделать быстро...

— С ними?.. — растерянно переспросил Доннер.

— И с небольшой частью гвардии, разумеется. Не думайте, что я собираюсь сбежать из королевства, в котором стало, возможно, слишком опасно.

Доннер неуверенно улыбнулся, будто не мог понять, шутка это или нет, и как на это реагировать.

Я, конечно, погорячился. Я не мог требовать или хотя бы ожидать, чтобы засекреченная за семью печатями «Горгулья» оказалась готовой к неожиданному вылету. Поэтому я отказался от этой мысли через минуту после того, как она пришла мне в голову, к большому облегчению Вирема. Успевшего, должно быть, пожалеть, что он слишком рано решил раскрыть мне эту маленькую государственную тайну.

Задерживаться, теряя остатки контроля над происходящим, что бы это ни означало, все же не стоило. Так что мы вылетели на дежурном дворцовом корабле... затем, чтобы бессмысленно зависнуть в пустоте посреди обломков, наблюдая, как сторожевые суда курсируют вокруг закрытой области трагедии, а тральщики вылавливают в этой пустоте хоть что-то. Пустота не может вращаться. Но она вращалась, под гул турбин, вращалась до тошноты, медленно, быстро, плавно, рывками... бесконечно, пока не рассеется вселенная, и так представляющая собой совершенно бессмысленный набор случайных частиц.

— Почему вы хотели сразу же вылететь на «Горгулье»? — негромко спросил Доннер, когда мы стояли у большого иллюминатора, напоминавшего маленькую дверцу огромной стиральной машины. Наверное, просто чтобы меня отвлечь.

— Мм?.. — мысли лились не лучше, чем густой кисель.

— Это что-то значило? Что-то важное?

Его слова настойчиво привлекали внимание, как маячок.

— Наверное... понятия не имею, как это будет выглядеть, если теперь вдруг обнаружится, что они все это время были здесь. Или не были, а почему-то вернулись, и теперь такое... — Чем дальше, тем больше я понимал, что просто не мог этого сделать, это выглядело бы по меньшей мере странно.

— И то, что они сразу появились бы здесь, как-то исправило бы ситуацию?

— Нет. Просто форма протеста — самой связи причин и следствий. Что-то отменить, будто ничего не было. Что-то вернуть, когда все потеряно.

— Понимаю... — вставил он дежурно.

— Едва ли.

Он скорбно сочувственно кивал, воспринимая это «едва ли» буквально. Я глянул на него нетерпеливо и недовольно — недовольно из-за себя самого, раз не мог выразить то, что хотел сказать (опустим, что я вообще ничего не хотел говорить), все получалось чересчур обыденно-понятно, но это было совсем не то, что я имел в виду.

— Вам никогда не приходилось хотя бы поддаваться иллюзии, что вы можете переписать историю? Потому что вы знаете, видели, какой разной она может быть там, где, казалось бы, все давно случилось, все известно? Но чтобы увидеть это, вы отправляетесь туда — и кости брошены заново, вы никогда не знаете, сколько очков вам выпадет, какой именно

исход — правильный. Или все они — правильны. Все — существуют. Но почему здесь все так, как случилось, а не иначе? Почему мы должны с этим жить?

— Этого я не знаю, — ответил он спокойно. И я понял, что снова был «обыденно-понятен», и все это ничуть не отличалось от опыта любого нормального человека. Который никогда ничего не мог поделать с прошедшим временем. И я, на самом деле, не мог тоже. С тем же успехом я мог фантазировать обо всей своей прошлой жизни в иных мирах и временах, ничего бы не изменилось. Даже когда мы думали, что спасаем собственное время, повлияли мы на него хоть каплю, хоть на волосок? Подвергалось ли оно на самом деле хоть какому-то риску?

— Знаю, что не знаете, — вздохнул я. — Я не знаю тоже. И у всего происходящего может быть более зловещая подкладка, не уверен, что еще мне не знакомая. Как не уверен в том, что мне повезло, что я еще жив. И очень, очень надеюсь, что я еще смогу что-то с этим поделать — не сыграть по чужому плану. Хотя бы отчасти. Хоть немного. Поэтому мне хочется вести себя непредсказуемо. Надеюсь, на этот раз вы меня действительно понимаете.

Я встретил его взгляд, и понял, что на этот раз понимание не было общим и дежурным.

— Понимаю, — повторил он. На самом деле, он сказал это впервые. Впервые за последний час его глаза выражали не сочувствие, а некую мрачную солидарность, боевую готовность, за которую я по-настоящему был ему благодарен.

— Можно что-то сделать с этим цветом? — спросил я.

Оформитель тревожно огляделся и моргнул. Еще бы не тревожно. Кого бы не нервировал этот белый цвет?

— А чего бы вам хотелось?..

— Приглушить эту мертвую белизну, — ответил я прежде, чем он успел четко определиться, как ко мне следует теперь обращаться.

Художник слегка поежился и облизнул губы. Кого бы сейчас не дернуло от слова «мертвый»? Но это было именно то, что я чувствовал, и от чего хотел избавиться. Он должен был понять, почему мне трудно здесь находиться.

— Может быть, серый?..

— Подойдет, — согласился я. — Проведите тест.

Оформитель вытянул руку с зажатым в ней «пробником». По кабинету прокатилась волна, похожая на грозовое облако, и застыла, улегшись на все поверхности.

— Так?

— Усиьте оттенок. Нет, так слишком темно. Чуть светлее. Так. Еще немного. Жестче. Да, так подойдет. Сохраните. Благодарю.

Художник кивнул и отключил аппарат. Как будто испытав смутное облегчение. Все снова стало белым. Но теперь это уже было ненадолго. В глубине души призрачно маячил какой-то добавочный осадок, но среди прочего — что был он, что не было, это слишком уж призрачно и мелко. Серый цвет был компромиссом в некотором роде. Близок к вездесущему привычному денебскому белому. Геральдически это означало то же самое. И это было гораздо лучше, чем откровенный траур с какими-нибудь нелепыми контрастными черными лентами по этой «необоснованной» белизне. Но, с одной стороны — этот цвет не раздражал, а с другой, ассоциировался у меня невольно с одним человеком, которого я никогда не одобрял, но... сейчас мне нравился этот цвет, и «мой» оттенок был темнее, теплее и осязаемей. А еще я чувствовал, что сам с удовольствием постарался бы изменить историю,

если бы это было возможно. И даже более радикально, чем потребовалось бы, чтобы исправить одно-единственное событие. Этот мир слишком несовершенен. Может быть, изменение — любое изменение, искусственное и обдуманное, спланированное — только пошло бы ему на пользу? А если мы этого не делаем или не сделали когда-то, мы не только упустили свой шанс, но и виновны сами во всем, что происходит сейчас и произойдет в будущем. И, может быть, в том, в чьих руках когда-нибудь потом окажется этот шанс.

— Теперь это королевство в ваших руках. — Пауза, которую выдержал канцлер, казалась неестественной, режущей воздух с неуловимым мерзким дребезгом скользящего по стеклу мокрого мягкого пластика. — Я слышал краем уха, что королевская семья пыталась этого избежать?

Он тонко улыбнулся, намекая на то, что, разумеется, это очень изящная шутка. Которая несомненно, должна иметь особый вкус для посвященных.

— Я — пытался этого избежать, — подчеркнул я нарочито спокойно. — И избегаю до сих пор, предпочитая оставаться регентом.

— Вы отчего-то чувствуете себя неловко, ваше высочество? Право же, не стоит...

— Скажем откровенно, господин канцлер, вы меня бесите, — заявил я, не повышая тона. — И делаете это намеренно. Чего вы хотите этим добиться? Чтобы я передумал и признал себя королем?

Канцлер моргнул.

— Ваше высочество...

— У меня нет настроения ходить вокруг да около. Так что можете прекратить ваши игры. Вам не будет легче от того, что я регент, а не король. Вам вообще не будет легче. Это вас устраивает? Если кто-то желал того положения вещей, что сложилось, «пусть боится своих желаний». Я очень надеюсь, что вы не один из этих желавших.

Лорд-канцлер невольно попятился, побледнев как сыр, или как его официальный денебский мундир, чертова напыщенного белого цвета. Даже его манерно стоявшие дыбом волосы удивительно гармонировали с этим оттенком. Этот человек распространял то абсурдное ощущение утонченности, которое безотчетно порождает нездоровое желание сунуть его обладателя под каток, чтобы довести впечатление до логической точки.

— Ваше высочество, ну зачем же так, я совсем не имел в виду...

— Я лучше умолчу о том, что вы имели в виду. Догадайтесь — почему я сейчас ничуть не склонен к шуткам и омерзительным виляниям? Догадываетесь?! — внезапно рявкнул я, и мой собеседник исправно подскочил.

— Д-да, ваше высочество...

— Превосходно. Итак, займемся делами. Официальной передачей государственной печати и прочей необходимой документации.

— Но вы...

— Я тут совсем недавно? Не разбираюсь в делах и не подготовлен ко всему происходящему? Вам придется положиться на вашу королеву, которая все решила за вас и за меня тоже. Именно это называется монархия. Если это самый удобный для вас государственный строй, пусть так и будет.

— Ваше высочество, прошу вас...

— Вы ни о чем не можете меня просить, начав нашу встречу так, как мы ее начали, и менее всего можете ждать от меня деликатности. И знаете, что?

Искусственно-преданный взгляд в глаза.

— Я знаю, что именно об этом вы мечтали. Может быть, ждали этого всю жизнь. — «Сильного» монарха, который возьмет его за шиворот и отрезвляюще треснет об стену. Правильно. Вот и затаенный восторг на дне его зрачков. Как же они тут все бесятся от скуки...

— И пригласите сюда уже кабинет министров, сколько они могут ждать в коридоре?

Если требовалось разбудить это сонное царство, это сделал не я. Это сделал за меня взрыв. Меня он, всего лишь, разбудил тоже.

Члены правительства, важнейшие официальные лица, дипломаты — все они непременно должны были побывать здесь с тех пор, как мы вернулись с места происшествия, и поодиночке, и группами, и всей толпой, изображавшей солидарность и сплоченность всех граней и структур королевства. Они были одновременно и дежурны, и взбудоражены. Встряска есть встряска. Многие казались на удивление искренними, кто-то и впрямь был таковым. На все эти встречи у меня ушло несколько суток, практически без перерыва. За это время мы еще дважды снова отправлялись к месту трагедии, то с одной делегацией, то с другой, выясняли, что именно удалось уже обнаружить — это было немногое.

Калейдоскоп вращался вокруг. И я внезапно обнаружил, что у меня нет ни малейшего желания его останавливать. Его кружение отвлекало. Пока я следовал за ним, я почти не чувствовал боли. И совсем не понимал, почему Доннер уже какое-то время так настойчиво преследовал меня с заверениями, что мне надо отдохнуть, или съесть хоть что-то. Есть мне не хотелось совершенно. Я даже перестал понимать, зачем люди это делают. Это же так обременительно. Мне казалось, мой мозг оставался ясным, и мне вовсе ничего не требовалось. Какая глупость — зачем есть и спать каждый день? Все это совершенно лишнее...

Еще казалось, что я отчего-то был совершенно, ненормально, жутко спокоен, но, когда Вирему удалось затащить меня в кабинет, выгнав из него абсолютно всех, я посмотрел на свои руки и понял, что не могу остановить дрожь. Почему организм вел себя так странно, будто ему было известно о моих чувствах что-то, что не было известно мне, что сознанию удавалось успешно отодвигать на задний план. Почему тело мне не подчинялось? Мне же отлично удавалось держать себя в руках...

— Знаете, что, — проговорил Доннер, доставая из кармана флакончик. — У меня тут завалилось старое доброе снотворное...

— Ну уж нет, я не смогу заснуть. Только не теперь.

— Подумайте, — сказал он мягко. — Это совсем другой мир — там с ними ничего не случилось.

— Это страшно... — проговорил я в ответ, чувствуя, как распространяется дрожь и слабость. Как можно рассчитывать на то, что другой мир окажется лучше, а не сплошным кошмаром, от которого уже ничто не отвлекает? Я покачал головой и решил не договаривать этого вслух. — Вы думаете, я не захочу там остаться?

— Вы вернетесь, — заявил он уверенно. — А тот мир — он от вас тоже никуда не убежит. Мир, в котором ничего этого не случилось.

Как же... Хотя идея была неплоха, даже ужасно привлекательна, в нее хотелось верить.

Я открыл белый пластиковый флакончик. Он был полон круглых белых шариков.

«А ведь он вполне может меня отравить», — мелькнуло у меня в голове. — «Зачем?» —

спросил другой внутренний голос. — «Просто потому, что может», — ответил первый. Все прочие факторы во вселенной учесть невыносимо. А все, что кажется абсурдным, и так случается.

— И вам совсем не нужно возвращаться к себе. К этому кабинету прилегает всегда готовая комната отдыха.

— Отлично...

Звук льющейся воды почти застал меня врасплох. Взвзвизывая из ниоткуда. Единственный во вселенной. Видимо, даже стоя на ногах, я уже частично отключался, сильно преувеличивая ясность своего сознания. Но уснуть по-настоящему и дольше, чем на какие-то минуты, точно бы не получилось. Доннер придвинул ко мне стакан на массивной крученой стеклянной ножке. Везде эти проклятые гады — замаскированные драконы.

— Но снотворное выпейте потом. Сперва съешьте это.

— А это еще что? — перевести взгляд удалось не без труда и увиденное вызвало смутную озадаченность — под открытой металлической крышкой обнаружилась какая-то нежно-фиолетовая субстанция.

— Мясной пудинг.

— Какая га...

— Введем внутривенно? Если нет, то есть бульончик. И мое любимое, хотя совершенно вульгарное — яичница с сосисками!

— Очень заботливо с вашей стороны.

— Да я не о вас беспокоюсь, а о государстве! — с шутливой назидательностью усмехнулся Вирем.

Ему удалось меня рассмешить.

— Давайте уж самое вульгарное, — согласился я. — Иначе совсем тошно.

— Отличный выбор! — поощрил он. — Обещаю разбудить вас ровно через восемь часов.

— С будильником надежней, пора бы уже и вам отдохнуть и смениться. — Он уже оставлял меня на время, но совсем небольшое, стараясь приглядывать почти постоянно. — И я не могу не смотреть на часы...

— Со снотворным только на часы и смотреть, — скептически хмыкнул он.

— Не люблю внезапностей.

— А я предупредил. К тому же часы со стены я сдирать не намерен.

Все равно сил протестовать и уговаривать его подумать о себе у меня не было.

— Тогда хорошо...

Более-менее, в этом микроскопическом отрезке континуума.

Я проглотил два белых шарика для верности, но без снов не обошлось. Бредовая тревожная полуреальность. Те же помещения, те же коридоры, те же корабли и звезды и «вращающаяся пустота». То и дело, где бы то ни было, забегала спешащая куда-то Линор. Она очень торопилась и, едва я успевал обратить внимание на ее присутствие, тут же исчезала. И появлялась снова. Все время проявляя нетерпение. Будто куда-то страшно опаздывала. Они все куда-то опаздывали и кругом царила суета. Линор была в своем золотистом платье. Оно приобрело насыщенный ярко-оранжевый цвет, красивый и переливающийся, вспыхивающий яркими драгоценными блестками.

— Потому что это — цвет взрыва, — очень деловито пояснила Линор. — Это мой

взрыв! — она подхватила со стола полыхавшую настоящим пламенем корону и гордо надела. — Мне пора. Счастливо оставаться!..

И рассыпалась крошечной горсткой тонкого пепла, оставив меня с жутким чувством, что сгорела вместо меня. Это не она должна была быть на флагмане, не она должна была надеть эту огненную корону...

Откуда-то появилась Тарси и с сожалением посмотрела на мою голову.

— Ты больше не рыжий, — сказала она с непередаваемой скорбью. — Огонь — больше не твой. Твоя — тьма.

Она отвернулась, а когда медленно повернулась снова, стало ясно, что превратилась во что-то чуждое и пугающее. В глазах, ставших из синих антрацитово-черными, горели отблески пламени, приглушенные и неистовые — целое море огня на другом конце узких длинных колодцев, ведущих в другой мир, где ничего больше нет. Волосы качнулись — нет, зашевелились змеи, черный, туго сплетенный клубок.

— Хочешь, я стану твоей королевой Лорелей? — спросила она мелодично и шипяще, ее голос был мне совершенно не знаком. — Навечно!..

— Нет!..

Но сон не прервался. Я просто сбежал в «свой» кабинет с бесконечными мониторами. И отдал приказ немедленно уничтожить «Горгулью», вместе со всеми, кто был на борту. Для надежности. И только известие о том, что приказ выполнен, и наблюдение за этим на бесконечности экранов и проекций, разрубило волглую прядь сна.

Только сон. Вздох облегчения. И лишь через некоторое время — возвращение понимания, что реальность не лучше. И бесповоротней. Не так зыбка, ее невозможно отменить, просто забыв о чем-то, чтобы снова в комнате появился кто-то, кто никогда больше не сможет в ней появиться. Но во сне ты не знаешь, что это сон, и если делаешь что-то... Я постарался затолкать эту мысль подальше в подсознание.

Значит — в том мире ничего не случилось? И поэтому может случаться снова и снова. И все время будет казаться, что что-то еще можно исправить. Будет возвращаться облегчение от того, что все было ошибкой, заблуждением, дурным сном. А после пробуждения — уходить снова. Но где-то там они еще были. И все еще имело смысл иногда засыпать...

7. Инфляция

Когда утром появился Вирем, я буравил взглядом потолок.

— Уже не спите? — деликатно поинтересовался адъютант.

— Нет. Доннер... «Денебский штандарт» — это же чертовски большой корабль. На нем была уйма людей.

— Да, — подтвердил он.

— И все друг с другом на этом уровне связаны каким-либо образом. У вас случайно не было там родственников?

Судя по звуку, Доннер что-то куда-то наливал.

— Близких — нет.

— А друзья? — я посмотрел на него. Доннер кивнул, сдержанно. А вот друзья были, судя по этой сдержанности.

— И вы все это время носились за мной с успокоительным?

Вирем пожал плечами:

— Потому что это и есть лучшее успокоительное.

— Верно...

— А вы сами-то хоть помните вашу вчерашнюю речь?

— Которую? — Что-то, конечно, вспоминал... яркими вспышками.

— Ту, где выражали соболезнования семьям всех погибших, говорили о том, что прекрасно сознаете, что это не только ваша потеря, что многие потеряли близких.

— Да, сознавал. Даже чувствовал. Только не так, как сегодня. Может, сильнее, но по-другому.

Он слегка ухмыльнулся.

— Это все время меняется. Хотя кажется, что уже сделал все открытия. Боюсь, все равно не представляю и не могу представить, что с вами происходит. Потому что как бы это ни было для каждого, но... — он замолчал.

— Все сходится в одной точке?

— Вроде того.

— Как бы не коллапсировать в черную дыру, — без особой иронии пошутил я.

— Угу... — посочувствовал Вирем. — Ваш заказ готов. Я принес его.

— Спасибо.

Это значило, что теперь я избавлюсь от нелепых траурных лент.

Войдя снова в кабинет, Вирем резко затормозил, чего обычно не делал, ошарашенно огляделся и уставился на меня круглыми глазами.

— Эрвин Доннер Аллет! — воскликнул он с расстановкой. — Я должен был ожидать, я видел все приготовления, но эффект... — он обвел взглядом и комнату, и меня в ней. — Это абсолютно другое место! — констатировал он. — И почему я только сейчас вспомнил, что мы тезки? Я же знаю полное имя и все официальные титулы...

— Вторым именем я никогда не пользовался. Почти. Как и фамилией. — Тут я и сам призадумался — как квалифицировать использование имени хоть и на собственной памяти, но находясь при этом в разуме собственного предка? Заодно, это всегда позволяло считать второе имя принадлежащим его настоящему владельцу, а не мне. — Это всего лишь

традиция.

Вирем пожал плечами.

— Имя и фамилия всегда всего лишь традиция, разве нет?

— Особенно, когда ими не пользуешься. — Да еще тщательно скрываешь всю жизнь.

Правда, сейчас время для другого имени подошло в самый раз. Любопытно, что Вирем отметил это без всякой подсказки, раньше, чем осознал я сам. Потому что прежний человек, с прежним именем — умер. Несмотря на то, что я привнес сюда больше своего, чем когда бы то ни было раньше, а черно-серый мундир, сменивший белый с траурной лентой через плечо, должен был напоминать о «Янусе». Он и напоминал, но здесь, посреди этих графитных стен, с геральдическим значком с драконьими крыльями вместо золотой спирали времени, был чем-то еще совсем другим.

Хотя, помня свой сон, я посмотрел утром в зеркало. Я все еще оставался рыжим, но в остальном — тьма и так всегда была моей.

Я кивнул на включенный монитор.

— Насчет расследования. Разумеется, все очень рассеяно. Но все выглядит именно так, как выглядит? Ни опознаваемых деталей корабля, никаких останков?

— Нет. Но вы понимаете — аварии в самый момент перехода всегда выглядят именно так. Простите, сэр, после такого еще никто не возвращался.

Я возвращался. Но тут было много различных «но» — корабли были значительно меньше и не оставляли за собой мощной, оплавающей случайный космический мусор, вспышки, даже когда мусор с корабля выбрасывался нарочно, под проекцию картины взрыва. А «Денебский штандарт» все-таки «чертовски большой корабль»... Возможность подобного маневра стремилась к нулю, даже если бы им управлял сам Доннер Аллет. А для любого, кто не был бы так ловок, как он, и настолько заинтересован, как я, и вовсе являлась нулевой. Но разве вселенная вокруг нас не всегда шутила шулки?

— Вирем, насчет «Горгульи»... — Которую я сам взорвал во сне...

— Да, сэр?

— Когда у нас ближайшее окно хотя бы в час? Мне нужно наконец их увидеть.

«Горгулья» оказалась не только в пределах Денебского королевства, но и во дворце, хотя об этом не знал даже ее экипаж, также размещенный здесь, в одной из его «изолированных» частей. Положение их весь последний месяц, конечно, было двусмысленным, но пока еще они в достаточной мере ощущали себя гостями, чтобы не начать взламывать замки и устраивать революцию, хотя, может, и следовало бы. Но наши гости отличались отменными манерами. Доннер организовал нам встречу в небольшом тихом зале, вдали от повседневной суеты.

— Приветствую всех, — начал я, помахав им от двери, пытаясь загладить неловкость торопливостью, — я узнал о том, что вы здесь, уже три дня назад... — Или, может, четыре? — Простите, у меня не было времени навестить вас, но я рад тому, что с вами все в порядке, и что Вирем уже объяснил вам, где вы и что происходит. Вы имеете полное право мне не верить, но...

— Конечно, верим! — нетерпеливо перебила Джелли. — Не для того же ты возвращался назад во времени и спасал нас, чтобы потом подставить, не будь смешным!

Я изумленно посмотрел на нее и, выдохнув, улыбнулся. В глазах чуточку защипало. Не только Джелли, но и обнимающий ее за плечи Майк, его отец, одобрительно кивающий за их

спинами, все члены экипажа, чьи имена я помнил, и чьи не помнил, они все выглядели понимающими, дружелюбными и терпеливо-сочувствующими. Кареллы... ох, оба они были здесь и старались скромно держаться позади, смущенные и потерянные. Я кивнул им, но оказался не в силах надолго задержать на них взгляд, как бы это ни могло показаться с моей стороны холодно или враждебно, хотя не было ни тем, ни другим. Просто споткнулся о неконтролируемый всплеск чувств, которых не мог себе сейчас позволить.

— Я успел почти вас забыть. Вы, конечно, знаете, что произошло... — Да уж, совершенно ни к чему повторять очевидное, это только я тут не появлялся все это время, превратившееся для меня в один сливающийся длинный день. — Поэтому я не мог придти сразу, и не мог поручить кому-то другому просить вас решить, раскрывать ваш секрет или нет — как бы ни было скучно, для вас это и правда безопаснее. Само несчастье причина того, что я узнал, что вы все еще здесь. Сперва нам сообщили, что вы покинули королевство. Мы понятия не имели, правда это или нет, и не случилось ли чего-нибудь похуже. Могли лишь надеяться на лучшее. Но после трагедии я автоматически стал обладателем допуска к информации о вас.

Вирем кашлянул.

— Я бы еще мог добавить, — вставил лейтенант, — что его первым желанием было вылететь к месту трагедии с вами, на вашем корабле. Но подготовить судно к полету сразу было бы очень затруднительно.

Я увидел, как непроизвольно напрягся Арли, все это время дружелюбно выжидающе молчавший, не мешавший нам выговориться, но по нему было абсолютно ясно видно, что он никого не осуждает.

— С вашим кораблем все в порядке, — заверил я, — он здесь же, в ангарах дворца. Но замаскирован и опломбирован в ремонтном доке. И помимо того, что нам нужен был корабль, немедленно готовый к старту, мы не знали, какое это может произвести впечатление, какой может дать старт слухам, с которыми нам пришлось бы дополнительно справляться.

— А как вы полагаете, какие могут быть слухи теперь, когда мы внезапно объявимся после случившегося, со всеми сказочными трюками, что нам приписывают, со всем нашим, может быть сомнительным прошлым? — спокойно спросил Арли. — Или, на самом деле, мы вовсе и не появимся?

— Я думал об этом, — признал я. — Но не вижу смысла в том, чтобы прятаться и давать шанс тем, кому наше существование может быть поперек горла, уничтожить нас по частям. Так что, если только вы сами не решите иначе — то пусть всех сразу, как яйца в одной корзинке.

Джелли звонко рассмеялась.

— Про пучок соломинок было бы банально! Такой подход куда ближе к нашей развеселой реальности!

— Но окончательный выбор за вами. Мы можем продолжать скрывать ваше существование, или предоставить вам ваше или любое другое судно для осуществления любых ваших собственных планов, обеспечить, насколько это возможно гарантировать, безопасный путь туда, куда вам захочется, внутри королевства или за его пределы.

Они немного зашумели, но, кажется, никто не принял всерьез последних предложений.

— Так значит, мы выходим на свет? — удовлетворенно подытожил Майк, взглянув на отца. — Мне жаль только, что повод к этому так печален.

Я кивнул с признательностью. И, не удержавшись, добавил:

— Миры, по которым мы ходим — прах наших предшественников. Мы тоже внесем свой вклад.

Только это нас и извиняет. За то, что мы еще живы. Каждый в свой период времени и ненадолго. Будущее, где нас нет, никуда не денется.

— Эрвин! — окликнул Нейт, и я почувствовал, будто прирос к полу. Они все же двинулись мне навстречу, и все перед ними расступились. Я очень осторожно взглянул на них и перевел дух. Нейт выглядел бледным, в глазах его застыло трагическое сочувствие. — Я просто не знаю, что сказать, — пробормотал он, — но я должен. Мне очень, очень жаль...

— Мне тоже, — отозвался я, и обнаружил, что сказал это одновременно с Тарси, на которую все еще избегал смотреть, сосредоточившись на Нейте. — Уф... — и выдохнул, кажется, тоже одновременно. — Прости. — Проклятье, и это тоже, или у меня просто двоилось и звенело в ушах?

— Ваше высочество, — с тревогой позвал Вирем. — Боюсь, должен напомнить, что через пять минут у вас конференция. — Он немного преувеличил — через пятнадцать, но действительно должна была быть, он ничего не выдумал, и я понимал его желание, чтобы я попал на нее во вменяемом состоянии.

— Да, простите, — повторил я, уже приходя в себя. — Мы еще увидимся. Непременно. Я вернусь... и вы вернетесь, раз вы больше не тайна ни для меня, ни для кого-либо еще. — Я даже выдавил из себя улыбку, хотя зрение совсем подводило, и я не был уверен, что смотрел в этот момент в нужную сторону. — Я рад, что вы здесь, и хотя бы с вами все в порядке...

На этом заряд бодрости кончился, и я позволил Вирему увести себя прежде, чем окончательно расклеюсь. Ох уж эти смешанные чувства, и эта проклятая паранойя...

Реакция на возникновение «Горгульи» из безвестия не заставила себя ждать. И теперь я имел «удовольствие» столкнуться с ней лично: с практически немедленным, — я даже не успел встретиться с только что рассекреченными друзьями во второй раз, — требованием Солнечной Лиги отказаться от покровительства опасным экстремистам, составляющим экипаж «печально известного» корабля «Горгулья». Пока приватным, в духе фальшиво-дружеского совета от представителя посольства. На которое я мог ответить парой строк, отправленных все так же приватно:

«Чем же они, по-вашему, так опасны? Мы не располагаем подобной информацией. По нашим данным, репутация корабля и его экипажа безупречна, по крайней мере, в наших границах».

В ответ мне прислали копию пакта об экстрадиции опасных преступников, без комментариев.

Я ответил копией поправки в тот же пакт о невыдаче лиц, чья вина никоим образом не подтверждена, также без комментариев.

Мне прислали копию параграфа об ультимативном требовании выдачи без приведения подробных засекреченных данных, когда дело касается преступлений против государства.

Я заметил, что это уже может быть рассмотрено как попытка вмешательства во внутреннюю политику другого государства, что опять же исключает экстрадицию.

В ответ пришел весьма неприятный намек, где мне предлагалось провести параллели между внезапным появлением корабля, и недавно произошедшим несчастьем.

Я ответил довольно сдержанно, что никаких параллелей не вижу.

«Возможно, вам выгодно не видеть этой параллели, которая может быть очевидна остальным? Нет-нет, мы ни на что не намекаем, пока еще, но, кажется, незадолго до трагедии шла речь о смене приоритета наследования?»

Я был готов к подобному давным-давно, и хотя это меня закономерно взбесило, но не слишком выбило из колеи.

«Ничего очевидного, в отличие от вас мы готовы обнародовать секретные протоколы, подтверждающие, где находился корабль и его экипаж в то время, о котором вы упоминаете, и предоставить свидетелей. И раз мы точно знаем, где находились они, но не располагаем данными, которые вы скрываете, или которых просто нет, не кажется ли вам подозрительной параллель между вашей настойчивостью и тем самым недавним несчастьем? И то, и другое может оказаться попыткой агрессивного вмешательства в чужую внутреннюю политику».

«Упаси боги, какие еще параллели?! Мы не имели в виду ничего подобного. Но жест доброй воли с вашей стороны весьма укрепил бы вашу позицию на международной арене!»

«Уверен, ее гораздо больше укрепит узаконенное в Денебе прямое право вето действующего монарха, либо того, кто его замещает, на любые попытки обсуждения данного вопроса в парламенте в связи с какими бы то ни было пактами или ультиматумами. Если желаете испортить дипломатические отношения и собственную репутацию из-за такого мелкого предмета спора, и спровоцировать более тщательные расследования всех ваших действий в пределах Денеба, не смею вас останавливать».

Несколько попыток воззвать к голосу разума я проигнорировал, и наконец в эфире воцарилась тишина.

И в остальном тоже в какой-то момент повисла «тишина», обманчивая, временная, пузырек пустоты между вчера и завтра, старой и новой эпохой, перед тем, как произойдет нечто неизвестное — все двинется своим чередом, или обрушится в пропасть, или взорвется, сметая все на своем пути. Но пока еще это было усыпляющее опасное спокойствие. Огромная машина, отлаженная веками, продолжала работать сама по себе. Должно быть, из нее выпали какие-то детали. Неизбежно вкравлись какие-то ошибки. Кто-то непременно должен воспользоваться ситуацией к своей выгоде. Но пока это было незаметно. Должно пройти какое-то время, прежде чем что-то проявится. Но что именно следовало сделать? Это далеко не пятый век. Ничего общего. Я мог придти тогда на пустое место и сделать что угодно — ведь что угодно было бы лучше пустоты. Но тут ее не было. Неосторожное движение, напротив, могло все разрушить. Разрубить гордиев узел иногда то же, что применить «последний довод идиотов», и я знал, что бываю к этому склонен, иногда более обычного. Денеб казался чем-то вроде гигантской космической сияющей паутины из углеродных трубок, с точкой напряжения и возможного разрыва совсем рядом, без создавшего ее паука, и пауком могло оказаться что угодно, что научилось на ней паразитировать. Я ощутил со всей четкостью, что я этого еще не умею, и все, чем я когда-то был — едва ли было мной. Но огромная машина все еще работала. Оставалось надеяться, что инерции хватит до тех пор, пока я не разберусь с ней. Хотя, что и говорить, это было скорее самообманом. Казалось, я остался в живых только затем, чтобы увидеть, как все рухнет, превращаясь в прах, именно в моих руках, чтобы было очевидно, кто виновен в этом упадке.

В кабинете с графитными стенами, со всеми отключенными микрофонами, камерами и экранами, мы сидели вдвоем, с бокалами, наполненными золотистым густым альтаирским

вином, по большей части позволяя ему просто испаряться в пространство. К призракам тех, кого мы потеряли.

— Мы не говорили об этом раньше. Но вы знаете, что нам многое известно. — Я все еще употреблял слово «мы», хотя тех, о ком я говорил кроме себя, здесь не было. Или не было уже вовсе. — Мы многое поняли сами. И Тарси упоминала вскользь... Нет, никаких подробностей. Почти. Нам казалось хорошим тоном, зная, не заговаривать об этом. — Я глянул на сидящего в кресле Арли, а иначе говоря, Барда Фейербласта, последнего короля Веги, чье настоящее имя было связано с одними ужасами, и тот кивнул:

— Конечно. Все мы знали и давали друг другу это понять. Но я понимаю — стоит расставить точки над «и». Ведь мы впервые собираемся поговорить начистоту. Вежливость и оберегание чужих чувств никому не помогут.

— Верно, благодарю вас. Но ваш экипаж? Знают ли они? Хоть кто-то из них? — Арли покачал головой. — Хотя бы Майк?

Он задумчиво покачал головой снова, потом усмехнулся и пожал плечами.

— Мы не говорили с ним об этом, но, думаю, он может догадываться, или даже знать. Возможно, они говорили с Тарси о большем, чем известно мне, и молчали об этом все из тех же соображений.

— Понимаю... — протянул я.

Арли бросил на меня быстрый взгляд исподлобья. Будто хотел поинтересоваться, не считаю ли я Майка кем-то вроде соперника. Не считал — они с Тарси сблизилась в то время, когда им пришлось вынужденно скрываться, но даже по последней встрече я видел, что ему все еще ближе бойкая Джелли. А с Тарси у нас и так было все сложно, и я не стал бы ее удерживать, если бы она решила сделать какой-то иной выбор. Возможно, почувствовал бы облегчение.

— Но, если намекнуть ему, наверное, он дал бы как-то понять?

— Вы так думаете? — его голос был полон иронии.

— Не знаю.

Он кивнул с мрачным удовлетворением.

— А что думаете о том, что могло произойти тогда? О том, как я мог быть во все это замешан? В убийство близких, в сумасбродный разрушительный режим, взорвавший королевство, так же, как был в итоге взорван королевский дворец? Вы убеждены в том, что это происходило без моего прямого участия? Откуда такая уверенность? Или, подождите, вы сумели преодолеть буфер и заглянули туда сами? Вы видели, что произошло?

— Нет. А насколько бы вы поверили в мою причастность к недавней катастрофе?

Судя по его взгляду, не поверил бы. А зря, я понятия не имел, что за монстры кишат в глубинах моего мозга. Наверное, так же думал о своих и он.

— Вы ведь не можете ни в чем быть уверены. Вы знали, что мы знаем о вашем прошлом, и это вас не беспокоило. Но вас беспокоит Майк, потому что он ваш сын. Его мнение единственно важно для вас. И вы эмоционально заинтересованы. Я тоже заинтересован — в своем случае. И я не уверен в том, что обо мне можно сказать что-то хорошее. Мне нужен взгляд со стороны, своего рода мерило адекватности, и кто-то, кто имеет хоть какое-то представление о том, как управлять королевством. Мне нужна ваша помощь.

Арли вздохнул, помолчав.

— Я мог бы сказать, что вы ищите не там. — Он выдержал паузу, угрюмо-задумчивую. — Но где еще искать? Все верно. Только имейте в виду, из меня был просто

дьявольски скверный король. И даже, практически, не был.

— Я знаю.

— И мерило адекватности из меня то еще.

— Зато вы можете понять мои проблемы. И, в отличие от меня, вы выросли во дворце, вы знаете хоть что-то об всех этих звездных королевствах изнутри.

— Не буду обнадеживать. Слишком много лет прошло с тех пор, как ничего хорошего и не было.

— И не надо обнадеживать. Мне нужно лишь, чтобы было с кем посоветоваться и поговорить. Ведь, возможно, мы части одной картины.

Одной истории, так уж точно.

8. Океан

*Не дрожи, мое сердце, постой,
Но мудрости древней припомни урок:
Кого в дрожь повергают потоп и пожар,
И ветра, что дуют вдоль звездных дорог,
Того звездный ветер, потоп и пожар
Погребут под собой, ибо он чуждой
На пиру бытия, в царстве древних чар. —*

Строки Йейтса заменяли то, что я мог бы сказать себе своими словами, но это было бы слишком печально, слишком лично, беспомощно или беспочвенно бодро. Все, что я писал в те дни, не касается никого и никто этого никогда не увидит. Но, может бы, я мог бы найти в своем прошлом строки, подходящие всего лишь текущему моменту? Не омраченные ничем настоящим.

*Помянут глубины изумрудом —
Он лежит там, спрятанный от солнца,
Под тяжелым океанским спудом,
Где живой вовеки не коснется,*

*А нырнет, и станет будто камень —
Холоден, спокоен, безмятежен,
Только солнца отдаленный пламень
Будет в глубине прозрачно-нежен.*

*Воды плотны, будто изумруды,
Будто очень твердая порода,
В глубине податливые спруты,
Твари из неведомого рода.*

*Волны преломляются как грани —
Океан искусней ювелира,
Волны не обточатся руками,
Но захватят больше, чем полмира.*

*Говорят, что воды точат камни,
Говорят, что море точит сушу,
Пусть, как братьев, волны нас помянут,
Океан бушует в наших душах!*

На Леде есть океаны. Ничего необычного для густонаселенной планеты, раз одним из главных условий привычной нам жизни является наличие жидкой воды. Вода была здесь раньше, чем появились люди. Жизнь — тоже. Это была другая жизнь. И намеренно, и без

всякого намерения она была уничтожена, подменена, переродилась, подавленная пришлой флорой и пришлой фауной, зараженная ими как чумой. Так же, как некогда «водяная чума» вытеснила множество видов водных растений на самой Земле. Нельзя сказать, чтобы у нее были какие-то далеко идущие намерения. Но она их вытеснила. Такая вот «панспермия». На деле, во вселенной нет своих и чужих. Только приспособленность. Приживается то, что может успешно прижиться. Если прижилось то, что развилось на Земле, в выигрыше не Земля, а вся жизнь, принимающая наиболее успешную форму, экспериментирующая с ними везде и всюду, слепым методом проб и ошибок. Даже наши дурные намерения не настолько принадлежат нам самим, сколько всем подряд и тем силам, которые вовсе не являются живыми или, тем более, разумными. Хотя мы можем питать самые различные иллюзии на этот счет.

Леда похожа на Землю. Но на какую ее часть? И в какой собственной части? У всякой планеты есть разные области. У всякой планеты есть разные эпохи. У Леды две маленьких луны — Кастор и Поллукс, не путайте со звездами, и не только из созвездия Близнецов — одинаковых названий в космосе скопилось сплошь и рядом великое множество. Есть и Елена — искусственный спутник, внешний причал для крупных космических судов. Кастор и Поллукс создают очень интересную схему приливов и отливов, которые немного напоминают земные, когда две луны сближаются, и кажутся беспорядочными и невыраженными, когда они расходятся на своих орбитах. Иногда они вызывают немалые возмущения, занимая особое расположение относительно друг друга и планеты, по счастью, не превращающиеся в цунами в этих широтах и легко прогнозируемые. Сейчас убывающий рыжий Кастор висел в восточной части неба, залитой голубоватым свечением готовящегося начать свой восход настоящего Денеба, а тонкий бледный новорожденный серп, почти ноготок Поллукса окунулся в воды на горизонте, где почти угас свет настоящей звезды Леды — Малого Денеба.

Каплевидный катер с прозрачными изнутри стенками завис над слегка волнующейся гладью, отражаясь в ней неясной зыбкой тенью, накренился узким «клювом» вниз и мягко канул в водную плоть. Немного погодя вспыхнул свет — темные воды не самое подходящее место, чтобы бороздить их вслепую.

Что-то торопливо брызнуло в стороны от ярких лучей, что-то устремилось к ним ближе — стайки юрких разноцветных рыбок, а за ними некие затаившиеся тени, тяжелые и, напротив, неуловимо подвижные. Живые кораллы трепетали на переплетениях массивных остовов своих предшественников. Безмолвное царство жизни, упругая утроба «первичного бульона», рождающая и переваривающая. Возможно, лучшее место для того, чтобы отдохнуть от мирской суеты?

Вечно.

Мельком поглядывая вокруг — на кораллы, колеблющиеся шлейфы водорослей и мечущихся рыбок, я куда внимательнее смотрел на сканеры. Пока чисто. Три минуты, четыре, пока ничего... Мелькнувшая на краю искорка — возможно, лишь ошибка распознавания. Опустимся глубже. Спугнем тяжелые тени. Можно ведь погрузиться и в самые глубины, поохотиться на местных удильщиков, левиафанов, гигантских кальмаров или спрутов — на Леде водятся спруты с пятью щупальцами, эволюционировавшие от неких эквивалентов морских звезд с изначальной пятиконечной радиальной симметрией.

Но вот на самом деле возникло движение... Вирем не зря говорил, что подобное не обнаружить обычными сканерами, если не знать, что искать, и не подправить настройки на

особую частоту. Оно выглядит и распознается как живой организм. В данном случае — сплюснутая почти в ската, как это свойственно акулам Леды, акула-молот. На самом деле, это и были живые организмы, только с особой «начинкой».

Одна, другая... Ого! Я присвистнул. Была ли их активация автоматической? Из-за простого проникновения в эту область? По всем сводкам, они вообще не должны были здесь находиться, да еще в боевом режиме, но... Мы же сами рассчитали и предположили, что они теоретически могут тут быть — на границе закрытой акватории, прилегающей к Старому Городу, Дворцу, всяким правительственным сооружениям. Движение на поверхности и над поверхностью оставалось допустимым, кроме ночного времени, которое и имело место в данный момент, но меня это ограничение не касалось, а вот под поверхностью официально запрещалось, хотя никаких особых систем защиты, как будто, не предусматривалось и это было едва ли не просто традицией и добрым пожеланием.

Зафиксированные над трехмерными проекторами изображения акул задержались в конвульсиях... еще бы нет — разбрызгивая части органики, преобразуясь в стройные торпеды... на относительно отдалении лишь для того, чтобы взять разгон...

Я резко сорвал катер с места, насколько это было возможно в толще воды, и устремил его вверх, ввинчиваясь в теряющую плотность среду. Самонаводящиеся торпеды помчались следом.

Мы взмыли над поверхностью как стайка бешеных китов. Затем нырнули снова вниз, намеченным путем, в кораллы — за мной буквально взорвались мукой и обломками основания будущих островов: ломать — не строить!.. Минус одна торпеда. Остались две. Совершим банальнейший кувырок... Нет, черт, не сработало... просвистели мимо друг друга. Хватит красоваться! Еще раз в кораллы... стараясь не задеть тяжелые обломки, непредсказуемо сменившие в мутной воде свои прежние очертания. Торпеды их тоже не задели, и мы снова взмыли над поверхностью. Так, методичней, петля, другая, третья, теперь резко в сторону, есть! Торпеды наконец исправно столкнулись, и вода вскипела. Слишком просто? Или нет? Разумеется, с самого начала ведь не было никакой внезапности. Какой еще идиот отправится на романтическую одинокую ночную прогулку специально посмотреть, как действуют биоадаптированные торпеды? Если они вообще там есть... Хорошо, теперь, кажется, уже нет.

Запицало встроенное в панель переговорное устройство. Я нажал на кнопку.

— Все в порядке? — слегка запыхавшись, спросил Вирем. — На моих датчиках корабль остановился.

— Да, уже все. Только три и уже деактивированы. Вообще-то, правильней сказать — испорчены попусту.

— Но сам факт, что они там были и активировались!..

— Подозрителен немного, но мы же ожидали, что кто-то мог перестраховаться в целях надежной защиты границ...

— Вы ожидали, — с беспокойством поправил Вирем. — Я только рассказывал о разных новых видах устройств. Но какие еще границы в море? Рядом с Городом — это же опасно! Да-да, пусть зона закрытая. — Как современный и просто еще молодой человек, Вирем немного наивно не улавливал старую логику безопасности, которой все же кто-то еще придерживался. — Но, может быть, это потому, что вы выразили намерение, и знало о нем лишь несколько человек...

— Вирем, мы знаем далеко не все засекреченные протоколы. Это вполне могло быть

совершенно не злонамеренно... — При дурном умысле проще было бы заминировать катер или просто покопаться в механизме управления.

— Или это должно было выглядеть как случайность, — проворчал Дон. — А иначе было бы подозрительней. Не испытывали бы вы больше судьбу.

— Если это должно было выглядеть как случайность, то ничего больше не должно произойти. А то это было бы уже подозрительно. Особенно после нашего разговора.

— Ладно, но имейте в виду, я не успокоюсь, пока вы не вернетесь.

— Хорошо, дай мне хотя бы полчаса... — я трезвым взглядом оценил замутненную воду, полную пористых всплывающих обломков, ила и прочих органических ошметков. — Ладно, возвращаюсь. Главное — уже размялся. Проверил, увидел, что хотел.

Я снова вывел катер на поверхность и помчал его к городу, пока ветер сметал с обтекаемого корпуса остатки влаги.

Прошло почти два месяца. Здесь месяцы никогда не соотносили с движением лун и не разбирались, какой из них отдать первенство, а используют приближенные к земным условные периоды, тем более что период обращения Леды вокруг ее светила занимает около четырех с половиной земных лет, — но смена сезонов, опять же в наших широтах, выражена довольно мало, — так что такой астрономический год не слишком удобен для счета времени. Хотя и используется параллельно с условным летоисчислением, и делится на шестьдесят месяцев, состоящих обычно просто из двадцати восьми дней, делящихся на четыре недели; регулярно для удобства совершаются перерасчеты и прочие коррекции.

Похоже, я зря переживал, что с чем-то не справлюсь. И, похоже, переоценивал свою нужность. Система работала сама на себя и сама за себя. Бывший король Веги помогал мне лишь слегка корректировать этот процесс и обходить явные подводные камни. Как отлично помогала в последнем и Тарси, слишком хорошо знакомая с множеством способов подвохов и интриг, и улавливающая их безошибочно. Я решил, что устал делать вид, что не доверяю ей. По большому счету, мне было какое-то время все равно, и именно это расставило все по местам. Так что оставалась имеющей смысл лишь представительская сторона вопроса. Которую я, возможно, неразумно ограничил совсем недавно. Зато я обнаружил, что у меня появились время и возможности заняться чем-то еще, кроме как наблюдать в прямом эфире постоянно просыпающийся песок времени и неизменно возрастающую энтропию.

От разноцветных переливающихся огней города оторвались и понеслись мне навстречу четыре яркие точки, выстроившиеся в лишнюю граней трапецию. Я мог бы просто увеличить их изображение, но для надежности нажал на кнопку.

— Вирем? Ты тоже их видишь? Надеюсь, это не торпеды?

— Это ваше сопровождение, сэр, — ворчливо отозвался Вирем. — Полковник Страйкер сходит с ума от сообщений береговой охраны. Они засекли ваш идентификационный номер, потому и не пытались остановить, считали историю полета и прислали ему. Он бы уже с вами связался, если бы вы не перекрыли все остальные каналы.

— Черт побери, никакого уединения, — вздохнул я, впрочем, несерьезно.

— Не тогда, когда были зафиксированы неожиданные всплески активности неподалеку от столицы.

— А для него они тоже были неожиданными?

— Он всего лишь полковник, — примирительно заметил Вирем. — И вы понимаете, что разные структуры вечно конфликтуют из-за границ влияния и делают что-то без ведома друг друга...

— Спасибо, Вирем, я знаю, — усмехнулся я не менее миролюбиво. — Можешь обойтись без лекций.

— А вот в береговой охране переполох почище...

— Ну еще бы...

— Они не были в курсе вашей вылазки, пока вы не появились у них на сканерах. И дежурные не были в курсе о дополнительных мерах предосторожности...

— А мне вот показалось подозрительным, что никаких мер тут как будто не было предусмотрено.

— В это время суток частные полеты в этих зонах не допускаются. Вас, конечно, пропустили, проявив опрометчивость и считая, что вы знаете, что делаете, и наверняка втайне тоже думая, что запреты на ночные полеты в этой зоне просто формальность. Те, кто мог бы попробовать вас остановить, не предполагали настоящей опасности, не располагая информацией.

С обычными ночными полетами проблем бы и не было. Они же не ожидали, что я вздумаю еще и нырять. А если бы и ожидали, простые патрули тоже скорее всего понятия не имели о дополнительной защите глубин.

— Заодно именно это положение дел мы и установили.

— Мое мнение вы знаете. Это было весьма неосмотрительно.

— Неосмотрительно было держать такую информацию от нас в полном секрете. Я не ставлю под сомнение важность обороны, в самом деле, но вся отчетность о мерах предосторожности должна быть у нас. Я думаю, так было нагляднее — почему именно. Потому что кто знает, на чьей совести может оказаться следующий несчастный случай.

— Вас понял, — после паузы заверил Вирем.

— Не обязательно сгущать краски, — с деланной беспечностью прибавил я. — Но насчет полной информации — это официальное требование.

Светящиеся точки, превратившиеся в корабли, изобразили вежливый поворот по часовой стрелке вместо поклона, развернулись на сто восемьдесят градусов и заняли свое место по сторонам.

Всего через пару минут после встречи мы уже совершали посадку на небольшом аэродроме на дворцовом «заднем дворе». Полковник Страйкер из королевской космической пехоты нервно поджидал там с более чем очевидными увещеваниями.

— Не стоит беспокоиться, результат испытания скорее более чем удовлетворительный, — заверил я его с улыбкой. — Все было неуклюже, несогласованно, но я не обнаружил и тени злого умысла. Пока. И вот что еще, полковник... насколько было бы возможно создать сеть с такими техническими характеристиками за пределами дворца? — Я передал ему маленький планшет, на котором он бегло просмотрел данные, не включая голографический режим. Страйкер только озабоченно покачал головой, тихо отдуваясь.

— Я в этом не такой уж специалист, сэр...

— Все в порядке. Но сами характеристики вам знакомы? Они где-нибудь применяются на знакомых вам объектах?

— Нет. Простите. Я знаю, что во дворце имеется подобная сеть. Но она очень старая, во дворце много громоздких, уже неиспользуемых систем, которые могут дать дополнительную грубую энергию, на них надстраивались поверх новые и новые, а до конца их демонтировать не было возможности по разным причинам. Масса всего этого давным-давно совершенно не

нужна. Извините, но на девяносто процентов это хлам. Если вы имеете в виду, что следует все это убрать, то, возможно, вы правы, это и впрямь нигде не применяется, но традиции... И кое-что в системе является одновременно деталями архитектуры. Извиняюсь, но это... местами просто стены... когда-то это были передовые технологии, но сейчас они сохранились лишь как артефакты и потому что на них держатся кое-какие перекрытия.

— Благодарю вас, — засмеялся я. — Ничего — я ничего не имею против артефактов и устаревших некогда передовых технологий. Все-таки история — это то, с чем я всегда имел дело.

— Да-да, понимаю, — Страйкер облегченно растянул бледные губы в улыбке, кивая.

— И поскольку я сам не большой технический специалист, мне любопытно, можно ли где-то создать полноценный эквивалент королевского кабинета, скажем, на корабле или станции, с теми же барьерами безопасности, соответствующей мощностью и прочим. Но поскольку я не очень понимаю, что именно в этой схеме лишнее, а что важное... Полагаю, вы сможете помочь мне найти тех, кто все это проектировал. Насколько возможно, всех, разумеется, я понимаю, что многих наверняка уже нет в живых. Но тех, кто остался...

— Разумеется, сэр. — Страйкер был уже совершенно безмятежен и, видимо, обрадован тем, что я собираюсь найти себе более интеллектуальное хобби, чем провоцировать ни в чем не повинные засекреченные биоторпеды.

Разобравшись с мелочами, а вернее благополучно переложив их на чужие плечи, я поднялся в рабочий «королевский» кабинет, состоящий не только из мониторов и голографических проекторов, и заперся там.

За то время, что я здесь находился, я понемногу избавлялся от паранойи или просто привыкал к ней, не находя никаких примет настоящих утечек из этого места, изучая особенности и возможности систем, которыми располагал, сравнивая с требуемыми для иной цели, найдя их на удивление близкими к тому, что нужно — оставалось бы кое-что скорректировать по практически готовой основе, не выдавая истинного назначения на первых порах, и наконец решился на то, на что раньше не осмеливался. Нырнув сегодня в океанские глубины, я предварил это действие, как древние охотники, прежде чем отправиться добывать мамонта, изображали его зримо охрой и углем на скале или совершали какое-нибудь ритуальное представление, чтобы создать и увидеть образ успешного исхода.

Я вытащил из-под корпуса личного переговорного устройства маленький, размером с ноготь мизинца, антрацитово-черный кубик, похожий на игральную кость, и положил его на диск виртуального моделирования. Именно это я делал не впервые, но прежде не подключал модель полностью, на максимально возможную мощность ресурсов, ограничиваясь диагностикой фрагментов и общих характеристик. Так же как некогда стены меняли свой цвет по приказу художника по интерьерам, только теперь неузнаваемо изменяя всю обстановку, вокруг меня буквально на глазах соткалась совершенно другая комната, посреди которой возник очень компактный, в масштабе, центральный терминал. Переплетение световых лучей, выходящих за пределы выбранного конкретного объекта, повисло наготове приглушенно мерцающей паутиной, потенциально представляющей из себя что угодно — капсулы перемещений, генераторы, любое другое помещение станции «Янус».

Самое же интересное заключалось в том, что возможности именно этой комнаты позволяли до определенной степени использовать эту виртуальную модель, как нечто настоящее. В конце концов, это и впрямь была не просто комната с мониторами. Световые

линии дрожали и тихонько гудели, наполняясь энергией, где-то оживали давно не использовавшиеся системы, подключаясь одна за другой, придавая призраку все больше эфемерной реальности. На самом деле эта реальность заключалась теперь не только в антрацитово-черном кубике, не только в этом кабинете, а в обширном комплексе всего дворца, управление которым сосредотачивалось здесь. Конечно, это не могло быть сколько-нибудь эквивалентно настоящему «Янусу» и подобную активацию кубика никто не предполагал всерьез. Мы не обладали данными о том, чем именно напичкан дворец, да и сейчас не было никакой уверенности в том, насколько схемы смогут адаптироваться. Кубик предназначался лишь для сохранения информации в резерве, но...

О многих сомнительных вещах, например, о попытках вмешиваться во время и изменять собственное прошлое, говорят: «сделав однажды, никогда не сможешь остановиться». Но насколько то, что мы их не делаем, зависит от того, что мы всего лишь не можем остановиться их «не делать»?

И на самом ли деле мы можем то, что, как нам кажется, мы можем? Или это только иллюзии? Начнем с малого. На что пока еще и способен этот «призрак». Едва ли на что-то серьезное.

Помедлив, обойдя вокруг обретающей все больше псевдореальности модели терминала, я открыл канал связи.

Я ждал довольно долго. Впрочем, «ждал» — не совсем верное слово. Я следил за тем, как система стабилизировалась, какие области захватывала на общем графике, происходят ли какие-то утечки. Пару раз я обнаруживал защитные барьеры, которые приходилось обходить, благо здесь и сейчас у меня имелись все возможные доступы ко всему, что можно было отсюда контролировать. Некоторые из них появились у меня совсем недавно, лишь спустя месяц после того как система «привыкла» стабильно получать от меня распоряжения. По большей части это были не слишком важные архивные данные и допуск к устаревшим областям. Их доступность спустя определенный срок имела скорее символическое значение. Имела бы — если бы мне не пришло в голову использовать их по-своему, не для того, для чего они были когда-то созданы, и для чего больше почти не годились. Неожиданный положительный побочный эффект.

Правда, как и в случае с торпедами, не совсем неожиданный. Филярд Арли — все же он предпочитал это имя, и я находил нужным проявить уважение к его предпочтениям — рассказывал о некоторых особенностях старого королевского дворца Веги. Которому также было несколько столетий, в котором все надстраивалось одно на другое не только в древнем архитектурном смысле, обычно связываемом со средневековыми соборами, начинавшими строиться в одном стиле, продолжавшими в другом, а заканчивавшими уж в каком повезет закончиться. Рассказывал он и о механизмах чрезвычайных ситуаций и самоуничтожения — я очень надеялся, что не запущу нечаянно нечто подобное, если моя информация все еще каким-то образом неполна. Никогда не знаешь, какую фатальную мелочь можно упустить и дорого заплатить за это. Но предельная осторожность опасна сама по себе — тем, что влечет за собой полное бездействие.

Так что почти час пролетел незаметно в этих волнениях, когда я получил ответ на свой сигнал — мигание несуществующего, вернее, смоделированного зеленого индикатора.

Я вдохнул чуть больше воздуха и включил визуальный контакт. Пока односторонний —

мне нужно было убедиться в том, что сигнал принят тем, кем нужно, вдобавок ко всем предварительным мерам предосторожности.

Я увидел настороженного и сдержанного усталого Фризиана, буравящего пространство перед собой горящим взглядом таких же черно-антрацитовых глаз, как грани кубика на диске. Выглядел он неважно, «Янусу» хватало своих тревог и без меня.

«Ты один?» — набрал я вопрос на «несуществующей» клавиатуре, состоящей из парящих в воздухе сияющих линий.

— Да, — ответил он вслух с затаенным ехидством. — И с кем же имею честь?

Я включил полный визуальный контакт. Фризиан улыбнулся, и некоторая часть его напряжения исчезла.

— Я почти удивлен. Это действительно ты или вражеская голограмма?

— Это действительно я — как ответила бы, конечно, и вражеская голограмма, предоставь ей кто-нибудь такой чудесный шанс.

Фризиан кивнул с удовлетворенной усмешкой.

— Неправдоподобно быстро. Честно говоря, не ожидал так скоро.

— Я сам не ожидал. Нашел подходящий источник, к которому можно подключиться. Это не настоящая станция. Только модель, призрак.

— А-а... — Он снова успокоенно кивнул. — Но кое в чем, как я понимаю, призрак вполне соответствует тому, что могло бы существовать из высокотехнологичных «плоти и крови».

— Да, потому что пользуется чужими, насколько может их адаптировать. Пока по мелочи, я не уверен, что сейчас он способен на что-то большее, чем поддерживать этот канал связи.

— Через изрядный кусок континуума и при том с полной синхронизацией, насколько я могу судить.

— Именно так.

— И если регулярно подпитывать его энергией...

— Возможно.

— Осталось решить только один вопрос. — Фризиан кривовато улыбнулся. — Что мы можем с этим сделать, чтобы улучшить реальность?

— Это всегда вопрос из вопросов.

— Да и на полную настройку могут уйти годы...

— Да.

— Как и на постройку настоящей. Я бы не стал тебе говорить, что у тебя нет причин для паранойи.

— Вот как? — насторожился я.

Изображение замерло, подернулось рябью, выцвело, мигнуло.

— Ничего определенного, — пришел замедленный ответ. — Я просто рад, что ты нашел способ подстраховаться, вне зависимости от того, кто построит следующую такую станцию.

Звуки тоже поплыли.

— Да, я понял.

Судя по его напряженной выжидающей позе, мой ответ тоже запаздывал.

— Энергии маловато. Я рад, что удалось связаться с вами таким образом.

Это был единственный абсолютно защищенный канал. Пока. Если исходить из того, что подобных станций еще нигде нет. Но на них и впрямь должны уйти годы. Правда, в случаях с

машинами времени слово «еще» может приобретать весьма размытый характер... Если, конечно, кто-то всерьез способен извлечь из чего-то подобного выгоду в своей собственной вселенной, а не в параллельной, где все что угодно все равно будет немного иначе и это «немного» всегда может играть решающую роль с таким «незначительным отличием», как жизнь или смерть. И пусть мы были рады своей «страховке», далеко не очевидно, что тот, кто мог бы устроить подобное помимо нас, нашел бы это сколько-нибудь целесообразным. Когда-то «Янус» пытались захватить, но захват — это совсем другое, куда более дешевое дело. Ведь иначе пришлось бы строить хотя бы нечто вроде этого дворца с нуля, без гарантии, что это когда-нибудь и зачем-нибудь окупится.

На сегодня достаточно? Для простых действий совместимость вполне хорошая. Проблема не столько в недостатке энергии, сколько в ее неравномерной подаче, в адаптации, которая должна наступить не сразу. И, в некотором роде, машине времени нужно подпитаться самим временем — его протяженностью, устойчивостью в условно-определенной точке континуума.

— Я тоже, — пришел ответ. — Не то чтобы все вернулись домой, но всё же что-то.

Изображение мигнуло и выправилось. Фризиан повел взглядом вокруг и слегка облегченно вздохнул. Значит, и у него все наладилось.

— Попробую продолжить диагностику, — сказал я на прощанье. — До встречи.

Он кивнул:

— До встречи.

Насколько мне было известно, на «Янусе» сейчас оставалось лишь два человека из нашего прежнего состава — Фризиан и Антея. Олаф недолгое время возглавлял станцию, затем начались какие-то бюрократические и дипломатические сложности, в результате он принял решение уйти. По его словам, он не слишком об этом сожалел. Когда мы говорили с ним в последний раз, он разве что выразил соболезнование о том, что мне все бросить куда сложнее. А что касается «Януса» — это все равно уже не тот «Янус», который он когда-то не пожелал бы оставить. «Все течет, все изменяется».

У Гамлета тоже нашлись препятствующие основания в виде высокопоставленных дальних родственников, которые могли бы, гипотетически, нежелательным образом его контролировать. Не то чтобы их совсем не было у Фризиана или Антеи, но во всем играли роль частные мелочи вроде тех, сопутствовали ли этим дальним родственникам какие-то направленные против них интриги. Все это было предсказуемо и, как сказал Гамлет: «Должно было случиться рано или поздно. Гнусная политика не могла сюда не пробраться. А как только пробралась, стало противно. Это все только в пятом веке весело... Да и то, пока мы там не живем».

«А мы не могли не пробраться в гнусную политику», — полубессознательно пробормотал я себе под нос, «перелистнув» как страницы в каталоге модели различных частей станции и остановившись при появлении передо мной «призрачной» раскрытой капсулы. Я немного посозерцал ее, колеблясь. Сотканная из световых линий, она не удержала бы меня в своих границах. Разумеется, чисто теоретически, она могла бы «обрасти плотью», если предоставить ей достаточно подходящего материала для самосборки или хотя бы его заменителя для исключительно внешнего подобия. Но, во-первых, для этого желателен подходящий материал, а к нему материал для всего, что прилагается к целой системе, — пусть частично модель уже перестраивала под себя то, что можно было здесь перестроить. Во-вторых, прогнозы какого-нибудь двадцатого или двадцать второго века

насчет технического развития человечества были не то чтобы слишком оптимистичны, но осуществление никогда не бывает таким полным, как идея. Даже здесь нельзя еще сделать что угодно будто по волшебству. В одних областях совершались прорывы, в других откаты, ветви человечества расселялись по космосу, с каждой из них что-то происходило, и с теми, что отправлялись к звездам, и с теми, что оставались на Земле. Какие-то части информации постоянно терялись, потом восстанавливались, но лишь до той степени, до какой бывало нужно практически и сиюминутно. Между удачными находками и общим средним уровнем образовывались едва ли не зияющие пропасти. В частности поэтому мы не совсем хорошо представляли себе изначально, что такое «Янус» и границы его возможностей. Отсюда же возникали легенды, что сам он взялся из другого времени. Хотя это было совершенно необязательно. И все же интересно, почему, если он на самом деле способен производить успешную телепортацию, она возможна лишь между «вероятностями» — различными временами и измерениями — временными потоками, малое исключение тут составляла лишь улучшенная синхронизация связи через подпространство, и то всего лишь улучшенная, смягчающая обычные помехи. В реальном же обычном «одном и том же» мире перемещение было слишком трудно, до невозможности, если только не совмещать скачки во времени вместе со всем механизмом. А в вероятностях происходило легко, хотя те миры отличались не меньшей реальностью и самостоятельностью, не считая той доли абсурда, что там мы были возможны в своих путешествиях. Разве это не было еще большим нарушением законов физики с обыденной точки зрения? По всей видимости — нет. Макрообъекты в макрореальности вполне способны почти на то же, на что в обычном мире способны только элементарные частицы. В этом был свой род естественной защиты реальности.

Но все же и эта модель должна быть кое на что способна. Например, соединиться с токами моего мозга, создать в чем-то столь же призрачное и столь же реальное, как она, подобие и, может быть, суметь куда-нибудь его отправить? А после вернуть и наложить на оригинал, установив в нем новые связи?.. Может быть и нет, может быть, чего-то не хватит — для того чтобы отправить, или для того чтобы вернуть, или для того чтобы не повредить при этом как следует мой мозг...

Что ж, если прокрастинация — это нахождение массы поводов, мелочей, отговорок, чтобы не приступать к чему-то по-настоящему важному, даже неизбежному, то, по сути, все мы прокрастинируем смерть.

Я перенастроил схему, подтянув призрачную капсулу поближе к вполне материальному креслу, «зацепив» ее пальцем за светящуюся линию, зафиксировал в таком положении и уселся в получившуюся композицию. По крайней мере, большая часть меня и моя голова в данный момент находились внутри. Но на чем же попробовать? Какие задать координаты? Это ни в коем случае не должно быть что-то важное. А насколько может быть отдаленным? Есть ли тут какая-то буферная зона? При масштабных перемещениях самого «Януса» она временно исчезала, затем восстанавливалась, когда он «пускал корни» в определенном месте и времени.

Если уж пробовать, то что-то совсем не отдаленное. И нет, не думать ни о чем важном... Только не сейчас. Сейчас важнее всего сама попытка.

«А если не сейчас, то никогда?..»

Вредная, коварная мысль. Поспешность никогда не приводит ни к чему хорошему.

Как и бесконечные оттягивания.

Хорошо: не важное, не отдаленное, но выбивающее идиотские мысли из головы! Идея

зацепилась коготками и не отцеплялась. Самоубийственный и не менее идиотский вариант!

Но себе назло я уже вводил координаты. Это был компромисс между идиотизмом и чем-то нейтральным и бессмысленным. В конце концов, о чем я волнуюсь, если больше всего волнуюсь на самом деле о том, что просто ничего не получится? Пуск с задержкой в минуту. Я задержал дыхание, чувствуя себя довольно нелепо. Так накрутиться — наверняка все должно кончиться пшиком. Энергия нестабильна, совместимость крайне сомнительна...

Я моргнул, открыл глаза и посмотрел на приборную панель каплевидного катера. Изображение было расфокусировано. Самое время... Но в целом — удача!

Я моргнул еще несколько раз — лучше не стало. В голове все плыло. Должно быть, не слишком тонкая настройка и накладка. Теперь лучше сразу возвращаться. Проверено.

«Мнимое время не имеет конца и начала, назад, на пять-шестнадцать-тридцать шесть!»

Формула перехода — любая закодированная фраза, которую надо или произнести вслух, или сосредоточиться на ней как на мантре, слегка себя загипнотизировав. Это сигнал приемнику в тех координатах, откуда началось путешествие.

Ничего не произошло, хотя я произнес формулу вслух.

Я повторил. Попробовал сосредоточиться всеми силами. Нулевой эффект. На лбу выступила холодная испарина. То ли в самом деле не выходило сосредоточиться — сознание казалось таким же расфокусированным, как зрение, наложение вышло с предсказуемыми помарками, то ли приемник был негоден. Правда, как вобычно в таких случаях, я вполне достоверно ощущал себя одним человеком, только в состоянии морской болезни... да и в конце концов я впервые вторгался в версию самого себя очень недавнего времени. И даже полностью сознавал, откуда я взялся — значительно меньше помня, как естественным образом дожил до этой минуты в данном измерении, но, если я вовремя не уберусь, жить тому, другому мне, в физической оболочке которого я сейчас находился, используя как подопытную мышь, осталось совсем недолго. Вот сейчас на сканерах возникнут биоторпеды и... о какой маневренности в таком состоянии может идти речь?!

Конечно, для возвращения всегда есть и аварийный выход — через смерть носителя. Может быть, это вернет меня обратно. Но самоубийства, а вернее, убийства этой моей версии здесь не отменит. А если не вернет — теоретически, в том измерении, где я все еще нахожусь в королевском дворце, я даже не пойму, что произошло, и получилось ли хоть что-то. Скорее всего, решу, что просто ничего не вышло, и буду продолжать спать спокойно — по крайней мере, на этот счет, даже не узнав, что слепок моего сознания все же куда-то отправился и привел к катастрофе.

Но секунды и минуты шли, а на сканерах ничего не появлялось. Я с усилием сфокусировался на горящих на табло цифрах. В это время атака уже началась. Но кругом было тихо. Я перевел дух. Прошла уже точно целая минута с тех пор, как это должно было произойти. Две минуты, три... через пять я пришел к выводу, что ничего и не случится. Несмотря на выбранный крохотный отрезок смещения во времени, я оказался в достаточно далеком измерении. Хотя каким-то чудом в тех же самых пространственных координатах — в катере с прозрачными изнутри бортами в толще вод океана. В то же время, в том же месте, но «событие» было другое. Никакой видимой внешней опасности.

Сознание понемногу прояснялось, шок от накладки психоматрицы проходил, я вспоминал все больше о том, что привело меня сюда. Какой-то неясный импульс, толчок, простое желание побыть в одиночестве в подводном мире. Совершенно никакой разумной причины. Если не считать разумной причиной то, что это понадобилось мне в другом

измерении. В очень-очень, невероятно далеком измерении, потому что!..

Воспоминание потрясло меня дважды, дважды осознанное каждой частью меня, обладающей своей историей.

Потому что здесь все они — моя семья — были живы. Мы пришли к этой точке в пространстве и времени абсолютно разными путями.

9. Визитеры

«Мнимое время не имеет конца и начала, назад, на пять-шестнадцать-тридцать шесть!»
Хлоп!..

Вернулись и головокружение, и тошнота, и расфокусировка зрения. Но его все-таки хватало, чтобы увидеть призрачные светящиеся линии в недрах королевского кабинета, а не ночных вод. Я вернулся домой. В свое мрачное невеселое королевство.

И все-таки хорошо, что где-то было иначе!

Мы всегда знали, что время, как эволюция, движется всеми возможными путями. Знали, что, что бы ни случилось, где-то все было иначе, только это не имеет для нас значения. Но впервые я мог ощутить эту разницу так по-настоящему. И даже унес с собой часть воспоминаний о них, переживших тот самый день. Это было поразительно. Не так призрачно, как... как не был призраком этот призрак «Януса».

Какое-то время я просто сидел в кресле и вспоминал, несмотря на чудовищную головную боль, которая была как естественным следствием не слишком ювелирного переноса, так и нового морального напряжения. Вспоминал не произошедшие здесь встречи. Совместные радости, дразги и ссоры. Интересно, вспоминает ли сейчас другой я то, что могло бы случиться и в его мире, но не случилось? Чувствует ли себя осчастливленным этим знанием? Или призрачная тень исчезла бесследно — я не мог бы сказать, насколько успешно прошло соединение, после того как помнил все случившиеся «помарки». Ни в чем не нельзя быть уверенным.

На сегодня точно достаточно. Я временно отключил все поддерживающие модель системы, как ни жаль было это делать, и наконец вспомнил, что в ночное время нормальные люди обычно спят. Наверное, об этом можно было не вспоминать. Как после такого уснешь? Разве что с волшебными белыми круглыми пилюльками из флакончика Вирема. Без них обходилось редко. Но теперь повод был волнующим не в самом скверном смысле. Это было возвращение целого мира. Самой возможности снова оказаться не здесь и не сейчас.

Правда, кое-что и беспокоило. Можно ли в самом деле что-то изменить, если даже при небольшом смещении можешь оказаться так далеко? Не то чтобы я всерьез на это надеялся, но... всегда втайне хочется нарушить законы, особенно если это законы мироздания.

Я расположился в смежной с кабинетом комнатке. Времени на сон оставалось немного, но хоть пару часов урвать стоило, так как любой другой следующий раз был жестоко сомнителен. Хорошо еще, что сутки на Леде длиннее земных больше, чем на час. Вернее, сами часы тут длиннее, и для удобства их по-прежнему двадцать четыре. Может, попробовать как-нибудь перенестись физически из конца ночи в начало, чтобы выспаться? Все же несколько сомнительный метод... И обычно отправление куда-то всегда предусматривало возвращение. Уж лучше не палить из пушки по воробьям, а перенестись куда-нибудь на пару-другую столетий назад в порядке поездки на курорт... откуда само возвращение может стать сомнительным. Как всегда — черт его знает, где окажешься, и как далеко это окажется от сознательно представляемой и предполагаемой картины. Как ни нездоров настоящий образ жизни, все же он куда здоровее того, что я могу придумать и осуществить с помощью машины времени, которая не совсем машина времени, а еще и адский исполнитель желаний. Сам процесс отправлений и возвращений не так уж прост и безобиден. И, скорее всего, сомнителен в случае чего-то посущественнее, чем

электромагнитная копия сознания. С ней «призрак станции» еще мог справиться, как с чем-то с ним однородным.

Так что единственный пока выход — в том числе чтобы побережся от подобных небезобидных идей — белые пилюльки. Пусть и их помощь штука разрушительная.

Но действенная.

Голова у меня раскалывалась после эксперимента. Несмотря на болезненную взбудораженность, я устал настолько, что пилюлькам понадобилось совсем немного времени, чтобы меня усыпить, должно быть, свою роль сыграло и ощущение, что я до сих пор нахожусь где-то между тысячей миров, и сон — только один из них, переход в него был естествен.

Я не помнил, что заснул, мне снились мои новые воспоминания, чужие и драгоценные, похожие на фантазии. Затем, без всякого перехода, я вдруг открыл глаза и обнаружил, что в комнате кто-то есть. На фоне бледнеющего окна, которого на самом деле здесь не было, но была его декоративная проекция, вырисовывался темный силуэт худощавого человека, довольно хрупкого. Старика, судя по особой неловкой едва уловимой сгорбленности. Волосы, легкие как паутинки, окутывали его голову прозрачным облачком.

Я подскочил на своей дежурной кушетке, стряхнув легкий клетчатый плед, и резко сев. — Ты! — воскликнул я. Не то чтобы его появление вызвало у меня сильное чувство тревоги. Этот абрис был мне чем-то очень знаком. «Даже дважды знаком», — решил я. Какой же из вариантов я видел теперь?

Он неуловимо качнул головой в темноте. Это выглядело лишь как тень отрицания.

— Ты, — прошелестел произнесенный шепотом или эхом ответ.

Я мысленно нетерпеливо отмахнулся — вероятно, он имел в виду, что появился в ответ на какое-то мое действие, или еще что-нибудь, но все же это он прибыл сюда, а не наоборот.

— Оливье? Когда-то мы звали тебя так? — Если, конечно, он из подходящего измерения, и если для него эта наша встреча происходит позже предыдущей, а не раньше. Но был и другой вариант, и я не мог его не высказать: — Мерлин?

С Оливье мы встретились в шестнадцатом столетии. Он прожил бок о бок с теми людьми, что приняли на время наше сознание, многие годы, а затем удалился, сообщив, что отправляется в свое время, оставив этаким реверанс на прощанье — признание, что был наблюдателем из будущего, которое окажется весьма далеким от нашей версии развития событий.

А Мерлин, собственно говоря, не был никаким Мерлином — хотя мог сам и не подозревать об этом. То, что мы видели в пятом веке в Британии, мы в конечном счете сочли за особый сбой в работе станции, создавший нечто вроде время от времени материализующегося техногенного призрака. И раз уж только что в соседней комнате я имел дело как раз с честным техногенным призраком, не закономерен ли подобный отзвук? Это было бы даже правдоподобнее появления здесь Оливье. И кроме того... ах да, я же сплю, хотя обстановка, которую я вижу, соответствует реальности, или я сейчас только так думаю. В подобном сне не было бы ничего удивительного. Все ясно, во сне он может говорить что угодно, или так и не ответить вовсе. Сны, похожие на реальность, — сплошное переливание из пустого в порожнее.

— Отчасти, — он вздохнул, подошел поближе, кажущийся вполне реальным человеком, и присел на краешек кушетки. — И помимо всего этого, ты тоже.

— Как и все мои сны, — кивнул я, вполне удовлетворенный. Мне показалось, он тихо

усмехнулся.

— Конечно, все мы всегда спим. Все наше существование только дрейф снов во снах. Инерция сознания, атавистическое стремление к единственной защищенной реальности подсказывает тебе, что проще считать меня сном, а не кем-то, кто так же легко, как ты, вторгается в чужие... реальности или сны — как угодно.

— Да, кто бы говорил...

— И правда — кто бы?

— Но если всерьез, если не считать всех людей какой-то версией себя, то ты не я, — заметил я. — Ты на меня даже не похож.

— Заберись поглубже в другие временные потоки, вот хотя бы как сегодня... — пожал плечами «Оливье» — мне все-таки было проще считать его человеком, а не призраком, — и увидишь, много ли останется сходства. Тем не менее, когда ты однажды возвращался на «Горгулью» и нашел бомбу совсем не там, где она должна была быть, это все еще был ты, и это все еще был тот самый корабль.

— Или не я и не тот же.

— Можно рассудить и так, — беззаботно признал он. — На самом деле, ты понимаешь, о чем я говорю, и знаешь, что я прав ровно настолько, насколько это имеет значение. наших историй много. В том числе и та, которую ты помнишь мельком, — он неопределенно повел рукой, — о металлических стенах вокруг маленького узкого пространства, похожего на закрытый гроб.

— Ты хочешь сказать, это мое будущее? — спросил я после паузы, замкнутой и гладкой, как металлическая капсула. — И ты уже был там?

— Может и нет, почему мне знать? Это только одна из наших историй.

Я кивнул.

— А еще — это просто случилось, — заключил я, чувствуя, что меня это больше не беспокоит и не вызывает протеста. — Я все-таки сошел с ума. Это должно было случиться, я знал, чем рисковал, но меня это не останавливало, я должен был доиграться. Впрочем, знаешь ли, я даже не против — мир не стоит того, чтобы оставаться в нем в здравом рассудке. Не имеет значения, сон ты или нет — даже если нет, это уже в порядке вещей.

— Несомненно, — усмехнулся «Оливье». — Я ведь тоже сумасшедший. И не могу то и дело не заглядывать туда, где все началось... Одно старое лицо, одно молодое. Что-нибудь напоминает?

— Слишком просто даже для сна. Видимо, я уже на пороге пробуждения.

— Если оно существует, — рассмеялся он. — На деле, конечно, их тысячи — тысячи историй, а не только одна или только две. Но вместе они становятся одной, и у одной вещи появляется одно и то же имя, во многих ее версиях. То, что вблизи кажется крайне беспорядочным и случайным, в перспективе, с расстояния, в масштабе, выглядит монолитом. Как скала, по большей части состоящая из пустоты.

В какой момент Оливье исчез, я так и не заметил. Во сне не задаешься такими вопросами. К тому же сны — лишь отражение наших будней. Мы всегда на самом деле знаем, откуда берутся наши фантазии. Это было еще самое спокойное, что могло мне присниться в ту ночь, или что я предпочел запомнить из всего, что приснилось. Тем более что будни не заставили себя ждать, чем бы я ни занимался ночь напролет, дергая за плавники несчастных акул или пытаюсь разрушить континуум — и в целом, и всего лишь свой собственный. Наступало утро, которому совершенно не было до этого дела, и которое,

как любое другое, требовало внимания к себе, не спрашивая, крепко ли мы спим ночами, и есть ли нам хоть что-то, если положить руку на сердце, до дневных забот.

— Ваш терро! — весело возвестил появившийся поутру Вирем. — Конечно, вам лучше знать, стоит ли совершать по ночам бурные морские прогулки, но...

Терро — это кофе, который растет на Леде. С тех давних пор, как он был завезен с Земли, он успел здорово мутировать, приобрести «врожденный» привкус корицы, жженого сахара и сырой земли после дождя, но главное, что в нем содержался кофеин, и в куда больших количествах, чем в зернах его земных предков. Земные сорта тоже со временем в основном становились крепче, не считая специальных сортов почти совсем без кофеина. Экономика заключалась в том, что заваривалось это крепкое сырье, как правило, в значительно меньших количествах, чем считалось бы нормальным в старые мифически добрые времена. В честь чего кофе Леды приобрел название «терро», имелись расхождения — то ли от ностальгического древнего названия Земли, то ли от слова «террор» — а избыток кофеина и не до такого доведет, то ли от остатка слова «кафетерий», если отнять от него собственно «кафе».

С трудом продрав глаза, я разглядел, что гвардеец пристально меня рассматривает.

— А потом-то что было? Читали до утра? — недоверчиво продолжил он. — Выглядите так, будто вас только сейчас накрыло морской болезнью.

— А... ты совершенно прав. Не спалось...

Вирем осуждающе покачал головой.

— А снотворное? Пришло в голову принять только за час до того, как пора вставать? И почему здесь, а не в нормальной спальне?

— Чтобы поутру не пришлось далеко ходить. Кстати, Вирем, давай как-то более подружески. Мне не нравится говорить тебе «ты» в одностороннем порядке, так что если ты откажешься, я лучше перейду на твой стиль, нет проблем...

— Мм... сэр?

— Коммандер?.. — в чинах у нас случилась передвижка, как по печальным техническим причинам, так и потому, что лучших кандидатур на повышение на освободившееся место я не видел. Официально капитаном королевских бомбардировщиков теперь числился я. А более высокие должности в данной конкретной традиционно-сувенирной, по крайней мере в моем случае, гвардейской части не были предусмотрены. Обязанности Дона, разумеется, я бы сувенирными не назвал.

— Но...

— Начнем с неофициальных моментов. Не собираюсь смущать при всем параде, но уж когда ты приносишь мне терро и рассуждаешь о снотворном или накрывшей меня морской болезни...

Вирем подавил рвущийся наружу смех.

— Хорошо, сэр... — он наконец поставил маленький поднос с терро мне на колени, уверившись, что я не опрокину его на себя немедленно. — Могу я некоторое время подумать?

— Подумайте, прошу вас, — ответил я не менее церемонно и отхлебнул горячий терро. В голове будто с хлюпаньем просела трясина, разум немного прочистился. — О боже... — пробормотал я, получив одновременно с этим прояснением ощутимый удар невидимым

молотком по макушке.

— Сегодня есть несколько неприятных дел, — напомнил Вирем. — Уж не хотели ли вы их избежать столь своеобразным манером — покончив с собой в «нейтральных водах»?

Я тихо хрюкнул, чуть не поперхнувшись терро.

— Нет. Не думаю, что это бы сильно помогло. Вирем, — обратился я, чуть помедлив, — а когда у нас завтра будет перерыв в делах?..

— Завтра? — слегка опешил Вирем.

— Да, завтра. Так чтобы мы могли собраться поговорить с экипажем «Горгульи». Как бывало. Посоветоваться по некоторым... общим проблемам?

— А-а, — понимающе проговорил Вирем. — Конечно, ведь сегодня речь опять должна пойти о них на переговорах с Солнечной Лигой. Она все еще требует выдать их. — Вирем выдержал красноречивую паузу. — Но только завтра? Значит ли это, что вам нужно время собраться с духом, чтобы сообщить им дурные новости?

— Не мелите чепухи, Дон!

— Конечно, сэр.

— Так-то мы переходим на доверительные отношения, — усмехнулся я. — Я просто еще не уверен, будут ли у меня новости — которые могут быть интересны. В этом нет ничего угрожающего.

— Совсем? — с невинным взглядом переспросил Дон.

— Абсолютно. — Как в мирном атомном реакторе.

Переговоры удались на славу.

Около полудня ко мне заглянул полковник Страйкер и передал кое-какие сведения о том, с кем из инженеров дворца я могу переговорить сегодня непосредственно, с кем по удаленной связи, если меня это устроит, а с кем, увы, не смогу встретиться никогда, потому что они уже скончались. Несмотря на последний факт, я затребовал их список и личные досье. В конце концов, у меня была, пусть пока не слишком хорошо и безотказно функционирующая, машина времени, так что, несмотря на факт чьей-то смерти, я мог при очень большой необходимости все же повстречаться с ним. Хотя придумать благовидный предлог было бы непросто, но есть же еще один способ: можно никого ни о чем не спрашивать — просто оказаться в его голове.

А потом полковник сообщил, что представитель Солнечной Лиги ожидает личной приватной аудиенции, о которой давно уже запрашивали, и на что наконец-то получили согласие, чтобы разъяснить некоторые детали непосредственно.

— Хорошо, впустите его в гостевую приемную.

Гостевая приемная — очень необходимая штука. Не каждого же стоит впускать в такое важное место, как рабочий кабинет. Что угодно может случиться, никогда не знаешь, какой именно секрет из кажущейся ничем не примечательной обстановки, утечет сквозь пальцы совершенно незамеченно. Даже если он никому особенно не нужен и не сделает никакой погоды — таковы правила игры. Это только нам то и дело кажется, что ничто частное на свете и в историческом процессе не имеет особенного значения, а «за всеми вещами мира стоит пустота» — что-то вроде профессионального заболевания.

— Прощу прощения, ваше высочество, это не он, а она.

Я приподнял бровь, мгновенно заподозрив неладное. Что было несложно, раз у меня

имелась всего одна яркая негативная ассоциация с Солнечной Лигой и всей текущей ситуацией, которую мы собирались обсуждать.

— Полковник Крейг? Я вроде бы видел его досье, хромосомный набор и личные убеждения ничего не говорят о том... — я многозначительно замолчал.

— Простите, полковник Крейг внезапно заболел. Непредвиденный приступ аллергии на местную пыльцу, с тяжелым побочным эффектом. Полковник в коме.

— Ого!.. — Да это похоже не просто на прагматичную рокировку, а на желание впечатлить и передать тем самым особое послание. Кто еще так поступает, кроме старых недобрых знакомых?

— Ему оказывают всю возможную помощь. Его непосредственная начальница вызвалась вместо него.

Меня разобрало желание расхохотаться. А заодно что-нибудь взорвать.

Это же настоящий театральный сценарий. Впрочем, я допускал, что полковник в самом деле может быть в коме, пусть даже из-за аллергии, если его попросту подобрали для миссии ввиду специфической непереносимости вышеупомянутой пыльцы.

— Кто же она?

— Генерал-лейтенант Лидина. — Разумеется, если уж впечатлять, то и имени лучше не менять, и заодно с интересом последить, как долго я не буду ее пускать, или не пушу вовсе.

— Кажется, я о ней не слышал. Но ее ведь мы не проверяли на благонадежность?

— Проверяли, — с чувством удовлетворения опытного бойца, которому есть чем поделиться с неофитом, ответил Страйкер. — Она не раз бывала здесь в составе делегаций.

— И все проходило гладко и без эксцессов?

— Разумеется. — На лбу Страйкера собрались изумленные морщинки.

— Начнем с первого из них. Насколько я помню, я утверждал список делегации. Почему я не помню, чтобы там было это имя?

— Оказалось, нам выслали неутвержденную копию по ошибке, произошли кое-какие перестановки, но нам прислали раннюю версию.

«Как удобно».

— И вам это несколько не кажется подозрительным?

— Разумеется, вы можете ее не принять, сославшись на эту вопиющую небрежность... — Голос полковника стал задумчивым: один из членов делегации в коме, другого не принимают из-за бюрократической ошибки — формально все правильно, но как это может выглядеть со стороны, в общественном мнении... а какие из этого могут последовать дипломатические выводы?..

— Знаете что, — проговорил я, старательно изобразив озабоченность, — я хочу лично посетить полковника Крейга, чтобы удостовериться, что он будет в порядке. Можете пригласить эту... его начальницу на совместное посещение госпиталя.

— Он не в госпитале. Он в медицинской капсуле на их корабле. Поэтому Лидина просит о встрече как можно скорее, чтобы они, не откладывая, могли отбыть домой.

— Как удобно, — сказал я на этот раз вслух.

— Ваше высочество?

— А его осматривал хоть кто-то из наших врачей?

— Не знаю, к чему вы клоните, но в этом не было необходимости...

— Я надеюсь, прямо под нашим крылом не происходит какое-нибудь преступление против личности, которое мы даже не можем предотвратить и никак не можем

проконтролировать. Разумеется, их судно — их территория. Но вам не кажется, что у них на корабле произошло нечто вроде локального переворота?

Страйкер посмотрел на меня с упреком и пониманием. Втайне не без одобрения. Как может военный не одобрять здоровую паранойю?

— Я мог бы поручиться за эту даму, — промолвил он совершенно беспечно. — Мы общались прежде. И это точно она, я проверил ее личность. — Страйкер снова лучился довольством, будто ему лично удалось исправить бюрократическую ошибку, о которой меня никто не подумал предупредить сразу же, как только она была обнаружена. Впрочем, наверняка она была обнаружена в последний момент. Об этом бы позаботились.

Я ответил Страйкеру улыбкой. Интересно, насколько хорошо он был знаком с этой дамой? Настолько ли хорошо, чтобы иногда в приятной беседе обмениваться информацией без всякой задней мысли со стороны Страйкера, который в ином случае не был бы так доволен и беспечен?

— Я вижу, она вам нравится, Страйкер?

— Настолько, насколько может нравиться высокопоставленный офицер другого государства, — чопорно подтвердил Страйкер.

— Отлично, полагаюсь на вашу рекомендацию. Ведь я с ней совершенно не знаком. Надеюсь, мне она понравится тоже. Но вот еще!.. — я напустил на себя шутливо-строгий вид.

— Да, ваше высочество!

— Я же не должен вам напоминать о том, что не следует говорить с высокопоставленным офицером другого государства ни о чем кроме погоды или внезапно подорванного здоровья его подчиненных?

— Ни в коем случае! — На изжелта-бледных пергаментных щеках смущенного Страйкера выступили насыщено-пунцовые пятна.

Я был совершенно уверен, что кое-какую полезную информацию она некогда от него уже получила. Может быть, он даже сегодня уже обмолвился о моей забавной просьбе найти всех инженеров, имевших отношение к дворцовому комплексу. Сочтет ли она это за нечто более интересное, чем счел он сам? Впрочем, он мог и не говорить об этом, ведь здоровье полковника Крейга тема слишком волнующая, чтобы вспоминать о посторонних сущих пустяках. А если я спрошу его об этом напрямую, вот тогда и он заинтересуется, и может по чистой случайности наломать дров. Собственно, как он выдал себя сейчас — мне, ничего об этом не подозревая.

— Что ж, пригласите ее в гостевую приемную через... — я глянул на часы, — десять минут. Распорядитесь, чтобы туда принесли свежий терро и десерты. А также бокалы и графин с легким вином. Только не цветочным — побережемся пыльцы.

Страйкер ухмыльнулся и в его обычно почти бесцветных глазах заплясали искорки:

— Желаете произвести впечатление на даму? Боюсь, я не предупредил — она значительно старше вас.

— Я догадался, раз уж она высокопоставленный офицер Республики, а не монархии вроде нашей, где чин может быть лишь эвфемизмом для происхождения. Тем не менее, вы правы — я желаю произвести впечатление. Раз у меня как раз нет ничего, кроме происхождения.

Страйкер подавил смешок, превратив его в сдержанную улыбку, спрятанную в корректном кивке-полупоклоне.

— Но все-таки не забудьте все полагающиеся сканеры, как бы замечательно вы к ней ни относились. — После прямого напоминания он не сможет пренебречь ими по дружбе.

Страйкер еще раз кивнул, уже без улыбки, и вышел за дверь.

Я проводил его взглядом, прислушиваясь к собственным ощущениям. Верил ли я всерьез, что Солнечная Лига может быть причастна к происшествию с моими родными? И в частности Лидина, как ее персонификация и уже известный враг. Кстати, я ведь могу проигнорировать приличия и избавиться от нее при встрече. Что бы ни последовало дальше, это можно будет замять, объяснить прискорбным недоразумением. Такие дела в наших кругах всегда можно замять. И она знает об этом. И сознательно провоцирует. Проверяет, как далеко она может зайти. Не дальше последней черты, разумеется, как и все мы.

Я поднял со стола коммуникатор.

— Вирем? Знаю, что сейчас не ваше дежурство в кои-то веки, но мне нужна ваша помощь. Разыщите экипаж «Горгульи», пусть все будут под защитой, не пускайте к ним никого, в том числе или в особенности полковника Страйкера. Передайте Тарси Карелл, что здесь находится ее мать.

— Мм... в фигуральном смысле? — уточнил Вирем.

— Разумеется, но ей этого говорить не нужно — что фигурально. Она поймет и, надеюсь, будет осторожна.

10. Переговоры

А теперь пора было отправляться на встречу. Не заставляя же предположительно незнакомую мне даму ждать.

Одна из дверей в стенах, обычно хорошо заблокированная, вела по короткому коридорчику в гостевую приемную. Миновав дверь, разблокированную личным паролем, я тщательно запер ее за собой. Наглухо. Так, что и сам не мог бы вернуться этим путем в кабинет. Для последнего придется пройти длинным путем снаружи. Маленькая предосторожность. Не стоит недооценивать внезапную собеседницу. Она, конечно, повела себя очень смело. Значило ли это, что она блефует? Может быть, даже рассчитывала, что я не приму ее или устрою какой-нибудь неосторожный скандал, который она сможет обернуть себе на пользу.

Никаких скандалов и задержек.

Я вошел в еще пустую приемную. Оглядел серебристо-бархатные стены и кресла, расставленные уже на столике вазочки с десертами, бокалы и чашки с дымящимся терро, удовлетворенно кивнул и сел напротив второй — внешней двери. Буквально через пару минут она с шипением отъехала в стену, и Страйкер пригласил Лидину войти, что она и сделала. Я с легкой официальной улыбкой поднялся ей навстречу. Страйкер с поклоном отступил назад, и дверь между ним и гостьей закрылась.

— Приветствую вас на Леде, — сказал я ровно. — Позвольте выразить мои соболезнования по поводу внезапного недуга полковника Крейга. Вы не желали бы предоставить его заботам наших медиков? Уверен, у них здесь больше возможностей предоставить пострадавшему все необходимое.

— Благодарю вас, ваше высочество. — Лидина остро взглянула мне в глаза, оценивая, как я ее воспринимаю, но держалась того же официально-вежливого тона, что и я. — Мы ни в коем случае не хотим обременять вас.

— Ну что вы, законы гостеприимства священны. — Я повел рукой, приглашая ее сесть в кресло и, взявшись за спинку, галантно подвинул его поудобнее для нее. — Немного вина? Терро?

Она села, бросив на меня еще один пронзительный взгляд. Пожалуй, со времени нашей последней встречи, она изменилась. Выглядела более сухой, напряженной и уставшей. Постаревшей. И конечно, как бы она ни была отчаянна, она не имела того преимущества, что прежде и, возможно, поэтому выглядела какой-то маленькой и хрупкой. Как когда-то говорил отец? «Редкой женщине мне хочется свернуть шею. Медленно. Чтобы долго хрустели кости». Если она даст мне понять, что как-то замешана, или что-то знает о том, что произошло...

Я с некоторым удивлением отметил подтекст своих мыслей — если это не так, то прошлое меня совершенно не интересует. Все мы политики, не все скелеты в шкафу имеют значение для будущего.

— Благодарю, — сухо ответила она. — Ничего не нужно.

Есть много видов ядов. Некоторые из них дают о себе знать лишь спустя очень долгое время, некоторые просто заставляют потерять осторожность.

Я не удержался от смешка.

— Даю слово, ничего не отравлено, можете этого не бояться.

— Я вовсе не боюсь, — произнесла она с укоризной, — но не в моих привычках предаваться излишествам. Я здесь не для развлечения. Я прибыла обсудить весьма серьезные вопросы.

— Прекрасно. — Я взял графин, налил вина в оба бокала и пододвинул один к ней, не обращая внимания на ее слова. — Тогда перейдемте к делу.

Взяв второй бокал, я рассеянно прихлебнул из него.

— Мы неоднократно просили вас вернуть некоторых наших граждан.

Я демонстративно приподнял бровь:

— Напомните мне, пожалуйста.

— Вы прекрасно их знаете.

— Неужели? Тогда вы прекрасно знаете наше отношение к этому вопросу. Оно вполне определено. Если у вас нет каких-либо вновь открывшихся обстоятельств, разумеется. Мы уже слышали все ваши аргументы.

— Значит, вы сможете отказать и мне?

— Мадам? Я уважаю ваш пол, возраст и занимаемую должность, но должны же быть и более веские причины.

— Ну, скажем... — она будто невзначай приподняла руку со слегка согнутыми пальцами.

— Попробуйте груши, — предложил я дружелюбно. — Это отличный сорт.

Она замерла в задумчивости, не встретив агрессивной реакции.

— Вы помните меня? — спросила она с легким сомнением.

— Простите, кажется, мы не встречались?

Она нахмурилась, раздумывая — могло ли случиться так, что, например, ее дочь стерла мне память о том дне, чтобы более гарантированно сохранить рассудок?

А может, в ее памяти промелькнула мысль о том, что, вернувшись из другого времени, мы вернулись из другого измерения с другим собственным прошлым, и у меня действительно нет этих воспоминаний. Это было бы еще веселее.

Но вот она тряхнула головой, отменяя всю эту метафизику.

— Вы лжете, — мрачно и непримиримо заявила она. — Вы лгали даже под наркозом.

— А вы весьма недипломатичны, — заметил я. — Чего вы хотите добиться вашей угрюмостью? Международного скандала?

Она вперила в меня стальной взгляд. Я понял, что она надеялась, что я все еще боюсь ее, на животном подсознательном уровне. Может, так оно и было. Но этот уровень пришлось бы долго выкапывать из-под наслоений воспоминаний других личностей. Иногда они мешают жить мне самому, а когда-то из-под тех же наслоений она не смогла раскопать то, что ей было нужно. Именно это она называла ложью.

— Интересно, что она вам сказала? Может быть, наплела, что остановила действие рефлексора ранее, чем через полчаса?

Я промолчал. Так оно и было. Но кто кому плел? Раньше, или прямо сейчас?

Она слегка улыбнулась и покачала головой.

— Я надежно выждала время. Я должна была убедиться, что могу воздействовать на вас в будущем, даже если больше не стану применять этот аппарат в действительности. После того, как проходит полчаса, связи в нервной системе остаются навечно. Собственно, и частицы аппарата навсегда остаются внутри. Его не нужно применять больше, чтобы иметь возможность использовать в любой момент. Я всегда могу остановить ваше сердце. На

секунды, или дольше. Нужен лишь зрительный или слуховой контакт.

— А вы сознаете, что рискуете гораздо больше, чем я?

— Слишком многое поставлено на карту, принц Эрвин, — усмехнулась она. — Но мы можем договориться. Сделайте, что я прошу, и я вас не трону. Обещаю. И не тронет позже кто-либо другой, если вам удастся хитростью от меня избавиться. Я знаю, страх, внушенный рефлексором, отпечатывается на всю жизнь. Избавьтесь от меня сейчас, и я обещаю вам, что однажды вас убьют именно с его помощью. Или, разумеется, вы можете покончить с собой, — прибавила она иронично.

— Вы очень храбрая женщина, — констатировал я рассеянно.

— Вы хотите, чтобы я доказала вам, что вы трус? Если и не были, то стали, после того, что я с вами сделала.

«Последний раз я вижу тебя храбрым», — сказала она мне перед тем, как механизм начал свое действие.

— Хорошо, — кивнул я. — Докажите мне. Прямо сейчас.

Лидина заколебалась.

— Прошу вас, — улыбнулся я. — Я настаиваю. В конце концов, мне очень интересно, о чем вы там говорите.

Она все еще медлила, так что я заговорил снова:

— Но прежде, чем вы попытаетесь меня убить, ответьте на один вопрос — вы причастны к смерти моей семьи?

На ее пергаментных щеках появились два контрастных ярких пятна.

— Возможно... — проговорила она задумчиво, почти неуверенно, обдумывая, как бы ей лучше использовать этот момент. Так что это «возможно» не прозвучало как ответ, хотя и могло бы.

— После того, что вы уже сказали, неужели вы опасаетесь, что в этой комнате ведется запись?

— Вовсе нет, — улыбнулась она. — К тому же запись можно и подделать. А разглашение того, о чем мы говорили, скорей сыграет против вас, покажет, что вы зависимы и недееспособны. Не можете быть монархом.

— Я и не монарх, пока что.

— Принц-регент? Не смешите. Все дело в названии. А может быть, в чувстве вины? Потому что вы считаете виновным в их гибели себя. Может быть, так оно и есть?

Бокал в моей руке задрожал. Я только чудом поставил его на столик, не разбив.

— Так вы ведете запись? — осведомилась она. — Может быть, там останется ваше признание в содеянном. Ведь если они знали, что вы недееспособны, это было вам на руку — остаться одному...

— Они не единственные, кто знал бы.

— Но единственные, кто мог использовать это знание без доказательств. Разве мне неверно сообщили, что намечалась официальная перемена наследника? А вы только что показали, что прекрасно все помните.

— Разве? Я услышал лишь, что у вас нет доказательств. Может, предъявите их хотя бы мне?

— Вы в самом деле этого хотите? — ее глаза загадочно поблескивали.

— Если, разумеется, вы вообще это можете.

— Ваше чувство вины настолько глубоко? Вы полагаете, это поможет вам забыть?

Переложить вину на другого? Считать, что вы находились под посторонним влиянием? Ну извольте, — она торжествующе подняла руку. — Я держу ваше сердце, и мне нужно лишь сомкнуть пальцы, чтобы это перестало быть пустым разговором.

Ее пальцы напряглись, сжимаясь, я смотрел на них, но представлял в них ее собственное сердце. В груди глухо кольнуло. Но это было все. И скорее всего, было лишь следствием «пустой беседы». Она сама совершила ошибку. Я был в такой ярости, что едва ли она сумела бы перебить волну гнева страхом, даже будь у нее шанс. А будь мы в другом времени, может, даже, мне удалось бы воздействовать на нее саму, как случилось когда-то с Пеллином. Мне лишь представилось, что бешенство ударило из меня огненной волной. А он и впрямь это почувствовал. И лишился чувств. На некоторые миры мы можем воздействовать весьма странно. Иногда можно солгать себе самому, что мы способны на это и в своем.

Ее взгляд стал чуть недоуменным и озабоченным. Она сжала пальцы сильнее.

— Вы в самом деле пытались напугать меня этим? Думаете, я настолько внушаем?

Она деланно небрежно рассмеялась.

— Стоило попробовать.

— И оставить на предполагаемой записи доказательство вашей недееспособности, а не моей. Кстати, о чем вы, черт побери, вообще говорили? Что такое рефлексор?

Она посмотрела на меня с таким видом, будто собиралась вскочить, как ошпаренная кошка.

— Кто вы, черт побери? — ответила она вопросом на вопрос. — Двойник? Брат-близнец? Вас было двое? — «Да, и одного из нас звали Мордред», — мог бы ответить я не так уж давно.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите.

— Тогда, я надеюсь, вы передадите мои слова по адресу.

— Ответ от адресата здесь и сейчас. Боюсь, вы подверглись какой-то интоксикации, не только ваш официальный представитель. Настоятельно рекомендую вам обратиться к врачу.

Она окинула меня задумчивым взглядом с головы до ног.

— Я начинаю подозревать, что не помешало бы генетическое расследование.

Я холодно улыбнулся в ответ.

— О, не беспокойтесь. Тут все на высоте. И как вы понимаете, ваши требования снова не будут выполнены. Вы провалили миссию с треском, мадам.

Она опустила голову, прикусив губу.

— А вы ведь могли бы меня понять, — проговорила она совсем другим тоном, почти кротким. — Вы же знаете, что я лишь хочу вернуть своих детей. У вас тут... небезопасно.

— У нас?.. — уточнил я.

— Вы же не станете отрицать произошедшего несчастного случая. И, по словам полковника Страйкера, вчера и вы подверглись нападению на прогулке.

— И это навело вас на мысль, что я сам причастен к подобным несчастным случаям?

— Я не знаю, что и думать. Я лишь беспокоюсь за своих детей. Я готова на все, лишь бы защитить их.

— Вы можете быть уверены в одном. Здесь они в куда большей безопасности, чем рядом с вами.

— Это угроза? — встрепелась она.

— Не надейтесь, — ответил я довольно-таки угрожающе.

— Но как вы можете гарантировать их безопасность, если не можете гарантировать своей?

— Этот мир — очень ненадежное место, мадам. Все относительно, и можно полагаться лишь на статистические вероятности.

— Но если с ними что-нибудь случится...

— Я бы сказал, что вы за ними уже не уследили.

Она поджала губы, и в ее глазах, направленных куда-то мимо меня, полыхнула неукротимая злость.

— Этот «Янус»!.. Сперва вы забрали моего сына. Извратили, бог знает что сделали с его головой, что ему внушили! А потом и дочь. Как? Что вы с ними сделали?!

— Каждый сделал свой собственный выбор. Как вы, так и они.

— Так не бывает! — воскликнула она в сердцах. — Какой еще выбор? Есть только влияния, хорошие и дурные, правильные и неправильные!

— В чем-то вы правы. Рано или поздно дурные влияния отталкивают. Если не губят.

— Но это МОИ дети! Не ваши. Они иной породы! Им не место среди вас. Можете лгати что угодно, но вы держите их в заложниках...

— То есть, вы хотите сказать, что если я вздумаю угрожать их жизни, я смогу оказать на вас влияние?

Молчание оказалось на редкость резким.

— Если с ними что-нибудь случится, — проговорила она искренне или искусно-поддельно надреснутым голосом, — вы знаете, как вы умрете. Если вы еще не знаете, о чем мы говорили, советую навести справки. Так же как в том случае, если что-нибудь случится со мной.

— Между «желать» и «мочь» лежит огромная пропасть. Иначе сколько бы наших желаний уже сбылись, и не нужно было бы вести никаких переговоров или пытаться кого-нибудь напугать, чтобы добиться от мироздания хоть какого-то благосклонного отклика. В отличие от вас, я не считаю угрозы и убийства хорошим влиянием. Почему бы вам не пересмотреть собственную жизненную позицию? Нельзя же все время жить в неврозе. Как вы понимаете, прием окончен. Не позволите ли вас проводить? Боюсь, вам это необходимо.

Заодно пригляжу за Страйкером. Меня настораживало его благодушие в разительном контрасте с тем, как была настроена, за закрытыми дверями, наша гостья. Чьей линией поведения я был все-таки заинтригован. Не могла же она ожидать, что чего-то добьется напрямик. Лиддел Гарт бы определенно не одобрил. Отвлекала внимание? От чего? Разумеется, она понимала, что находится в безопасности. Самоотверженно решила провести краш-тест на мою психическую устойчивость, чтобы убедиться, что не создала сама себе проблем в большой политике? Что ж, это мысль. Тогда она, пожалуй, должна быть на самом деле довольна тем, как все сложилась. А свое странное поведение объяснит затем какой-нибудь спонтанной аллергической реакцией.

Она поднялась, не возражая, полностью владея собой, будто ее и впрямь уже ничто не беспокоило, и напоследок огляделась по сторонам.

— Раньше здесь было светлее, — заметила она. Это верно, кругом было слишком много белого. Это было слишком неестественно. Утомляло даже тех, кто об этом не задумывался.

— И деревья когда-то были выше.

Грубоватый ответ, как и многие за сегодня. Но должен же и у меня быть какой-то предел терпения среди этого фарса. Это были последние слова, провокации закончились.

Когда мы вышли из приемной, Страйкер, встречавший нас за дверями, приподнял брови с видом приятного удивления. Может быть, подумал, что мы пришли к какой-то договоренности, или просто прониклись друг к другу симпатией, что его, похоже, только бы порадовало. Искренне. Значит, все-таки было у этой женщины какое-то другое лицо, только мне она его старательно не показывала. Я почти поверил в то, что ее и впрямь интересовала только моя реакция на прямую атаку, чтобы знать, чего можно ждать в дальнейшем.

На людях мы вели себя дипломатично. Я выразил намерение сопроводить ее непременно до ее судна, граница которого, к сожалению, являлась границей другой державы, и проникнуть туда с инспекцией не представлялось возможным. Но уж проследить лично, чтобы она не задержалась нигде по дороге и не перемолвилась с кем-либо лишним словом, я мог. Разумеется, перемолвиться с кем-то всегда можно и по удаленной связи, но это уже совсем другой разговор...

Никаких больше сложностей и эксцессов. Как будто теперь ей самой не терпелось поскорее убраться. Ни слова больше о ее детях не прозвучало, да никому, кроме нас и не следовало знать об этих родственных связях. Зато она выразила в присутствии посторонних сокрушение об Арли и его экипаже, не моргнув глазом назвав их национальным достоянием Республики, которой неимоверно горько его лишиться. Со стороны Денеба было совсем не по-дружески сманивать к себе лучшие умы и культурных героев. Я напомнил, что Лига — Республика предположительно демократическая, и не мне, представителю державы монархической, объяснять основы личной свободы ее граждан. Хотя, разумеется, и у нас государство просвещенное, и монарх никак не деспот, а лишь «гарант конституции». Она только притворно вздохнула — полностью отгородившаяся от всего, что произошло, будто все это была не она, и не с ней. Прощалась она с философской улыбкой. Разумеется, это тоже немного нервировало, догадками о том, что какой-то посторонней цели она, возможно, достигла, о чем мы еще не знаем. Нужно будет проверить немедленно после ее отлета, целы ли и здоровы все те, кого она желала бы вернуть. Но я вполне полагался на Вирема, да и на них самих. Главное, чтобы она убралась отсюда подальше. Она умела действовать на нервы даже тогда, когда ничего в действительности не делала.

И это наконец случилось — корабль оторвался от земли и плавно направился к своей стартовой позиции на орбите. Это было официальное отбытие, возвращение после которого без особого оповещения и новых запросов было неправомерно даже в случае аварии, хотя в последнем случае, конечно, все процедуры упрощались.

Теперь стоило уточнить то, что мне давно хотелось уточнить, из-за чего я себя чувствовал будто на иголках.

— Вирем, у вас все в порядке? Никто не потерялся? Все целы?

— Да, разумеется, — голос Вирема звучал удивленно настороженно — больше удивленно.

— Последите за порядком еще немного, хорошо? Я свяжусь с вами, как только смогу.

Появилась ведь еще одна проблема. И это только из известных — Страйкер. Как неудачно, что именно он помогал мне найти данные для другого дела. Мог ли он перемолвиться с ней о нем, ничего не подозревая, по дружбе, как он полагал? Может быть, задание показалось ему забавным и оттого достойным упоминания в ничего не значащей светской беседе. Конечно, оно и так не осталось бы надолго засекреченным, но сама свежесть впечатлений...

— Полковник, мне нужно с вами поговорить. Пусть кто-нибудь вас сменит. Можем

пройти в ту же самую гостевую, — они ведь созданы как раз для того, чтобы ничто, в них сказанное, не вышло наружу. Максимальная защита от всех прослушек.

— Конечно, сэр.

И я в который раз машинально задумался, откуда у нас столько общего с древней Британией? Древней не до степени конца пятого века, хотя тут как посмотреть... а этак на полторы тысячи лет попозже. Разумеется, лишь до определенной степени — кому-то когда-то, неоднократно на протяжении веков, хотелось вернуться к каким-нибудь давним традициям. Настоящей преемственности тут не было никакой. Только тяготение к определенным стилям, моде, легендам, ставшим исключительно символическими воспоминаниям о Земле, подсознательное стремление к которой становилось тем более жадным, чем невообразимее становились отделяющие от нее пространства и случающиеся надолго периоды глухой изоляции разрозненных колоний, прежде чем они развивались достаточно для того, чтобы между ними вновь восстанавливалась связь.

Страйкер удивился тому, что я пропустил его вперед, но не стал возражать. Его место дежурного за конторкой у дверей занял майор королевской космической пехоты Такер.

Здесь уже убрали. Не было ни вина, ни десертов, ни прочих отвлекающих внимание пустяков.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил я.

— После вас, сэр, — не выдержал на этот раз Страйкер.

— Как пожелаете. — Я уселся в кресло, и он последовал моему примеру. — Я задам вам для начала самый невинный вопрос, — я улыбнулся, делая вид, что все это только шутка: — Не говорили ли вы случайно этой милой даме, с которой мы только что расстались, так, подружески, о том, что подыскивали для меня список покойных инженеров?

Страйкер коротко рассмеялся, впрочем, похоже, вполне искренне.

— Нет, сэр. Мне это как-то в голову не приходило.

Между тем, конечно, он был напряжен и насторожен. Я с показной рассеянностью кивнул.

— А не расскажете ли вы мне о ней побольше?

— Что именно? — Он отчего-то занервничал.

— К примеру, как и когда вы с ней познакомились?..

Его губы раздраженно сжались, а брови поползли вверх.

— Думаете, меня потянуло посплетничать? — со стороны было мало похоже на что-либо другое. — В политике не бывает пустых сплетен. Вы знаете, какие именно части она возглавляет?

— Вы имеете в виду департамент государственной безопасности?

— Именно его.

— Полагаю, вы хотите прочесть мне нотацию о том, как опасна неосторожность в общении с потенциальным противником? Не думаю, что меня можно сравнить с неразумным щенком, сэр, которому понадобились бы подобные нотации!

Резко, но естественно. Я тоже решил перейти в наступление.

— Да, возможно, в вашем случае выслушивать нотации уже поздно.

Страйкер дернулся, но сдержал еще более резкий ответ.

— Может быть, вы знаете что-то, что мне неизвестно? — сухо осведомился он.

Я подумал, прежде чем ответить.

— Да, пожалуй, что знаю.

Его плечи напряглись с непонятной готовностью к чему-то — может быть, просто со вниманием наклониться вперед, а может быть...

— Знаю, что она может воздействовать на кого-либо даже без его на то ведома, по крайней мере, он может ничего об этом не помнить... — прибавил я почти по вдохновению, импульсивно, в ответ на это полудвижение, которое тут же превратилось в действие.

Страйкер, абсолютно не владея собой, резко поднялся и выхватил из кобуры бластер. Глаза полковника словно остекленели и побелели. Поскольку он был при исполнении, мы опустили обычные процедуры перед тем, как войти в эту комнату. Справедливости ради надо сказать, что и я был постоянно при личном оружии, меня данные протоколы безопасности не касались.

— Страйкер!!!

Проклятие, не так же явно! Он не мог прожить тут все эти годы, чтобы подобное не всплыло наружу по чистой случайности, раз лежало настолько на поверхности, пусть я изрядно вывел его из себя или подействовало само его осознание, что мы находимся в надежно закрытой комнате, где никто не способен нам помешать или помочь в критический момент. Должно быть, своим присутствием она его как-то активировала, возможно намеренно. И его ли одного?.. Сколько бы жизней и где бы ты ни прожил, в такие моменты теряешь чувство реальности.

Я вскочил, раздумывая, в какую сторону уклониться — мне бы это, скорее всего, удалось, я лишь ждал, куда двинется дуло, но вместо того, чтобы выстрелить в меня, Страйкер, как механическая игрушка, вскинул бластер к виску.

«Нет! Стой!» — кажется, я даже не сказал этого вслух.

Находишься я в прошлом, я был бы в полной уверенности, что успею его опередить — по генетическим причинам моя реакция была бы выше. Но сейчас, в своем времени, имея дело с профессиональным военным... Видимо, с реакцией было все в порядке, раз я успел обо всем этом подумать, прыгнув на него, пригнувшись, головой вперед, всем весом ударяя под дых и сбивая с ног.

«Зато я все-таки моложе!..» — вспомнил я, и эта мысль показалась мне странно свежей. На сколько же лет я себя обычно чувствовал?

Выстрел ушел вбок и был надежно поглощен обшивкой стены, не вызвав рикошета. В современности есть свои плюсы.

Страйкер задержался, вырываясь.

— Какого черта?! — пропыхтел он возмущенно. Вполне трезвым голосом.

— Сперва бросьте бластер! Хорошо?.. — Я придавил старого вояку как мог, и обеими руками сжимал его вооруженную руку. Страйкер озадаченно скосил на нее взгляд.

— Как?..

— Бросьте, говорю!

Он разжал пальцы.

Я тут же схватил брошенное и, не выпуская из рук, поспешил к столику, чтобы нажать на кнопку и вызвать дежурного и... передумал.

Посмотрел на Страйкера. Он сел на полу с оскорбленным видом и смотрел на меня в ответ сердито и недоумевающе.

— Может, мне и не позволено говорить, ваше высочество, — он язвительно подчеркнул последние слова, — но ваше поведение неподобающе!

— Неподобающе? — переспросил я. — А вам не кажется странным, что у вас в руке

оказался бластер, а в той стене ожог от разряда?

— Зачем вам понадобилось стрелять, я тоже не понимаю. Ваши выходы становятся все более странными.

— Мне?.. Это ваш бластер и держали его вы.

— Только прежде вы зачем-то ударили меня головой в живот, завладели моим оружием...

— Я только схватил вас за руку, а ваше оружие поднял, когда вы его бросили.

— При всем уважении!..

— Вы не помните, что случилось, верно? Не помните, как схватили бластер, навели его на меня, а затем вскинули к виску.

— Бросьте, я еще в своем уме!

— Нет. Вами управляют, вам в мозг впечатано задание...

Страйкер начал угрожающе поднялся.

Я хлопнул ладонью по кнопке. Дверь с шипением открылась, и в нее с беспокойным любопытством заглянул дежурный.

Страйкер вздрогнул, оглядываясь.

— А теперь вы не помните, как поднялись, верно? — уточнил я и обернулся к дежурному.

— Включите здесь запись. Режим конфиденциальный. И пусть нам принесут терро.

— Простите, — сконфуженно проговорил майор. — Здесь никакая запись не работает.

Вот как? Перепутал с кабинетом.

— Даже с портативного записывающего устройства?.. — Я снова передумал. — Ну и отлично! Тогда только терро.

— Продолжим, полковник, — сказал я, когда дверь закрылась. — Итак, верно, вы не помните, как вы только что встали?

Побледневший Страйкер хмурился.

— Что происходит? Что вы сделали?

— Спустил ненароком ваш предохранитель. Нет, не на бластере. Постарайтесь успокоиться и поверить, что я вам не враг. Впрочем, вы и так в это верите, гораздо больше, чем думаете.

Страйкер открыл рот, поднял брови, потом снова насупился, поджал губы, и сел в кресло с довольно-таки сердитым видом.

— Иначе первый выстрел вы бы не направили себе в голову.

На деле, сомнительное утверждение. Он мог быть запрограммирован замести следы, а первоначальное движение рассчитывалось лишь на то, чтобы удержать помеху на расстоянии. Самоубийство без попыток навредить кому-то еще вызвало бы меньше подозрений. Но иная трактовка прямо сейчас не повредит.

Страйкер только неодобрительно покачал головой.

— И раз вам и так удалось взять себя в руки, дальше будет проще. — Особенно если он доживет до того момента, когда сможет поговорить с Тарси.

— Я все еще не понимаю, что за чушь вы городите.

— Вы знаете, что я говорю серьезно. На самом деле знаете. А я хочу, чтобы вы жили и не пытались наложить на себя руки, потому что верю вам. Просто подумайте о том, что произошло недавно. Вы не помните, как оружие очутилось у вас в руке. Иногда отсутствие записи вредит, вы могли бы убедиться во всем своими глазами.

Он только хмыкнул.

— Вы сами выбрали это место для разговора.

— Да. Как я понимаю, сопротивление гипнозу входит в программу обучения высших чинов?

Страйкер кивнул.

— Тогда как бы я мог на вас воздействовать? Без каких-либо препаратов, без оборудования?

Он задумался.

— Тем не менее, у вас дважды произошли кратковременные провалы в памяти.

— Да, но на самом деле вы могли что-то применить, только я этого не помню.

— Отлично, смотрите на меня. Сосредоточьтесь. Я ничего не делаю и не двигаюсь с места. Контролируйте себя, несмотря на то, что вам не понравится то, что я скажу. Вы предупреждены об этом...

Дверь с шипением отъехала в сторону. Мы оба вздрогнули.

— Проклятие... — пробормотал я — как вовремя...

Страйкер издал невольный смешок.

В комнату вкатили тележку с нашим терро. Я поностальгировал о «Янусе», где заказ доставлялся прямо через столик. Впрочем, виноват был не сам дворец, а эта комната, в которую ничего не должно было попадать иначе как несколькими проверенными путями. Комната начинала меня раздражать. Тем не менее...

Я продолжил, когда мы опять остались одни:

— Думаю, вам лучше выпить чашечку терро прямо сейчас.

Страйкер удивленно поднял брови, но последовал совету. Как бы я его ни раздражал, он явно утомился и был не прочь восстановить силы любым образом. Немного абсурдно, ведь как раз теперь можно было бы сказать, что какой-то препарат он все же принял в такой подозрительной компании в закрытой комнате без всякой записи. Но к черту... Это его успокоило и помогло ощутить, что он помнит каждую секунду происходящего. Заодно и я с наслаждением к нему присоединился. От недавно выпитого вина оставалось неприятное послевкусие — разумеется, ассоциативное. За пару минут мы управились с первой порцией.

— А теперь отодвиньте на всякий случай все от себя подальше и слушайте. Есть большая вероятность, что опасность уже миновала, раз у вас ничего не вышло с первого раза. И есть вероятность того, что у вас и правда высокая сопротивляемость, и вы сами по своей воле откорректировали установку...

Страйкер окаменел в кресле, напряженно выпрямившись, взгляд стал отсутствующим. Я тоже слегка напрягся.

— Вы можете это контролировать, полковник, держите себя в руках, не забывайте ничего, оставайтесь здесь и сейчас. Вы можете.

Он и правда задышал ровнее.

— Вот. Все в порядке, ничего не происходит. Но вы запомнили это странное сопротивление? Уплывание куда-то?

Страйкер шумно перевел дух, поднял ладони с расставленными пальцами, посмотрел сперва на одну, потом на другую. Руки дрожали.

— Что это?..

— Вы в порядке сейчас, верно?

— Верно... — он как-то нервно пришепetyвал.

— Вот так и держитесь. Все будет хорошо. Еще терро?

— Да, пожалуй... Проясняет рассудок.

— Не стесняйтесь.

Он взял чашечку, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. На его лбу выступили капельки пота.

— Это чертовски странно.

— Так и есть, это не ваша вина.

Он резко открыл глаза, сверкнувшие под насупленными бровями.

— И вы утверждаете?..

— Нет. Вы сами это знаете. Я только хочу, чтобы вы были осторожны, ни на мгновение не забывали, что происходит на самом деле и, черт возьми, чтобы жили долго и счастливо, я больше не хочу никого терять. Вам надо поговорить с психологом.

— И кому из них я должен доверять?..

— У меня есть кое-кто на примете.

— А почему я должен доверять вам?

— Может, потому что и мне надо кому-то доверять? — спросил я, помолчав. — Постараемся, чтобы это не вышло наружу, впрочем... если вы захотите поделиться с кем-то из своих близких, я не собираюсь вас останавливать, вы знаете, кому из них можно довериться. Наверное.

— Но то, что случилось...

— Я думаю, что знаю источник. Вы понимаете, о ком я говорю. А насколько он имеет отношение к вашим близким — вам решать. Я в самом деле надеюсь, что кризис миновал, дело было в неожиданности, это должно было застать вас врасплох, чтобы вы не успели защититься, но теперь не застанет. Едва ли кто-то посмел или смог совершить нечто более серьезное.

Страйкер грустно улыбнулся.

— Вы пытаетесь внушить мне это, верно?

— Пытаюсь помочь вам утвердиться в этой мысли.

Страйкер задумчиво отхлебнул терро.

— Как я понимаю, мне теперь лучше не иметь оружие под рукой?

— Полагаю, да... какое-то время. Вы могли бы просто разрядить его.

Он начал было кивать.

— Но если случится непредвиденное и кто-то примет вас за угрозу, постарается опередить...

— А... — понимающе произнес Страйкер.

— Надеюсь, ненадолго. Мы постараемся установить уровень опасности.

— И думаю, мне будет лучше держаться от вас подальше.

— Думаю, как раз не стоит. Не стоит покидать службу — вы ведь об этом подумали? И не стоит отдаляться. Просто мы будем знать о риске. И постараемся извлечь из него побольше пользы для нас всех, только не для врагов.

Он был готов улыбнуться. Но перламутровая кнопка вызова посреди стола замигала багровыми вспышками тревоги. Дверь опять распахнулась.

— Простите! — выпалил запыхавшийся дежурный. — Вы должны это знать. Корабль «Лиги» только что потерпел крушение — взорвался при переходе в гиперпространство! Совершенно так же, как «Денебский Штандарт»!..

Мы со Страйкером одновременно вскочили с кресел. Дежурный невольно от нас попятился.

— Ужасное совпадение!.. — беспомощно закончил он.

11. Капсула

— Черта с два совпадение и черта с два он взорвался! — вспыхнул я.

— Взрыв произошел в зоне видимости кораблей сопровождения!

Вернее, «выпровождения».

— Мне понадобятся все записи произошедшего.

— Разумеется, сэр...

Я бросил взгляд на Страйкера. Он выглядел потрясенным, но не выражал мгновенного желания броситься на кого-нибудь или вытворить что-то неподобающее. Уже облегчение. Как был бы облегчением и взрыв корабля, будь он настоящим, но в это я не верил ни секунды.

— Я знаю, вы до сих пор не можете поверить и в тот случай... — продолжал лепетать майор-дежурный.

— Стоп! — остановил я, чувствуя себя на редкость здраво и трезво. — Нет, Такер, я не сошел с ума пока что. Просто я видел раньше много разных случаев. — В некотором роде эта речь обращалась и к Страйкеру. — Вы бы никогда не поверили. Статистическая вероятность мала, но если рассматривать события в течение многих столетий, то это куда больше, чем обычный срок, на котором строится личный опыт. В первом случае, о котором вы уже не раз упомянули, я *надеюсь* на то, что это возможно, а во втором — я знаю, что это возможно. Знаю экспертов, которые на это способны. Именно с ними я хочу переговорить как можно скорее и осмотреть затем с ними область происшествия. Но сперва, разумеется, официальное заявление. Я не собираюсь тратить на него больше пяти минут!

— То есть, что именно вы хотите?!

— Объявить, что это скорее всего сознательная диверсия и едва ли корабль покинул или собирался покинуть пространство Денеба.

— Но это немыслимо!.. Я вас понимаю! — поспешно заверил Такер, то смертельно бледнея, то покрываясь пунцовыми пятнами, у него была на удивление холеная кожа, определенно, он не из той же категории старых вояк, что и Страйкер, скорее всего дело было в происхождении или прочих связях. Но я бы не сказал, что он не старался держаться. Он тихо пыхтел от ответственности. — Но вы понимаете, как это могут воспринять повсюду?

— Понимаю. Могут воспринять, что я сумасшедший. Могут воспринять как провокацию войны, как то, что я сам все это подстроил. Это ничуть не немыслимо. Немыслимо то, что они творят! И я не собираюсь им в этом подыгрывать. Страйкер, пойдете. — Я не собирался также оставлять его без присмотра. В любой момент при таких обстоятельствах он мог сорваться, и это была бы одна из запланированных диверсий. По крайней мере, мне грело душу, что он еще жив и даже почти пребывает в здравом рассудке.

Если мое недолгое правление на этом и закончится, и станет всем, что будет обо мне когда-либо известно, я прослышу отчаянным параноиком. В лучшем случае. Но кто скажет, что у меня не было повода?

— ... Они могут объявиться где угодно, в какой угодно момент времени, поэтому я призываю все ответственные за это службы повысить бдительность и перепроверить все секторы на наших картах, которые потенциально являются слепыми пятнами. Все пятна устранить невозможно, но чем шире и неожиданней охват, тем больше шансов не допустить

новых диверсий, — завершил я и отключил все каналы прямой связи, какие только имелись.

Не зря она акцентировала столько внимания на «если со мной что-нибудь произойдет». Это «что-нибудь» было запланировано, ее атака состояла из нескольких этапов-ступеней, и мы познакомились еще не со всеми. Да, взбесить меня ей удалось, и поставить в весьма двусмысленное положение. Говорят, не стоит действовать во гневе, но проявлять осторожность бывает не менее опасно, если рассчитывать будут на нее. Осторожность подтачивает изнутри, ограничивает в действиях. Выигрышного варианта тут не существовало, вариант гнева был, пожалуй, меньшим из зол. По крайней мере, так я захватывал часть инициативы и поднимал ответную волну, а там посмотрим, кому будет труднее справиться со стихией... Лично я собирался сам стать ею, хотя бы ее частью, немаловажным фактором, как бы это ни было самонадеянно.

Но наконец пора было встретиться с Виремом и остальными, хотя бы чтобы предупредить их. Только куда девать Страйкера? Где для него теперь безопасно? Мне казалось, что единственное подобное место — рядом со мной. Так как я уже обо многом предупрежден и могу принять хоть какие-то меры.

Страйкер явно понимал мое затруднение.

— Вы ведь не можете постоянно сами за мной присматривать, — проговорил он с легкой усталой иронией.

«Но я не знаю, кому могу доверять. Хотя... знаю».

— Оставайтесь пока рядом. Мне нужно будет поговорить кое с кем без свидетелей. Но я не хочу, чтобы вы были далеко. Думаю, Вирем у вас на достаточно хорошем счету?

— Да. Многообещающий молодой офицер.

— Полагаю, в ближайшее время он будет самой безопасной для вас компанией.

Такер был оставлен на связи «мальчиком для битья» на ближайший час, который я намеревался потратить хоть с какой-нибудь пользой.

— Вирем, запрашиваю еще подтверждение. У вас все в порядке? Где вы сейчас располагаетесь? О, на старом известном месте? Хорошо, скоро буду у вас.

В такие моменты понимаешь, какое это замечательное изобретение — система скрытых коридоров. По обычным сейчас не пройти. Я нажал на кнопку, и над коммуникатором всплыла голограмма, рассчитывающая оптимальный маршрут. Я временно заблокировал соединения с выбранным маршрутом, вытащил бластер из кобуры, открыл потайную дверцу и, приглашающе кивнув Страйкеру, шагнул в узкий коридор. Оружие я держал наготове на тот случай, если кто-то уже ждал нас где-то в коридоре с недобрыми намерениями.

Конечно, было скверно, что при таких обстоятельствах мы исчезали хотя бы всего на час, но чем-то жертвовать приходилось неизбежно. Тем более ничего кроме извинений, обвинений или реверансов мы всерьез предоставить не могли — только не быть подозрительным образом «не на виду». Но это не слишком конструктивно. Хорошо, что я взял с собой хотя бы Страйкера, иначе тайное совещание безнадежно выглядело бы собранием заговорщиков.

— Вирем, мы на месте.

Последняя дверь открылась. Вирем отступил, пропуская нас, и бросил загадочный взгляд на Страйкера — стараясь, чтобы он не выглядел подозрительным. Я предупредил о том, что Страйкер со мной. Но я предупреждал о нем дважды, и первое предупреждение настраивало на опасения.

— Я вполне безопасен, — с сухой иронией заметил в ответ на его взгляд полковник,

многозначительно покосившись на свою пустую кобуру. Вирем ощутил смутился. — Но, боюсь, нам обоим придется подождать в передней.

— Я постараюсь, чтобы ожидание не было долгим, — ободрил я. — Вирем, я надеюсь, все будет в порядке, но если что... просто помогите полковнику сохранять контроль. Здесь он сейчас в наибольшей безопасности, чем где бы то ни было.

Вирем понимающе, медленно, кивнул.

Затем мы разошлись. Я вошел в помещение дальше по курсу, а они вернулись немного назад. Разделяющая нас дверь наглухо закрылась. Я отогнал дурные предчувствия. Все это лишь бесконечность того, что может произойти, а может и не произойти. Так работает мозг.

Помещение было мрачным, гулким, скверно освещенным залом с высоким потолком, балки которого терялись в кромешной... Стоп. Я сосредоточенно посмотрел вверх и моргнул. Какие еще балки? Но только что я воспринял их и отметил вполне ясно. Галлюцинирую наяву? После бурной ночи, — к черту бурный день, — неудивительно.

Так как же начать?..

Я обвел взглядом всю компанию и понял, что проще, лучше и быстрее всего будет начать с конца.

— Тарси? Нейт? Кажется, я должен выразить вам формальные соболезнования. Может быть и не формальные, но этого я не знаю, хотя у меня есть масса причин сомневаться в истинности того, что произошло. Если я все же ошибаюсь...

— Едва ли, — опередила меня Тарси, покачав головой. В этом сумраке она выглядела бледно. Даже с зеленоватым оттенком. Полагаю, у нее хватало причин нервничать. Она ведь понимала, о чем мы могли говорить, в частности о ней и ее возможной лжи.

Всего их здесь было пятеро — двое Кареллов, двое Арли и бойкая обычно Джелли. Остальной экипаж не находился в такой уж опасности, достаточно было лишь установить местонахождение каждого и напомнить об осторожности.

— Едва ли, — эхом подхватил Нейт и глянул на сестру. — Но мы этого тоже не знаем. Приходится быть готовыми ко всему... — Окончание фразы повисло как невысказанный вопрос.

Я кивнул. Дон сообщил, что они все следили здесь за новостями.

Нейт криво усмехнулся, прищурившись.

— Опять же, я в любом случае не был бы уверен в искренности твоих соболезнований.

— Ну, тут ты прав, — согласился я. — Но можешь быть уверен в искренности моей досады от того, что я на девяносто девять целых и девять десятых уверен в том, что произошедшее фальшивка, и я не знаю, где она может объявиться в следующий момент, и кому и чему навредить.

— Тарси! — я довольно резко повернулся к ней на каблуке, — мне нужно поговорить с тобой наедине. — Она слегка вздрогнула. Возможно, не знала, чего от меня можно ожидать после разговора с ее матушкой, как я не знал, чего можно ожидать от Страйкера. — И еще мне нужно, чтобы ты как можно скорее поговорила с одним человеком, как специалист... — Кажется, Тарси еще больше стало не по себе. Даже рука приподнялась в почти протестующем жесте. — Не в том смысле, — добавил я, следя за дрогнувшей рукой. — Я хочу, чтобы ты ему помогла, если сможешь. Он отлично держится, но он был запрограммирован... и нет, это не я. Насколько я могу судить. Я не жду, чтобы ты из него что-то выколачивала и не собираюсь требовать ничего подобного, если ты этого опасешься. Но помочь ты ведь можешь?

Тарси выдохнула с видимым облегчением.

— Да, могу.

Я посмотрел на Арли и Джелли.

— Вы же простите меня? Я хотел бы, чтобы мы могли обсудить все подробнее прямо сейчас, но у нас вечно нет времени, меня всегда ждут где-то еще. Я не могу вырваться надолго. Но и без вас мне не обойтись. Когда мы все обсудим с Тарси, я бы хотел, чтобы мы с вами какое-то время держались вместе и не расставались. Майк, могу я вас попросить, чтобы вы помимо прочего... приглядывали за моей адекватностью? Дона я тоже попрошу, но у него своих забот будет немало, так что вы как-нибудь посменно — хорошо?

Майк приподнял брови и быстро кивнул. Его отец прятал в усах едва заметную усмешку.

— Ко мне ты с этой просьбой не обращаешься, верно?

— У вас забот будет, пожалуй, больше, чем у Дона. Кто-то же должен править по-настоящему, пока меня разрывают на части по пустякам.

Арли-старший с новым смешком покачал головой.

— Ко мне ты тоже не обращаешься, — заметил Нейт довольно обиженно.

— Уж извини, — ответил я без сожаления и демонстративно посмотрел на часы. Но, по крайней мере, оставаться наедине с его сестрой я пока не опасался. — Помогите пока Дону, он в сложной компании. Страйкер на нашей стороне, но с головой у него худо. И о нем нам сейчас тоже нужно поговорить.

Они отправились к выходу. Джелли не проронила ни слова, хотя мне казалось, что ее распирало изнутри. Возможно, именно поэтому она молчала. Так и не придумала, с чего начать. Но перспектива всем помочь ее полностью устраивала. А время все узнать еще будет.

Это место, хоть и посреди дворца, если не в самом его сердце, то где-то в селезенке, напоминало зал ожидания на каком-нибудь старинном вокзале. Трудно сказать, для чего оно предназначалось раньше. Пожалуй, надо будет глянуть в планах Страйкера.

Мы уселись на пару стульев, поставленных друг против друга, и некоторое время друг на друга смотрели. Я на нее — выжидающе, она на меня — тревожно.

— Как ты догадываешься, она сказала, что ты мне лжешь.

Тарси дернулась, затем упрямо выдвинула маленький подбородок.

— О чем именно?

— Хотя бы о том, сколько времени работало одно мерзкое устройство.

— Невозможно ведь вернуться и проверить, верно?! — неожиданно нервно воскликнула она.

Я внезапно расхохотался. Внезапно даже для себя.

— Вообще-то, возможно. Вот только то, что мы узнаем, будет относиться уже к какому-то другому миру. Хотя может, по случайности, и в точности совпадать в этом пункте с тем, что было.

— Но я ведь ничего не смогу доказать...

— Конечно, не сможешь. Она это знает. Я это знаю. Как знаю и то, что ты могла солгать.

Она судорожно выдохнула.

— Но зачем?..

— Чтобы всем нам было спокойней, пока эта встреча вдруг не состоится. Но было так мало шансов, что мы встретимся внезапно, без предварительной договоренности, без свидетелей и ты не успеешь меня предупредить...

Она резко задохнулась, уставившись на меня со странной смесью ужаса и надежды, будто не ожидала, что все закончится хорошо. В любом случае она не могла быть уверена, как я все это восприму.

— Пожалуйста, не надо!..

— Почему? — удивился я. — Что должно было произойти?

Она отчаянно помотала головой и отвернулась. «Ну вот, и кому из нас тут нужна психологическая помощь?..» — подумал я и вздохнул. Она не видела, что я улыбаюсь. А я почувствовал себя лучше. Может быть лучше, чем за многие месяцы. Я был уверен, что с моей памятью сегодня все было в порядке. Что я вполне отвечал за свои действия и был адекватен. Если всё на самом деле было не так, тут уж ничем не поможешь, но это тот же старый философский вопрос, — насколько мир, что мы видим, соответствует действительности? — что и всегда, у кого угодно, при каких угодно обстоятельствах, ничуть не больше.

— Отлично. Я понял. Сколько бы времени ни прошло, этого, по ее мнению, должно было быть достаточно, чтобы закрепился рефлекс, или что я там еще слышал про остающиеся частицы аппарата, и она могла запустить механизм снова в любой момент, так? Не полноценно, конечно, но вызвать запрограммированный сердечный приступ, если понадобится, даже фатальный, она могла.

Тарси с трудом, медленно кивнула.

— Ну, если только это был не намеренный блеф, а я так не думаю — было как-то непохоже — она попыталась его запустить, но у нее ничего не вышло.

Тарси продолжала напряженно молчать, до белизны стиснув пальцы в кулаки — не для нападения, их просто свело судорогой.

— На этот раз я тебе не лгу, — заметил я.

Она перевела дух.

— Я не лгала о времени, — проговорила она едва внятно, ее губы дрожали. — Оно было чистой правдой. Нно...

— Но?.. Кое-кто доработал механизм — теперь времени нужно меньше, верно? — Это все объясняло, какое бы сокрушительное впечатление ни оставляли подобные воспоминания, займи процесс столько времени, сколько мне пытались недавно внушить, я бы уже точно был не в себе.

Она сдавленно охнула и снова кивнула.

— И это ты его доработала? — иначе она не чувствовала бы себя сейчас так скверно, даже несмотря на то, что я понял, что она подменила аппарат. Она не находила это оправданием своему прошлому.

Еще один отчаянный кивок.

— Это была просто техническая задача... я не могла отказать собственной матери...

— Конечно, ты не могла, — заверил я. — То, что все произошло подобным образом, логично. Не думаю, что она ушла бы, не выждав нужного времени, чтобы убедиться самой, чтобы у нее была гарантия...

— Да!..

— Но ты подменила аппарат на старый, поэтому у нее ничего не вышло.

Вместо того, чтобы кивнуть, Тарси крупно задрожала и взглянула на меня с изумлением, от которого у меня по коже побежали мурашки. Не то чтобы я был уверен в переговорной, что ничем не рискую, но после всего решил, что у отсутствия ожидаемой

реакции есть простые объективные причины. Неужели все должно было закончиться совсем не так? Вот почему она в ужасе. Она могла лишь надеяться на то, что ее мать не решится использовать свой козырь, или на то, что мы с ней пришли к какому-то соглашению, если я принял угрозу всерьез и не стал доводить дело до доказательств, раз разговор вообще зашел об этом. Но если я всего лишь поверил ее матери на слово, и если теперь та действительно погибла в катастрофе, которую я в ярости мог подстроить сам, то, что нельзя доказать, и правда могло уже не иметь значения, поэтому поначалу она замкнулась.

— Нет, — выдохнула она. — Я не успела... Я вообще не планировала, что все это произойдет! Мы должны были исчезнуть раньше!..

— А, да, припоминаю... — выговорил я после слегка ошарашенной паузы. — В таком случае, у меня есть версия. Даже, пожалуй, две версии...

Она посмотрела на меня жадно-вопросительно.

— Одна — та, что мы вернулись не совсем в свой собственный мир, и в том мире, откуда я взялся, ты все-таки успела подменить аппарат...

Тарси невольно нахмурилась.

— Будем считать, что это плохая версия, — кивнул я с готовностью. — Мне она тоже меньше нравится. Предпочитаю думать, что нахожусь в собственном мире. Но, возможно, кто-то другой все же банально что-то напутал, пусть это была не ты. — Я видел по скептическому выражению ее лица, что это тоже не кажется ей вероятным, хотя для меня подобное объяснение отлично годилось. — И другая — «Янус», отправлявший нас в прошлое и, как ты помнишь, разбирающий нас на элементарные частицы, чтобы собрать по «схеме» из аналогичных в совсем другом мире, не посчитал уцелевшие частицы механизма моей важной составляющей.

Этот вариант звучал довольно фантастично, но Тарси приободренно шмыгнула носом. Я автоматически достал из кармана носовой платок и протянул ей. Она усмехнулась, качнула головой и вынула свой.

— Извини...

— Конечно...

Я подождал, пока она слегка приведет себя в порядок.

— Я старалась сгладить эффекты, как могла, — сообщила она, немного успокоившись. — Но я ужасно боялась этой встречи. Надеялась, что никогда до нее не дойдет.

— Как и в тот первый раз, — кивнул я, и ее опять передернуло.

— Кстати, знаешь... все это сокращение времени... она хотела, чтобы все могло уложиться даже в первые пять минут...

— Мм... получилось?

— Нет...

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что раз частицы не закрепились... возможно, тебе будет интересно знать, что есть достаточное количество людей, которые идут на это добровольно — как раз в пределах пяти минут, или больше, если хотят показать свою удаль — это для них она хотела... на всякий случай...

— Что? — переспросил я. — Не понимаю... Вот маньяки.

— Она хотела, чтобы сотрудники были более управляемыми... на всякий случай. Особенно те дикари, что пробовали такое из любопытства.

— Забавно, — протянул я.

— Салех, например, — напомнила она. — Попробовал пять минут, а потом еще пять.

Просто так. Показать, какой он крутой.

— О, сукин сын просто гнул подковы!

— Что гнул?..

— Такие железки, неважно. Но ты-то, надеюсь, нет?.. — Конечно, нет, она же назвала их дикарями.

— Нет... пока нет... — потрясла она головой.

— Хорошо... — начал было я по инерции, но осознал оговорку: — Что значит «пока»?

— Это собирались сделать одним из обязательных тестов.

— Но она же не поступила бы так с тобой?!

— Правда, тест должен был бы быть одноминутным или двухминутным... Больше для оперативников, чтобы потом их ничто уже не пугало.

— И чтобы все они были слегка рехнувшиеся?

— Наверное, это тоже.

— И откуда им потом хоть что-то знать про жалость?

Тарси кивнула.

— Большинство и так никогда об этом не знало.

— Не удивлен, что ты сбежала.

Она залилась густой краской.

— Я не поэтому...

— Это ведь только капля в море — то, о чем ты рассказываешь. Если это не грозило лично тебе, это мало что значило в общих масштабах. Я никогда не удивлялся.

Страйкер, Дон и все остальные были живы-здоровы, когда мы к ним присоединились, хоть и взбудоражены. Нейт внимательно посмотрел на припухшие покрасневшие веки Тарси, потом на ее рассеянную бегающую улыбку, потом на мою и «понимающе» кивнул.

— Могли бы целоваться и прилюдно, я не против, — проворчал он.

Мы от него отмахнулись, и я представил Тарси Страйкеру, а его ей.

— А ты, Нейт, — продолжил я, — поможешь сестре. В случае чего будешь ее телохранителем. Считай, что это официальное назначение.

Нейт вытаращил глаза и пожал плечами.

— Ну ладно...

— И не считай, что это несерьезно.

— С каких это пор?! Как-то туго в этом мире с несерьезностью...

— Вот тут ты прав.

И снова нам пришлось разойтись, дел было по горло, и никого нельзя было оставить надолго без своего августейшего присутствия. Как-никак королевство в смятении из-за произошедшего. Я чувствовал себя или единственным сумасшедшим в этом мире, или единственным нормальным, продолжая сохранять спокойствие и официально заявлять, что все случившееся подделка и провокация, пока не будет доказано иное. Кроме того, прежде чем мы с Тарси расстались, мы договорились, что она подготовит для демонстрации программу симуляции подобных катастроф. Конечно, все это обоюдоострое оружие, но уж лучше держать инициативу в своих руках. Лучший способ справиться с паникой — принять командование на себя. Но пока она была занята Страйкером и до глубокой ночи мы уже не

перемолвились ни словом, хотя пару раз я выходил на связь с Нейтом, сообщавшим, что все в порядке.

А ночью... конечно, было бы славно просто упасть и умереть. Но у меня имелись на примете другие планы. И за день я уже по уши накачался терро, помимо того, что и без него мне не удалось бы уснуть. Я снова достал крохотный черный кубик и положил на проецирующий диск. Когда вокруг возникла виртуальная, отчасти действующая модель «Януса», я ввел данные: известные координаты за пару минут до взрыва корабля Лиги и соответствующее время. Я подыскал подходящую кандидатуру — человека, который ничего не заметит, если я проберусь в его мозг, не отключая собственное сознание. Судя по первичному прощупыванию модели, он в самом деле был в коме, естественной или искусственной. Я полагал, что это и есть настоящий посол, тот самый полковник Крейг, что не смог по уважительным причинам исполнить свою миссию. Что ж, посмотрим... Заодно, может быть, пойму, что с ним такое.

Это было рискованно, но происходящее все же странно на меня действовало. Невыносимо хотелось форсировать события, совершить прорыв хоть в чем-то. Нетерпение зашкаливало. И я надеялся, что аварийный «возврат», а вернее, просто прерывание контакта в случае, если я ошибаюсь или вдруг окажусь в неудачном измерении, сработает исправно. Отделаюсь потерей несобранных данных, а о худшем, если оно произойдет, просто не вспомню.

Ну что ж... ощущение погружения и падения, а потом покоя, темноты и тишины. Что-то медленно, очень медленно проникало снаружи. Свет? Яркий!.. Нет. Тусклый, синеватый... Невозможность пошевелиться... а, тоже нет... рука поднялась, будто во сне, чужая. Да какая разница? И коснулась скользкой гладкой стены, затем потолка, очень близкого потолка закрытой металлической капсулы. Затем бессильно свалилась вниз. Я снова начал медленно растворяться в небытии. Где-то что-то мерно пощелкивало, как картотечные ящики... это же датчики. Капсула! Просто медицинская капсула! Не картотека! Вот что это такое! Я был именно здесь, помнил это!.. Нахлынувшие узнавание и возбуждение сделали свое дело. Контакт прервался исправно, без потери данных и очень чисто, без малейших признаков аварийного выхода. Не считая того, что прервался до того, как я подал сознательный сигнал. Должно быть, сработал перепад мощности — они и впрямь имели сейчас место.

Я перевел дух и, едва зрение сфокусировалось, сверился со счетчиком альтернативного времени. Как я и ощущал, там прошло гораздо больше двух минут. Почти четверть часа, прежде чем из-за накладки матрицы сознания на чужой мозг я начал «приходить в себя» и осознавать происходящее. Все было «в порядке», как я и ожидал. Корабль не взорвался. Конечно, это ничего не доказывало, это происходило в другом измерении. Но волосы стояли дыбом и нервы тоже, подташнивало не только по естественным причинам. И в то же время, это было громадным, феерическим, невероятным облегчением! Я помнил именно это — то и дело этот призрачный кошмар повторялся вплоть до того, что мне наяву мерещилось прикосновение к металлическим стенам. Воспоминание о будущем, которое лишь только что стало прошлым. И которое, по счастью, было не моим кошмаром. Моим оставался лишь вопрос: каким образом я мог ощущать это раньше?

— О... — от волнения я заговорил сам с собой вслух. — Ведь эта модель действует лишь отчасти!.. Она нестабильна! Копия моего сознания возвратилась ко мне не только в этот момент времени! Черт возьми, надо все-таки быть осторожнее!..

12. Капелла

Еще в одном «Янус» сработал отлично... «Янус»? Я называл его так совершенно бессознательно. Возможно, лучше было бы назвать эту несовершенную, зато находящуюся в моем безраздельном владении модель как-то иначе, по-новому. Например, «Пандора» — проект «Пандора» — маленькая шкатулочка размером с игральную кость, даже меньше. Возможно, так и назову. Не исключено, что название приживется. Но, может быть, «Пандора» навсегда останется для меня лишь «вторым ликом Януса». И в этом смысле совершенно неважно, как я его называю. «Янус» — короче и привычнее, а «Пандора»... что ж, попробуем примериться к этому имени — еще в одном она сработала отлично: стоило мне все убрать и добраться до превратившейся в постоянную дежурной постели, я мгновенно уснул. Начисто выпал из континуума, без сновидений, до тех пор, пока меня не разбудил Дон — неожиданно поздно. Было уже за полдень.

Я изумленно похлопал глазами на часы, потом на Дона — укоризненно. Тот лишь невинно и почти самодовольно улыбнулся, пожал плечами.

— У вас вчера был тяжелый день. Она сказала, что не стоит рано вас будить.

Она?

— Тарси?

Дон кивнул.

— Принимали снотворное? — поинтересовался он деловито.

— Нет.

— Было выдвинуто предположение, — продолжил он довольно осторожно, — что спать вы сегодня будете плохо, а потом придется наверстать, так что лучше оставить вас в покое, если только сами не позовете.

— Ну, ну...

Спал как раз отлично. И слава богу. Но пока мой «второй лик Януса» подключился, пока набрал нужную энергию... Времени прошло немало, так что все равно это было невероятно кстати.

— Я, правда, беспокоился, что может произойти что-нибудь плохое, так что заглядывал пару раз, — признался Дон. — Проверил — дышите. Значит, все в порядке. Арли делает вид, что так задумано и так вы проявляете свою позицию — не считаете нужным что-либо комментировать и на самом деле пропадаете на закрытых совещаниях. Вчера всего этого было предостаточно, а у вас и других дел полно.

— Точно, дел, — буркнул я, припомнив, сколько их запустил и как все должно выглядеть для тех, кто не знает о моей призрачной машине времени. А не знал о ней до сих пор никто. — Как по-твоему, Дон, я просто легкомысленный идиот?

— Я этого не говорил, сэр, — слишком тактично ответил он.

— Прекрати это, мы уже пили терро на брудершафт.

— Я знаю, что вам непросто. И вы делаете, что можете. Но... — прибавил он, будто знал, о чем говорил, — есть вещи, для которых вы не созданы.

— Править королевством, — услужливо подсказал я.

Дон рассмеялся, без задержки, будто его это и правда позабавило.

— Погружаться в рутину, — поправил он. — Вы хоть знаете, что вас любят?

— Кто это? — поинтересовался я подозрительно.

— Народ.

— Это очень расплывчатое понятие, — заверил я со знанием дела. — Даже не помню, когда я видел его в последний раз.

— Расплывчатое понятие?

— Народ!

— Тем не менее, — Дон снова перешел с шутливого тона на серьезный, — вы людям нравитесь. Многим, по крайней мере. Они вам сочувствуют, им нравится ваша решительность...

— Опрометчивость, хотите сказать, и неумение держать себя в руках? — Раз уж он не сдастся, сделаем вид, что мы и впрямь не пили терро на брудершафт. Похоже, он не хотел, чтобы я терял своеобразную королевскую «форму». Тоже своеобразная поддержка.

Он пожал плечами.

— Может быть, им это и нужно. Чтобы кто-то пытался рубить узлы, а не развязывать.

— На самом деле, это опасно и безответственно, — заявил я. — Хотя, конечно, кто бы говорил, и прямое действие, которого не ожидают, это тоже «непрямое действие»... Вот только что тут неожиданного?

— Это кое-что новенькое, — снова перехватил инициативу Дон. — Не скажу, чтобы в Денебе веками не было потрясений, еще как бывали! Но происходящее сейчас больше всего напоминает времена из легенд. Это интересно!

Я покачал головой, уронив ее на руки:

— Совсем нехорошо!

— Ну... отчего же?

— Вы же знаете, где мы были почти что перед тем, как прибыли на Леду? Все последнее приключение «Януса»?

— Не могу утверждать, что знаю это точно.

— Во времени из легенд. В конце пятого века в Британии, — напомнил я, — и знаете, в чем была тонкость? Это действительно было время из легенд, очень далекое от реальной истории. Уж на что там ориентировался «Янус» — на какие-то наши представления из-за нехватки информации при перемещении с такой массой, требующей сильного сдвига в вероятностях, трудно сказать. Но это уже было. Я уже правил «сказочным королевством» целых полгода. Вышло не так плохо, как могло бы, но, черт возьми, это же был пятый век, да еще никогда не существовавший по нашим меркам! Не то чтобы не хотелось повторять тот же шаблон, но это просто не одно и то же. Даже в пятом веке — я понятия не имею, к чему затем привели те полгода. Я не должен относиться к этому как к какой-то сказке в не относящемся ко мне измерении. Немногое, наверное, можно было испортить в пятом веке, да еще среди вероятностей, которые могут быть какими угодно, но тут...

Дон кивнул, улыбаясь, а в глазах его загорелся дьявольский героический огонек.

— Да, припоминаю, рассказывали. Зато знаете, на что это похоже для нас, наблюдающих со стороны? На пробуждение от векового сна.

Я недовольно заворчал:

— Да, в точности как и там! Только обычно, когда после векового сна пробуждаются вулканы, они несут с собой гибель.

— Иногда гибель лучше сна, — беспечно заявил Дон.

— Что это вы такое несете? — удивился я, заподозрив, что несколько переоценивал невероятную адекватность моего нового друга.

Он склонил голову набок и скорчил забавную рожицу.

— Все произошло слишком быстро, вы, наверное, и заметить не успели — Денеб похож на зачарованное королевство. Не то чтобы в нем не происходило потрясений, повторюсь, еще какие бывали, но в целом вся эта жизнь с нашими размеренными традициями и формальностями — медленное погружение сон, что-то съедающее изнутри. Заживо переваривающее и растворяющее. Будто ничего не происходит, хотя это неправда. Если бы вас не было, даже то, что произошло, никого бы не разбудило. Вас всех знали еще мало. А королева Далира — о, она была прекрасной королевой, но столько времени она была «последней из рода», что к этому привыкли, словно перелистывались последние страницы. Род угасал, и Денеб вместе с ним — не звезда Денеб, будь то Большой или Малый, конечно, а королевство.

Война со временем. Нет, заметить я успел. И сам чуть не уснул. И она — королева Далира — говорила то же самое. Но где бы я только не уснул после всего, что когда-то знал?

— Да пожалуй, это происходит не только в Денебе, — проницательно заметил Дон. — Наверное, повсюду. Все мы потеряли какой-то импульс, что-то, что заставляло людей устремляться вперед, открывать новые миры.

— Время от времени это должно происходить, — рассудил я, — миры надо не только открывать, но и осваивать.

— Но пространства между ними огромны. Преодолеть их нетрудно, но все больше возникает вопросов — в какую сторону и зачем. Как протыкать иглой огромное одеяло — его можно проткнуть. Но в итоге, для чего?

— Отлично, и что же во мне такого бодрящего? — спросил я, и тут же заподозрил, что знаю ответ, и едва ли он мне нравится: я диковинная древняя рептилия. Здесь, в будущем, вернее — настоящем, я человек из прошлого. Поэтому все мои выходы навевают нечто атавистическое, что-то из зари человечества в пещерах и звериных шкурах.

— Вы выжили, — просто ответил Дон. — И ваше присутствие заметили. Все не просто обрушилось. Довольно резкие действия в самом начале дали понять, что все висит не в пустоте. Кто-то может подхватить падающую башню. А еще — перестроить ее.

— Но это всего лишь иллюзия. И если бы не ваши «опостылевшие традиции» и формальности, меня бы здесь не было.

— Может быть, недоставало как раз этого. Хотя бы иллюзии. Должно же что-то поднимать дух.

— А потом все затихло, я все бросил на самотек.

— Разве? — Дон скептически задрал брови кверху. — Кому-то вы просто не мешали, не разрушали еще работающую машину. А кое-где и помешали, было дело, это тоже заметили. Но ничего не нарушилось. Ответственных администраторов у нас все еще хватает. Да и вы постоянно на виду и что-то делаете, только не там, где это стало совсем дежурно и набило оскомину. Вы что-то переоцениваете собственное бездействие.

— Дон, да вы же просто выдаете желаемое за действительное!

— Потому что оно желаемое! — согласился Дон.

Я рассмеялся. Тут крыть было нечем.

— Это глубоко субъективное чувство. Но я ценю вашу попытку меня поддержать.

— А еще, вы думаете, ваша игра в салочки с торпедами осталась тайной?

— О, уж это было совсем безответственно!

Он весело хрюкнул, помотав головой.

— Впервые за многие годы королевский дом действительно интересен и не нужно высасывать истории из пальца!

— Всегда пожалуйста, Дон и дорогие читатели скандальных хроник. Ага... значит, хотите сказать, что тишина, которую я ощущаю и странная отрезанность от всего — это просто глаз бури? Что ж, ладно. — Я вздохнул. — Кстати о «доме». Давно собирался спросить, но забывал. Что это за заброшенное помещение, которое мы то и дело используем? Почему оно не занято? Оно находится почти в центре дворца, но пусто. И это даже не кладовка.

— А-а, — кивнул Дон удовлетворенно, — это старая капелла. Когда появилась новая, необходимость в ней отпала. Но на всякий случай она остается наготове и потому пусто, не занятая ничем другим. В ней до сих пор не демонтированы голографические витражи, в свое время они считались произведением искусства.

— Ах, так это та самая старая капелла!..

— Верно. Витражи просто отключены. Время от времени их включают и проверяют, все ли по-прежнему исправно, но редко.

— Ясно. Ну что ж, к вопросу о делах. Что там у меня на очереди?

Дон протянул мне планшет со списком, который держал наготове.

Я непонимающе посмотрел на экран.

— А где, собственно?..

— Нет ничего срочного, я все убрал. У нас же форс-мажор и все такое. Что хорошего в форс-мажорах, так то, что под их предлогом можно забыть о мелочах. Но если хотите, я могу показать изначальную версию.

Он нажал на кнопку.

— Ох, проклятье!.. Но это больше похоже на правду!..

— Из-за которой вы чувствуете тишину, как в глазу бури? Дел много, но они ничего не значат. Вы даже с друзьями поговорить не успеваете, разве что украдкой в старой капелле, да вырваться иногда сыграть в салочки с торпедами. И вас все еще мучают кошмары... И вы умудряетесь считать, что ничего не делаете? Может, потому что не успеваете осмыслить? Даже спите все время здесь, а не в своей спальне. Значит, заняты чем-то серьезным.

— Гм...

— Знаете, к черту это. Займитесь сегодня своими делами. У вас есть повод. Поговорите с Тарси, Страйкером, с Арли. Все эти представительства и мелькание на людях — это может быть бесконечно. Затягивает, да только впустую.

— Верно.

— Хотя за это вас любят тоже. Отдадим справедливость. Ну и если настаиваете, и раз мы заговорили о капелле, архиепископ Ледский полагает, что вам все же стоит упрочить ваше положение коронацией. Особенно после вчерашнего...

— Нет.

— Это позиция церкви. Хотя... то, что вы упорствуете в своем регентстве, тоже нравится людям, — похоже, Дон завел себе любимый рефрен, годящийся абсолютно для всего. — Будто все это не формальность, а нечто настоящее, имеющее значение. Но коронации, — прибавил он бодро, — да после такого зачина, они тоже еще как обрадуются!

— Нет, — повторил я.

— Тем более, есть кое-какие версии о том, что вы этого не желаете, потому что чувствуете какую-то вину.

А вот это прозвучало как предупреждение.

— А что, если это верно? — спросил я.

Дон криво улыбнулся.

— Военного времени у нас давно не случилось, но все-таки мы люди военные.

Выжившие всегда чувствуют вину за то, что выжили. Но стоит ли другим это знать?

— Не знаю... И, все-таки, нет. Не хочу входить в поток. В вечный круговорот. Стоит сдаться этой традиции, и все еще больше пойдет как по накатанной. И мы все погрузимся в сон. Со мной во главе.

— Возможно, — кивнул Дон. — Но как-нибудь на будущее...

— Может быть. — В конце концов, ничто не должно быть слишком уж постоянным. Наверное. — Как вы думаете, Дон, откуда у меня жуткая аллергия на традиции? Может, я видел их слишком много и слишком разных, чтобы придавать им какое-то значение?

— Я ведь уже говорил про рутину? А что может быть рутиннее традиций?

— Верно. Оболочка без содержания. Но иногда, когда содержания в самом деле нет, это единственное, на что можно опереться.

— Если только это стоит того.

— Зависит от множества факторов.

— Несомненно.

Я вошел в пустынное гулкое помещение капеллы, ничем не напоминающее «произведение искусства». В руках у меня был планшет с чертежами, раздобытыми Страйкером. Отыскав нужный пункт в списке, я уточнил, подходят ли сюда еще источники энергии, кроме тех аварийных, которыми мы пользовались до сих пор. Оказалось, подходили, хотя в последний раз использовались очень давно, прошло уже шесть лет, как никто не включал их даже для проверки. Старое отжившее излишество. Я их не использовал тоже — считал область занятой текущими функциями.

Все коды активации, как и чертежи, были у меня под рукой. Я ввел их и... по залу разнеслось тихое пение, похожее на свист ветра в тростнике или в трубах едва ожившего органа. Замерцало призрачное свечение, превратившееся в вихрь вспыхивающих светлячков, сперва бесцветных, постепенно набирающих краски. Стены капеллы будто раздвинулись, углубляясь во все стороны, превращаясь в световые витражи, бросающие блики на мозаику пола, над головой вырос высокий просторный купол, значительно выше уровня настоящего потолка, яркий, пронизанный светом, струящимся в несуществующие окна. Сплошная иллюзия. Впрочем, только с точки зрения тех времен, где привыкли к материальным декорациям. А что есть материя? Плоть — ничто. Дух — (иллюзия?) — всё. Но разве этих фотонов не существует? Не говоря уже об их выверенных, настроенных источниках, потребляющих немало энергии, и даже — я подошел к ближайшему витражу и дотронулся до «несуществующего» холодного и гладкого на ощупь цветного «стекла» — создающих эффект осязаемости. Не просто свет, сложная энергетическая модель, обладающая плотностью и сопротивлением.

Передачик тихо завибрировал, я нажал нужную кнопку, открывая дверь в преобразовавшийся «старый вокзал».

Вошедшая Тарси ахнула, застыла и оглянулась, на мгновение подумав, что зашла куда-то не туда.

— Это проекция! — обрадованный ее удивлением, я приветственно помахал рукой. — Считается произведением искусства прошлого века. Я не мог не взглянуть. Как оно тебе?

Она была в черном платье-пиджаке, усыпанном блестками. Широкие полы расходились в стороны как свободно опущенные крылья, готовые вот-вот совершить взмах. Костюм оставался брючным, практичным и элегантным, в то же время отдавая чем-то из эпохи испанского маньеризма — четкостью и жесткостью линий, пышностью, смешанной со строгостью. Да и его обладательница, синеглазая брюнетка, очень напоминала испанку старых времен. Выглядела она сегодня просто замечательно!

— Прекрасно! Но... — Тарси потрогала сияющие стены-витражи. — Это должно поглощать массу энергии.

— Не так много, как кажется. Прошлый век — не позапрошлый. Система замкнута на себя. И осязаемые эффекты сконцентрированы лишь там, где к ним прикасается что-то живое, они подстраиваются. В остальном это всего лишь игра света. Удобно — с этих витражей не нужно стирать пыль.

— Только с настоящих стен.

— Которых все равно не видно. И все-таки... да, они потребляют уйму энергии, и потому, в частности, от них отказались. Правда, для всех старых помпезных проектов дворец сам производит столько энергии, что девать практически некуда.

Мы как по команде выдержали паузу, потом попробовали заговорить одновременно.

— Нет, я не имел в виду...

— Напомнило Вегу, — сказала Тарси. И именно это я «не имел в виду». Она слегка смутилась.

— Да, я уже понял. Масса энергии, которую некуда девать — в самый раз для взрыва со всем содержимым и обитателями, если понадобится. Однажды это произошло.

— По счастью, только члены королевской семьи знают коды, обходящие поставленные предохранители.

— Да, официально. Кроме того, систему можно взломать не только как систему.

Мы снова молчаливо посмотрели друг на друга.

— Как дела у Страйкера? — поинтересовался я, чтобы сменить тему.

— Совсем неплохо, — ответила она с некоторым облегчением, но скрытое напряжение, все еще оставалось. Не могло не оставаться. — Хотя стоило бы распутывать клубок дольше и тщательнее... Но, на мой взгляд, программирование выглядит поверхностным. Может быть, оно было однократным, с использованием особых химических препаратов, может быть, составным, за несколько раз, очень мелкими штрихами, с окончательной активацией лишь совсем недавно. В любом случае, он ничего не заметил. Сколько раз его могли бы травить без его ведома? И практически ювелирно.

— Не представляю. Может быть, ты мне скажешь?

— Трудно сказать. Контуры очень смазаны. Но... вот еще одно, — мне показалось, что Тарси порозовела. А может, просто так упал свет от яркого витража? — Я кое-что заподозрила и сделала заодно анализ его ДНК.

— Да?.. — я не совсем понял, к чему она клонит, но наверняка это было что-то важное.

— Похоже, теперь я знаю, кто мой отец.

— В каком смысле?

— Прямом. Думаю, что это он. Страйкер.

Хор ангелов сфальшивил всем коллективом.

— Разве раньше ты этого не знала?..

Тарси мотнула головой, нетерпеливо или печально. А в моей что-то стало рассыпаться, облетая шелухой, как чешуйки краски со старой картины.

— Но погоди... Фамилия Карелл — она хоть что-нибудь значит?

— Значит. Это фамилия нашего приемного отца. Меня и Нейта. Он растил нас в детстве.

— Приемного?..

— Ты представляешь мою мать в роли любящей заботливой матери семейства?

— Нет...

— Она и не пыталась. А нам нужна была дополнительная защита.

Я помолчал. Разумеется. Как и нам. Но у нас хотя бы был настоящий отец. Правда, в самом детстве мы тоже росли у дальних родственников.

— А они хотя бы живы? Те, кто растил вас?

— Он сейчас нет, но это не то, что... Я не говорю, что все было естественно, но это было объяснимо...

— Думаешь, я в это поверю?

Она озадаченно нахмурилась.

— Во что?.. Почему?..

— А Нейт? Страйкер и его отец тоже? — Сейчас я был уверен, что нет, и последовавший ответ полностью соответствовал промелькнувшей у меня мысли.

— Нет... Вообще-то, его отец — полковник Линн с «Януса».

— Прекрасно! — воскликнул я так, что мой голос отразился рикошетом от несуществующих сводов, а может, просто от голых стен. — И ты говоришь мне об этом только сейчас!

Тарси вздрогнула, наконец заметив, какое впечатление на меня производят ее признания, до того она казалась слишком поглощенной своим открытием.

Картина облетела окончательно, под ней оказалась другая. Части огромного, старого, мерзкого, очень долгого плана. Нужно было проникновение на «Янус», и там оказался Нейт. Нужно было проникновение сюда, и вот здесь Тарси. Именно там, где и должна быть! Даже то, что Лидина настойчиво требовала вернуть своих детей, должно было лишь толкнуть нас навстречу друг другу.

— Эрвин!.. — прозвучало растерянно — неужели она не сознавала, что говорит?

— Если Линн — отец Нейта, сколько искусственного было в его безумии после ваших попыток на него воздействовать?

— Он ничего не знал!

— Как я не знаю! Может, я не знаю, что именно я делаю? Может, у меня бывают провалы в памяти, о которых я даже не задумываюсь и не замечаю, потому что не должен задумываться и замечать?

— Ты же знаешь, что нет!

— О, ты не права! Я знаю только, что ничего не знаю!

— Эрвин, — меня почти взбесило, что она повторяет мое имя, будто пытается заклясть, — разве ты не видишь, что я пытаюсь быть с тобой откровенна, как только могу? — Она казалась несчастной, искренней, но мало ли что я видел?

— Теперь можешь? Потому что все уже зашло достаточно далеко и некуда отступить? У тебя есть причины считать, что я уже ничего не могу поделать? Пусть даже взорвать этот

дворец со всеми нами, чтобы со всем покончить одним ударом?

Тарси попятилась, побледнев. Я с ненавистью взглянул на планшет, не понимая, зачем все еще держу его в руке. Управление капеллой, да... Я отключил витражи, принявшиеся бледнеть и растворяться с унылым умирающим гулом. Это немного помогло, как настоящий удар кулаком в стену. Вдохнув поглубже, я начал возвращать себе самообладание. Что бы там ни было, это было в прошлом, она могла никогда не признаться.

— Если бы ты верил в то, что говоришь, — тихо сказала она, — ты бы этого не говорил.

Все, вызывающее подозрение, гораздо проще уничтожить сразу. «Если же правый твой глаз соблазняет тебя...» Разве я мог хоть словом намекнуть ей о «Янусе»? Ее было опасно оставлять на свободе. Потенциально она была такой же угрозой, как и ее мать, любой мог стать ее орудием, как и ничего не подозревавший Страйкер. Ее даже опасно оставлять в живых!.. Проклятие, я не хотел жить в таком мире. Но он проступал сквозь каменные стены, рисуя свои нематериальные, но ощутимые чудовищные проекции.

— А ты, Тарси, ты уверена в том, что делаешь? В том, что это именно ты, а не кто-либо другой действует через тебя?

Она ответила не сразу. Помолчала, глядя в сторону, и я понял, что она плачет. Если она не была моим врагом, я так легко мог заставить ее стать им. По всем законам этого мира я должен был это сделать, ни у кого из нас не должно было остаться выбора. Либо сейчас я сделаю огромную глупость, либо и без того вся моя жизнь — сплошная ошибка. Но что, если я сам сделаю то, что «должен сделать» — уйдя отсюда, толкнув ее в пропасть одиночества и заслуженной ненависти?

— Нет, — ответила она. — Как я могу?

Никак. Разумеется. Никто ничего не может гарантировать в мире, состоящем из иллюзий, способных коллапсировать в любой момент во что угодно.

— Тарси, — сказал я. — Я должен тебе кое-что показать.

Неважно, в чьих руках ящик Пандоры окажется в итоге. Окажется в одних, окажется и в других. Рано или поздно. Неизбежно. Пусть каждый сам наступает на свои мины. На свое безумие. На то, что, какие бы иллюзии это ни создавало, мы не способны что-либо изменить. А если даже в силах, отчасти, то все равно ничто не изменится по-настоящему. Нам только кажется, что мы чем-то управляем. На самом деле все просто движется по своим траекториям, заданным еще при Большом взрыве.

В чьих бы руках ни оказалось опасное знание, это не конец света и не конец эволюции. Оно по-своему изменит каждого, кому достанется. И без того все на свете постоянно мутирует и изменяется, превращаясь во что-то иное. Так что и в самом худшем случае — все неважно.

Тарси покорно следовала рядом, не выказывая протеста или обиды, обреченно и безразлично, наверняка одолеваемая не менее «веселыми» философскими мыслями. Она отлично знала, в каких монстров превращает паранойя вполне приличных людей. Уверен, многие из них изначально были куда лучше меня.

Коротким, наполовину потайным привычным путем я провел ее в кабинет, жестом предложил сесть, что она послушно исполнила, извлек «игральный кубик» и положил на проектор. Когда вокруг загудели светящиеся зеленоватые линии, я снова обратился к ней:

— Знаешь, что это такое?

Она отрицательно покачала головой.

— Это модель «Януса», — я выдержал небольшую паузу, прежде чем добавить: — действующая.

Вот теперь она чуть не подскочила на месте.

— Что ты имеешь в виду?

— Что она действует. Хотя не могу сказать, что идеально.

— Зачем ты мне это говоришь и показываешь?

Я помолчал.

— Понятия не имею. Может, это результат какого-то внушения?

Да, не смешно. Ее бледное лицо, еще с дорожками слез, было непроницаемо.

Мне тоже не смешно, подумал я. Вот все прекрасно, мы оба стараемся как можем, и все же смотрим друг на друга волком. Сквозь то, что является величайшей тайной в обитаемой вселенной, и это ничуть не помогает нам друг другу доверять.

— Как бы то ни было, я уже проверил, что она может. Не то чтобы все прошло гладко, но...

— Прекрати! — вдруг воскликнула она. — Хватит!

— Что хватит? — удивился я.

— Необязательно издеваться!.. — она никак не могла унять дрожь. — Выключи это световое шоу и запри меня уже наконец, или вышли, или просто убей, но не надо так!

А-а... Она в самом деле решила, что я просто издеваюсь? В тот момент, когда я думал, что раскрываю душу. Какая ирония. И все логично и естественно. Мячик летит в одну сторону, потом в другую. А главное, я все равно не могу продемонстрировать машину в действии. Она не настолько исправна, чтобы рисковать... по крайней мере чужой шеей. Особенно, если это ее шея.

Я вздохнул и потряс головой, тихо засмеявшись без всякого намека на веселье.

До меня донесся приглушенный судорожный всхлип.

— Прости, — сказал я, поднимая голову. — Даже, «всё понимая», я понимаю не всё, как и ты, потому что с тобой происходит то же самое. Я не издеваюсь, я думал, что только что дал тебе смертельное оружие против себя. Я был до смешного серьезен и трагичен. Не думай, что я не воспринял всерьез то, что ты сказала сегодня. Но оно вывело меня из равновесия, потому что я все равно собирался показать тебе это. Показав сначала витражи. Потому что они такая же реальность, невесомая, невещественная и поглощающая прорву энергии, потому что дворец на это способен. Море неконтролируемой неиспользуемой энергии. Плохо у нас вышло — я не ожидал, что меня так собьет в полете. И я еще не говорил об этом ни одной живой душе.

— Я все-таки не понимаю, — сказала она устало.

— Можешь верить или нет, можешь использовать это против меня, наверное, я этого заслуживаю. Тем более что не могу продемонстрировать ничего, кроме каких-то светящихся линий. Модель не откалибрована, побочные эффекты могут быть какими угодно, я в этом уже убедился. Но пока не появился буфер, я могу увидеть ближайшие события, не отстоящие от нас на полсотни лет. В любом случае это ничего не доказывает, даже ближайшие события несут в себе массу расхождений. Мы ничего не можем узнать наверняка. И все же, думаю, тебе бы хотелось это знать, кем бы она ни была — я не мог не проверить, что тогда произошло...

— С твоими родителями и сестрой? — быстро спросила она, перебив меня.

— Нет, — ответил я после новой шокированной паузы. — Я не мог, по крайней мере не сейчас. — Я понял, что даже говорить об этом для меня затруднительно. — С кораблем твоей матери. Я проник в сознание...

— В ее сознание?

Я на мгновение сцепил зубы: «Да ты что, издеваешься? Мстишь мне?» Но сумел понять что она просто волнуется.

— Нет. В отключенное. Полагаю, что полковника Крейга. Он не должен был ничего заметить даже при том, что мое сознание было какое-то время активно. Он находился в медицинской капсуле. — Я увидел краем глаза, как она бессознательно кивнула. Видно, припоминала такие капсулы.

— Я находился там в то время, когда должен был произойти взрыв. Немного дольше. Но взрыва не было. Потом я вернулся. Это все.

Тарси шумно выдохнула.

— Это ничего не доказывает, — повторил я.

— Но повышает вероятность, верно?

— Да, — я немного сфальшивил — ведь точно так же не было никакого взрыва в той реальности, где я наведаясь в свою собственную голову, и чуть не застрял в том мире, может быть потому, что хотел этого. Но в последнем случае я бы предпочел, чтобы взрыв произошел, хотя Янус легко мог отправить меня и в царство моей собственной паранойи. Мы уже знаем, где он предпочитает в первую очередь брать недостающую ему информацию о том, куда мы собираемся отправиться.

— Но ты говоришь, что не можешь ничего продемонстрировать.

— Не могу. Система нестабильна. Чудо, что она вообще работает. Пока это только отличный способ потерять рассудок или отправиться куда-то и никогда больше не вернуться. А то, что я видел в последний раз — еще и вернулось ко мне по частям, не только в нужный момент, но и в прошлое, когда я не знал, что это такое, начиная с того момента, когда мое сознание было наиболее уязвимо. Понятия не имел, что это за галлюцинации, а оказалось, это от того, что я сделал только в будущем, своем совсем недавнем прошлом.

Она немного посидела молча. Потом просто кивнула.

— Я тебе верю.

Я выдохнул.

— Значит, у тебя есть «Янус», твой персональный, ручной, даже если пока необъезженный. И ты им пользовался, — продолжила она.

— Да. — Голос ее звучал как-то слишком ровно.

— Значит, ты на самом деле можешь оказаться виновным в любой катастрофе, даже не выходя из дворца.

Я уставился на нее, не в состоянии спросить и такую банальность как: «Что?..»

— Можешь. Вот, что ты мне пытаешься сказать. Два случая слишком похожи. А ты, по-видимому, слишком безумен, по своему собственному желанию. Сделаешь ты это в будущем или уже сделал, чтобы оправдать все нестабильностью системы? Верить ли ты в нее сам или лжешь всем кругом, неважно, какая у тебя есть на это причина? Я помню, ты всегда умел лгать. И что ты сделаешь со мной теперь?

Она быстро поднялась и прошла к выходу. Я нажал на кнопку, открыв дверь раньше, чем она этого потребовала. Она вышла не оборачиваясь. А я захлопнул дверь.

Может быть, в том, что люди даже не пытаются понять друг друга, куда больше смысла,

чем кажется. Это чертовски экономит время.

13. Игра в кости

Дон заглянул через некоторое время после того, как вышла Тарси. Я яростно таращился в планшет, изучая дела, которые Вирем сегодня самовольно удалил из плана.

— Помешаю?

— Нет. С чего бы это? — Даже случайная катастрофа планетарного масштаба никому бы не помешала.

— Гм. — Он оглянулся куда-то в коридор, затем вошел. — Между вами кошка пробежала?

— Двухметровая в холке. Саблезубая.

— Смилодон? — Дон попробовал блеснуть познаниями о древней земной фауне.

— Считается, что на Земле двухметровых в холке не было.

— А на самом деле?

— Без понятия.

Дон кивнул и, видимо, раздумывал: то ли извиниться и выйти, то ли спросить, чем может помочь.

Я пристально посмотрел на него.

— Хочешь узнать?

— А, простите... — он покраснел и сделал движение, чтобы отступить. Он и так проявил больше любопытства, чем следовало, и нарвавшись на прямой, как ему показалось, вопрос, готов был провалиться сквозь землю.

— Нет, я имел в виду, хочешь узнать, как выглядели смилодоны? Посмотреть на них своими глазами?

— Может, и хотел бы, — он, задержавшись, усмехнулся и пожал плечами. — Но какой смысл хотеть, если?..

— Если ты можешь.

— Теоретически я все могу, — покладисто согласился он. — Но уверен, даже если «Янус» не укомплектован, там рассматривается масса более перспективных кандидатур.

— Ты закроешь дверь наконец? — поинтересовался я

— Конечно, — окончательно смутился Вирем.

— Дон! Не с той стороны, а с этой!

Когда он завершил маневры с дверью, я встал и повторил свой трюк с кубиком, положенным на проектор.

— Что это? — Дон завертелся, разглядывая светящиеся линии, пока еще призрачные, не налившиеся энергией как следует.

— Теперь и у тебя есть шанс увидеть смилодона, если захочешь. Ты знаешь, всегда говорили, что мы что-то забрали с «Януса». Разумеется. Чертежи. Но чего я не ожидал, так это того, что энергии дворца достаточно, чтобы они могли действовать сами по себе.

Дон какое-то время молчал, вертясь на месте.

— Это сумасшествие какое-то, — выдавил он наконец.

— Добро пожаловать в мой мир, — усмехнулся я, не ощущая никакого спада напряжения. — И спасибо, что подсказал про Капеллу, она удивительная. Я подключил ее системы к тем, что уже использовал. Теперь модель в целом должна работать гораздо стабильнее. Хочешь попробовать?

— Н-не знаю... — Еще бы, должно быть, он совершенно выбит из колеи.

— Наверное, ты прав. Черт знает что может случиться, если честно.

— Но ты уже попробовал, так?

— А, — отметил я не без затаенного торжества. — Наконец-то ты сказал «ты».

Вирем слегка смутился, но придумал объяснение на лету:

— Потому что ты сумасшедший, — он улыбнулся, со сдержанным восторгом покачивая головой. — И потому что это не имеет отношения к делам государства. Мы сейчас в совсем другой плоскости, как в другой жизни.

— Здорово нашелся! — отметил я.

— Вы из-за этого?.. — Вирем на мгновение смешался еще больше, не договорив слово «разругались».

— Нет, — ответил я слишком резко, чтобы это можно было счесть правдой, но уточнять он не стал. Лишь обозначил для себя опасную зону.

— И что вы намерены делать дальше? — спросил он, достаточно взяв себя в руки, чтобы вернуться к почти официальному тону. — Из этого можно что-нибудь построить, или это теперь такая часть дворца?

— Пока что часть дворца. Хотя именно за этим я спрашивал у Страйкера все чертежи, а также список всех архитекторов — чтобы попробовать восстановить нечто подобное. Но не уверен, что до этого скоро дойдет дело и, может быть, нам придется играть наперегонки с теми, кто знает то, что, как минимум, знает Страйкер.

Вирем внимательно посмотрел на меня, но не стал спрашивать про Тарси. Одно было ясно — она тоже знала, и куда больше, чем Страйкер.

— Что я должен сделать? — спросил Дон.

— Очень меня обяжешь, если поможешь с поддержкой стабильности системы. Это сложно контролировать в одиночку, находясь одновременно где-то еще.

— Уж наверняка, — кивнул он. И помялся. — Один вопрос: есть ли в этом необходимость? Потому что если с вами вдруг что-то случится...

— Ну и что? Давно пора переходить к республике!

Он снова покачал головой, фыркнув и с деланным отчаянием прикрыв глаза рукой.

— Революционное мнение со стороны члена королевской семьи.

— Уверен, я и в этом не первый.

— Послушайте, наверное, лучше придумать, что с этим можно сделать официально, ну или хотя бы в духе военной секретности: как создать новую станцию. Конечно, всех остальных в Галактике от этого разорвет на мелкие кусочки... но будет уже поздно. И раньше же считалось, что это против некоторых принципиально физических законов, не только человеческих... — Дон ударился куда-то в совсем уж средневековье.

— Если так считалось, то что, считалось, что мы придумываем все, что там творим?

Дон неопределенно кивнул, в особенной манере, распространенной на Леде — чуть более выразительно вскидывая голову вверх, чем опуская ее, на самом деле не слишком необычно, пока не замечаешь этот «акцент» жеста повсюду вокруг:

— Говаривали и такое...

— Неважно, — я махнул рукой. — Знаешь, может быть и плевать на стабильность системы... Это все перестраховка. Нам всем надо развеяться. Как насчет того, чтобы проникнуть на «Денебский штандарт» за час до взрыва? По счастью, все эти церемониальные полеты сопровождаются очень медленной подготовкой к старту и

становлению на курс.

Дон и раньше пытался осторожничать, но сейчас стало отчетливо видно, как он «трезвеет» на глазах.

— Когда? — спросил он тревожно.

— Сейчас, — ответил я. — Я видел, что за дела ты отменил. Сегодня может быть единственный такой день. А потом все хлынет, прорывая плотину. Я собирался возиться дольше, но сперва планировал сделать это в одиночку.

— Погодите! Еще раз. Существует же буферное время?

— Да, когда система обретает стабильность. А сперва его нет — и это еще один повод торопиться. Я понятия не имею, как будет вести себя система в таком состоянии, в каком она существует.

— Но ведь черт знает что может случиться! — Я не думал, что Дон в самом деле собирался жать на тормоза, он слишком заинтересовался с самого начала, но ему нужно было прояснить все детали, чтобы поверить, что это реальность. — А как же... ну хотя бы «парадокс дедушки»?

Такое спросить можно только на нервах и когда дело совсем в новинку.

— Есть масса способов его обойти. Я сам пробовал — куда бы ты ни попал, даже в самом ближайшем прошлом, ты попадаешь не в свое собственное прошлое. Одно то, что ты смещаешься, отправляет тебя в другую версию этой реальности.

Дон немного покивал, а потом задал неожиданный вопрос:

— Вы случайно не пытаетесь покончить с собой?

— Что? — удивился я. — Почему?

— Понятия не имею... — он фальшиво кашлянул и вздохнул: — Например, пытаетесь уклониться от ответственности?..

— Нет никакой ответственности! — фыркнул я недовольно. — Все это только сверхценные идеи.

— В некотором роде. Которые собираются «хлынуть, прорвав плотину», — напомнил он. — Напомните-ка мне... Хотя вы раньше не говорили. Когда вы испытывали аппарат — мало того, что испытывали и теперь небрежно замечаете, что он нестабилен — куда вы уже наведывались? — Его выжидающий взгляд был мягок, но очень пристален.

— Ну, мне было просто необходимо это знать, — немного поразмыслив, я решил, что скрывать мне нечего.

— А именно? — нетерпеливо вставил он в чуть заметно затянувшуюся паузу.

— Происходил ли взрыв на корабле Лиги.

— То есть, вы были там в тот момент, когда корабль, по нашим данным, взорвался?! — Казалось, каждый его волосок встал дыбом, будто напряженный.

Я кивнул.

— И как же?..

— Взрыва не было.

— А если бы был, что бы с вами случилось?!

— Автоматически вернулся бы назад. Спокойно. В сущности, там была только копия моего сознания. Если бы она не вернулась, я бы просто не получил никакой информации.

— Ага, значит, она могла не вернуться! Что заставляет вас так думать?

— Я уже говорил, что система не стабильна.

— Значит, вы каким-то образом проверяли, и что-то уже не срабатывало или шло не

так, верно? Насколько это было не так?

— Проклятье... Да одного этого раза хватило бы... — Я замолчал, не уверенный, что стоит сразу отпугивать его побочными эффектами. Эффект ведь был, и далеко не из приятных.

— Наверняка все не так просто, да?

— Неважно. Были некоторые проблемы с подселением в чужую голову. Но теперь я не собираюсь использовать этот способ. Теперь перенос будет полным.

— То есть шансов не вернуться становится все больше, — констатировал Дон севшим голосом. — А если вас вообще рассеет... ну я не знаю где — по пространству-времени?

— Я уже говорил насчет республики.

Он задумчиво кивнул.

— Ну... а если вы там были — на корабле Лиги, и взрыва там не было, вы же его не подстраивали, правда?

— Дон! — прошипел я. «И ты туда же!..» — Я, черт возьми, не подстраиваю взрывы, обычно я их предотвращаю, и кое-кому следовало бы это знать!..

— О, догадываюсь, кому...

— Иди к черту!

— Извините. — Дон успокаивающе поднял руки, и впрямь всем видом выражая извинение за чрезмерную проницательность. — Просто это правда чертовски серьезно. Я оценил ситуацию. Хуже не придумаешь. Вам надо хоть кому-то доверять.

— Можно подумать, что я могу...

— Можете. Потому что нужно. А еще куда-нибудь вы уже пытались проникнуть? Например, в тот самый день?.. Вы ведь сказали, что «обычно предотвращаете взрывы», вы уже пробовали?

— Нет. Это как раз слишком серьезно. Сперва нужно было проверить, работает ли эта штука вообще и на что она способна.

— А это действительно может что-то изменить? Ведь если не имеет значения «парадокс дедушки»...

Я покачал головой.

— На самом деле нет.

— Вот поэтому я и подумал, что может быть уже... — он пожал плечами и потряс головой, — нет, нет, продолжайте. Это ведь... «повысит вероятность», да? Для всех других версий события, если я не ошибаюсь.

— Да. Но на нашу она не повлияет. Ведь здесь это уже случилось. Кстати... — Я вдруг обнаружил, что мы все еще стоим, махнул Дону приглашающим жестом на кресло напротив и уселся поудобнее сам. Пора было переходить к делу. — Давай уточним данные расследования. Очень мощная вспышка излучения и все, ведь так? Даже никаких обломков. И никаких новых сообщений о них?

— Нет, — подтвердил Дон. — Похоже, все превратилось в чистую энергию, рассеялось. То, что сперва обнаружили в виде оплавленных обломков, оказалось старым космическим мусором довольно приличной древности или крошкой от астероидов, задетых этой вспышкой. От самого «Денебского штандарта» не осталось ничего материального.

Я кивнул в задумчивости, все это я помнил.

— Если бы не эта оплавленность, мы могли бы рассчитывать на иллюзию.

— Мне казалось, вы до сих пор на это рассчитываете.

На это я пока не ответил, сменив тему:

— А что с другим кораблем? — Дон отслеживал всю поступающую информацию по расследованию.

— Тоже очень мощная вспышка... — начал он.

— И никаких следов от самого корабля, — продолжил я прежде, чем он окончил фразу.

— Не-ет, — Дон, отрицательно покачал головой с предупреждающим видом. Я заинтересованно приподнял брови.

— Что-то новенькое?

— Найдена пара фрагментов, явно принадлежавших когда-то кораблю Лиги. Та же рентгеновская «подпись» и все такое. А ведь можно представить, насколько малы были шансы на самом деле их найти. Значит, их куда больше.

— Интересно. А оценка излучения?

— Мощнее не бывает. Очень высокое. С той лишь скидкой, что корабль был куда меньше «Денебского штандарта». Так что возникает кое-какая неувязка...

— Каким образом уцелели обломки, если повреждение совпало со вспышкой излучения?

— Именно. Конечно, если принять за истину, что излучение было настолько мощным, чтобы полностью уничтожить флагман. Но остаточная радиация в той области в самом деле ого-го.

— Выходит, ты полагаешь, в этот раз кто-то намеренно разбросал поблизости обломки с каким-то расчетом? Чтобы они заведомо хорошо поддавались анализу и идентификации?

— Это очень даже возможно. Хотя не говори вы все время о возможности инсценировки, можно было бы не обратить внимания.

— Но все-таки это могло быть и случайностью. Знаешь, нужно будет, пожалуй, провести внутреннее расследование. Во-первых, установить, что именно за следы повреждений на обломках — чем их могло повредить помимо уже известного излучения, какие-нибудь химические следы, какие действовали температуры, во-вторых, какие команды поисковиков их обнаружили. И я хочу, чтобы в расследовании участвовала Тарси Карелл, дай ей полный допуск ко всей информации и свободу действий. Пусть разбирается.

— Хотите с ней помириться? — осторожно спросил Дон.

— Нет.

— Но все же доверяете ей.

— Не то чтобы.

Дон открыл рот, потом закрыл, в замешательстве.

— Тогда почему? — спросил он через мгновение, не в силах сдерживать недоумение.

— Пусть ей будет чем заняться.

— Но она и так уже знает то, от чего вы хотите ее отвлечь, верно?

— Я хочу ее отвлечь не от того, что она знает.

— Не стану притворяться, что понимаю. Может, потому что думаю больше о перемещениях во времени и нахожусь в панике...

— Ей просто надо чем-то заняться. Это для того, чтобы не мириться. Нам мешают личные отношения. Пусть все будет официально, а с остальным мы покончим.

— Думаете, получится?

Я пожал плечами.

— Итак: у нас до сих пор нет ни одного идентифицированного обломка «Денебского

шпандарта», это на предмет сравнения, что может происходить в такой ситуации с кораблем.

— Нет до сих пор. Несмотря на то, что исследуемое пространство огромно, маловероятно, что за все это время не обнаружилось бы ни одного, если бы они все-таки были.

— Если, конечно, не проверять все подряд поисковые команды на предмет сокрытия улики и сувениров.

— А потом проверить тех, кто проверял...

— Непочатый край. Чертовски неэффективно и долго, даже если что-то не так. Пока можем опираться на то, что картины двух взрывов не идентичны. Это уже о чем-то говорит. И мы можем ускорить расследование, зайдя с другой стороны.

Дон немного помялся.

— У меня есть версия, хотя это и версией назвать трудно... Если сами вспышки были идентичными, а это пока как будто подтверждается, то что это могла быть за чертовщина? Какое-то новое оружие? Не знаю ничего, что действовало бы подобным образом. А вы? Может, где-то во времени, в разных версиях состоявшейся истории?..

Я покачал головой:

— Не встречал подобного.

— И едва ли это случайность и какая-то естественная аномалия. Такое могло произойти раз, но дважды за короткий срок?

— Крайне маловероятно. Из отчетов, что я видел, характер излучения более всего напоминает аннигиляцию материи, вступившей в контакт с антиматерией.

— Большой взрыв в миниатюре. И как вы думаете, кто теперь это мог бы устроить? Так направленно, в нужный момент. Настоящая бомба из антиматерии?

— Возможно. Эксперименты с ней начались давным-давно.

— Но так никто пока и не использовал ее всерьез. Как вы думаете, на что это может быть намек?

— На то, что кто-то может использовать антиматерию очень легко. И может быть, ты считаешь, что этот кто-то — из другого времени?

Дон мрачно кивнул.

— Что дает возможность слухов о том, кто может использовать такое оружие. Тот, кто путешествует во времени, и тот, кому это выгодно.

Это был неприятный вывод, он меня почему-то нервировал.

— Ага... Или хотя бы, что в ответе тот, кто не контролирует путешествия во времени, что отдельный повод усомниться в чьей-то дееспособности. Ведь если замешан кто-то неизвестный, и это может быть целенаправленными атаками из другого времени, то это все равно приводит к тому же источнику.

— Ого... это же действительно возможно?!

— Теоретически да. Пусть мы сами никогда не попадаем в собственное прошлое, но мы понимаем, что мы не единственные во всех вариантах истории, кто это делает. Одних только нас — число, стремящееся к бесконечности, и никто не может гарантировать, что все мы благонамеренны.

— Я могу!..

— К черту, Дон, — сказал я дружелюбно.

— Знаю, знаю, — вздохнул он. — Просто хотел подбодрить. Ох, я всегда понимал, что это возможно, но говорить об этом так буднично мне еще не приходилось.

— В присутствии действующей модели машины времени, — прибавил я, и полюбовался, как он поежился.

— Значит, все серьезно, — еще раз вздохнул он. — И мы можем посмотреть на смилодонов?

— Можем. Хоть сейчас. Но пока есть вероятность, что затем ты заполучишь остаточные галлюцинации на весь остаток жизни. Впрочем... может, у тебя уже какие-то есть? Это как раз может свидетельствовать о совершенном в какой-то момент времени не совсем удачном перемещении во времени, с возвратом воспоминаний авансом еще до того, как все случилось.

— А дежа-вю считается? — с беспокойством спросил Дон. — Оно вроде бы у всех бывает.

— Понятия не имею, — признался я. — Есть масса логичных объяснений, но мы тоже есть, и иногда гостим в чужих сознаниях. Нас немного, но если посчитать все обозримое будущее и все наши вариации, то, может быть, все это связано с кем-то, подобным нам, с их бесконечностью. Поэтому дежа-вю бывает у всех.

— Че-ерт... — Он помолчал и покачал головой, выглядя одновременно вдохновленным, несчастным и страдающим от морской болезни. — Вы будто открыли форточку в ад и предлагаете мне подойти и выглянуть, а то и выйти из окна — это же самое обычное дело! А может даже, говоря с вами, я говорю одновременно с кем-то совсем другим?

Я развел руками.

— Абсолютно не исключено.

Он демонстративно встряхнулся, будто лабрадор, выскочивший из воды.

— Хватит! — воскликнул он. — Я вдруг вспомнил, что вы склонны к саморазрушению, вот почему вы так себя ведете!

— Да с чего ты взял?! — возмутился я. — Что у тебя за идея фикс?

— Это я к тем моментам, когда вы почему-то хотите казаться хуже, чем есть на самом деле.

— Ничего подобного. Я всего лишь честно предупреждаю.

— И запугивать, конечно, не пытаетесь...

— Разумеется, нет. Пойми, для нас это самая обычная реальность. Но надо иметь в виду, что у нее целая бесконечность возможных побочных эффектов.

— Отлично. Просто вы понимаете, что говорите сплошные ужасы?

— Разве? Не заметил.

— Если пользоваться головой как обычно, можно подумать черт знает что.

— И это будет верно.

— По счастью, я пользуюсь не только головой! — заявил он победно.

— А чем еще? — осведомился я подозрительно.

— Чутьем, — поведал он гордо.

— Да ладно! — рассмеялся я.

— Нет, серьезно! — он тоже нервно усмехнулся. — И оно говорит мне, что все не так страшно. Конечно, в чашке есть кипяток, и мы всегда можем насмерть обвариться, но все мы пьем терро, и это самое обычное дело.

— Точно. Но должен же я предупредить, что «спички детям не игрушки».

— «Спички»?..

— Такие маленькие легковоспламеняющиеся штучки. Неважно.

— Но я уверен, что опасность исходит не от вас, поэтому дурные мысли побоку!

— Мне бы твою уверенность! — восхитился я.

— Врожденное чутье! — похвастался Вирем. — Вам его, кажется, не хватает.

— Я просто предполагаю слишком многое.

— В этом все дело, — кивнул он. — Не буду нести чушь, будто у вас нет оснований или на самом деле все не так. Но я бы не стал привлекать к решению то, что представляется мне метафизикой и туманной гипотетической возможностью.

Это потому что еще не нарывался на галлюцинации, призраков или гостей из параллельного будущего, и не разговаривал с ними, как ни в чем не бывало. Они бы живо перестали быть «гипотетическими».

— И был бы совершенно неправ.

— Так что возьмем старую добрую бритву Оккама! — продолжал он с облегчением. — Взрывы не идентичны. Кое-кому очень выгодно, чтобы во всем этом была усмотрена одновременно угроза (для вас) и метафизика (для всех остальных). Раз мы нашли обломки, которые кому-то было выгодно, чтобы их нашли, но не нашли их в другом случае, думаю, и правда напрашивается кое-какой вывод: один из случаев — инсценировка или хотя бы сопровождался инсценировкой. Со вполне ясным намерением кого-то подставить. Скорее всего вы совершенно правы — никакого второго взрыва не было, они спокойно продолжили полет, куда бы ни направлялись. И при проверке вы видели реальный ход событий. По крайней мере, вероятность этого очень высока!

— Ну хорошо. Скорее всего, да. Но чтобы ты примерно представлял себе возможность увидеть реальность подобным образом: да, это было не единственное испытание модели. Первым делом я переместился... — я не стал упоминать о торпедах, Дон и так уже что-то подозревал о моих интересных отношениях с Танатосом, — совсем незначительно, всего на несколько часов назад, просто для проверки. В свою же собственную голову. И это оказался совсем другой мир. Внешне все тот же. Но в нем не происходило того, что случилось с «Денебским шпандартом», он никогда не взрывался, все были живы.

Повисла неловкая напряженная пауза.

— Понимаешь разницу? — продолжил я, откашлявшись. — Всего несколько часов и разница во множество жизней. Ведь это никак нельзя назвать «незначительной разницей». Так что и впрямь возникает еще один вопрос: путешествуем ли мы во времени хоть когда-нибудь? Или это путешествия в нашем собственном воображении.

— Но вы же спасли «Горгулью»! — нашелся Дон ровно через пять секунд.

Тут он был прав. Как я-то мог об этом забыть хоть на минуту?

— Не совсем мы...

— Значит, и от иллюзий есть прок! — бодро улыбнулся Вирем.

Я всегда подозревал, что он сумасбродный оптимист. Впрочем, он всего лишь исправно играл роль противовеса, которого так не хватает, когда пытаешься действовать в одиночку, и в итоге притворяешься, чтобы осмыслить все возможности, и лебедем, и раком, и щукой, а потом еще удивляешься собственной нерешительности. Но, черт возьми: «Перестаньте, наконец, указывать Богу, что ему делать!»[1]

— Так что именно я должен делать? — уточнил Дон.

— Забаррикадируй коридор и отстреливайся от революционно настроенных элементов,

которые попытаются мне помешать, пока идет процесс.

Дон нервно усмехнулся.

— А серьезно?

— Если серьезно, мне нужен кто-то, кто будет следить, чтобы показатели системы внезапно не изменились, пока я буду отсутствовать.

— Даже не представляю, что делать, если они начнут меняться...

— Я тоже не очень представляю, что можно будет сделать, если совсем все расстроится. Но вот тут есть функция автоматической отладки параметров. Возможно, понадобится запускать ее вручную. А потом молиться. Ну и сам знаешь, присутствие наблюдателя имеет значение даже для элементарных частиц...

— Особенно для них, я бы отметил.

— Чем элементарней, тем фундаментальней. Наоборот работает не всегда, но мы все равно будем надеяться.

— Что, если внезапно упадет энергия?

— Вот тут схема основных источников. Но если упадет катастрофически, то делать нечего, только ждать, когда восстановится само.

— Ох, мне очень не нравится мысль... — Дон выдержал паузу и решил не говорить очевидного, перейдя к другим деталям: — что бомба могла быть телепортирована, — его голос сник, как умирающий лебедь.

— М-м?.. — И чем это предположение могло быть хуже версии с трудноуловимыми биоторпедами? На флагмане акул точно не было, как и других подходящих живых существ, оставались бы только люди. Но в любом случае их работа не напоминала ничего подобного наблюдавшейся дважды картины «аннигиляции». Тем не менее, особый сканер и для такого вида оружия теперь был у меня в арсенале.

— Насколько я знаю, в данный момент эта технология известна только в сцепке с перемещением в пространстве-времени. Я имею в виду — с упором на последнее... Это технология «Януса».

— Ага.

— «Янус» ведь больше не ваш.

— Да. Я заметил.

— Вы не думаете?.. — Он отлично знал, что думаю, но хотел уточнить, что именно я предполагаю.

— Всегда есть варианты. Кто-то и помимо «Януса» может знать больше в настоящий момент — добыть хотя бы фрагментарную информацию, а затем доработать пробелы всегда возможно. Если что-то существует, оно существует, нельзя закрыть к нему все дороги. А может быть это и то, что ты думаешь — это кто-то, в чьих руках сейчас находится «Янус». Или не сейчас, а в будущем, или иная атака из будущего. По крайней мере, телепортация или нет, это то, что можно будет исключить, если я там побываю...

— Но как исключить? Даже если вы обнаружите, что бомба оставлена каким-то обычным образом, это же будет только одна из версий развития событий.

— Она хотя бы будет, эта версия. Хотя верно, она ничегошеньки не докажет, но может подсказать, где искать концы, и, если они найдутся на самом деле, это и только это будет подтверждением.

— Ух... Но соваться ради этого прямо туда... и не копией, полностью! Черт возьми, а что будет, если что-то там взорвется раньше, да еще вместе с вами?! Стоит ли?..

— Стоит, — сказал я, покосившись на диск репликации. Копия фиксирующего зону передачи устройства была почти готова.

— А еще, это само по себе может быть ловушкой.

— Очень ненадежное это дело в вероятностях, чтобы пытаться ставить такие ловушки.

— Неизвестность следует трактовать в свою пользу, да?

— Обязательно.

«А ведь на Леде есть человек, который куда лучше меня разбирается в машинах времени», — заметил Дон несколько раньше. — «Есть, но пока он не в счет», — ответил я. Очень не хотелось дергать за торчащие нитки все того же старого клубка, не после того, что сказала сегодня Тарси. Пора было целиком оставить его в покое. Ничто не может существовать без притока «свежей крови».

— Еще момент, — с некоторым напряжением проговорил Дон. — Просто уточняю. Вы все-таки собираетесь вмешаться в ту, другую, историю и «исправить» ее. А если не выйдет? Ну, не будет получаться, и вы это поймете. Вы же постараетесь вернуться в любом случае?

— Что за вопрос?! — возмутился я.

— Вы же сможете, если не получится, попробовать еще раз.

— Разумеется.

— Не забывайте об этом, хорошо? Потому что если вы не вернетесь, некому будет попробовать снова. Вы же меня понимаете?

— Более чем.

— Подумайте еще раз: если бы что-то могло измениться, уже изменилось бы...

— Дон!

Он замахал руками.

— Я же прекрасно понимаю, что может случиться, если... когда вы их увидите. Вы можете не захотеть их оставить. Лучше бы уж не вам это делать. Может, давайте я попробую? Или вместе? Вы что-то говорили насчет этого в начале...

— Если бы что-то могло измениться, уже изменилось бы, — повторил я. — Ты не можешь надеяться, что у тебя получится лучше. И у меня больше опыта в таких вещах. Ты можешь оказаться совершенно дезориентирован в свой первый раз, да и энергии на перемещение двоих все же может не хватить, так что да, я подумал сперва о такой вероятности, но лучше не рисковать. Кто-то должен быть прямо здесь для страховки. А вот если все пройдет гладко и с автоматикой все будет в порядке, тогда уж...

— Да поймите, может быть, ничего не изменилось именно потому, что вам не хватило шансов?

Я на мгновение уткнулся лицом в ладони.

— Или потому что из-за всех этих соображений я так ничего и не сделал. Понимаешь, где-то в вероятностях всегда должен быть тот самый первый раз, где ничего не меняется, но именно он может изменить все для всех остальных. Где-то он всегда есть. И... Дон, сядь наконец! А то у меня заранее голова кружится.

Диск репликации тоненько запищал. Готово. Ну слава богу... Я схватил новенький браслет, только что сотканный из универсального полимера и необходимых химических элементов, содержавшихся в особом картридже для печати, будто сдернув с допотопной плиты убегающий старомодный кофе.

Да, даже все эти разговоры были необходимы, но еще немного, и я сойду с ума, и от них, и от нетерпения.

— Стойте! — воскликнул Дон почти в отчаянии. — Пять минут! Просто пять минут тишины. Вы же не можете отправиться туда в таком состоянии. Несколько глубоких вдохов... И терро допейте, пожалуйста, пока не остыл. Я тоже помолчу, обещаю!

— Хорошо.

Пять минут тишины — это отличный совет. Заодно проверить все еще раз и убедиться, что все в порядке. А затем, на самом деле все еще не приходя в сознание, глубокое погружение!..

«Так... — подумал я. — Заодно проверим, насколько тебе можно доверять, Дон...»

Способ проверки был немного радикальным, но не рискнешь — не узнаешь.

Сердце бешено стучало где-то в горле в веселой тревоге.

Я глубоко вдохнул, выдохнул и внезапно почувствовал себя невероятно легко и свободно. Как здорово, что Тарси вздумала выкидывать коленца. Без нее, в глубине души, мне было гораздо лучше. Представления не имел, что это так хорошо подействует! Оказывается, одно ее присутствие в моих мыслях давило тяжким грузом. Всего лишь попытка что-то чувствовать и проявлять чувства, когда можно прекрасно обходиться без этого!

Итак, я находился на «Денебском штандарте», в собственной каюте, которая должна в данный момент пустовать...

Должна... Если, конечно, я в этой версии случайно не нахожусь тут же...

От этой мысли будто ударило током, я вздрогнул и поспешно открыл глаза, пытаюсь оглядеться, но в первые мгновения ничего не различал, кроме настырно плавающих вокруг радужных кругов. Итак...

Я был не в каюте.

Пожалуй, даже не был на корабле.

Даже не в секторе Денеба, как бы он ни был огромен.

Хотя я увидел нечто знакомое, проступившее сквозь радужные всполохи и головокружение: витражи. Яркие цветные витражи, как в старой Капелле. В отличие от нее, явно настоящие. В них бил солнечный свет, в котором вились пылинки и мошки, и дымки от дрожащих огоньков свечей. Сладковато пахло курящимися благовониями, и во все глаза, напоминающие круглые блюдца, на меня уставился священнослужитель в митре, судорожно сжимающий свой посох. Я возник прямо у алтаря во время службы. Вокруг было тихо, но я смутно припомнил начальный гул, на который не обратил внимания, приняв за небольшие галлюцинации, нередкие сразу при перемещении: возгласы, придушенные вскрики, а потом пала гробовая тишина. Все боялись вздохнуть или пошевелиться. Вот это да...

— *Benedictus qui venit in nomine Domini!*[2] — пробормотал я почти машинально и вцепился в браслет — только бы сработал и я убрался отсюда! Да уж, непрофессионально вышло, но спасибо и на том, что это оказался не собор Святого Петра или Павла, не Нотр-Дам и даже не собор святого Вита. Не что-нибудь подавляюще знаменитое — и то счастье.

И главное, что убраться удалось: когда в голове прояснилось снова, я увидел встревоженного Дона с торчащими дыбом волосами — видимо он их нервно трепал все это время.

— Ну как, получилось?! — мне показалось, он почти закричал. Видимо, ему показалось то же, он прикрыл рот рукой и откашлялся, проверяя тембр и уровень звука.

Я поморщился, будто у меня было похмелье, и покачал головой, испытывая досаду и

вместе с тем большое облегчение — по крайней мере, я вернулся. Обратная связь работала исправно.

— Нет.

— Мне так жаль!.. — Он искренне выражал сочувствие, но я расслышал в его голосе нотку фальши: он преждевременно радовался, что, как бы там ни было, хотя бы на сегодня все закончилось, и на вид я вернулся целым.

— Подожди жалеть! — Я перевел дух. — Уф! Я просто оказался совсем не там.

— А где? — удивленно и встревоженно спросил он.

— В какой-то церкви. Позднее средневековье, судя по местной моде и всему антуражу. Даже приглядываться не стал, поспешил вернуться. Был там лишь несколько секунд.

— Ого! — в глазах Дона мелькнул восхищенный огонек, он был бы явно не прочь так ошибиться, без далеко идущей цели и не стремясь ни к чему важному.

— По счастью, браслет работает. Но раньше такого не бывало, я всегда попадал туда, куда нужно. Думаю, намек в витражах. Их там было полно. Что-то с подключением в систему Капеллы не так. Она сбила настройку, вплела какую-то свою часть программы.

— Как такое возможно?..

— Частично система использует образы, перехватываемые непосредственно из нашего сознания, когда ей не хватает информации, или, возможно, когда реагирует на избыточность... даже не могу сказать, чего именно: информации или энергии. Или на какой-то общий дисбаланс.

— И что теперь делать?

— Для полной диагностики и перенастройки придется повозиться. Это займет время. Лучше ее пока совсем отключить.

— А если энергии не хватит?

— Зато пока я точно попадал туда, куда нужно, — даром, что попадал только в виде «чистого разума», вернее, его копии, которой, в крайнем случае, было не жалко. — И теперь у меня есть стабилизатор.

Я не хотел сейчас отказываться от своего плана, чувствовал, что уже не могу остановиться — жирный намек на одержимость, хотя произошедшей встряске-передышке, оттягивающей неизбежное, я тоже был почему-то рад.

— Может, попробуем еще раз? Просто чуть подкорректируем?

— Да? И в следующий раз я окажусь в жерле вулкана или в безвоздушном пространстве?

Я слегка преувеличивал, но только слегка. Приоритетом программы было помещать клиента в приемлемую для сохранения его жизни среду. Но все-таки сбои есть сбои, если что-то неисправно, оно неисправно. Это может коснуться и приоритетов.

— Ладно, рискнем еще разок, — все же согласился я, и заново задал координаты.

Первым, что я почувствовал на этот раз, был шквал морской воды, окатившей меня с головы до ног, в следующее мгновение палуба резко накренилась, и я покатился к противоположному борту, целясь головой в лафет какой-то пушки. Лафет был оптимистичным прогнозом... Но, прежде чем я успел в него врезаться или переместиться назад в континууме, корабль сотряс мощный удар, и я вовсе вылетел за борт как ядро из катапульты.

На глубину! На глубину!

Ударь «хвостом», гони волну!

*Гони во мрак, гони под лед,
Во чрево тайных тихих вод!*

*Не пустота, не интерес —
Давленье стискивает пресс;
Здесь плотен мир и густ как клей,
Здесь сдохнут тысячи чертей!*

*Но твари есть и под водой,
И благодушно здесь не стой,
Вот тьма раззявила капкан —
Резвится здесь Левиафан!*

*Левиафан? — Вот круг зубов,
И чешуя — щиты богов,
Клокочет пламя в потрохах...
В твоих — в чудовищных глазах.*

Ладно, все это метафора, не было там никаких морских чудовищ. И на этот раз, в такой-то суматохе, меня точно никто не заметил!

Я снова возник в кабинете, отфыркиваясь. Дон изумленно уставился на меня. С одежды ручьями текла вода, разве что пойманные рыбки в карманах не плескались.

— Где это вы были?.. — опешив, вымолвил он.

— Где-то в море в жуткую бурю, на каком-то паруснике... На этот раз это хотя бы был корабль. Почему-то меня все время сносит прямо на Землю и в далекое прошлое.

— Может, это потому что перенос полный? — предположил Дон. — Что-нибудь вроде инерции, увеличившейся «силы тяжести», а не из-за Капеллы?

— Не знаю точно. Отключим, тогда узнаем.

— А если жерло вулкана?..

— Тогда в очередной раз вспоминаем о благах демократии! Ура!.. — Я наконец нашарил в кармане носовой платок, почти не промокший (заодно с благодарностью вспомнил о некоторых приятных свойствах современной ткани) и смахнул остатки влаги с лица. — Шучу. Мы уже зря потратили массу энергии. Скорее всего, если ее окажется недостаточно, я просто никуда не отправлюсь и останусь здесь. На сегодня тогда закончим с экспериментами, попробуем повторить завтра.

— Хорошо... Вы не хотите переодеться?

— Чепуха. Да здравствует водоотталкивающая ткань, все уже почти стекло на пол, — кроме того, что затекло за шиворот, — остальное быстро высохнет.

— Ладно, ладно, — вздохнул он.

И мы отключили Капеллу.

Возможные побочные эффекты? Скорее уж нас ждало отсутствие какого бы то ни было эффекта. Что ж, потом так потом...

Мерный, почти неслышимый гул двигателей, едва уловимая вибрация. Знакомый запах. Да! Я попал туда, куда нужно — в свою каюту на «Денебском штандарте».

[1] *Легендарный ответ Нильса Бора на заявление Альберта Эйнштейна: «Бог не играет в кости».*

[2] *«Благословен грядущий во имя Господне» (лат.) — строка из Евангелия от Матфея и гимна Sanctus, входящего в состав большинства литургий.*

14. Уроборос

Едва открыв глаза, я непроизвольно сощурился. Еще до того я почувствовал, что датчики засекли мое присутствие и в каюте зажегся свет. Я уже и забыл, каким белым все было когда-то на Леде. Когда-то этот цвет казался мне холодным и безжизненным, теперь он стал светом потерянного рая. И все же оставался слишком резким даже в моей каюте, где я всегда намеренно его приглушал, по крайней мере, такая резкость не совсем комфортна сразу после перемещения во времени...

Точно. Мое присутствие здесь не предвиделось, настройки сброшены, так что автоматика выдала стандартные сто процентов освещения. Любопытно, каково тут с режимом конфиденциальности, обычным для наших личных покоев — но только тогда, когда наше присутствие в них предусмотрено? Одно внезапное включение света могло передать на пульт безопасности сигнал о вторжении. Или хотя бы о неисправности, всегда нежелательной на борту, ведь двери не открывались, и никто не мог появиться здесь ниоткуда. Теоретически.

Но, чтобы выйти отсюда, хотя бы одну дверь открыть придется. Я немного поколебался. Никаких сирен, даже если где-то они запели, я не слышал, это создавало иллюзию, что я все еще могу остаться незамеченным и сделать шаг назад. Что, если просто связаться с отцом или Линор — будто бы с Леды — и предупредить их о том, что может произойти? Поверят ли они мне? Или тому, что у меня всё в порядке с головой — последнее и так давно под вопросом. А то, что другой я, на Леде, о происходящем окажется ни сном ни духом, или то, что я вдруг появлюсь у них перед глазами, может дать окончательный далеко не положительный ответ на этот вопрос.

Но дело не только во мне. А еще в том, что, если все получится, им потом придется объясняться, что я тут делал, и насколько безопасен для вселенной. Это не замкнутый мирок заговорщиков на «Горгулье». Ох уж эти рефлекторные доводы рассудка... А если именно моя осторожность привела к тому, что в моей реальности ничего не изменилось, но могло бы измениться, поведи я себя иначе?

Я сделал два нетерпеливых шага к двери, одновременно подняв и держа наготове правую руку с коммуникатором, встроенным в часы на запястье — с левого их вытеснил временной стабилизатор. Не давая себе времени слишком задумываться о том, что делаю, нажал на кнопку выхода на стене. Если дверь не заблокирована на время этого полета... Панель отъехала в сторону, вглубь стены, и я выглянул в абсолютно пустой коридор, увешанный официальными портретами правящей династии — никогда не забывайте: мертвые смотрят на вас с укором. В полной тишине. Невольно в мою голову прокралось подозрение, что я проник на корабль-призрак. Опустевший как «Мария Селеста», дрейфующий в нигде — уже после того, как произошла какая-то совсем другая катастрофа. Я вполне мог снова попасть «не туда» или «не тогда».

Нервы у меня не выдержали, я отступил назад и снова закрыл дверь. Что я помнил о режиме конфиденциальности на флагмане? Ведь нарочно уточнял детали. Но малейшая разница в вероятностях могла пустить любое знание насмарку. Если каюты не блокируются, значит, предполагается, что они используются во время полета. Системы безопасности никак не реагируют на присутствие тех, кому положено здесь находиться. Общий коридор к каютам членов королевской семьи обычно блокируется снаружи, когда все покидают отсек.

Без повода никакие камеры не включаются. Предполагается, что мы сами подаем сигнал, когда нам что-нибудь нужно.

То, что дверь каюты не была заблокирована, могло означать две вещи: никто не задумывался о том, чтобы повысить уровень безопасности, а мои родственники не собирались наткнуться на какие-то закрытые двери только потому, что меня здесь нет, или это говорило о том, что в этой версии событий я тоже могу находиться на корабле.

«Да нет, вряд ли, — подумал я, снова оглядевшись. — Я бы убавил свет». Но вдруг в этой версии событий он меня почему-то не раздражал?

Я все-таки нажал на кнопку коммуникатора, заранее настроенную на «быстрый вызов». Одно нажатие. Двойное означало бы Линор. Возможно, вызвать сначала ее было бы более разумно, но я не хотел терять время на повторные объяснения. Если, конечно, отец может сейчас ответить.

Прошла целая вечность, уместившаяся в полторы секунды. Я успел пожалеть о том, что все-таки не вышел за дверь, не переместился сразу на мостик, чтобы некуда было отступать, и еще четыре раза подумать, как об оптимальном выборе, о самых противоположных вещах. Будь я фотоном, я бы просочился сразу в несколько щелей в вероятностях, чтобы не выбирать. Что ж, как настойчиво напоминал Дон: возможно, не в последний раз. Тогда все равно с чего начинать, но попробуем проявить осторожность.

— Эрвин? — наконец услышал я удивленный, но рассеянный, будто его обладатель был занят чем-то еще, голос отца. Такой знакомый, со всеми этими обычно не замечаемыми оттенками, тембром, тысячей штрихов интонаций, делающих его живым.

— Да... — ответил я тут же, но, по-видимому, беззвучно — у меня начисто перехватило горло. — Да, — повторил я, кашлянув, хрипло, но, по крайней мере, вполне отчетливо, разозлившись на себя за невольную паузу.

— Ты что-то забыл сказать, когда мы прощались, или что-то случилось? — поинтересовался он с веселой небрежностью, будто на ходу.

— Нет, не забыл. Я не тот, с кем вы попрощались. Я из другого времени. И сейчас я с вами на корабле. Нужно срочно просканировать его на предмет взрывных устройств, лучше обыскать вручную — можете представить, сколько времени это займет. Так что еще лучше просто покиньте его и возвращайтесь на Леду. Тут небезопасно. Я не знаю, что именно произошло и как была совершена атака, но все случилось при переходе в гиперпространство. Он ведь назначен у вас через час? — Флагман — штука солидная. Для маневров, разворотов и занятия стартовой позиции ему требуется время. Хотя бы для того, чтобы сохранить свою величавость.

Последовала вполне естественная тишина. Я видел по огоньку на коммуникаторе, что он не отключился. Более того, загорелся еще один огонек. Он подключил Линор.

— Эрвин?.. — его голос прозвучал на этот раз очень осторожно и приглушенно.

— Я знаю, что вы можете подумать. Но можете проверить. Связаться со мной на Леде — я там, и ничего не знаю о том, что происходит здесь. И можете проследить сигнал — он исходит из моей каюты.

— Хорошо, — коротко произнес он. И я услышал негромкие щелчки, исходящие от двери — она наконец была заблокирована.

— Вы же понимаете, что блокировка дверей меня не остановит, если я надумаю переместиться. — Честно говоря, больше шансов было распасться на атомы, чем переместиться аккуратно за дверь. Или израсходовать энергию, необходимую для

возвращения. Интересно, предполагал ли он нечто подобное? Едва ли. Скорее мог предположить, что я нашел способ воспользоваться «Янусом», и тогда просто рассчитывает, что я прислушаюсь к его просьбе, потому что она разумна. А дверь всегда можно и расстрелять... Не говоря о том, что у меня был универсальный электронный ключ, как у главы государства. Когда я стал им, «Денебского штандарта» уже не существовало, тем не менее универсальный допуск к системам был универсальным во всем. Но мысли нервно скакали по самым диким вариантам.

— Это просто предосторожность. Не выходи оттуда. Линор сейчас подойдет к тебе.

— Да, я здесь, даже если она идет с инъекцией успокоительного. Не хочу никого пугать лишний раз.

— Спасибо, — сказал он помедлив. — Подожди ее. Я отдам соответствующие распоряжения и подойду тоже.

— Жду.

Огоньки потускнели, но не погасли. Мы оставались на связи, хотя я не слышал ничего из того, что происходило на том конце. Но всегда мог попробовать возобновить беседу.

Отсюда был еще один выход — через «потайной» коридорчик в другие каюты.

Я подошел к запасной двери, задекорированной под обычную стенную обшивку, и проверил ее. Она не была заблокирована, и я оставил ее открытой. Что ж, и то хорошо. Они всего лишь опасались, как и я, что меня могут увидеть, но показывали, что не боятся меня самого. Паранойя тут ни при чем, пусть она и цвела у меня в голове пышным цветом. Черт знает что могло появиться из другой вероятности, если я говорил правду. С тем же успехом я мог ожидать, что появившаяся Линор первым делом пальнет в меня из бластера, всего лишь из соображений самозащиты. У нее были бы все основания бояться меня — как неизвестности, лишь замаскированной под что-то знакомое. Чтобы не терять время попусту, я активировал портативный сканер.

Один из огоньков на коммуникаторе снова ярко вспыхнул.

— Эрвин? — пробормотала Линор, будто запыхавшись. — Ты здесь? На корабле? — Видимо, она уже была на подходе, во временно пустующем, но уже разблокированном отсеке.

— Да. Я открыл двери между нашими каютами, но жду у себя. Не собираюсь ни на кого нападать и никого пугать. Хочу только, чтобы сегодня все закончилось хорошо.

— Господи, это в самом деле происходит?..

— Да...

— Эрвин, ты в порядке?

— Что за странный вопрос?.. Хотя понятия не имею, совпадает ли мое прошлое с вашим. Со мной что-то сильно не так в вашей версии событий?

— Да нет, просто... Ты каждый раз намерен являться на корабли из параллельной вселенной и оповещать о грядущей катастрофе? — Я услышал, как она подавила смешок, немного нервный, но все же скорее веселый и заинтересованный.

— Только в исключительных случаях! Увы, на этот раз я понятия не имею ни где находится взрывное устройство, ни что оно из себя представляет...

— А вдруг у нас его нет?

— Это было бы потрясающе. — Кроме того, что тогда это точно не был бы мой мир. Впрочем, он и не мог быть им, но всегда хочется, чтобы действия имели какой-то смысл — пусть не мой, спасти кого-то в очень похожем, это тоже было бы что-то. И надеяться при

этом на цепную реакцию в вероятностях. — Я сканирую собственную каюту. На мое появление не среагировала сигнализация. Может быть это нормально, а может быть, нет. Помещение должно было пустовать — если нужно что-то спрятать, почему бы не здесь?

— Узнаю моего брата, — по голосу Линор было ясно, что она улыбается. — Ты точно уверен, что не находишься сейчас на Леде?

— Навести меня и узнаешь, — ответил я довольно обиженно.

— Хорошо, — сказала она. — Я уже здесь. Рядом с твоей дверью.

Я повернулся к открытой панели, забыв про сканер.

— Эрвин? — ей уже не нужен был коммуникатор.

В нежно-персиковом атласном платье моя сестра выглядела так, будто ее просто очень элегантно завернули в ткань, и совершенно не предполагалось, что она еще должна в этом как-то двигаться.

— Линор... — Изображение в невероятно ярком свете дрогнуло, в глазах защипало. Я и представления не имел, как на меня подействует присутствие кого-то из них во плоти, по настоящему. Унять дрожь не вышло, я понятия не имел, какого черта вытворяет мой организм, я ничего подобного не планировал — он будто жил собственной жизнью.

— Эрвин! — она подбежала ко мне, пока я пытался понять, что со мной происходит, и крепко обняла. Как любили говаривать в далеком прошлом, я «всем существом» ощутил ее тревогу и заботу. — Ты выглядишь... иначе.

— Наверняка... — я очень осторожно обхватил ее за плечи, подавив желание вцепиться в них мертвой хваткой. — Господи, ты!.. — Живая, теплая, дышащая, говорящая и действующая. Не в моем мире, в котором этого никогда уже не случится. Но и в этом я легко могу снова ее потерять.

— Да, все в порядке, в порядке... — Она недоуменно пощупала мои рукава и слегка отстранилась: — Одежда промокла, — сообщила она. — Если ты вдруг не заметил. Ты умудрился где-то попасть под дождь?

— Нет. Попал случайно на другой корабль. Знаешь, морской, с парусами и пушками...

— А-а... — Она потянула носом и кивнула. Я впервые заметил, что она делает это так, как делают на Леде — вскидывая голову вверх. — Пахнет солью... — Пусть соль описывают как химический элемент без запаха, но мы-то знаем, что имеем в виду, когда говорим про специфический запах моря, и запах ли это соли на самом деле, глубоко неважно. — Ты с яхты?.. — засмеялась она. Кажется, она не могла решить, стоит ли принимать мои слова всерьез. Но она уже поняла, что я выгляжу не так, как тот я, с которым она недавно рассталась.

— Нет. Неважно...

— И... ты в черном?

— Да... Мне всегда казалось, что на Веге слишком много белого. А черный напоминает мне «Янус»... — оправдания прозвучали как-то нервно.

— Ясно, — сказала Линор, и в ее голосе уже не было и тени иронии. — Из-за нас.

— Не совсем... Надеюсь, что именно с вами ничего плохого не случится. Да и кто знает, чудеса случаются...

Линор снова кивнула, хоть и очень дежурно.

— Значит, ты теперь король? — это прозвучало так, будто она пыталась сказать что-то смешное. Просто чтобы не было так страшно.

— Нет.

— Почему? Что случилось?

— Ничего особенного. Просто не хочу... Нет, я вовсе не бросил все, — ответил я тут же на невысказанный вопрос. — Все сложно. Не хочу торопиться. Объявил себя принцем-регентом и, как могу, отбиваюсь от коронации.

Линор с трудом сдержала улыбку.

— Могу представить. — Она прикусила губу и задумчиво опустила голову. — Ты надеешься, что мы вернемся каким-то образом. Вернее, пытаешься сам нас вернуть?

— Пока еще вы не вернулись.

— Я поняла. Про «пока еще»... И для этого ты ухитрился вновь пробраться на «Янус»? Как тебе это удалось после всех скандалов?

— Это не... Ты же не хочешь знать будущее, которое может быть вовсе не вашим?

Она удивленно подняла брови.

— Кто сказал, что не хочу?.. — И напряженно сжала губы. — Как ты понимаешь, корабль движется на автопилоте. Программа задана давным-давно. И видишь ли, в чем очень странная штука. Мы не можем изменить эту программу...

— Что?! — Я отпрянул. Никакой безмятежности в них не было? Я все расшифровал неверно. — Линор! Тогда нам надо немедленно выбираться отсюда. Что там у вас со спасательными шлюпками?

— Все резервные системы заблокированы.

— Какого?!. Значит, ваша версия определенно не та, где ничего не случилось. Вы не можете развернуть флагман и покинуть его?

Она покачала головой.

— Не можем. Родители проверили, пока я шла сюда, и сообщили об этом... — Линор потянула меня за рукав, оттаскивая от дверей, к которым я уже бессознательно направился. — Нет. Стой. Тебя не должны здесь видеть!

— Чего здесь не должны, так это уничтожить корабль с экипажем и пассажирами! Нам надо осмотреть его. Вдруг мне что-то придет в голову?

— Весь осмотреть ты все равно не сможешь и не успеешь. — Линор нажала на кнопку на своем коммуникаторе. Всплыла голографическая картинка. — Вот корабль. Давай осмотрим его, если хочешь.

— Ты смеешься? — возмутился я. — Это всего лишь схема.

— По которой можно оценить риск на месте, предположить, где могут быть самые уязвимые места. Вместо того чтобы носиться по кораблю. Это только отнимет время.

Я перевел дух, и взгляд тоже — на зависшую в воздухе голограмму.

— Это совсем не одно и то же, — мрачно сказал я, кивнув на переплетенные полупрозрачные светящиеся линии разных цветов и интенсивности.

— В глубине души ты знаешь, что это лучший вариант. Тебе хватило осторожности не объявиться сразу на мостике или посреди машинного отделения.

— Мне лишь нужно было тихое место, где я мог осмотреться в первые секунды и понять, что попал туда, куда нужно.

Линор с улыбкой покачала головой.

— Тебя раздрают противоречивые чувства. Поверь, я отлично понимаю. Мы все понимаем.

— Вы слишком спокойны, — заметил я подозрительно. — Как будто это происходит не с вами. Или, может, я тут не единственный из будущего? Вы знаете что-то, чего не знаю я?..

— О чем ты? — удивилась Линор. И усмехнулась: — Это и правда происходит не с нами. Это происходит во сне. Разве ты — настоящий? Ты же из другого мира. Кажется — моргни, и исчезнешь! Хотя... — она опять тихо вздохнула. — За последние месяцы ты, казалось, никогда не был ближе, чем сейчас.

— А уж у меня за последние месяцы...

Она крепко ободряюще сжала мою руку, и потянула к голограмме.

— Постараемся справиться. Тут полный план. Есть идеи, какие уголки стоит проверить в первую очередь?..

— Да. Есть еще вариант. Я могу забрать вас с собой. На весь экипаж энергии не хватит, но...

— Забудь об этом! — резко воскликнула она. Будто пытаюсь стряхнуть с себя сон, которым я был.

— Линор! Не надо бросаться прекрасными лозунгами о правильности...

— А ты не пытайся похитить нас из одного мира, только чтобы перенести в другой! Ведь это не ты все подстроил, верно?.. Не ты заблокировал управление?

Я предпочел пропустить это мимо ушей. Хотя, может быть, именно этим объяснялась их прохладная сдержанность, которую я принял за безмятежность и спокойствие.

— Может быть, я сумею справиться с управлением. Но не через схему же. Черт, если бы это был я, спрашивать вас, прежде чем похищать, не стал бы!..

— Верю, верю! Но кому потом придется объясняться, если мы такое устроим? Так что смотри на схему, и попробуй предположить, что здесь может быть не так!

— Это невозможно... — Спустя четверть часа параллельного тестирования кучи программ, я взвинченно глянул на часы. — Я совсем не так себе все это представлял! Чертова осторожность. Конечно, надо было появиться прямо на мостике, чтобы убедиться, что все всё приняли всерьез! Шесть! Шесть бомб в тайниках в машинном отделении! — Невидимых для сканеров — чтобы их найти, экипажу пришлось перерывать все закоулки вручную, когда мы обнаружили странные несоответствия указанной толщины переборок на схеме. По крайней мере, тут не оказалось биоторпед и других видов взрывных устройств, для которых я захватил на всякий случай программы обнаружения. — Проклятье!..

Но я все еще оставался на месте, хоть и бесился, как зверь в клетке. Теперь мне казалось, что выходить уже просто поздно и бессмысленно.

— А разве ты все еще не можешь это сделать? — Линор с легким ехидством указала на мой стабилизатор временного поля.

— Могу попробовать, но...

Линор прищурилась, наблюдая, как я колеблюсь.

— Ты чего-то боишься. Ну конечно... Столько времени прошло. Странно, что буферная зона «Януса» еще не восстановилась. Ты думаешь, что в любой момент связь может прерваться, и не хочешь испытывать судьбу?

— Можешь считать так.

— Что значит «могу»? — переспросила она озадаченно. — Чего ты не договариваешь? Послушай, если все пройдет хорошо, и мы уже нашли все бомбы, ничего не случится и тебе не придется ничего такого делать. В нашей версии событий. А если все кончится плохо, никто ничего и не узнает! — в голосе Линор зазвучало нездоровое веселье.

— Ох...

— Эрвин, все очень похоже, но на самом деле мы из разных миров, не забывай! — Она посмотрела на меня слегка заворуженно и не смогла сдержать улыбку. — Господи, тебя совсем не отличить от нашего!..

— И тебя тоже... Да, да, не забываю... — Я смотрел на голограмму, где очень медленно разные части схемы меняли цвет — проверенные визуально и прочими примитивными способами отсеки — не все известные взрывные устройства поддавались техническому сканированию. Те, что уже были найдены, оказались старыми недобрыми многоступенчатыми «невидимыми», надежными как последние сволочи и безликими в силу распространенности, «ежами», расположенными возле основных генераторов. Схема понемногу темнела, отсеки, которые должны были быть проверены, уже почти полностью были проверены. Но мы все еще понятия не имели, что искали — то, что я знал о катастрофе, не было похоже на работу уже найденных «ежей», впрочем, как и на работу других известных мне устройств. «Денебский штандарт» — большой корабль, могли быть другие тайники, так нами и не вычисленные и не обнаруженные. Свои каюты мы с Линор перерыли и просканировали сами. Нужно ведь было, чтобы именно сюда так никто и не зашел. Оставалось надеяться, что именно в этом мире проблема была в найденных «ежах», а не в чем-то неизвестном. Но гарантии не было никакой.

— «Янус» тут ни при чем. Возможно, буфер там давно в норме и станция ничем не помогла бы нам с самого начала. Я нашел другой источник. Нет, это пока не новая станция. Строить пришлось бы долго и дипломатически сложно, сами знаете — даже если тайно, или особенно если тайно. Да, это все равно стоит в планах, но не суть... Пока я просто подключил к снятым схемам энергетические системы дворца. Они очень мощные, и большая часть этой мощи никак не используется. Масса заброшенных внутренних генераторов, автоматических станций и подстанций, заменявшихся новыми, но так и не убранных, оставленных «на всякий случай», да так и похороненных в стенах...

— Что ты сделал?.. — оторопело прошептала Линор. Услышав непонятный оттенок в ее голосе, я посмотрел на нее и увидел ужас в ее широко открытых глазах.

— То, что я уже сказал. Удивительно, но это работает. Я же здесь.

Она протянула руку и еще раз пощупала мой уже высохший рукав.

— Море. Ты сказал, что попал не на тот корабль. Это в самом деле была не яхта на Леде? Ты пытался попасть сюда и попал, куда не планировал?!

— Я нашел причину. Отключил одну из вносивших диссонанс систем. Не волнуйся, это не первое испытание, только первые были ментальные, а не физические.

— «Не волнуйся»?! Это первый успешный, да и то с огрехами, физический перенос? Ты же сам волнуешься, что тебя может занести куда угодно!

— Это всего лишь предосторожность!

— О господи, да ты даже не уверен, сможешь ли вернуться!

— Линор, не утрируй! Я уже дважды оказывался «не там», но всегда исправно возвращался. Только не знаю, удастся ли мне переместиться в пределах одного и того же корабля — не уверен в аккуратности, но она мне и не слишком-то нужна. В конце концов, мы можем выйти и через двери!

Глаза Линор удивленно и возмущенно расширились, но в них плясали веселые искры, как бы ни было странно или пугающе то, что происходило, ее душа пела. Кто из нас мог долго выдержать без путешествий во времени?

— Можете быть уверены в том, что мы все слышали! — объявил отец, входя в каюту тем

же путем, что вошла Линор. За ним следовала и мать, молчаливая и взволнованная.

— Папа! — Знаю, обычно люди в сложную минуту склонны звать маму, но так уж исторически сложилось с нашего не то чтобы нелегкого, но не слишком стандартного детства. И слишком уж я привык именно его звать на помощь.

Матери я только виновато и неуверенно улыбнулся. Она знала, что я рад им всем, но проблемы перемещений во времени касались в первую очередь тех, кто был к этому активно причастен, не считая того положения, что все мы движемся во времени со скоростью света, за вычетом скорости, с которой движемся в пространстве.

— Догадываюсь, ты хотел бы рассказать гораздо больше, чем можешь. — Он с легкой иронией усмехнулся в усы, встопорщившиеся от этого так привычно и успокаивающе, что я почувствовал себя как дома. Как не чувствовал уже на самом деле очень давно. — По крайней мере, корабль уже управляем, взят под контроль. Спасибо.

Я выдохнул.

— Отлично! Неважно, что будет дальше, у меня есть идея. Несколько, на самом деле. Во-первых, к черту, куда вы там летите. Я не уверен, что причина взрыва находится или находилась на борту. Его последствия ни на что не похожи. Мы не нашли никаких обломков. Только следы очень мощного излучения, маленький большой взрыв, если можно так выразиться. Понятия не имею, что это было.

— Возможно, скоро узнаем, — кивнул отец сдержанно.

Я воззрился на него ошарашенно.

— О чем ты говоришь?! Возвращайтесь. До скачка в гиперпространство вам, скорее всего, ничего не грозит. Судя по всему, где-то в нем скрыт триггер.

— Но если у нас нет никаких идей, какой именно, мы не сможем избежать этой опасности сейчас или в любой другой момент.

— Ключевые слова — в любой другой. А выиграв время и сложив все, что нам известно, мы можем решить проблему!

— На всякий случай мы распорядились изменить координаты скачка. Как на входе, так и на выходе.

— Этого может быть недостаточно, если что-то заложено в самом механизме скачка, что-то еще не обнаруженное.

— Судя по всему, блок в управлении был рассчитан на то, чтобы мы не могли изменить курс.

— Или только чтобы не могли отменить путешествие прежде, чем станет поздно.

— Это может быть справедливо, — снова кивнул он. — Но нужно ли плодить сущности? Мы обнаружили несколько взрывных устройств, расположенных в машинном отделении так, что, сработав, они причинили бы тотальный ущерб. А также скорректировали курс и время прыжка. Если таймеры бомб были синхронизированы со временем прыжка — если они были синхронизированы очень точно, то не исключено, что мог возникнуть тот самый эффект. Энергия вырвалась наружу, но материя уже не вернулась в обычное пространство.

— Я очень в этом сомневаюсь. Мы просчитывали возможности, и пока это и есть официальная версия. Но сомнительно, чтобы за всю историю не произошло ничего похожего.

— Очень может быть, что происходило не раз. Но редко. Вне серьезных наблюдений и расследований. Трактовалось каждый раз по-разному и каждый видел, что хотел.

— А потом вдруг случилось дважды с небольшим промежутком.

Отец потер глаза обеими руками.

— Есть в этом что-то нездоровое, обсуждать собственную фатальную катастрофу... Но

— второй раз, ты говоришь?

Если мне не уговорить их покинуть корабль... Впрочем, теперь все они в зоне «поражения» моего временного стабилизатора, на котором я давно потихоньку изменил настройку, и, если мне совсем не удастся их убедить, я просто заберу их с собой. По крайней мере, попытаюсь.

— Да, был и второй раз. Совсем недавно, с одним посольским кораблем.

— Чего-то ты не договариваешь, — встала Линор почти шутя.

— У меня нет времени «договаривать»! — огрызнулся я. — Вы в смертельной опасности, но ведете себя, будто это какая-то игра.

— Может быть и игра, — подала голос, полный сожаления, мама из своего кресла, до того переживавшая, пока мы разберемся в тонкостях скачков во времени. И от одного тона ее голоса мне стало совсем нехорошо. — Разве не так, дорогой?

— Моя игра? — переспросил я после паузы, которая показалась мне долгой, хотя это могло быть вовсе не так.

— Мы же тебя совсем не знаем, — с терпеливым участием объяснила она. — Ты из другого мира. И бог знает, о чем ты думаешь, и что тебе кажется реальным.

Все куда-то поплыло. Я сделал пару осторожных шагов к ближайшему креслу и тоже сел. Ладно, черт с этим со всем.

— Хорошо. Меня вы не знаете. А о том, кого знаете, думаете то же самое?

Они, конечно, замялись. Не отвечать же на такой вопрос прямо.

Что ж, гори оно синим пламенем. Я нажал на кнопку на стабилизаторе.

— Стой! — крикнула Линор, кидаясь ко мне. — Уф! — она с облегчением перевела дух, схватив меня за плечи. — Мне показалось, ты решил переместиться вместе со всеми нами, как грозился.

— Вообще-то да, — медленно произнес я в ответ со сверхъестественным спокойствием. — Решил. Только у меня не вышло.

Индикатор на браслете омертвело погас. Связь с «Пандорой» прекратилась.

15. Аннигиляция

— Нестабильная система! — воскликнула Линор, припомнив, о чем мы говорили. Но я ее почти не слышал, хотя отметил каким-то фоном. Я смотрел на отца, а тот, в свою очередь, смотрел на мой браслет-стабилизатор, отчего-то заметно побледнев и, похоже, прикусив губу. Усы отчасти скрывали этот факт.

— Ответ на твой вопрос: нет, — выговорил он слегка потрясенно.

— Какой вопрос? — У меня уже все вылетело из головы, стоило погаснуть огоньку на браслете.

— Последний. Нет, мы так не думаем. И не думали. И здесь мы только потому, что могли предвидеть подобную попытку, но надеялись, что ты этого не сделаешь.

Особенно после того, как достаточно выждали, пока мы с Линор потрошили схему корабля. Думаете, я ничего не понял?

— Прекрасно! — прошипел я сквозь зубы. — Вы думали, я буду прыгать так близко в прошлое по пустякам? Потому что соскучился? Или решил подменить одну вашу версию на другую, раз моя меня чем-то не устроила?

— Ты знаешь, что можешь быть какой угодно версией себя, а мы — какой угодно версией нас. Сколько времени у тебя было на размышление? Годы? — Я непроизвольно качнул головой, и он так же непроизвольно кивнул, оценив, насколько я мог измениться за это время. — Месяцы? У нас нет, ты захватил нас врасплох.

— И ваши худшие опасения подтвердились.

— Только некоторые из них. Не потому, что ты попытался нас переместить, а потому что не смог. Слишком рисковал, чтобы сюда попасть. Теперь я склонен с тобой согласиться, что лучше бы было нам вернуться.

— Отлично! Так давайте, возвращайтесь! — гора будто собиралась свалиться с плеч, но почему-то не сваливалась.

— Слишком поздно. До скачка остались секунды, обратить процесс запуска мы уже не можем. «Штандарт» — большой корабль.

Я встряхнул стабилизатор, крепко прихлопнув его ладонью, и заодно глянул на часы.

— Вы перенесли скачок на пятнадцать минут раньше?

Они, как по команде, тоже посмотрели на часы.

— Почему пятнадцать? — изумленно спросила мама. — Только на пять.

— На двадцать пятьдесят пять? — уточнил я, внутренне ощущая мистический холодок. Это было известное мне время взрыва. Не ровно в двадцать один ноль-ноль, я только сейчас обратил на это внимание. Неужели это означало, что мы лишь приблизились к сценарию из-за моего вмешательства?..

— Именно.

— Но сейчас же только сорок пять.

— Твои часы отстают! — сказала Линор, шагнув ближе и посмотревшая на табло моих часов.

И как мы умудрились не замечать этого все время?.. Были слишком увлечены. Я и не предположил, что попал сюда со смещением в десять минут по отношению к заданным координатам. «Пандора» не совершила пока ни одного «чистого» переноса, пусть и не забросила меня на этот раз в средневековье или в море.

Корабль содрогнулся, переходя в гиперпространство.

«Момент истины», — пробормотал я, кажется, вслух. На какое-то мгновение захотелось рассмеяться. Если я сам сделал всё для того, чтобы нас *всех* накрыло одним взрывом во времени, разве это не смешно?.. Вот только если все случится сейчас, я даже рассмеяться не успею.

Но флагман не взорвался. Мы выдержали несколько секунд, прежде чем послышались облегченные вздохи.

Корабль легко вздрогнул снова. Но тоже ничего страшного не случилось, только, судя по тону двигателей, мы по какой-то причине преждевременно вышли из гиперпространства.

Индикатор на стабилизаторе невинно подмигнул крохотным зеленым глазом. Связь с «Пандорой» восстановилась.

— Хм... — отец притронулся к уху, вслушиваясь в какое-то сообщение с мостика. — Видимо, что-то не так с гиперприводом, — проговорил он нам, продолжая слушать. — Мы все еще на орбите Леды, только на другом участке, и что-то тут не так с координатами... — Он замолк и удивленно выпрямился, а затем посмотрел прямо на меня, отняв руку от наушника. — Мы никуда не переместились, — сказал он, — в пространстве. Это Леда сместилась на своей орбите!

— Что ты имеешь в виду? — спросил я не менее удивленно.

— С нами кто-то выходит на связь, — сообщил он вместо ответа. А затем включил динамик в каюте:

— «Денебский дракон» вызывает «Денебский штандарт»! — кто-то словно повторил эти слова не в первый раз, настойчиво, причем, моим собственным голосом. — Оставайтесь на месте. Сохраняйте спокойствие. Сейчас двадцать девятое марта три тысячи пятьсот шестьдесят седьмого года по стандартному летоисчислению... — Владелец моего голоса на мгновение прервался, переводя дух: — С возвращением!

— Это не я! — выдавил я, едва ко мне вернулся дар речи. — То есть... наверное, я все это говорю там, снаружи, но... — Я посмотрел на свой стабилизатор. — Эта штука даже не работала все это время! Может быть, что-то другое сбilo и ее настройку...

Но я почему-то не очень-то верил в то, что говорил.

— Значит, говоришь, эффект как от аннигиляции или маленького большого взрыва? — задумчиво проговорил отец. Казалось, он сдерживал смех.

— Да...

— Я только сейчас представил, насколько неисправна может быть твоя машина времени. Конечно, я в жизни с таким не сталкивался, но, теоретически, так может выглядеть масштабный, очень сырой и дестабилизированный перенос во времени, с разбросом энергии вхолостую и множественным дублированием виртуальных частиц, мгновенно аннигилирующих. Хорошо еще, что все они остались «позади», как инверсионный след! Полагаю, приоритет безопасности — единственное, что не отказало.

— Но я совсем не собирался... Я представить не мог, что мне хватит энергии переместить куда-то целый флагман.

— На год вперед, — уточнил он.

— В любом случае ни одна программа в тот момент не работала, ничто не было на это рассчитано.

— А дополнительная энергия? — подала голос Линор. — Скачок в гиперпространстве, который вернул нас в ту же точку в пространстве, но на год позже?..

— Ох... — Корабль Лиги переместился тогда, когда я был на борту, в медицинской капсуле. Пусть там была только копия моего сознания, но она была постоянно связана с «Пандорой», этого могло оказаться достаточно.

— Что? — жадно переспросила Линор. — О чем ты сейчас подумал?

— Тот, другой корабль... Я экспериментировал и заодно проверял, был ли там вообще взрыв, или это инсценировка...

— Это что, был корабль Лиги? — недоверчиво уточнила она.

— О да! Еще бы. И они раскидали обломки при той же картине взрыва. Я заподозрил неладное. И разумеется, никуда не собирался его перебрасывать, просто находился там в момент, когда они перешли в гиперпространство, видимо, сам переход был и сигналом к перемещению — понятия не имею, куда и когда.

— А что же было со взрывом? — заинтересовалась мама.

— Взрыва не было. Я только проследил за этим и вернул психоматрицу назад. Это ничего не доказывало, но теперь, постфактум, когда два корабля исчезли одинаково, я не знаю, что и... проклятье, ведь я бы сюда не сунулся, если бы не этот самый взрыв! Но он же был для меня в прошлом, когда я представления не имел, что «Пандора» может функционировать практически в виде одной схемы.

— Удачное название, — отметил отец.

— Уж как повелось. — Опомнившись, что не хочу распространяться о прочих не совсем удачных опытах, хотя после замеченной Линор морской воды запирать конюшню было поздно, я добавил, изобразив пальцами в воздухе нечто крошечное: — Маленькая черная коробочка, а какой эффект!

— Погодите, — перебила Линор. — Но ведь бомбы действительно были. И заблокированное управление.

Мы все со вниманием посмотрели на нее.

— Сейчас, когда все закольцовано во времени, мы просто не можем пронаблюдать то, что однажды, наверное, все же случилось по-настоящему. Но где-то на границах вероятностей катастрофа по-прежнему существует.

— Возможно, — согласился отец.

— А корабль Лиги? — уточнила мама.

— Но инсценировка же имела место, — напомнила Линор и обернулась ко мне: — Или его ты тоже пытался спасти?

— Нет, не пытался.

— Уже хорошо, — одобрил отец, — за всем континуумом даже ты не уследишь. Но что ж теперь делать? За одну секунду мы пропустили целый год.

— Гм... конечно, раз нам точно хватает энергии, я могу попробовать вернуть корабль назад, чтобы создать еще одну петлю...

— Нет уж! — воскликнули они, кажется, все вместе.

— Только не при неисправном аппарате! — воскликнула Линор.

— Вообще ни при каком! — добавила мама.

— Но тогда я ничего не могу исправить!

— Ты и так не можешь, — напомнил отец. — В твоём прошлом нас все равно не было — сколько, кстати?

— Около двух месяцев.

— Шустро, — одобрила моя сестрица.

— Значит, будем пока придерживаться известного плана: возвращение через год. То есть, мы уже здесь и пусть так остается. Так мы меньше воздействуем на все, нам уже известное.

Больше, как будто, обсуждать было нечего. Я кивнул, поднялся, подошел ко все еще висящей посреди каюты сияющей схеме корабля и сунул прямо в ее центр руку с коммуникатором. Все данные со всеми последними изменениями автоматически будут сохранены и отправятся вместе со мной для более детального анализа, если мы действительно сделали все, что нужно.

— Я правда не хотел.

Линор ободряюще похлопала меня по плечу.

— А по-моему, это и правда лучше, чем разлететься в пыль!

— Ох, Ли!.. — усмехнулся я. — Спасибо!

Я попятился назад, и она, улыбаясь, помахала мне рукой, то же сделали и остальные. Я помахал им, старательно изменил настройку на стабилизаторе, чтобы максимально понизить вероятность новых оплошностей, смутно продолжая слышать, как что-то вещаю извне в динамике с приглушенным звуком — все, что я там говорю, я смогу еще повторить. А главное мы уже услышали. Уверен, я назвал точную дату не только для них — я знал, что нахожусь в данный момент на борту, и сообщил ее самому себе. И там, снаружи, я очень ждал встречи. Пора было уступить место тому, другому. Время для оправданий еще будет. Посмотрев еще секунду на ровно горящий индикатор, я осторожно нажал на кнопку, отдавая сигнал к возвращению.

Меня настиг дикий приступ тошноты. Голова кружилась с прямо-таки злокачественной целеустремленностью. Какой там у нее, интересно, спин?..

— Ух, есть!.. — услышал я где-то вдалеке взволнованный голос Дона, который оказался внезапно близко, раз схватил меня за плечи и поддержал: — Я думал, эта сволочь скопытилась! — затараторил он возбужденно. И в тот момент я не мог различить, только ли меня била дрожь, или его тоже сильно трясло. — Сигнал пропал начисто! Я в отчаянии подключил Капеллу! Слава богу, сработало!.. Что там?! Только держитесь, ладно? Вы всегда можете попробовать снова. Мы можем попробовать снова!

— Нет... — я понятия не имел, слышит ли он меня, но был уверен, что говорю это вслух: — Хватит. По крайней мере, до...

До того, как «Пандора» станет более предсказуемой? Может быть...

Правда, буфер к тому времени тысячу лет, как исчезнет. Но на будущее все равно есть смысл построить что-нибудь понадежней. В конце концов, как я могу быть уверен, что мое будущее соответствует тому, что я только что видел? В моем будущем все может случиться не спустя год после происшествия, а спустя двадцать, или через полгода, или завтра, или никогда. Но, по крайней мере, все основания для надежды были. И я теперь знал, что за «эффект аннигиляции» мы наблюдали, по крайней мере, с очень большой долей вероятности. И раз мы это в самом деле видели в своем прошлом, то был очень большой шанс на то, что бомбы с корабля действительно убраны, и что, рано или поздно, «Штандарт» вернется. Может быть... вернется в далекое прошлое и создаст какую-то свою новую историю. Теперь у возможностей был огромный простор. И хорошо, что он все-таки был!

— Все получилось, Дон, — выговорил я уже спокойней. — Все уже получилось.

Он замер и глаза его засветились восторгом.

— Расскажите?.. Когда придете в себя? — прибавил он тактично.

— Непременно, — улыбнулся я, подумав, что кое-что в своей повести до поры до времени лучше будет изменить. И все-таки... — Дон, не знаю наверняка, и не стоит об этом распространяться. Но правда, есть небольшой, но шанс, что все они еще вернутся. Твои друзья тоже.

Хотя состояние у меня было то еще, но я увидел, как с его лица схлынули краски, а губы задрожали.

— Фантастика, — прошептал он. — Если есть хоть крохотная вероятность, это грандиозно!

— Но прежде чем охотиться на саблезубых тигров... — мой голос наконец дал петуха, и я откашлялся, — нам придется здорово доработать эту штуку!

Дон рассмеялся. Теперь я видел, что он и правда тоже дрожал от перевозбуждения и пережитой тревоги.

— Что угодно! Конечно!

— И все-таки расследовать, кто подложил на флагман бомбы, которые мы нашли, и заблокировал управление.

Дон побледнел снова, до зеленого цвета.

— Если, конечно, в нашем прошлом произошло то же самое.

— Конечно... — повторил он впечатленно. — Черт, как же не хочется думать о плохом.

Как же я был тут с ним согласен.

Чьи-то смертоносные диверсии — уже отвратительно. Но и последовательность событий была абсурдной. Ладно, она была нормальной, если брать в расчет путешествия во времени. Но предопределенность происходящего выглядела удручающе. Зависимость того, что уже случилось, от того, что мы еще не сделали, и не сделали бы, если бы не... Проклятье! Без веских оснований никто бы не стал такого делать. Линор права, когда-то у этого действия в самом деле были веские основания, а затем все лишь «повторялось», сохраняя и подкрепляя стабильность возникшей самоподдерживающейся складки. Я не мог не отправиться выяснить, в чем тут дело, пораженный странным эффектом, а отправляясь, неизменно создавал кольцо-складку, которое снова поражало меня в прошлом, для того, чтобы при первой возможности, не дожидаясь, когда механизм сбалансируется, отправиться выяснять, что же случилось... Впрочем, может, именно это было ценой их возвращения хоть когда-нибудь. А в том мире, где ничего подобного не случилось, возможно, я все-же просто использовал более исправную версию «Пандоры»?

Закольцованность не только событий, но и связанных с ними мыслей, в которых путаться все равно что в липкой паутине — тоже весьма неприятный эффект мнимого всемогущества путешественника во времени. То и дело обнаруживающего свою зависимость от причинно-следственных связей, которые еще не появились на свет. Как тут не бояться сделать лишний шаг в какую угодно сторону?.. И что я там недавно говорил: что мы никогда не попадаем в собственное прошлое? Даже если не попадаем напрямую, косвенного проникновения вполне достаточно.

Для того чтобы у любого могли возникнуть совершенно законные опасения на этот счет. Для того чтобы цель оправдывала любые средства. Для того чтобы развязать войну на всё обозримое пространство-время, чтобы переписать все, что возможно, и уничтожить все существующее. Как «чудесно» сознавать, что все мы временны не только в линейном времени — рано или поздно все мы будем стерты гораздо раньше, чем появимся на свет, и

только это восстановит стабильность. На какое-то время.

— Мне все время приходит на ум Вега, — мрачновато сказал Вирем. — Убиты были все, кроме наследника трона. А сам он был использован как ключ к королевству. Удобно. У монархии есть своя инерция. Пока кто-нибудь разберется и соберется ломать все сложившееся, можно столько дел натворить...

— Точно.

— Вы все еще хотите, чтобы она участвовала в расследовании?

Я кивнул.

— Да, хочу. В нашей ситуации есть одно замечательное отличие — мы все давным-давно играем с открытыми картами.

— Если только так не кажется.

— Что ж, нет идеальных решений. А если что-то пойдет не так, считай, что дело освободительной революции — прямое тебе задание.

Вирем нервно хохотнул и содрогнулся.

— Ладно... Страшное это дело — открытые карты... Так и хочется зажмуриться. Вот только... А как мы все это объясним? Откуда взяли информацию про бомбы. Придется объяснять и про перемещения во времени. И про то, что все могут вернуться.

— Возможно. Когда-нибудь, когда будет не отвертеться. Но...

— Но что?

На самом деле, они все еще могли не вернуться за весь срок нашей жизни. Если год вдруг обернется столетием, или даже если вернутся все так же, через год. А нас, быть может, тут уже не будет. Никто ничего не может гарантировать.

— Но уж лучше так. На всякий случай, не забывай про свое задание.

Это был длинный день. Но оказалось, что он может быть еще длиннее. Перед рассветом пришло известие, что, в тех же координатах, в которых предположительно погиб посольский корабль Лиги, он вновь появился. Более того, он столкнулся с одним из автоматических поисковиков, все еще исследующих пространство на месте якобы произошедшей катастрофы. Я не помнил никакого столкновения в своем ментальном путешествии, но не был уверен, что мог бы ощутить его в той медицинской капсуле. Возможно, именно оно на мгновение пробудило пациента, а не мое собственное присутствие — такие тонкости в не очень ясном сознании я едва ли мог различить. По предварительным данным никто не погиб, но судно получило серьезные повреждения, и его экипажу и пассажирам пришлось принять помощь подоспевших патрульных кораблей Леды.

Конец первой книги

2014

(ред. 2018 г.)

1. Мать чудовищ (Книга II. Мнимое время)

Девизом падающих в черную дыру должно быть: «Мыслите мнимо!»

С.Хокинз

*— Узнал? Где встал седой гранит,
Мой дом с вершины в Рейн глядит.
И тьма и стужа... Нет пути!
Тебе из леса не уйти.*

Й. фон Эйхендорф «Лорелей»

Я собирал свое сознание как рассыпанные стеклышки мозаики. Останется много лишних... Ну да бог с ними. А некоторые давно стоило подобрать и рассмотреть поближе.

Как ни была несовершенна моя полупризрачная машина времени, она вернула меня даже из будущего, в котором я нечаянно оказался. Причем, сделала это уже дважды. Совсем не типично для наших обычных манипуляций с континуумом. Даже если считать тот раз, когда мы вернулись из древней Британии вместе со всем «Янусом» спустя несколько недель после того, как отбыли. Так действовала необходимая защита от случайных накладок в причинно-следственных связях, цепных реакциях, каскадах, волновых функциях и всё прочем, с чем «Янус» имел дело. Примерно по тому же принципу «вокруг» стабильно действующего механизма перемещений во времени возникала буферная зона — особое поле, не позволяющее проникать в слишком близкое прошлое. Это было аккуратное возвращение со своего рода дистанцией безопасности и тем давным-давно известным фактом, что путешествия во времени «в один конец» — вперед, всегда возможны, в отличие от произвольных скачков в будущее с корректным возвратом в исходную точку, с чем пока не удавалось сотворить ничего путного и управляемого... Хотя, строго говоря, произошедшее тоже сложно было назвать управляемым.

Как и то, что в данный момент я лежал на полу, упершись лбом в ножку стола, вырезанную в форме птичьей лапы, сжимающей гладкий шар, на который она опиралась, — кстати, никогда раньше не обращал на нее внимания... видимо, шар был яйцом, а лапа лебединой, — и пытался отдышаться, ожидая, когда в глазах немного посветлеет. Приступ, по счастью, уже прошел. А вот его природа вызвала у меня сомнения и мрачное исследовательское любопытство. Пал ли я жертвой лишь собственной психосоматики, или все так и «должно было быть» — только не в этот момент времени? Но со временем у меня уже не раз случались по техническим причинам странные побочные эффекты, и тогда, снова «по счастью», ничего не произошло. Я бы не отказался, чтобы не происходило вовсе, но нельзя же получить все разом. Так — тоже было приемлемо. Главное, что это произошло без свидетелей. И если это не психосоматика, то, возможно, повторений не будет. Если только кто-то не попытает счастья снова, послав тот же сигнал, несмотря на очевидную неудачу. Мда, тоже скверный вариант... а только что мне казалось, что психосоматика хуже — в силу своей непредсказуемости и зависимости от настроения с услужливым проявлением по любому самому мелочному поводу. А уж если и то, и другое вместе... К черту! К черту! Я еще раз вдохнул поглубже, с осторожностью убедившись, что недавних жутких ощущений не

осталось и следа. И ведь врачу лучше не показываться, чтобы случайно об этом не стало известно... да кому угодно, кроме меня. Правда, после нескольких подряд не очень гладких переносов во времени за короткий промежуток времени, и если пить столько терро... Пожалуй, есть смысл стараться пить его поменьше и вести образ жизни поздоровее. Например, больше и лучше спать. И без таблеток! Уф... Только не сегодня, сегодня с этим придется подождать. В голове промелькнула успокоительная мысль, что причины у приступа могли быть самые естественные, лишь чуть-чуть подкрепленные как посторонними действиями, так и тревогой. И чувством вины — ведь из-за моей спешки и одержимости «Штандарт» перенесся во времени. Но, по крайней мере, хоть где-то не погиб...

Несмотря на внезапный приступ, я был настроен куда оптимистичней, чем раньше, потому он и захватил меня врасплох и так удивил, хотя сообщение о внезапном возвращении из небытия корабля Лиги кого угодно выбило бы из колеи. Они вернулись слишком рано. Но я же задел их только краешком сознания, вот они и переместились в будущее всего ничего, в отличие от «Денебского штандарта».

И уж чего мне точно не хотелось, так это признавать, что я их боюсь. Ненавижу это чувство. Наверное, потому что оно страшное. Но пока все происходило на моих условиях. Под моим контролем. По крайней мере, очевидно.

Но этот стол... надо завести другой. С нормальными квадратными ножками.

* * *

— Ах ты... кровавый тиран! — хрипло выдохнул наполовину высунувшийся из-под одеяла взъерошенный Нейт, появившись на вспыхнувшей голограмме. Видимо, он не был слишком уж возмущен, раз соизволил включить изображение, нажав на предложенную виртуальную клавишу. — Что случилось?

— Извини, что разбудил, решил, что ты будешь не прочь узнать об этом как можно раньше. Корабль твоей матери вернулся. Они все выжили.

Нейт напряженно застыл. Рука все еще была протянута к клавише. Он потихоньку подтянул конечность поближе, будто боясь, что в нее вцепится что-то невидимое.

— Ого, — проговорил он осторожно, бросая на меня исподлобья опасливый взгляд. — Как это произошло?

— Предлагаю отправиться в госпиталь и узнать поточнее.

— В госпиталь?

— Корабль столкнулся с поисковиком, никто вроде бы не пострадал, но подробная диагностика после космических аварий еще никому не мешала.

— Правда твоя. — Он сел ровнее и выглядел уже почти собранно. — Значит, Тарси ты уже сообщил?

— Нет, — отозвался я настолько равнодушно, насколько был способен. — Ты сообщай. Или не сообщай, если не хочешь. С меня вполне хватит тебя, как вашего общего представителя.

Нейт приподнял бровь и присвистнул.

— Ладно, — согласился он покладисто. — Дай мне четверть часа. Где встретимся?

— У дока пятнадцать, можно и через полчаса.

— Есть, ваше величество. Летим на твоем личном катере?

— Если ты ничего не имеешь против.

— А если... — Он покачал головой и решил не договаривать про то, кто бы еще мог принять участие в обсуждении. — Нет, я не против!

— Вот и отлично.

Во избежание дальнейших неловкостей я первым прервал связь.

Спустя двадцать пять минут Нейт крутился у стеклянных дверей дворцового дока, заложив руки за спину и обеспокоенно покусывая губы, в полном одиночестве. Выглядел он подавленным.

— Ждем еще? — спросил я на всякий случай.

Нейт помотал головой.

— Она пока хочет держаться подальше. Но я обещал ей все рассказать.

Я кивнул со смесью разочарования и облегчения.

— Держаться подальше от матери или от меня?

Нейт пожал плечами.

— «От всего этого». Если хорошенько подумать, ей меньше всего хотелось бы когда-нибудь еще встретиться с матерью.

— Ясно. Разумеется, мы могли бы организовать встречу через одностороннее стекло, просто поговорить с врачами... Ну а ты?

— У, — усмехнулся Нейт. — Я вольный художник, мне терять почти нечего. Но... я бы не отказался от одностороннего стекла!

— Ладно. Поглядим на месте, как будет лучше. — Я хлопнул в ладоши и повернулся к Дону: — Погнали?

Мы махнули Страйкеру, ждавшему на некотором отдалении, тот ответил кивком и, погрузившись в катер, мы рванули в разгорающийся рассвет с двумя легкими кораблями сопровождения в кильватере.

Внизу поблескивал залив, Дон пилотировал катер, а Нейт ерзал на пассажирском сиденье, то и дело поправляя воротник — то расстегивал, то застегивал верхнюю пуговицу напоминающего неудобный футляр синего плотного костюма. Почему он выбрал его? Просто из-за спешки или как особый вид брони?

Я покосился на него пару раз, подумал о своих снах, о том, как могут проводить время другие люди, и много ли может быть радостей хоть у кого-то в нашем старом, ветхом... — по крайней мере, фигурально выражаясь — дворце, пробормотал: «Извини, Вирем» и отделил кабину пилота прозрачной звуконепроницаемой переборкой. Нейт с живым интересом пронаблюдал за моими манипуляциями, но не обронил ни слова, хотя казалось, что его раздражает.

— Нервничаешь?

— Еще бы, — тут же отозвался Нейт и умудрился перебить сам себя: — Что случилось? Что значит «корабль вернулся»? Зачем они вернулись?

— Затем что вместо перехода в гиперпространство они совершили скачок во времени на несколько дней вперед. А едва оказавшись в точке прибытия, угодили в аварию...

Нейт подпрыгнул на месте, врезавшись макушкой в низкий потолок. Я запоздало схватил его за локоть. Вирем невольно встревоженно обернулся, ощутив сотрясший судно толчок, но лишь на мгновение.

— Скачок во времени?! — предсказуемо разволновался Нейт. — Как это?.. Это они так сказали? Они что, могут теперь так?..

— Нет, слава богу... Надеюсь, что нет. По крайней мере, не сейчас. Но да, они так

сказали, я хочу, чтобы ты был готов к тому, что можешь услышать.

— О боже мой... стоило ожидать, что они теперь начнут плести про нас черт знает что!..

Я незаметно перевел дух. Последний шанс оставить Нейта в счастливом неведении, вызывая поменьше подозрений. Может быть, шанс все засекретить, уничтожить свидетелей... словом, поступить так, как поступают нормальные ответственные политики, о чем бы они там ни пеклись, о себе любимых или о благе государства.

Нет, разумеется, ничего подобного. Но поговорить об этом нам в любом случае лучше позже. Хорошо, что Нейту даже в голову не пришло всерьез связать произошедшее со мной.

— Просто не хотел, чтобы это застало тебя врасплох.

Нейт кивнул, но успокоенным, конечно, не выглядел. Волосы так и стояли дыбом. Я ободряюще похлопал его по плечу и нажал кнопку на сиденье, убрав перегородку.

— Сейчас садимся, — вместо реакции на это подтвердил очевидное Дон.

Полет длился всего несколько минут. Часть пути мы проделали над заливом, часть по окраине Старого города, начинающегося сразу за отделяющим его от дворца парком и огибающего залив с тех сторон, что не являлись частью дворцового административного комплекса. Собственно, вся планета считалась одним большим городом — столицей с более или менее крупными промежутками, иногда величиной с океан (если не считать населенных районов на естественных и искусственных островах), между основными очагами нервного возбуждения в огромном мозгу. Но у Старого города, как и у всех локальных пунктов, имелись свои «окраины». А вот своего оригинального названия, кроме обозначения «Старый», не было, что и являлось по-своему оригинальным отличием. Над городом висели вечные цепочки непрекращающегося движения, еще тонкие на рассвете. Постоянный поток нервных импульсов в еще грезящем, готовом вот-вот пробудиться мозге.

Госпиталь являл собой белое архитектурное каре с арками посреди каждой из трех сторон и центральным входом с колоннами посреди четвертой. Внутри располагался сад с аккуратным фонтаном в виде задумчивой нимфы, восседающей на опрокинутом кувшине, и очень ровно подстриженными рядами розовых кустов, будто выстроившихся по струнке. Катер приземлился на небольшой площадке — возвышении у главного входа, где нас поджидал еще один строй — дюжина представителей старшего медперсонала.

Старательно сократив торжественную часть, мы поговорили со встретившими нас весело-возбужденными врачами — даже самые мизантропичные книжные черви немедленно уточнили недавние новости о якобы случившейся катастрофе и ее ужасающем дипломатическом эффекте, и испытывали теперь необыкновенный душевный подъем и исследовательский азарт.

— Ну надо же! — восклицал непрестанно, заводя нас в гулкий сумрачный холл, заведующий госпиталем доктор Фрисби — человек совершенно неопределенного возраста, то ли ведущий чрезвычайно здоровый образ жизни, то ли доконавший себя чрезвычайно здоровым образом жизни, немного напоминающий колодезный журавль или картонную фигуру в профиль, увенчанную стоящими дыбом седеющими редкими кудряшками, и решительно неспособный, несмотря на явные усилия, стереть с лица расплзающуюся проказливую улыбку. — Аномалия! Серьезно? Теперь, конечно, перед нами стоит ответственнейшая задача подтвердить личности всех этих людей, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что они действительно живы. И подтвердить, что это они, а не какие-нибудь самозванцы или клоны. Но сомнительно же, что кто-то мог бы подготовить

целую команду полных клонов с сохранением памяти и когнитивных функций этих людей, а также повреждений, полученных ими при жизни! Лига уже запрошена о максимально подробных их медицинских картах. Но аномалия! И этот взрыв!.. Невольно напрашивается аналогия, не правда ли?.. — Фрисби густо покраснел и закашлялся, сообразив, с кем разговаривает.

— Да, мы видим аналогию, но неполную, — вежливо согласился я. — Прошло уже два месяца и, увы, пока ничего подобного не последовало.

— О! — Доктор нетерпеливо всплеснул руками, вернее, безуспешно попытался этого не делать. Его глаза сверкали. — Но «Денебский Штандарт» такой огромный корабль! Кто знает, может, его просто отбросило дальше? Ведь от него не осталось никаких следов...

— От корабля Лиги следы остались. Так что аналогия снова неполная.

Доктор окончательно смутился.

— Извините за бестактность... Просто это такой беспрецедентный случай...

— Вы совершенно правы. Беспрецедентный.

— Но... — Все еще не сдаваясь, он постарался сдержанно понизить голос. — Я не могу не вспомнить, что вы говорили об этих случаях. Официально. Очень провидчески. О том, что все это могло быть инсценировано... Возможно, таков и был замысел? Исчезнуть в гиперпространстве, оставив за собой следы взрыва, а затем вернуться с какой-то целью? Едва ли с добропорядочной. Возможно, нам просто повезло, что они наткнулись на поисковый модуль?

— Возможно, — согласился я. — Очень возможно.

— Глупо было с их стороны возвращаться на место «катастрофы»! — заявил доктор, покачав головой. — Нельзя же было ожидать, что оно не будет исследоваться. Они могли ни с кем не столкнуться, но их бы автоматически сфотографировали или пронаблюдали иным образом.

— Понятия не имею, что творилось у них в головах, — заверил я.

— Кроме того, что именно это они пытались инсценировать — аномалию! — сердито выпалил Нейт.

— О... да... — почти испуганно согласился доктор, явно отметив неподдельный гнев Нейта.

— Значит, никаких пострадавших? — уточнил я, меняя тему.

— Что касается пострадавших... опасения у меня вызывает только один. Он изначально был помещен в медицинскую капсулу. Мы переместили его в другую — первая, возможно, повредилась во время столкновения — мы вовремя успели обнаружить, что отключилась подача кислорода, и принять реанимационные меры. Успешно. Заодно и переместили, на случай, если в исходной капсуле есть еще повреждения.

— Вы полагаете, подача кислорода могла отключиться сама по себе?

— У нас нет никаких оснований или доказательств, чтобы думать иначе... Знаете, эти сенсорные кнопки, кто-то действительно мог что-то нажать в суматохе самым неудачным образом, сорвав защитные блоки, но кто может сказать, что это было сделано умышленно?..

Как и «взрыв» корабля.

— Но... — доктор, казалось, внутренне задергался, не зная, как сообщить о дальнейшем.

— Что-то не так?

— Мы успели вовремя, — упрямо повторился Фрисби, — уверен в этом. Смерть мозга

не должна была произойти. Но мы не регистрируем никаких токов сознания.

— Что вы имеете в виду? — Не то чтобы это казалось странным, раз он и был без сознания.

— Этот человек в глубокой коме. Даже не знаю, как объяснить... совершенный овощ. Простите за профессиональный сленг... Его головной мозг не просто не функционирует, такое ощущение, что он *никогда* не функционировал. Как будто это неудачно выращенный клон. Мы проведем еще анализы, просто сейчас это выглядит очень странно.

— Действительно странно.

Возможно, этот человек никогда не существовал. Кажется, у меня появился еще один вопрос: почему его не присовокупили к найденным на месте «крушения» обломкам? Это выглядело бы так драматично, если бы могли обнаружиться следы чьих-то останков с какой-то идентифицируемой ДНК. Что-то тут не так...

Гм. И в этот самый мозг я как-то переместился? В тот, что никогда не функционировал?..

Нейт вдруг кашлянул и посмотрел на меня очень многозначительно, будто сообщая, что ему известно что-то, что он не может высказать вслух при посторонних. Я кивнул ему, мол «мы обязательно это обсудим».

— А теперь я хотел бы поговорить с пациентами. Как поживает генерал-лейтенант? Или ее клон, если на то пошло?

Мое личное воображаемое одностороннее стекло только что рассыпалось на мелкие осколки.

— У тебя была какая-то идея? — спросил я Нейта, когда мы вышли из госпиталя спустя пару часов.

Не знаю, как у Нейта, а у меня голова гудела как улей, готовый треснуть от избытка взбудораженных и не находящих выхода пчел, а может, еще и от перегруженности медом. Я встретился с двумя десятками перепуганных, встревоженных, истерично и враждебно настроенных людей. С Нейтом, честно оставляемым за «односторонним стеклом», я коротко консультировался до и после каждой беседы на тот случай, если он с кем-то из них знаком. В этом смысле тут всерьез недоставало Тарси, но едва ли я хоть когда-нибудь был уверен в безопасности ее помощи. Нейт мало кого знал, но всё же мне было с кем посоветоваться, и кого он знал точно, так это свою драгоценную матушку.

Разговор с ней прошел будто во сне. Когда Фрисби открыл дверь палаты, я подумал, что совершаю жуткую ошибку. Реакция после недавнего приступа могла оказаться какой угодно. Вышло бы неловко, свались я неожиданно в обморок у всех на глазах. Просто показать что-то, чего я совсем не желал бы показать — уже достаточно скверно. Но именно теперь мне было необходимо знать, сумею ли я пережить подобную встречу.

Я опасался напрасно. Седовласая леди в светло-сером больничном халате, которую я увидел, казалась почти трогательно беззащитной. Если она сама, как и ее люди, была враждебно настроена, — как забавно тут смотрится сослагательное наклонение, — на этот раз она ухитрилась никак этого не показать. Она выглядела обеспокоенной, даже немного испуганной, но более обеспокоенной случившимся, чем фактом задержки на Леде. Должно быть, успела сориентироваться в ситуации и решить, какую роль ей следует играть. Разумеется, прямой вопрос об инсценировке взрыва ее насмешил, ей ничего не стоило ответить, что никто из них ничего подобного не делал и не планировал. Факт перемещения

во времени она просто констатировала как удивительный неожиданный казус — отмеченную рассинхронизацию судового журнала и всех часов на корабле с остальной вселенной и пропущенный командой промежуток времени, не выдвигая немедленных агрессивных обвинений, которых я ждал. Проявляла кажущийся дружелюбным интерес, готовность сотрудничать, и всячески давала понять, что совершенно не помнит, в каком духе мы говорили при нашей прошлой встрече.

Не то чтобы у нее отшибло память, просто она вела себя так, будто этот разговор произошел совершенно иначе, и у меня не могло быть никакого повода относиться к ней враждебно. Почти как я делал вид во время той встречи, будто две наших истории больше не совпадают, ведь имело место перемещение во времени, следовательно, гипотетически, мы *могли* помнить различные версии развития событий. Она даже признала с сожалением свои прошлые «ошибки», тонко намекнув, что помнит их в сильно смягченных тонах, из-за чего на нее не следовало бы никоим образом держать зла. «Во всех отношениях приятная леди», — как сказал когда-то Страйкер. В то, что она помнит не совсем то же прошлое, что я, поверить я мог — это было бы в достаточной степени в порядке вещей. Но в том, что оно на самом деле настолько отличается в удобную ей сторону, ей пришлось бы убеждать меня гораздо дольше, чем эти несколько минут сегодняшней встречи. Естественно, к этому она также предпочла отнестись с бесконечным терпением и пониманием. О состоянии полковника Крейга она осведомилась вскользь, как ни в чем не бывало, не проявив никакой нервозности в ответ на моё неискреннее заверение: «С ним всё будет в порядке».

Что ж, вполне логичное поведение, раз мы больше находились не в переговорной, где нас никто не слышал. Пожалуй, на данной стадии развития наших отношений она могла бы вести себя подобным образом и наедине, после того, что наверняка посчитала актом демонстрации силы (а какие еще могли быть варианты? — согласно бритве Оккама, не стоит плодить сущности — хватай первое попавшееся объяснение), пока не обладала точными данными о ней и не могла что-либо противопоставить — всего лишь на данный момент времени.

Фрисби, с которым мы еще не раз пересеклись в промежутках между визитами к пациентам не столь терпимым и дружелюбным, но также не обладавшим никакой ценной информацией или готовностью ею делиться, сообщил, что «Крейг», судя по всему, действительно клон — ускоренно выращенный и доведенный до его нынешнего состояния и «возраста». Мы прошли вместе с доктором к самому его монументально спокойному пациенту, взглянули на него и на кучу парящих вокруг разноцветных моделей-снимков. На вопрос, что делать дальше, я дал распоряжение сохранять клон в таком состоянии, как есть. На всякий случай врачи проверили его на чувствительность ко многим специфическим аллергенам. Клон оказался вполне устойчив. Официальная причина его неприбытия на переговоры отпадала и как глубоко гипотетическая возможность.

— Да, идея... — пробормотал Нейт. — Я, кажется, понимаю, что может означать его состояние и почему его не выбросили в шлюз вместе с обломками.

— Только не говори, что это потому, что в их реальности никакой имитации взрыва не было.

— Не собираюсь говорить такого! Просто клон им понадобился для другой цели. Думаю, они собирались использовать его для какого-то несложного задания по возвращении на Леду. Для этого в него загрузили бы эфемерную электромагнитную матрицу. Заметил, как Фрисби сомневался? Это потому, что у «Крейга» мозг как у клона, который никогда сам не

думал и не воспринимал, но не совсем девственно чист. В него можно подгружать постороннюю программу.

— Ага... — Вот так я и «подгрузился» в него — легко и непринужденно, как посторонняя программа.

— Скорее всего, он должен был куда-то проникнуть, совершить какую-то диверсию и непременно при этом погибнуть.

— Непременно?

— Так, чтобы его нашли, опознали... Да может даже ему ничего не надо было делать, кроме как попасть куда-то и быть там убитым. Чтобы это бросило тень на денебский королевский дом.

— На что?.. — переспросил я рефлекторно — на мгновение забывшись и забеспокоившись, что он что-то знает и имеет в виду нечто большее, чем расхожую формулу.

— На тебя. Извини, — на лице Нейта отразилось искреннее раскаяние, — должен был понимать, как это прозвучит, раз больше... кхм. Тут без вариантов. Но и на нечто большее. Еще один удар по всему укладу Денеба, по «нелепому устаревшему институту монархии», который и так едва держится. Какой соблазн для Лиги окончательно его опрокинуть.

— Завершить начатое? — мрачновато заметил я.

Нейт вздохнул и покачал головой.

— Очень может быть. Ужасно хреновые дела. Конечно, это был бы не прямой физический удар, а по репутации, как псевдовзрыв и якобы скачок во времени. Чтобы поднять волну общей паранойи и... Ты случайно не рассматриваешь вариант бросить все и умчаться куда-подальше? Это могло бы быть разумно.

Я невольно рассмеялся.

— Посмотрим. Может быть.

— Думаю, они бы его использовали подобным образом в случае, если бы ни на что не наткнулись и вернулись незамеченными. А так как они оказались сразу замечены, ничего не пришлось подгружать, его просто попытались уничтожить, чтобы он погиб в аварии — что добавило бы драматизма и не прибавило тебе симпатий. Собственно, ничто не мешает им утверждать, что до аварии он был в порядке, что бы ни говорили врачи, а доказательства, что он клон — всего лишь оправдания, даже подмена — наша, а не их. Его оригинал, скорее всего, какое-то время назад скончался по какой-то причине, что сохраняется в тайне, его официальная смерть будет зарегистрирована здесь.

Я медленно кивнул, посмотрел на Дона, жизнерадостно махнувшего из кабины пилота, кивнул и ему, и снова повернулся к Нейту:

— Послушай, мы сто лет не разговаривали по душам. А после всех этих бесед, пусть они прошли ненормально гладко, меня немного потряхивает. Так что несмотря на весь терро, что мы тут глушили с докторами, неплохо бы глотнуть привычного в более спокойной обстановке. Присоединишься?

— Разумеется! — Нейт усмехнулся несколько напряженно. — Как я могу отказать принцу-регенту? — В деланно-шутливом тоне не было нотки осуждения. Просто он так долго ощущал себя никем, пустым местом, отказавшимся от контроля над собственной жизнью, что это не могло его не угнетать. Я видел, что он рад оказаться полезным, но сам повод для этого тоже угнетал, беспокоил и пугал.

На обратном пути во дворец мы не разделяли кабину перегородкой и помалкивали, переваривая увиденное и услышанное. Солнце — Малый Денеб — поднялось уже высоко,

движение над городом напоминало густое облако мошкеры над летним полем, а шпиль дворца сверкали как длинные стальные иглы — очень медицинская ассоциация, неувидительная после визита в госпиталь.

— Ого, — с наигранным весельем воскликнул Нейт, когда дверь комнаты герметично за нами закрылась. — Настоящая переговорная! Раньше мы что-то все больше слонялись по темным углам, чтобы поговорить.

— Точно. Понятия не имею, почему раньше тянуло на неофициальную обстановку. Может, чтобы не пугать народ лишней раз, но теперь уже неважно.

— И правда. — Нейт решительно приземлился в мягкое кресло и оценивающе поерзал на нем: то ли остался довольным, то ли его внимание неконтролируемо переключилось. — Они же правда не прослушиваются?

— Не прослушиваются.

— Надеюсь, кнопка тревоги тебе тоже не пригодится.

— Нейт, ты же у нас оптимист.

— Ну да, — уныло вздохнул он. — Наверное. — Он помолчал, прежде чем начать с очевидного. Я позвал его сюда не за этим, но не мог подобрать подходящий момент, чтобы перейти к делу. — Я думаю, она всё просчитала. Притворяется, что начинает с чистого листа. Пусть ты знаешь, что он далеко не чист, или я знаю, многих она сумеет очаровать. Seriously, я боюсь. Того, что она никогда не была опаснее, чем теперь, и теперь она рядом. На законных основаниях. Это ведь как будто ты ее удерживаешь. Такая невинная жертва... Знаешь... по-моему, самое лучшее — дать ей убраться как можно скорее. Тогда ее прежние планы будут сбиты, и новые тоже не сработают — ей придется улететь, уже без имитаций взрыва, она не сможет контролировать депортацию... надеюсь.

— Может быть.

— Ты не поверишь, какой она может быть очаровательной!

— Поверю. Ты не первый мне об этом говоришь.

Нейт поднял заинтересованный взгляд.

— Да? А кто еще?

— Полковник Страйкер, ты его помнишь.

— А, тот самый, помню...

— Видимо, он находил ее более чем очаровательной, раз Тарси считает, что нашла своего отца, — я обронил это как само собой разумеющееся, но Нейт застыл в неподдельном недоумении:

— Что ты имеешь в виду? В каком смысле? Он ей нравится?..

Что-то в тоне Нейта было странное.

— Кажется, она имела в виду чисто генетически, — уточнил я слегка удивленно, — а не то, что чувствует в нем родственную душу.

Пропустив еще несколько ошарашенных мгновений, Нейт принялся яростно трясти головой:

— Но это чушь!

Я смотрел на него озадаченно:

— То есть, она тебе не говорила? Ты не знал? Извини...

— Да неважно, знал или не знал! Это просто неправда. Она действительно так сказала?

— Да... Я тоже среагировал не совсем адекватно, и мы поссорились.

— Какого черта?.. Не понимаю... — продолжая трясти головой, будто надеясь, что примерещившийся ему кошмар так легко прогнать, Нейт уставился в пол.

— Послушай, — проговорил я осторожно, чувствуя, что мы подбираемся к какой-то больной теме всего их семейства, — не хочу лезть в ваши семейные тайны. Мне и со своими весело. Просто не ожидал, что она скажет мне, не сообщив тебе о том, что узнала.

Но она, судя по всему, ничего не рассказала ему и о моей машине времени... о которой я теперь никак не мог заговорить, хотя мы пришли сюда в первую очередь для этого — ведь если бы я признался, что скачок во времени корабля Лиги, возможно, моих рук дело, от этого оставался всего один шаг до произошедшего со «Штандартом». И разве то, что кто-то узнал бы это, не сделало бы нас всех страшно уязвимыми?..

— Чепуха! — воскликнул Нейт, снова поднимая взгляд, жесткий, колкий и одновременно испуганный. — Мы в детстве забавлялись тем, что изучали собственную ДНК, складывали и разбирали схему как игрушечный конструктор, я отлично знаю, кто ее отец!

— Кто же он?.. — спросил я еще более осторожно.

— Фарук Карелл, конечно! Что за бред?! Человек, который нас вырастил, чье имя мы все еще носим! Профессор биологии. Вот почему мы все знаем о своих генах! Прекрасный, между прочим, был отец! Жаль, что он погиб, когда нам еще не было пятнадцати.

— Мм...

— Что?

— Она сказала, что отцы у вас разные.

— За каким лешим?.. — оторопело переспросил Нейт. — Да мы оба больше похожи на отца, чем на мать, если кто-то вдруг не заметил! — Я-то заметил, но управляемая генетическая вариативность допускает какую угодно внешность детей по желанию родителей. Тут Нейт по бессознательной привычке применил один из древних доводов, подхваченных в наших частых путешествиях в прошлое. Они на всех нас накладывали отпечаток.

— И договорим уж тогда до конца, она сказала, что твоим отцом был Ралес Линн.

Нейт отпрянул к спинке кресла, буквально впечатавшись в нее, и округлил глаза.

— Да ладно!.. Это что, шутка?

— Она дала понять, что это был особый ключик к Станции. Как Страйкер мог быть каким-то ключиком к Денебу.

Нейт отмахнулся, явно думая лишь о своем. «Ключик к Денебу» его не убедил и даже будто не обеспокоил, что пробудило во мне абсурдный призрак надежды.

— Насколько ты помнишь, Линн не очень-то хорошо со мной обошелся.

— Но ты ведь как-то вошел к нему в доверие, настолько, что он это сделал. Он все-таки предпочел держать тебя поближе.

— Чертова мелодрама!.. — прорычал Нейт. Схватил со столика чашку остывшего терро и шумно проглотил половину содержимого. Потом перевел дух.

— А ты помнишь, что в наших досье на «Янусе» сохранялись образцы ДНК? Засекреченные, но высшее командование вроде твоего отца или самого Линна, конечно, имело к ним доступ.

— Конечно.

— И ты думаешь, никто бы не заметил генетическое сходство двух файлов? Заметили бы сразу же при подаче документов, если бы оно было!

Одно верно, сам Нейт был убежден, что Линн ему никакой не родственник.

— Но само твое пребывание на Станции разве не было заданием твоей матери?

— Э... не совсем, — слегка порозовел Нейт. — Это было поощряемым стремлением, насколько я всегда помнил, но не заданием. А вот потом она пыталась узнать через меня побольше и давать мне задания, но мне очень не нравилась идея подставляться и рисковать, мне нравилось на «Янусе».

— И все же каким-то образом у вас с Линном сложились доверительные отношения.

Нейт помялся.

— На самом деле, он меня поймал, — признался он приглушенно.

— В каком смысле?

— Мать становилась все настойчивее, я устал стирать переписку, стал просто игнорировать некоторые сообщения, а Линн каким-то образом на них наткнулся при общих проверках. Дотошный был тип. Он решил, что я шпионю. Я уверял, что вовсе нет, но думаю, он не очень-то мне доверял, потому и держал поближе, сделал своим «сообщником». Это ведь поначалу все выглядело как не более чем эксперимент, в худшем случае — розыгрыш.

— Но все-таки он забрал тебя с собой. Сохранил жизнь — в некотором смысле.

— Нельзя сказать, что он мной дорожил! — горько фыркнул Нейт. — Он же мне практически отомстил всем, что сделал! Загнал в сознание какого-то проходимца вдвое старше — это при той-то продолжительности жизни, — ничуть на меня не похожего, что здорово подавило мою личность — разве что я мог сознавать какое-то время и каким-то образом, что именно он со мной сделал, отравил психотропным веществом, использовал... Да ты помнишь, боже... Может, ты до сих пор думаешь, что я мечтал тебя убить, но этого не было, клянусь, хотя что уж теперь говорить после всего, и этот тип заполучил все мои навыки!.. — Нейта затрясло, выглядел он абсолютно беспомощным и отчаявшимся, будто вернувшимся в старый кошмар.

— Верю, — сказал я успокаивающе. — Я тоже не хотел. Как раз в ту ночь я все вспомнил и понимал, что происходило. Но случилось это за считанные минуты до того как... и выбора у меня уже не было, или ты, вернее не совсем ты, успел бы первым.

— Помню... — отдуваясь пробормотал Нейт. — Да тогда это было почти спасение. И раз вы там оказались, я верил, что вы вернете наше время, все исправите. Вот только очнуться удалось лишь перед самым концом — видимо, когда менялась химия мозга...

— Да... отличный предмет для дружеской беседы... Извини еще раз.

— Да говорю же — не за что! В общем, так себе из Линна был папаша.

— Возможно, пытался доказать всему свету, что нельзя им так манипулировать, перехватил контроль. Но не проще было бы совсем оставить за бортом, чем возиться с кем-то потенциально действительно опасным? А что, если он думал, что ты вполне можешь быть его родственником? Хотел дать себе время приглядеться, изучить... В конце концов, даже если у него в прошлом не было никаких приключений, в наши времена гениальная инженерия позволяет всё, не то что в каком-нибудь диком прошлом, достаточно ткнуть пальцем в результат, чтобы показать, что кто-то, ни сном ни духом не подозревающий, давно стал счастливым «родителем». Может, ты и не хотел подставляться и подставлять кого-либо, но, может быть, тебя подставили?

Нейт озадаченно нахмурился.

— В смысле... ты думаешь, что каким-то образом при подаче документов ему попался подправленный файл? Но как бы тогда мою личность вообще идентифицировали?

— Смотря как и в какой момент он обратил внимание на образец, возможно, ему указали, на что следует обратить внимание. Угадай, кто мог это сделать. Если ты всё еще упирался, может, она решила, что неплохо бы форсировать события и вздумала надавить на него напрямую? Тем более, он обладал куда большими возможностями, чем ты. К примеру, она могла бы намекнуть, на какую-то утечку информации или что-то всего лишь на нее похожее, и через мнимую родственную связь пригрозить представить это его собственными действиями в пользу несуществующей семьи, если он не сделает чего-то, что ей действительно нужно.

— Знаешь, как-то...

— Как-то и мне начинает казаться, что то, что он сделал, могло быть спровоцировано. Он всегда был параноиком, а тут внезапно испугался по-настоящему. Испугался, что кому-то может достаться такая технология, которая потенциально может стирать целые эпохи, по-настоящему менять ход истории — возможно — когда-нибудь в дальнейшем развитии, которого не остановить. Он мог желать уничтожить «Янус», оставив его в будущем, которое по его плану должно было аннигилировать, и также мог желать установить полный контроль над человечеством, чтобы оно никогда ничего подобного не создало, чтобы жило «довольное самим собой», очень надолго затормозив прогресс, или пока не деградирует и тихо не вымрет. Эвтантизм цивилизации. Может быть, она представлялась ему меньшим злом. Потом на это стал наслаиваться полный бред, под влиянием страха, вины, одиночества, каких-то застарелых демонов, чего угодно. Конечно, почва и до того была готова, но спусковой механизм, возможно, находился снаружи, а не только у него в голове.

— Возможно, — протянул побледневший Нейт. — Тогда возможно, что Страйкер — одна из разработанных легенд для Тарси. Но если она говорила об этом серьезно — даже не знаю, что это могло значить. Она сказала неправду, это точно. Но зачем? Дай боже, если она просто тебя дразнила... Хотя странная и даже зверская была бы шутка. Может, ты просто не так ее понял? — Я отрицательно покачал головой. Нейт пожал плечами и слегка поежился. В конце концов, в здравости и моего рассудка он не мог быть уверен. — В ином случае — может, она слишком много времени провела рядом с матерью. Может, она по-своему теряет чувство реальности. А может... иногда я даже представить не могу, на что может быть способна эта «мать чудовищ»! Ох, я не о нас, конечно... Может, она намеренно что-то сделала с ее головой, и это теперь проявляется постепенно, шаг за шагом?..

Мы уставились друг на друга, должно быть, с одинаковым ужасом.

— Ты думаешь, она сходит с ума, или что ваша мать манипулировала с ее памятью?

— Может быть хуже. — Куда уж хуже?.. — Может быть, в неё даже вложена посторонняя личность.

— Что вложено?!

— Черт! Эрвин! Да мы можем предположить что угодно! Не только Линн был параноиком! Но давай надеяться на лучшее.

— Это ты мне говоришь? Да ты последние минуты только и делаешь, что предполагаешь худшее!

Я и насчет себя постоянно предполагал нечто подобное, хотя так же постоянно убеждал себя, что это лишь паранойя, которая послужит только врагу, если я ей поддамся. Времени на такое воздействие, как будто, было недостаточно. Но много ли нужно времени, чтобы «Янус» загрузил психоматрицу в чей-то чужой мозг? Да еще через пространство и время, правда, само время тут было неизменным условием, в настоящем ничего бы не вышло.

Предположительно, у них не было таких технологий — но ведь только предположительно — кто мог знать что-то точно? У них были клоны, в которых они могли подгружать посторонние программы. Чем мой мозг для этого лучше или хуже? И был ли наш побег настоящим или подстроенным... задаваться такими вопросами до тошноты и звона в ушах можно вечно.

— Ладно, ладно!.. — Нейт панически замахал руками. — Но что теперь? Если появление матери здесь сработало как какой-то спусковой механизм и Тарси начала терять связь с реальностью, то что будет дальше, когда мать застряла совсем рядом и ее присутствие ощущается почти физически?..

— Даже не представляю. Нам нужны какие-то точные данные. Очевидно, с чего мы начнем.

— Да?

— С нового анализа ваших ДНК. В конце концов, откуда мы знаем, у кого из вас могут быть проблемы с подправленной памятью?

— Ты что, думаешь?.. — но удивленное возмущение Нейта тут же сникло. — Проклятье... Так никогда не поймешь на каком свете находишься...

— Что делать, такая уж у нас реальность. Начнем с тебя. Я свяжусь с «Янусом» и запрошу файлы из твоего досье и досье Линна. Не думаю, что там что-то обнаружится, но заодно проверим. Соберём все, что есть.

Нейт торжественно кивнул.

— Хорошо.

Нейт отправился к сестре, рассказать о нашем утреннем путешествии и приглядеться получше на предмет заподозренных странностей, в чем поклялся соблюдать предельную осторожность и деликатность, а я, с сохраненным образцом его ДНК, отправился пробовать наладить связь с «Янусом». На этот раз мне не повезло — никто на том конце не мог или не желал ответить. Я оставил сообщение для Фризиана о том, что нужно поговорить, на нашем особом канале, и еще примерно такое же, только официальное, обращение обычным, принятым в нашем мире, образом. Оставалось ждать неопределенное время. Это жутко выводило из себя. Совсем недавно мне показалось, будто напряжение ослабевает. А теперь ощущал нависшую, готовую сорваться, лавину дел, важных встреч, переговоров, отодвигавшихся в последнее время на предельные сроки. Может быть, потому что я увидел будущее, понял, что оно возможно, и что мне есть о ком и о чем беспокоиться. Зная в то же время, насколько эфемерной и дразнящей это могло быть иллюзией.

Когда-то я говорил, что мы, путешественники во времени, на деле куда старше своего видимого возраста. Мы проживали десятки чужих жизней, перенимали чужой опыт, смотрели на мир под множеством невероятно разных углов, и это было потрясающе. Но в единственной реальной жизни весь этот опыт ничего не значил, пепел давно остыл. Казалось, с тем же успехом я мог бы читать чужие мемуары — упорядоченные, отфильтрованные, не такие сумбурные, как выхваченные на живую нитку воспоминания — мог что-то воображать или играть роли в пьесах. Возможно, видеть сны об иных личностях в иных обстоятельствах, отличающихся лавиной нюансов, сводящих знакомое прошлое на нет — это в лучшем случае. Старые невеселые повторы вечно катящихся на закат, внезапно обрывающихся жизней, сливающиеся в одну невыразительную линию на диаграмме,

повторы крахов, неисполненных грандиозных планов, потраченных впустую невероятных сил и жертв, не слишком сознаваемые прежде, лишали оптимизма. Теперь я ощущал себя на свои от силы двадцать четыре биологических года, часть которых даже нельзя было назвать моей, поглощенную чужими переживаниями, прожитую кем-то другим. И чувствовал, что этого чудовищно мало для моего настоящего мира, настоящего меня. Я даже не был уверен, что существую — лишь тень, воспоминание о множестве личностей, не имевших ко мне отношения. Когда-то кто-то не смог прочесть ничего определенного в моей голове, встретившись вместо этого с легионом призраков. Может быть, кроме них там действительно ничего нет.

На рабочем мониторе подмигивало множество напоминающих огоньков, то меркнущих, то разгорающихся, когда кто-то оставлял канал открытым со своей стороны, показывая, что с ним можно связаться.

Глянув на часы, я собрался с духом и щелкнул по первому из огоньков. В конце концов, главное начать... Сбросить хотя бы десяток-другой дел, прежде чем можно будет уделить какое-то время другим своим заботам.

Опомнился я часов через шесть, пролетевших так, будто что-то внезапно перебросило меня вперед во времени. Десяток дел непринужденно превратился в полсотни едва начатых, будто любое прикосновение к ним — внезапная подкормка этих прожорливых тварей — заставляла их интенсивно размножаться делением, почкованием и всеми прочими способами. Когда я умудрился позволить втянуть себя в образовательную реформу? А в реформу армии и флота? Над судебной системой и устройством парламента хотелось плакать. Каждое движение вызывало на свет целый ворох не учтенных ранее тонкостей и проблем, решение которых откладывалось не то что месяцами моего «правления», веками... Архиепископ продолжал настаивать на коронации, утверждая, что это должно благотворно сказаться на духе нации, и, неожиданно для себя самого, я согласился подумать и назначить дату церемонии. Не совсем уверен в своих мотивах. То ли мне хотелось лучше отвести подозрения от своих действий и спутать следы, то ли бесконечный список дел слишком давил на то, чтобы поскорее избавиться от самых неважных из них. В конце концов, это же вопрос пустой формальности и дорогих сердцам денебцев традиций, позволяющих им чувствовать, что хоть что-то идет как надо.

С другим десятком дел, по счастью, оказалось проще — некоторые давно утратили актуальность сами собой, некоторые оказались легкоразрешимыми. Это немного вдохновляло.

Но гвоздем программы, конечно, стало срочное обращение Лиги с требованием объяснений, что же произошло с их посольским судном, что означают внезапные провокационные слухи о его возвращении со скачком во времени, и долго ли мы намерены коварством и подлостью удерживать у себя в заложниках мирных граждан в высших воинских чинах? Не желаем ли мы интернирования всех наших граждан в пределах пространства Лиги? Наше министерство иностранных дел держалось молодцом и профессионально отбивалось вслепую, не имея никаких достоверных данных, но моя поддержка была им остро необходима. Заодно я записал речь с извинениями насчет недавних публичных обвинений в инсценировке трагедии, выдвинув гипотезу об интересных аномалиях и поломках в системе гиперприводов. И даже пообещал в скором времени вернуть Лиге ее бесценных невинных граждан, как только будут исключены все сомнения в их личностях и добром здравии, чтобы не было повода обвинять нас в том, что мы

возвращаем фальшивки. (Если внезапно им захочется все же считать их фальшивками, ну что ж поделаешь).

Это несколько разрядило атмосферу, хотя происходящие у нас «якобы» странности и потрясения, а иными словами я лично и мои заявления, явно вызывали у представителей Лиги нервный тик.

Я еще раз проверил каналы «Януса». Всё было темно и мрачно. Временная синхронизация оставляла желать лучшего, возможно, всё было в порядке, но вероятность легко разминуться угнетала. В новом закрытом сообщении я уточнил время, когда буду на связи, и попытался выкинуть ненадолго проблему из головы. Получалось плохо. После паузы в несколько часов беспокойство стало выходить из-под контроля. Что там происходило во дворце за закрытыми дверями, пока я делал вид, что занят государственными делами?.. «Делал вид»? Да что ж такое?! Чем бы я ни занимался, я чувствовал, что на другом, временно бросаемом, фронте я бездельничаю и пускаю все на самотёк. За что бы ни схватился. Нужно попытаться как-то упорядочить происходящее. Если это вообще возможно — двойная жизнь мало кому идет на пользу.

подавив готовый разыграться приступ паники, я связался с дежурным, сообщив, что наконец не прочь пообедать, и поинтересовался, не оставял ли кто запросов на приватные встречи. Оставляли. Кареллы. Оба. На самом деле, не только они, но остальному должно было найтись место в обычном расписании. Я удивился, что они еще не связались со мной напрямую, но вспомнил, что отключил на время важных переговоров личный коммуникатор и не включил снова. Определенно нездоровый образ жизни не способствовал улучшению памяти. Придется что-то с этим делать... но позже. Они могли напомнить о себе другим образом, на их счет было оставлено особое распоряжение, но они не поместили запрос как срочный, так что меня никто не потревожил. Решив, что в таком случае обед и встречу лучше совместить, я назначил то и другое через полчаса. Как раз время им дойти, обеду приготовиться и прибыть на место, а мне слегка привести себя в порядок после нелегкого дня.

Чем дальше, тем все менее казалось понятным, для чего мне нужны просторные личные покои в другой части дворца. Да, душевая здесь была раз в десять меньше той роскошной ванной, как и все прочее, но оборудована так же безукоризненно и вызывала симпатию элегантно-компактностью. Впрочем, я смутно догадывался, что это как-то связано с удобством уборки в помещениях, которые следует освобождать хотя бы иногда. Хорошая порция ледяной воды немного вернула меня в чувство. Все еще не хотелось переходить на стимуляторы сильнее крепкого терро, который, бывало, варился таким, что был способен вышибать мозги. Или какие-нибудь другие жизненно-важные органы.

Напоследок попытался еще раз связаться с «Янусом». Было по-прежнему глухо.

Пора хоть что-то прояснить с Кареллами. Должно быть, оба уже знают обо всём: Тарси о том, что мы с Нейтом подозреваем ее в психическом расстройстве, Нейт о том, что у меня припрятана машина времени в чулане. И, может быть, у обоих уже включилась коварно внедренная программа уничтожения всего вокруг и самоуничтожения на десерт... Ха-ха. Какие времена, такие шутки.

2. Холодное блюдо

— Напоминаешь выжатый лимон, — неловко пошутил Нейт, пытаясь ослабить скрытое напряжение.

— Есть немного, — согласился я. Я и сам напоминал себе некую совершенно пустую шкурку. Исправить это следовало хотя бы обедом. — Я велел, чтобы нас не беспокоили. Мы ведь способны сами справиться с серебряными крышками?

Нейт едва заметно судорожно сглотнул и наигранно улыбнулся, избегая смотреть в сторону сестры, украдкой вытер ладони об одежду и бросил на меня упрекающе-умоляющий взгляд: ну сколько можно следить за его реакциями?

В отличие от сестры, на меня смотреть ему казалось безопасней, как и мне на него. Я мысленно согласился, что двигаться по пути наименьшего сопротивления непохвально, и перевел взгляд на Тарси. Она не выглядела враждебной. Только расстроенной. Совсем не такой эффектной, как в последний раз, бледной, осунувшейся, в кажущемся неудобном синем костюме, будто они с братом придумали себе какую-то особую униформу.

«Будет лучше, если стул ей подвинешь ты», — все так же мысленно подсказал я Нейту. Тот прекрасно «расслышал» и так и поступил.

— Салаты? — предложил я.

— Предпочитаю начинать с горячего, — продолжая скрывать нервозность, сообщил Нейт. — А потом уж переходить к мелочам.

— Я тоже, — согласился я. — Тут четыре вида супа: вегетарианский, сырный, с мясом и с морепродуктами.

— С морепродуктами, — подала голос Тарси.

— Отлично.

Я снял крышку с голубым ярлычком и взялся было за маленький серебряный ковшик, но Тарси с кроткой улыбкой остановила меня жестом и перехватила прибор.

— Я сама.

— Как пожелаешь. — Что ж, никто лучше тебя самого не рассчитает нужное количество и густоту.

— А я бы, пожалуй, с мясом, — решил Нейт.

— Вон тот, с красным флажком.

— Тебе тоже налить?

— Нет, я, пожалуй, возьму сырный.

Вегетарианский мы оставили без внимания. Зато сразу распределили напитки. Тарси предпочла минеральную воду, а мы с Нейтом — легкое пиво.

Затем перешли ко вторым блюдам. Тарси снова выбрала рыбу, Нейт — тщательно обработанное мясо одомашненного ледийского носорога, а я — того же носорога, только не одомашненного, что-то вроде аналога земного вепря.

— Тебе удалось связаться с «Янусом»? — спросил наконец Нейт, когда мы основательно вгрызлись в свой животный протеин.

Я помотал головой: «Нет».

— Пока не отвечают.

— Я так и подумал, раз ты ничего не сказал.

Я кивнул: «Именно».

— Мы сравнили анализы ДНК, — напряженно произнесла Тарси. — Мой и Нейта.

— О. — Я отложил нож и вилку и двумя руками осторожно взялся... точнее, вцепился в початый стакан.

Стакан с минеральной водой в руке у Тарси подрагивал, и она поставила его на стол. С доньшка сорвалось несколько пузырьков, резво устремившихся вверх.

— Маловероятно, чтобы у нас были разные отцы, — ровно, ничего не выражающим голосом сказала Тарси.

— Ясно, — аккуратно откомментировал я.

Нейт сосредоточенно хмурился над своей тарелкой, ковыряя вилкой гарнир.

— Это значит, что ты был прав.

— В чем?

— В том, что не доверял мне, — ее голос слегка зазвенел, но, когда она заговорила снова, стал неестественно спокойным. — С моей головой что-то сделали. Я понятия не имею, насколько просчитано все, что происходит. Насколько просчитаны все мои реакции.

— А что с ДНК Страйкера? — спросил я. — Может быть, вы все-таки родственники? С какой-то другой стороны? Ведь было бы нелепо, если бы вы вздумали сравнить два образца, и они бы так явно не совпали.

Она покачала головой. И была при этом белой как мел.

— Они не совпадают. А я была так уверена. Считала, что знаю свой код назубок. Думала, что помню, как отчим — я должна была помнить его только как отчима — объяснял нам, какие участки что означают, давал нам выучить всю формулу, весь узор, чтобы когда-нибудь впоследствии мы могли найти своих настоящих отцов. А это все было неправдой. Я не понимаю, как такое может быть, и это меня пугает. Моя нескритичность, моя уверенность в своей памяти, своей правоте — я даже не попыталась сверить образцы. И зачем... зачем все это было нужно, если обман так легко раскрыть?

— Может быть затем, чтобы ты и правда считала ее единственным известным родителем? Маяком в полностью чужом мире.

— Я могла бы поклясться!.. Я просто видела все искаженно, как под гипнозом. Вернее — почему же «как»? И я понимаю, что сама не могу себе больше доверять.

— Знаете, что я хочу сделать прямо после обеда? Сам взглянуть на эти образцы. Свежим взглядом, если тут применимо это слово. В конце концов, я тоже с ней разговаривал. Но будем считать, что это достаточно свежий взгляд, чтобы не подключать пока кого-то извне.

— Ну, — усмехнулся Нейт, — можно даже далеко не ходить. Вот наши бокалы, и если где-то тут у тебя заваялся приличный анализатор...

Я утвердительно кивнул.

— Конечно, заваялся. Только надо будет заглянуть за ним в кабинет.

— Вот все и уточним...

— Я даже могу извлечь из личного дела Страйкера его код, чтобы оценить, насколько что-то похоже или нет.

— Отлично. И... — Нейт замялся.

— Полагаю, ты был бы не прочь посмотреть прямо сейчас и на код матери, чтобы проверить, мать ли она вам вообще. Или просто так ехидна...

— Что-то в этом роде...

— Да. Проверим. У меня есть ее официальный файл, как представителя на переговорах. Заодно могу запросить свежий анализ у Фрисби. Это не помешает и на случай, если код

отличен потому, что она вернулась из соседней вселенной.

— Не смешно! — буркнул Нейт.

— Тогда у вас с ДНК должна быть просто каша, — улыбнулась Тарси. — Но, кажется, у вас ничего не изменялось. Если только... — она вдруг посерела и изумленно глянула на брата. — Может быть, они у нас и правда изменились? И, может быть... мы правда помним разное прошлое?.. — она остановилась, задохнувшись от неконтролируемого ужаса.

— Стой, стой, Тарси! — брат утешающе приобнял ее за плечи. — Даже если бы произошли небольшие изменения, разница не была бы такой огромной! С нами никогда ничего подобного не случалось. Эрвин пошутил насчет матери. Ну или не пошутил, а имел в виду, что для посторонних это может быть неплохим аргументом для перепроверки. Их же все равно проверяют на соответствие личностей — всех, кто был на том корабле. Так что в дополнительном запросе не будет ничегошеньки странного!

Я смотрел на Тарси с растерянной жалостью. Она все еще умудрялась выглядеть холодной и отстраненной, и в то же время ее била крупная дрожь.

— Это конец, — пробормотала она с трудом, язык словно едва ее слушался. — Это с самого начала был конец. Я даже не знаю, кто я...

— Ну нет, — услышал я вдруг собственный до чертиков самоуверенный голос. — Это как раз единственное, что ты знаешь. А вот все остальное может быть ложью — лишь порождением твоего собственного разума. Даже то, что у людей есть какая-то ДНК. И что эти какие-то другие люди существуют. Да еще и влияют на твою память.

Они озадаченно на меня уставились. Наверное, я сделал бы то же самое, если бы мог слышать себя со стороны. В этом же и была цель — сбить с толку, чтобы выбить из панического цикла. И совершенно неважно, насколько я в это верил. Какая, в конце концов, разница, если люди лгут даже тогда, когда абсолютно уверены в том, что говорят правду?

Немного погодя мы разбирали и сравнивали парящие вокруг нас разноцветные схемы.

— Ну, по крайней мере, остальное сходится. Да и файл вашего отца не является государственной тайной, он был известным ученым, данные таких людей не спрячешь.

— Меня поражает собственная слепота, — призналась Тарси. — Я смотрела и не видела, потому что не должна была видеть. Часть моего восприятия безнадежно искажена. Как я вообще могла пойти против нее, если могла забыть такое? Мои собственные данные. Мы же используем их повсюду, для всевозможных допусков, это постоянно на виду. — На ее лице были написаны боль и недоумение, казалось, они отпечатались там навечно.

— Видимо, все именно для этого — чтобы отсечь тебя от собственной семьи, чтобы не к кому было бежать — мысленно. Отсечь ото всех. Заодно это стало бы ее страховкой, если бы ты все-таки сбежала от нее — чтобы твои друзья сочли тебя за лгунию или сумасшедшую.

— Скажи, что это не сработало, — пробормотала она. — Это значит, что мне и правда нельзя доверять, раз я сама не могу.

— А кто из нас может?

— Никто, — вздохнула она.

— У нас отличная компания!

— Ты же понимаешь, это значит, что мы все еще можем играть по ее плану. Мы все. И не видеть очевидного. Тебя всегда беспокоило, не заложили ли в тебя нечто, что ты не можешь контролировать, теперь ты знаешь, что я не могу гарантировать, что этого не было. Я могу просто не знать.

— Да, знаю, — отозвался я с некоторым затруднением.

От всего этого был только один маленький шаг к тому, что я делаю, и что могло произойти с «Денебским Штандартом». Но все же у меня были поводы считать свои побуждения и заблуждения в таких делах естественными, не сваливая их на кого-то еще.

— И почему именно Страйкер? Она предвидела, что я окажусь здесь?

— Возможно. Но возможно, совсем не так, как оказалась. Вздумай ты ему признаться, ты бы скорее навредила себе, чем помогла.

— Я понимаю, что это абсурд и слишком притянута за уши, — вставил Нейт, но мог ли выбор ДНК Страйкера быть просто случайностью?..

— Нет! — рефлекторно ответили мы в один голос.

— Да знаю, что нет! — всплеснул руками Нейт. — Но вы же понимаете, о чем я?!

— Они были знакомы, — кивнул я. — Сегодня я не совсем всерьез предположил, что она настолько нравилась Страйкеру, что это оставило генетические последствия...

— Выражение-то какое... — сдавленно пробормотал Нейт, я отмахнулся.

— Она ему нравилась, возможно, дело было в том, что и он ей нравился, тогда она, теоретически, могла использовать его код как «любой другой», пришедший ей в голову — известный ей лично, принадлежащий кому-то, кто находится заведомо далеко.

— Но она определенно не случайно свела вас двоих вместе, — озвучил за всех Нейт. — Вы точно должны были друг другу понравиться, и я как-то не уверен, насколько она в этом переборщила, или наоборот, насколько верно все рассчитала...

— Да ты нас пугаешь... — проворчал я. Хотя во всем этом не было ничегошеньки неожиданного. — Даже интересно, а не было ли еще какого-то плана свести тебя и Линор?

— Ой... — Нейт заметно побледнел и судорожно повел рукой по столу в поисках своего бокала. — Нет... Не знаю. Мысль логичная, но я не ожидал, что ты ее выскажешь...

Ну да — вспомнить свою для всего света погибшую сестру наверняка казалось психологически запретным маневром. Может, дело было и в относительной легкости, с какой я это обронил. В тот же момент я перехватил взгляд Тарси, очень внимательный, будто она мысленно воскликнула: «поймала!», и мне вдруг стало очень неудобно.

Нейт все еще ничем не выдавал, что знает, что у меня есть личная машина времени. Но она-то знала точно. Что именно она поняла в этот момент? Что я уже общался со своими родными, и они не являются для меня погибшими — хоть в каком-то относительном смысле? Или в самом прямом, и я теперь их где-то прячу. Может быть.

— Ну что ж, — продолжил я, едва вспомнив, о чем мы говорили раньше. — Эта путаница с ДНК в любом случае была средством контроля и какой-то дальнейшей игры. Хотя бы для того, чтобы мы сейчас все с ума посходили, гадая, что это может значить и насколько нами до сих пор управляют. При том, что никому даром не нужно это придуманное родство по-настоящему. А вот по-настоящему — столько вариантов можно вообразить и адаптировать под любую ситуацию...

— Да-а, — выдохнул Нейт, смахнув испарину со лба. — Просто кладезь невероятных вероятностей. Когда ищешь врага не только снаружи, но и внутри собственной головы — это финиш...

Тарси подавленно промолчала.

— Значит, искать его бессмысленно, — подытожил я оптимистично.

— Знаете что... — Тарси нервно облизнула губы. — Скорее всего это ровным счетом ничего не выявит, но, кажется, я бы не отказалась от сканирования мозга. Просто на всякий

случай.

— Уверен, это можно устроить.

— Но что, если кто-то из здешних врачей, как и Страйкер, был зацеплен раньше, или прямо сейчас попал под ее влияние? — параноидально напомнил Нейт.

— Ну, тогда и вовсе терять нечего. Тогда и мы были бы не нужны, чтобы как-то на нас воздействовать, если уже все вокруг находятся под контролем.

— Здравая мысль! — просветлел Нейт.

Тарси беспокойно ерзала в своем кресле, бросая на меня короткие взгляды и задумчиво покусывая губы. Ей явно не терпелось задать какой-то вопрос, и я был почти уверен, что он касается моей машины времени. Мало осознавая, что делаю это, я незаметно кивнул ей.

Нейт тоже внимательно перебежал взглядом с одного из нас на другого. Со смесью иронии и, должно быть, досады, он кашлянул:

— Мне кажется, или третий становится лишним?

— Прости, Нейт, — рассеянно-отстраненно сказала Тарси. — Но мы не очень хорошо расстались в прошлый раз. Мне хотелось бы это исправить, извиниться...

— Это совершенно не нужно...

Тарси бросила на меня острый взгляд, будто я, в свою очередь, был не прочь от нее отделаться этим заявлением. Я сам не знал, чего именно хотел. Ее затаенная настойчивость невольно меня нервировала.

— Ладно, Тарсилис, — усмехнулся Нейт, и Тарси поморщилась, она явно не любила свое полное имя. Впрочем, как и Нейт — я едва подавил смешок, вспомнив, что на самом деле его зовут Нейтрино... — Оставлю вас...

— Лучше подожди нас немного, — остановил его я. — Мы поговорим в кабинете и вернемся.

Сперва договоримся, а затем пора наконец и Нейта посвятить в секрет. Наверняка Тарси хочет поговорить наедине как раз об этом. Так как прочее и впрямь совершенно не нужно.

Тарси с готовностью кивнула, подтверждая мои мысли. Нейт пожал плечами и снова откинулся на спинку кресла.

— Ладно, поскучаю. Если вы считаете, что есть смысл.

— Возможно, — уклончиво отозвался я.

— Мне совершенно все равно, где скучать, — заверил Нейт и демонстративно заглянул под крышку блюда с охлажденными десертами.

Мы с Тарси переглянулись и поднялись с насиженных мест. Я первым прошел к двери и приглашающе открыл ее. Тарси проследовала в небольшой коридорчик, разделяющий помещения и, прежде чем мы добрались до кабинета, остановилась и повернулась ко мне, сосредоточенно хмуря брови.

— Нас ведь уже не слышно?

— Верно.

— Мне кажется, будет спокойнее поговорить прямо здесь. И так будет быстрее.

— Хорошо, — не стал я спорить.

— Я хочу не только извиниться.

— Да, я понял...

— То есть, это тоже... но немного бессмысленно на словах, просто хочу сказать, что постараюсь все исправить.

— Понимаю, я тоже. Ты ведь хотела поговорить о Нейте? Да, думаю, ему пора наконец

рассказать о том, что тебе уже известно. — То, что я до сих пор этого не сделал, отчасти было связано с тем, что я ожидал, что первый шаг тут последует от нее.

Тарси вздохнула.

— Это тоже. Но не только.

Я заинтригованно и настороженно приподнял брови.

— То, что с моим разумом совершенно что-то странное, переворачивает мой мир.

— Еще бы. Это естественно.

— И я начинаю лучше понимать твой. Совершенно перевернутый с ног на голову с самого начала... — Она немного помолчала, медленно покачивая головой. — Я не знаю, насколько я сама причастна или не причастна ко всему, что происходило, но раз уж я знаю то, что знаю, могу я спросить?

— Конечно!

— Временная аномалия с посольским кораблем — твоих рук дело?

Я ответил не сразу. Хотя вопрос был абсолютно закономерным, я все-таки почувствовал замешательство. Может быть потому, что она уже спрашивала об этом, а вернее, практически утверждала, и это не закончилось ничем хорошим.

— Я не знаю. Я уже говорил, что был там. Хотел проверить, был ли взрыв, там его не было. Вот и все. В той версии событий.

— И ты не возвращался туда?

— Нет. Для чего?

Она перевела дух и отвела взгляд.

— Я подумала, что, может быть, это из-за меня... — и я заметил, что ее щеки порозовели, — Из-за того, что я тогда сказала, ты захотел все исправить и вернуть их. И тогда... это я виновата в том, что они вернулись.

— О... нет. Так вмешиваться намеренно было бы опасно. Просто по законам физики.

Она вздохнула с чем-то напоминающим облегчение, губы чуть дернулись в подобии улыбки.

— Но ведь когда-то мы уже сделали подобное.

— Да. — Я привалился спиной к стене и подумал, что даже в этом коридорчике разговор не выйдет коротким. — Но это не значит, что я настолько сумасшедший, чтобы повторять такое безо всякого повода себе во вред. Уж прости, пожалуйста. — Это было бы и правда безумно романтично, но увы — совсем не пришло мне в голову. К тому же я не видел никакой катастрофы, но понимал, что она пытается выяснить, подстраивал ли я ее в первый раз, чтобы затем исправить.

— Разумно, — кивнула она. — Но все же ты был там. И даже если сделаешь что-то в будущем, о чем не знаешь, они здесь. Ты им не вредил. Чего о них не скажешь. Прости, что могла подумать... Но все же ты был там. Может быть, это слишком дикая просьба... Я знаю, что дикая. Но если твоя машина времени работает...

— Совсем не так хорошо, как хотелось бы, — отозвался я, инстинктивно напрягаясь.

— Но если это только возможно, пусть будет сопряжено с какой угодно опасностью... пожалуйста! Я хочу увидеть день, когда погиб мой отец! Хочу знать, что она к этому не причастна. Или наоборот...

Неожиданно для себя самого, я развернулся и двинулся назад, к двери столовой. (Понятия не имел, что так отреагирую, усталость все же здорово снижает контроль). Открыл ее, будто пытался выбить кнопку из стены, и встретился глазами с изумленным Нейтом,

подпрыгнувшим на своем месте, как если бы я вылетел из пушки и застал его за кражей пирожных. Мы смотрели друг на друга, и краска медленно стекала с его лица.

— Полетят головы? — спросил он осторожно, и судорожно проглотил кусочек эклера.

Вид этого эклера немного успокоил мою взвинченность.

— Разговор вышел за рамки того, что стоит обсуждать вдвоем. Ты должен знать тоже.

— Что знать?!. — забеспокоился он.

— Если, конечно, ты уже этого не знаешь... — я параноидально следил за его реакцией, но Нейт ничем себя не выдал. — Здесь, на Леде, мы все еще можем путешествовать во времени.

— Вы все-таки построили тайную станцию? — вытаращил глаза Нейт. — Значит, слухи не врут?! — Его восторг казался почти благоговейным.

— Какие еще слухи? — переспросил я машинально, но тут же отмахнулся; Нейт завел что-то про: «да обычные, говорят, вы давным-давно...»

— Тарси уже знает некоторое время. Как раз тогда мы и поругались.

— О, так вы поэтому...

— Нет.

— Да? — переспросил он недоверчиво, и тут же спохватился, махнув рукой в воздух, где недавно витали цветные схемы: — Да, еще было другое...

— Поэтому, отчасти, тоже. Она думала...

Тарси тяжело вздохнула за моей спиной, но я все-таки продолжил.

— Что из-за этого произошла катастрофа с кораблем вашей матери.

— А-а... — Нейт скосил взгляд на сестру и пожал плечами, будто спрашивая: «Ну и что?»

— Ничего, — ответил я на невысказанный вопрос, и наконец собрался с духом, чтобы повернуться к Тарси. Она смотрела в сторону. Только не опять слезы, которых я не видел...

— Тарси, я не отказываю, — сказал я как можно мягче. — Я хочу, чтобы вы понимали, каково это на данный момент. Это слабая малоуправляемая экспериментальная модель, с которой следует обращаться предельно осторожно. Она может убить в два счета.

Нейт небрежно кивнул.

— Ну, «Янус» всегда таким был.

— Это не «Янус». «Янус» по сравнению с ней предсказуем и монументален как скала. А мы имеем дело с бледным подобием, ненадежным, как рисунок на песке, и демонстрирующим такие же, весьма приблизительные, картины. Его действие в любое мгновение может прерваться, может оборваться установленная связь, и никто никогда не узнает, что случилось. Эффекты отдачи непредсказуемы. Они могут повредить мозг, вызвать галлюцинации, ложные воспоминания, перепутав будущее и прошлое...

— Я понял, понял! — Нейт примиряюще вскинул руки. — Технику безопасности и прочую осторожность никто никогда не отменял!

— Он говорит это к тому... — голос Тарси слегка звенел, — что я попросила его показать мне последний день нашего отца.

— Что?.. — Нейт нервно моргнул, его голос разошелся на несколько диссонирующих звуков от панического взвизгивания до хриплого карканья. Он рефлекторно потянулся к графину с содовой, и следующие его слова заглушило бульканье: — О господи!.. Знаешь, это

бесполезно... Хотя я понимаю это искушение — мы все всегда понимали! Но все, что мы можем увидеть — один вариант из бесконечности. Или не один... но тоже из бесконечности. Ты растравишь себе душу и сведешь себя с ума, но ничего не узнаешь!

— И... — продолжил он после паузы, сделав шумный последний глоток. — Что? У этой штуки нет буфера?

— Пока еще нет. Сам помнишь, временной буфер появляется, когда механизм стабилизируется в определенной точке континуума. Пока он не стабилен.

— Да-а...

— Но мы попали в очень близкий к истине вариант, когда спасли «Горгулью»! — напомнила Тарси.

Я поманил ее успокаивающим жестом и указал на кресло. И тут же вопросительно показал на графин. Она поколебалась, но кивнула и снова села за стол, слегка расслабившись. Видимо, поняла, что я действительно не просто отказываю, а собрал «совет экспертов» из имеющихся под рукой. Нейт сам налил ей минеральной и пододвинул бокал.

— Вам повезло... — сказал Нейт.

— Нам повезло, — сказал я с ним почти в один голос.

— Все могло быть совершенно иначе. В качестве эксперимента я сам отправлялся всего на несколько часов назад в собственное прошлое, и обнаружил, что никакой катастрофы на «Штандарте» в той версии событий не было.

— Ох ты! — то ли Нейт потряс головой от восхищения, то ли его передернуло.

— И я едва вернулся оттуда.

— Ты не хотел возвращаться? — сочувственно спросила Тарси.

— Не то чтобы. Чисто технически. Хотя... думаю, и правда не очень хотел.

Она бледно улыбнулась. Ох уж эти психологи.

— Был и другой случай. Именно его я видел уже больше года как галлюцинацию. Этот момент вернулся в мою память задолго до того, как должен был, по инерции прокатился во времени.

— Чертов маньяк, — сочувственно пробормотал Нейт, — кто же ставит эксперименты на себе?

— А на ком еще?

— Ведь это вопрос жизни и смерти, — негромко произнесла Тарси, — ты должен был вернуться в тот самый день. Ты не удержался.

Я перевел взгляд в пол в повисшей выжидающей тишине, и вздохнул.

— Да. Я возвращался.

— И тот взрыв ты действительно предотвратил.

Я кивнул.

— Это хорошо!.. И мне очень жаль... — «что ничего не изменилось» — я знал, чего она не договорила.

— Не стоит.

Тарси неуверенно шаркнула ногой под столом.

— Прости. Но я уверена, ты и сам хотел бы с кем-нибудь поделиться. Что случилось в другой версии событий на «Штандарте»?

— Мы нашли шесть бомб, — сообщил я ничего не выражающим тоном — по крайней мере, я так надеялся.

— Ой, — придушенно сказал Нейт.

— Необычных?

— Нет. Вполне стандартных призраков-ежей. В машинном отделении. И успели от них избавиться.

Они впечатленно покивали, но Тарси тут же покачала головой.

— Это была явно не их работа.

— В нашей версии — нет. Как видишь, я уже наблюдал две различных версии происходившего — и ни одна не походила на настоящую.

Она медленно-медленно выдохнула и опустила взгляд в пол.

— Хорошо. Я поняла...

— Там нет истины, сестренка, — очень сочувственно пробормотал Нейт, печально на нее глядя.

— Но это тоже не все, что я хотел сказать, — произнес я после паузы.

Они уставились на меня с неммым вопросом и откуда-то взявшимся отчаянием.

— Я едва ли смогу справиться с этой штукой в одиночку. Мне нужна команда.

— Да-а! — возбужденно подскочил Нейт, с готовностью и опаской.

— Чтобы контролировать происходящее и меня самого. На тот случай, если произойдет что-то опасное или я вдруг потеряю адекватность — кто-то должен обо всем знать, кроме меня, и понимать, что происходит. Кто-то должен быть способен все обезопасить.

— Да, — подтвердил Нейт, и очень трезво отметил: — Но нас троих может оказаться маловато. В том плане, что с адекватностью могут быть, не дай бог, одинаковые проблемы...

Я кивнул:

— Да. Это тоже. Опасно складывать яйца в одну корзинку. Еще о «Пандоре» — сейчас я зову ее так — знает Дон Вирем. Он приглядывал за системой, когда я отправлялся на очередные испытания. Чуть не потерял меня, когда все засбоило, но ему удалось меня вытащить, подключив дополнительный модуль.

— Ух! — Тарси невольно задрожала и посмотрела на меня наконец очень испуганно, чем весьма меня тронула. Я ободряюще улыбнулся.

— Но сам он еще никуда не отправлялся. В этом смысле даже у тебя гораздо больше опыта, чем у него. А Нейт и вовсе ветеран. — Нейт гордо выпятил грудь и постучал по ней кулаком. — Но и это, пожалуй, не все. Майк и Джелли, пусть у них тоже нет опыта, я думаю, отлично впишутся, как здравомыслящие люди с крепкой психикой. К тому же у них был опыт встречи с нами в необычной ситуации — мы наведывались к ним из другой вселенной, так что некоторое представление они уже получили

— Отличная команда! — обрадовалась Тарси. — Я рада, что будет кому... приглядеть за нами.

Я удовлетворенно кивнул. Наверное, давно следовало посвятить их. Но любое важное решение — блюдо, которое следует есть холодным. Даже если это не месть.

— И хочу оговорить еще раз... Я не сказал «нет», Тарси. Я догадываюсь, как тебе хочется его увидеть.

— И мне, — тихо добавил Нейт.

— Я думаю, мы попробуем это устроить. Только, может быть, выберете не такой печальный день?

Кстати, надо будет уточнить обстоятельства его гибели, решил я для себя. Если имела место загадочная яркая вспышка, не оставившая никаких следов, говорящая о «не очень

чистом переходе во времени», выйдет весьма неловко... И точно лучше будет настоять на «не таком печальном дне». Проклятье. Или наоборот... Раз это уже случилось...

Она выдохнула очень тихо и восхищенно, переглянувшись с выглядевшим отчетливо потрясенным всем свалившимся на него сегодня братом, будто боялась спугнуть что-то волшебное.

Было еще не слишком поздно, но пока мы начнем всерьез, все объясним и обсудим, дело как пить дать перейдет в глухую ночь — самое время для тонких материй и опасных технологий, время хищников, грызунов и любителей хорошего терро.

— Дон, страшно неудобно тебя отрывать после дежурства, но кажется, у нас наклеивается небольшая тематическая вечеринка.

— О... — голос Вирема был немного сонным. — Тематическая? — Уже при втором слове голос заметно окреп. — Ни за что не пропущу, конечно же!..

Мы переместились в кабинет, позволяя тем, кто за это ответственен, убрать остатки обеда и подготовить столовую к следующему затяжному приему для удвоившейся компании. Пока мы ожидали остальных, я продемонстрировал Нейту, как своего рода эксперту, что представляет из себя «Пандора».

— О господи, — проговорил он шокированно, убедившись, что переплетение светящихся линий и силовых полей — это «всё». На самом деле были еще сложные системы целого дворца, но это не выглядело явно. — Это всего лишь голограмма?! Ты меня не разыгрываешь? — Нейт бочком обошел вдоль стен, попробовал пощупать светящиеся линии, кое-где наткнулся на сопротивление полей и покачал головой. — Это какой-то дурной сон...

— Именно, — согласился я. — Это просто модель. Но она действующая. Я подозревал, что после надежного «Януса» это может показаться тебе убийственным.

Световой сигнал сообщил нам, что прибыли посетители, ожидающие разрешения войти. Я временно отключил систему, и вскоре дежурный офицер проводил к нам немного встревоженных Майка и Джелли.

— Что-то стряслось? — выпалила Джелли, едва дверь за офицером снова закрылась. Она выглядела непривычно в элегантном серебристом платье, сидевшем на ней так, будто она выхватила его в последнюю минуту из шкафа, сообразив, что наклеивается что-то страшно официальное, и перестраховавшись. Я поймал себя на том, что оглядываю топорщащиеся складочки, раздумывая, под какой из них может скрываться бластер. Обычно хотя бы без одного из них она ощущала себя не в своей тарелке. Спohватившись, я тут же бросил это занятие.

— Неважно, все время что-то стрясается. Но я тут подумал, что вы уже измаялись без дела, так что решил предложить вам кое-что новенькое.

— Решил нанять нас телохранителями? — усмехнулась Джелли.

— Нет, разве что посвятить в хранители одной страшной тайны.

— Вот уж этого добра у нас куры не клюют...

— И машины времени...

— А?.. — Джелли вдруг замялась и густо покраснела, невнятно пробормотав что-то о чертовски большом доверии.

Все это время помалкивающий и укоризненно поглядывающий на нее Майк удивленно вздрогнул. Отец явно не посвящал его в положение дел, о котором сам узнал гораздо раньше,

как мой советник.

— Серьезно? — переспросил Майк.

— Мертвецки, — подтвердил я — как говаривали в некоторых странах на старой Земле. — Только давайте подождем еще Дона, и тогда я вам все покажу.

Дон не заставил долго себя ждать и вскоре после нового светового сигнала постучал в дверь, проводив себя по коридорчику от места дежурного самостоятельно.

— Все со всеми знакомы, верно? — риторически уточнил я. — А теперь давайте познакомимся с пациенткой. Некоторые ее уже видели, но близко с ней еще не знаком никто.

Я снова включил систему, рассказал, что для вхождения в действующий режим ей требуется определенное время, откуда берется энергия, и многое остальное в общих чертах. Предупредил о нестабильности и о том, что ее работоспособность даже на таком уровне, как есть — необычайное везение. И что, несмотря на все побочные эффекты, мы будем продолжать потихоньку с ней экспериментировать, страхуя друг друга.

А потом я замолчал, резко осознав, что выдохся. Пятеро новичков, после короткой паузы, принялись возбужденно обсуждать механизм, перекидываясь впечатлениями и репликами, легко рикошетищими друг от друга, так что какое-то время я благополучно мог не вмешиваться, Нейт начал рассказывать какие-то случаи, почти анекдоты и страшилки из жизни «Януса», Дон заинтересованно слушал и вставлял замечания, как ему уже приходилось обращаться с «Пандорой», и как он тогда переволновался.

— Надо было понять в первый же день нашего знакомства, что привидения и всякая мистика, это всерьез и надолго! — пошутила Джелли, играя со световыми линиями модели.

— Как насчет терро? — поинтересовался я, сменив тему.

Мы ненадолго перешли в столовую, но оставаться там никто не пожелал, так что, захватив с собой чашки и почти проигнорировав вазочки с десертами, мы снова вернулись к «Пандоре». Сегодня я предложил с ней не экспериментировать. Даже тем, кто видел ее раньше и успел переварить сам факт ее существования. Каким-то образом я выдержал еще час их присутствия, а потом Дон, возможно, вспомнив о собственном недавнем дежурстве, заметил, что со мной что-то не так. Это было, конечно, очень неправильное и несвоевременное «не так» для по-настоящему исторического момента, но несколько одновременно поддерживаемых линий существования, в одной из которых, происходящей будто у всех на ладони, должно быть ничего не известно о другой, хотя она и представлялась мне более интересной и важной, требовали своего.

Дон с преувеличенной тревогой посмотрел на часы.

— Боюсь, нам будет лучше продолжить в следующий раз...

— Можете даже продолжить без меня — чисто теоретически, — предложил я с облегчением, увидев, что все встrepенулись, уловив намек, — например, пока просто поговорить об этом. А потом, как-нибудь, и практически. Дело важное, но я не всегда смогу вырывать нужное количество настоящего времени.

— С утра доклады кабинета министров, — напомнил Дон. — Помимо текущих дел, включая конфликт с Лигой, есть масса давно назревших вопросов. Премьер-министр жаждет крови.

— Да уж, этот жаждет... Но предлагаю попробовать встретиться тут завтра примерно в это же время или немного раньше. На всякий случай имейте в виду, я постараюсь подтвердить или отменить заранее.

Все выразили готовность иметь в виду и, наконец, разошлись.

Я немного посидел, переводя дух и размышляя, отчего именно так нервничаю после вовсе не впустую потраченных часов, отчего чувствую такое опустошение и что-то похожее на отчаяние. Неужели навалилось какое-то рефлекторное чувство вины от того, что я поделился с кем-то важным секретом? Не от того же, что расширил круг посвященных до Нейта, Майка и Джелли, на которых вполне можно положиться? Или все же именно так? Решение не было таким уж холодным и взвешенным? Мне казалось, будто я сам себя предал. И всех, кто старался оградить остальной мир от существующей опасности. Увеличение числа посвященных чисто механически отразилось в моем сознании как возрастание массы и скорости катящегося с горы снежного кома. Который начал катиться, конечно, гораздо раньше. Но что будет, если мои ошибки помножить на всех нас? Как и возможность распространения информации по чистой случайности. После возвращения корабля Лиги «со скачком во времени», пожалуй, поздно об этом беспокоиться. Но обманчиво казалось, что еще можно было затаиться и переждать, проигнорировать происходящее и надеяться, что никто ничего не заметит. Хотя бы до тех пор, пока мои родные не вернутся. Но что, если в нашей истории, это так и не случится? Если любым совершенным движением я как раз этому помешаю? Или не совершенным. По сравнению с этими мыслями даже утренний приступ показался пустяком.

3. Старая гвардия

Премьер-министр жаждал крови не на шутку. Он вздумал перетряхнуть все спорные дела за минувшее столетие и еще несколько ближайших. Вскоре после начала заседания я догадался, что его подстегивает ставшее ему известным мое согласие, данное архиепископу. Несмотря на то, что совсем недавно он сам настаивал на том же. Видимо, при любом раскладе его сводило с ума то, что к нему не прислушивались вовремя и проявляли непредсказуемое своеволие. Закончилось это уже почти традиционно: я попросил его придерживаться порядка приоритетности вопросов и в целом стараться сосредоточиться на конкретных проблемах. Как обычно на этом этапе, подействовало, хотя возмущение выстреливало из него, как капли жира из котлеты, превратившейся в тугой сердитый мячик на раскаленной сковороде. Но к этому времени я сделал пометки напротив всех тем, подтем и пунктов, перечисленных в сегодняшнем списке, выстроил помеченное в отдельную структуру и переслал замечания остальным министрам, к их оживлению и радости, особенно тех, чьи области оказались непосредственно затронуты. У премьера, конечно, имелась еще одна причина для нервозности — до перевыборов оставалось меньше года, ему чертовски хотелось не только проявиться, но и показать, кто в этом злосчастном королевстве хозяин — в современной, не стоящей на месте ситуации, при деградирующем и отмирающем институте монархии, переживающем катастрофические потрясения. Уверен, он считал весьма прискорбным тот факт, что с данным институтом не оказалось покончено одним ударом, что было бы куда милосерднее для многострадального денебского народа.

Сегодня мне самому казалось, что я вчера сильно погорячился, дав согласие архиепископу. Это расшатывало мою принципиальную позицию, к которой все только начали привыкать как к данности. Так что теперь, пока согласие еще не было подтверждено во всеуслышание и дата не назначена, я мучительно раздумывал, как бы дать задний ход, но твердости позиции это бы уже не вернуло. И да, верно, это было явным ответным ходом на попытку Лиги дискредитировать денебские традиции, естественной компенсацией.

— Кроме того, — продолжал премьер с очаровательно исторической фамилией Болингброк, некогда взятой его предками без всякой реальной связи со стародавними земными Болингброками, — обращаю ваше внимание, что на расследование катастрофы уходит, буквально утекает в черную дыру, немало бюджетных средств!

— Совершенно с вами согласен! — подтвердил я, слегка огорошив его такой кажущейся легкостью. — Согласен с тем, что пора убрать поисковые зонды, которые не обнаружили за все это время ничего важного. — Несмотря на то, что министры старались сохранять солидность, в атмосфере наметилось нездоровое возбуждение. Нельзя же было не провести параллель с налетевшим на поисковый зонд кораблем Лиги. Я рассеянно кивнул им и их догадкам: — Но следует сохранить на некоторое время карантин, ограничив доступ в обе зоны, где наблюдались предполагаемые физические аномалии. Или не наблюдались — то, что их напоминает, может оказаться чем-то легко объясняемым и при том весьма поразному, сходство может быть случайным, но лучше соблюдать меры предосторожности.

— Сходство может быть случайным? — у премьер-министра возмущенно задрожал кончик носа.

— У вас есть другие предположения?

— Корабль Лиги — «Эвридика» — не просто исчез, он оставил гору обломков!

— Которые на данный момент изучаются, и у следствия есть масса оснований полагать, что обломки могут быть фальшивыми. Мне трудно поверить в такие уж странные аномалии. «Эвридика» симитировала исчезновение «Штандарта», но сочла нужным оставить свидетельства того, будто она погибла.

— И зачем бы ей это делать?!

— Мне казалось, вы имеете представление о том, что такое политика. — Над такой банальной шуткой неприлично было смеяться, но несколько министров, включая лорда-канцлера, деликатно откашлялись. — Может быть, затем, чтобы посмотреть, скроем ли мы тот факт, что что-то нашли, и скрываем ли что-то, что нашли после исчезновения «Штандарта». В любом случае, боюсь, замысел далек от безобидного. Но что в самом деле могло быть случайным, так это ошибка в навигации, приведшая к выходу из гиперпространства не в заданных координатах, а в точке входа. Или никакой ошибки не было, корабль зачем-то вернулся, и случайностью является только его столкновение с зондом, помешавшее осуществлению какого-то плана.

— Вы полагаете, мы имеем право обвинять в злом умысле наших политических партнеров?! А они остаются партнерами несмотря на все наши разногласия!

— Нет, это лишь одна из возможных версий, и как раз поскольку возможны другие, нам придется сохранить в данных зонах на какое-то время карантин. Именно поэтому. Мы не можем гарантировать в таком случае, что все закончилось.

— А... — премьер-министр даже проявил одобрение. — Я нахожу предложение разумным и дипломатичным. — Кажется, он действительно так считал. Особенно после тех импульсивных эмоциональных заявлений, что последовали сразу после происшествия — это читалось в его беспокойном взгляде. — Насколько велика должна остаться карантинная зона в месте гибели «Штандарта»?

Похоже, слово «гибель» выскочило у него непреднамеренно, но я вздрогнул.

— Оставим ее совсем небольшой, чтобы это не мешало пространственным сообщениям.

Он снова кивнул одобрительно.

— Это может стать своеобразным мемориалом.

— Благодарю вас. По крайней мере, на время.

Видимо, он пришел к мнению, что, в частности, из-за происшествия с «Эвридикой», оказавшегося своеобразным фарсом после трагедии, я наконец прошел через все стадии осознания гибели денебского флагмана, или хотя бы большую их часть: отрицание, гнев, торг и депрессию, оставшиеся позади, к принятию неизбежного, и это его успокоило. Должно быть, получив тому подтверждение, он сделал вывод, что то же самое означало согласие, данное архиепископу. Возможно, жизнь в Денебе возвращалась в более-менее нормальную колею.

Конечно, так все выглядело внешне — все наши согласия и, может быть, наигранное понимание.

— Однако я не могу не отметить, что, учитывая вашу прошлую жизнь, — снова заговорил он, немного вкрадчиво, будто пытаюсь смягчить эффект, или чтобы казалось, что он желает его смягчить, — определенные эксперименты и происшествия с континуумом могут быть для вас тем или иным образом... в порядке вещей. И оттого обязан спросить. Не подсказывает ли вам ваш прежний опыт, на что может походить происходящее?

— Прежний опыт может порой мешать, а не помогать трезвой оценке ситуации, — ответил я почти без заметной паузы. — Прошлое проходит. Надеюсь, я сумею к этому

привыкнуть. И не допускать дальнейших манипуляций со стороны тех, кто мог бы за это ухватиться.

Я был слишком увлечен своими переживаниями и необходимостью красиво уклониться, так что меня почти застала врасплох их реакция. Один за другим министры поднимались, отодвигая стулья, и принимались аплодировать. Честно говоря, это даже пугало.

Кто там утверждал, что слова «честно говоря» чаще всего говорят лжецы? Утешало лишь то, что я находился в такой же славной компании. И хотя бы на какое-то время это была ложь, которую они оказались готовы и даже счастливы принять.

Когда совещание закончилось, я взглянул на свое расписание, надеясь выкроить часок для «Пандоры», и увидел впечатляющее звездное скопление подмигивающих маячков срочных запросов. Видимо, мое вчерашнее оживление вызвало рецидив. «Ну, раз вас так много, можете дружно подождать, не соскучитесь», — рассудил я, переправив почти всю россыпь в канцелярию. И раскрыл послание под фиолетовым маячком — пометкой Арли.

«Кое-кто хочет вас видеть, — кратко сообщил он. — Из старых друзей».

Я еще раз посмотрел на статус пометки. Важная новость, но не требующая немедленной реакции, ничего катастрофического.

«Где?» — отправил я короткий вопрос.

«Вторая переговорная», — пришел ответ спустя несколько секунд. Судя по всему, они уже находились там. Но не за закрытыми дверями, иначе всякая связь была бы прервана. Видимо, ждали меня.

«Иду к вам», — сообщил я.

Двери переговорной были открыты в ожидании меня нараспашку. Если, конечно, подобное выражение применимо к раздвижным дверям. Но к настроению вполне применимо. Кто-то внутри негромко рассмеялся, и знакомый голос произвел на меня впечатление стеклянной стены, на которую я налетел и запнулся. Быть не может! Нет, совсем не в плохом смысле, но в этом было что-то настолько невозможное, что и казалось непреодолимой невидимой стеной. Даже если я туда войду, это же будет не по-настоящему!..

Я с изумлением и трудом пробрался сквозь сопротивляющийся воздух. Уф. Дежурный, судя по всему, не понял, что со мной происходит. Если что-то и заметил, то, скорее всего, решил, что я задумался о чем-то важном и государственном. Я махнул ему, тот понимающе кивнул и закрыл за мной мягко зашипевшую блокирующуюся дверь, едва я вошел в комнату. Олаф и Гамлет, сидевшие там в компании старшего Арли, выглядели настолько чужеродно, будто сквозь них просвечивали дыры в пространстве-времени, наспех ими залатанные. Они изменились с тех пор, как я видел их в прошлый раз, Гамлет завел очень странную прическу — будто волосы росли у него только на левой стороне головы, и сильно загорел, а Олаф обзавелся еще довольно жидкой каштановой бородкой и манерным маленьким хвостиком. Гамлет был разодет в нечто вроде золотой парчи — последний писк моды в некоторых областях империи, Олаф выглядел вполне обычно, разве что непривычно без униформы «Януса», будто все мы оказались в каком-то другом времени. Мне показалось, их взгляды, обращенные ко мне, обрели нотку депрессивности именно из-за напоминания о «Янусе».

— «Ты, Гильденстерн? Ты, Розенкранц?» — спросил я довольно-таки по-идиотски, но зная, что спрятать радость у меня никак не получится, и по мне все отлично видно.

Олаф хрюкнул, покачав головой, и прикрыл глаза ладонью.

— Мерзавец! — воскликнул Гамлет, снова возмущенно хохотнув. — Так-то ты нас

встречаешь! Впрочем, да, дела-то те еще... — вздохнул он.

Они оба вскочили с мест, и я от всей души обнял сперва Гамлета, оказавшегося ближе, а затем и Олафа.

— Как вы тут оказались так неожиданно?

— Да вот... — с замысловатой интонацией обронил Олаф. — Решили, что можем пригодиться. Как ты помнишь, со Станции нам пришлось унести свои пушистые хвосты. — Я подумал о его новом маленьком, но гордом, хвостике и мысленно кивнул. — Дома мы немного выпали из течения жизни. Найти себе там применение, конечно, можно, но как-то все это... не то чтобы мелко и блекло, — иронию можно было намазывать как масло на булочку, — но не то. У вас здесь тоже творится черт знает что, но я смотрю, и Арли здесь, и Нейт с сестрицей прижились. Так что хотя бы проведем коллег. Тем более, как я понимаю, тут тоже все не сахар, только и деться никуда не можете. А на днях, слышал, еще происшествие с этой мымрой, так что, наверное, хорошо, что мы тоже теперь здесь, хотя последнее — совершенно случайное совпадение.

— Понятно. А что именно такое со Станцией? Почему прямо так уж «пришлось унести хвосты»?

— Да как-то все нагнеталось, нагнеталось...

— Но она на нейтральной территории, — уточнил я, хотя в целом догадывался, что это не так уж много значит.

— Когда дело касается «Януса», нет ничего нейтрального, — резко сказал Гамлет. — От того, что вы исчезли, отношение к нам не улучшилось. — В его голосе, разумеется, звучали нотки обвинения, пусть и не слишком громкие.

— Должен отметить, — мягко предупредил Арли, — что, по крайней мере отчасти, это все же официальный визит. Так обозначено в протоколе.

— В самом деле? — переспросил я, поглядев на нахмурившегося Олафа и Гамлета, на скулах которого появились розоватые пятна.

И впрямь, кто будет мчаться все же через полгалактики просто потому что соскучился? Расстояния всегда имели значения. Особенно когда они так велики.

Гамлет смущенно шаркнул ногами под креслом.

— На самом деле, и то, и то, — протянул он, и голос его прозвучал до странности фальшиво.

— Ну, я-то, все-таки, неофициально, практически, — обозначил Олаф. — Почти что только подвез, раз у меня свой корабль. У меня нет родни в Секторе Цефея.

— А, Сектор Цефея...

К самому земному созвездию Цефея область относилась условно — так она именовалась лишь за то, что лежала в направлении от Денеба к альфе Цефея. Остальные привычные для Земли звезды этого созвездия отсюда связать в воображаемое единое было невозможно.

— Гм... — Гамлет откашлялся, опустив взгляд. — Нам же все-таки надо было чем-то заняться, раз мы больше не «Янус».

— Безусловно. Так в чем дело с Сектором Цефея?

Гамлет нерешительно глянул на Арли, явно не очень-то желая говорить в его присутствии. Уловив намек, Арли невозмутимо поднялся, но я задержал его жестом.

— Все в порядке, Филиард Арли моя правая рука. Когда дело касается политики, это единственный советник, которому я могу доверять. Прошу вас, останьтесь.

— Лучше бы все же с глазу на глаз...

— Раз это официальный визит — нет, — возразил я обманчиво мягко.

— Гм... не совсем официальный... Но это предлог. Тема визита звучит как обсуждение перспектив развития области. Скучные формальности. Ты же знаешь, мой двоюродный дед — губернатор Сектора. И раз уж я не знал, куда себя деть, ему показалось хорошей мыслью поручить мне это задание.

— Цефей хочет выйти из состава Денебской империи, так?

— Э... ну раз ты сам это сказал, то да.

Не то чтобы я предполагал именно это, высказывая самое, на мой взгляд, неудобное, что могло бы так смутить Гамлета, так что все-таки ощутил неприятный шок, оказавшись чуть менее готовым к подтверждению, чем думал сам. Смешно. Что же тут было неожиданного?

— Можно было представить.

— Действительно... — пробормотал Гамлет.

— Прошу прощения, молодые люди, — церемонно проговорил Арли, — я все же вынужден вас оставить. У меня много дел.

Я рассеянно кивнул: конечно. Я знал, что их действительно много, видел всю эту звездную россыпь, требовательную как стая птенцов кукушки — я сам был этой кукушкой. На этот раз я не стал его задерживать. Все уже было сказано.

Арли вышел. Воцарилась неловкая пауза.

— В конце концов, тебе же все это неинтересно, правда? — осторожно спросил Гамлет.

— Что именно неинтересно? — поинтересовался я. Олаф совсем помрачнел, ему ситуация не нравилась.

— Политика, — предположил Гамлет. — Все эти отжившие свое звездные монархии.

— А, ну да...

— Так что правда, за каким лешим тебе Цефей?

— Хм...

— Что думаешь?

— Надеюсь, ты не имел такой глупости, чтобы сильно их обнадеживать?

— Почему?

Вопрос слегка поставил меня в тупик.

— Что значит — почему?

— Ну, мне кажется, что это же вполне естественно — позволить всем жить своей жизнью.

— Что, просто так? Потому что мы старые друзья? Кого из них ты хотя бы представляешь?

— Мм... официальное правительство... — Гамлет казался сбитым с толку.

— Но не совсем официально?

— Да, чтобы не слишком шуметь, можно же все решить миром, правда?

— Очень. Интересно.

Гамлет и раньше проявлял чудеса наивности на грани потери чувства реальности, но еще никогда с такими высокими ставками.

— В смысле?

— Однозначно нет, — сказал я, и имел в виду не только Сектор Цефея.

— Но почему?

— Потому что никто не любит явных манипуляций. — Я увидел, как Олаф улыбнулся и

мне немного полегчало. — И поспешных действий неизвестно кому в угоду. Едва ли ты обладаешь полнотой необходимой информации, чтобы говорить об этом всерьез.

— А ты обладаешь? — обиженно переспросил Гамлет.

— Всей — едва ли. И не вижу в этом вопросе первоочередности.

— Но я и не хотел вываливать так сразу! — он почти обвиняюще глянул в сторону закрытой двери. Я ощутил мрачную благодарность Арли за предупреждение — чем бы мы ни являлись в прошлом, настоящее от каждого потребует свое. Мы больше не «Янус». Рассказать о «Пандоре» потенциальному политическому противнику, который мог бы использовать эту информацию против... ну, скажем, меня, если не Денеба, который оказался бы автоматически под ударом вместе со мной, было бы верхом опрометчивости. Пусть я оставался в уверенности, что Гамлет не желал ничего плохого никому во вселенной, но дело и без того пахло смутой, стоило лишь подтолкнуть. — И все же... неужели тебя это так затянуло?

— А тебя?

— Как я уже говорил, пришлось...

— Ты не поверишь!..

Олаф тихо хрюкнул и прикрыл глаза рукой.

— Я же просто предупреждаю! — Гамлет начал всерьез сердиться. — Неужели ты думаешь, что все может оставаться по-прежнему? Я чертовски сочувствую твоей потере, и это главное, зачем мы здесь, если бы мы могли прибыть раньше, мы бы это сделали. Это ужасно печально! Я представить себе не мог ничего подобного!

Олаф вынырнул из-под руки, его взгляд тоже стал серьезным и сочувственным.

— Я тоже, — тихо сказал я, и чем-то напугал Гамлета, он вдруг побледнел и опустил взгляд.

— Мы все не могли, — приглушенно проговорил он в сторону. — Как будто все не по-настоящему. Это так... неправильно!

— Да.

— И вот знаешь, мне кажется в Денебе чертовски опасно. Для тебя и для потенциальной возможной новой Станции, альтернативной «Янусу», в чьих бы руках он ни оказался. Я же знаю, что вы забрали все схемы. Поэтому... я хотел предложить Цефей как убежище и для тебя, и для новой Станции.

— Хм...

— Я серьезно. Мне кажется, тут все рушится. Может, мы можем спасти хотя бы что-то, если снизим планку?

— Ты предлагаешь мне отречься?

— А почему нет? Разве не к этому все идет? Даже то, что эта жуткая мымра теперь здесь? — Я уловил в голосе Гамлета нотку паники, и с удивлением понял, что она совершенно искренняя. Да, я не готов был услышать все это с такой стороны, но... возможно, поторопился в своих суждениях.

— Минутку... — протянул я, решив немного замедлить время, чтобы разобраться во всем получше. — Так кто все-таки хочет независимости Цефея, кроме тебя самого? Твой двоюродный дед-губернатор? При личной встрече сам он утверждал, что не желает ничего подобного.

— Все меняется, — заметил Гамлет вполне резонно и тоже вздохнул. — Понимаешь... Теперь он... опасается оставаться частью империи.

— Опасается?..

— Да. Как раз после того... кошмарного случая. И понимаешь, почему хорошо, что об этом могу рассказать тебе я, а не кто-то другой? Именно потому что мы друзья. Потому что другие тебе этого еще долго не скажут, но я не думаю, что только сектор Цефея опасается оставаться частью империи. Процесс распада начался всерьез, вот что я хочу сказать. Даже если кажется, что пока все спокойно. Это лишь инерция прежнего движения. Но то, что началось — когда оно станет явным, его будет не остановить, как каскад.

— А, это я понимаю, — согласился я, и поднял со столика запотевший бокал с оранжевым коктейлем. Потом вспомнил, что его не заказывал, видимо, это сделал Арли. Но это был не его бокал, всего на столике их было четыре.

— И что будешь делать? Может быть, опередить волну? Провести какие-то реформы? Оставить это все?.. — Гамлет снова зарделся. — Мне кажется, главное теперь — это «Янус». Если в Денебе ничего не получится, а мне кажется, тут все очень... сомнительно. Может быть, попробовать оборудовать новую станцию в пределах Цефея?..

— Гамлет, это же будет признание паники. Если я начну с Цефея, то вот это точно вызовет каскадную реакцию. Поэтому пока все разговоры о независимости «не совсем официальные» — пусть такими и остаются.

Гамлет снова душераздирающе вздохнул.

— Но как ты тут выживешь один? Вас же просто... эх... ты не можешь чувствовать себя в безопасности после всего!

— Я и не чувствую.

— Мы можем сохранить хотя бы Цефей, — настойчиво повторил он. — Посильное маленькое государство, более защищенное, чем эта огромная бездушная машина... — он выразительно махнул рукой. — И, может быть, спасем идею «Януса»!

— погоди, — предупредил я негромко. — Возможно, спасти ее — означает на деле похоронить понадежней. Мы сохранили схемы как страховку, но это не значило, что на самом деле что-то подобное будет когда-то построено.

Они вздохнули почти синхронно и как-то нарочито посмотрели в разные стороны.

— А тебе не кажется, что мы теперь должны это сделать? Потому что могли бы все исправить? — сказал наконец Гамлет почти тихо и спокойно. — Хоть в каком-то из миров?

Я на мгновение прикрыл глаза и прикусил язык, чтобы удержать то, что с него едва не сорвалось.

— Эрвин...

— Да, думаю, что все понимаю, — решительно проговорил я. — Нам надо побольше прийти в себя, прежде чем говорить об этом. Я здорово от всех вас отвык и появились вы довольно неожиданно. Вы ведь пробудете здесь какое-то время?

— Я совершенно свободен, — ответил Олаф. — Несколько дней уж точно, если не надоем.

— Точно нет. Разве что наоборот. А тебе срочно надо возвращаться с ответом? — спросил я Гамлета.

Тот немного удивленно потряс головой.

— Вовсе нет. Что-то не клеится, да? Казалось бы, место, совершенно защищенное от прослушек, но...

— Неважно. Мне надо немного перенастроить мозги. Кроме того, мешают думать кое-какие важные срочные дела. — Мне действительно требовалось время, и я уже знал, где его

взять. Нет... плохая мысль. Определенно плохая. Нельзя же все время действовать импульсивно. Или можно? Никогда не стоит вести себя так, как от тебя ожидают. А если уж и ты сам не знаешь, чего ожидать... — Вам тоже не помешает немного отдохнуть.

Я уже мысленно составлял сообщения своей новой команде: «Нейт, Тарси, вы наверняка думали об этом уже не раз прежде, и точно думали со вчерашнего вечера. Сумеете подготовиться за пару часов? Давайте сделаем это сегодня...». «Дон, извини, тебе снова придется побыть оператором — заодно покажешь Джелли и Майку, как это делается».

В конце концов, мы всего лишь на разведку. Просто сверим ориентиры. Возможно, когда-нибудь обставим все серьезнее, исходя из того, что увидим сегодня, осмотревшись на месте. Заглянем на нужную планету, откорректируем данные...

— А в ближайшие дни, может, даже сегодня же ближе к вечеру, встретимся в более приятной обстановке, да хоть по парку пройдемся или пролетим на катере над городом и заливом. Идет?

— Отличная мысль! — явно воспрянув духом, заулыбался Олаф. Эх, с ним бы мы точно быстро договорились. Но не «разделяй и властвуй» же... хотя бы не с первого дня. — Как можно отказаться от хорошей экскурсии?

— Вот я тоже так подумал. И пока ни о чем серьезном, ладно? Или у меня голова взорвется. Но о том, о чем нужно, мы тоже непременно поговорим.

— А мне тут в голову пришло... — начал Гамлет осеменно. — Может, ты уже начал тут что-то строить?

— Мм... нет. Точно еще ничего не строил.

— Хм, ну ладно... — протянул он с сомнением.

— Но есть кое-какие интересные мысли, — постарался я успокоить его сомнения. — О них стоит поговорить, но не на бегу.

— А, точно. — Они оба кивнули.

— Будьте пока моими гостями и, понемногу, мы непременно доберемся до сути. С чувством и с толком.

— А выглядишь ты ничего... — заметил Гамлет, подозрительно ко мне приглядываясь.

— В смысле?

— Ну, я думал, что ты будешь совсем раздав...

— Гм! — громко кряхтнул Олаф. — Может, лучше помолчишь уже?

— Да ладно, ладно, я только... — Олаф, уже готовый выйти из комнаты, подхватил его за плечо и вытащил из кресла.

— Давай потом. Не все сразу.

— Спасибо, — сказал я прицельно Олафу.

— Да я только... я в хорошем смысле...

Переведя дух, я нажал на перламутровую кнопку на столе, открывая дверь.

Гамлет продолжал что-то тихо ворчать, обращаясь к Олафу, пока я переговаривался с дежурным. Арли, как обычно, был на высоте, он уже отдал распоряжение о подготовке соответствующих апартаментов — не совсем дежурных, для многочисленных дипломатов, поближе к моим собственным, для гипотетических родственников королевской семьи и других важных гостей, что виделось весьма уместным, по соседству друг с другом и с ним самим... А вот тут начиналось нечто похожее на проблемы — я не хотел, чтобы они встретились с кем-то из «новой команды», кто может счесть, что секретность «Пандоры» старых друзей не касается. Так что, вызвав сопровождающих, я быстро набрал

предупреждение о временной полной секретности проекта, подчеркнув временность (один раз) и полноту (дважды), и отправил общей рассылкой вместе с предложением готовиться к операции, подробности о которой пришло чуть позже.

А затем, вместе с сопровождающими, в обязанности которых входило не только проследить, чтобы гости не заблудились, но и были обеспечены всем необходимым, отправился проводить старых коллег до их временных обитателей. Время от времени утыкаясь в планшет, чтобы набрать и отправить уже составленные сообщения.

— Да я смотрю, работаешь прямо на ходу, — заметил Олаф. — Мы тебя серьезно оторвали?

— Не то чтобы, но хочу кое-что поскорее закончить, чтобы разгрестись.

— Похоже, ты и правда погрузился в дела по уши, — сказал Гамлет с некоторым удивлением.

— Большое королевство — большие заботы, — усмехнулся я.

— Понятно. Вот что тебя отвлекает. Не дает времени подумать...

— Верно, — кивнул я задумчиво, нажимая очередную отправку. — Отличный способ развеяться.

Гамлет слегка вздрогнул. Додумав что-то про себя и во многом угадав.

— Ага.

— И вообще-то, — добавил Олаф, — он тут все-таки не совсем один. Тут есть и кое-кто из наших, и Арли с его командой. Ты же не думал, что он только и ждал, как кто-то прилетит его спасти?

— Ну...

— И тут верно, — согласился я с улыбкой. — И их всех вы тоже еще увидите. Надеюсь, скоро.

— А электрические шпаги?! — воскликнул Гамлет.

— Что?

— Ну, это же ваша достопримечательность. Правда, смотрю, ты такую не носишь... — судя по тону, Гамлет был разочарован как ребенок.

— А, да, я нет. Как-то не вижу смысла, но до того как... — я кашлянул, обнаружив, что невольно перешел в хрипотцу. — Было дело, но только пока все было несерьезно, а король или регент не обязан следовать формальным мелочам. Но на особо пышных церемониях все еще бываю при параде. Обещаю, что непременно подарю тебе такую, и даже потренироваться наверняка успеем.

— Ловлю на слове! — развеселился Гамлет.

Пожав ему руку на прощанье и подмигнув Олафу, я развернулся и направился к своему кабинету, продолжая поглядывать на планшет. Только что загорелся огонек подтверждения от Дона — он еще понятия не имел, что будет происходить, но был готов ко всему, после вчерашнего он ждал этого «зова трубы». Через несколько минут загорелся огонек подтверждения от Нейта. К нему прилагалось довольно бессвязное нервное сообщение, но в целом он тоже был готов — хотя бы прийти на место и понервничать лично. Огонек от Джелли. Чуть позже — огонек от Майка. Наконец и огонек от Тарси, и сообщение: «ДА» — огромными буквами. Ладно, тут все ясно... Что ж, вперед, к приключениям!

4. Тарсилис

В джунглях Андрوماхи-1498 было влажно и душно, как во всяких джунглях повсюду во вселенной. День выдался солнечный и безмятежный. Среди отражающей, так же как поглощающей звуки крупной плотной листвы разносились дикие вопли и мелодичные трели лишь в малой части классифицированных животных и птиц. Приматы с зеленой и оранжевой шерстью прыгали по ветвям и лианам. По заметкам профессора Карелла, отца Тарси и Нейта, многие дневные животные здесь вырабатывали собственный хлорофилл. Обеспечивающий часть питания и дающий к тому же замечательную маскировку. Их шерсть была подобна листве или, скорее, хвоинкам.

Особый состав атмосферы, не жизненно-критично отличающийся от земной или ледийской, богатый кислородом даже в тени буйной растительности, в просветах которой виднелись плывущие по голубому небу рыжеватые облачка, немного пьянил и оставлял во рту легкий горьковатый привкус. Хотя уровень кислорода был выше, чем в большинстве известных джунглей, влажность, высокая температура и чувствительно большая, чем на Леде, сила тяжести, затрудняли дыхание. Надежные репелленты защищали нас от местных кровососущих насекомых, которым едва ли понравилась бы наша кровь, но они сочли бы своим долгом попробовать на вкус все, что им показалось бы хоть отдаленно похожим на съестное, куда лучше легких костюмов в стиле «камуфляжного сафари». Не понравились бы эти репелленты и большинству возможных хищников.

— Ого! — деланно бодро выдохнул Нейт, сверившись с показаниями портативного детектора и на всякий случай подозрительно поглядывая на окружающее, чтобы оценить его визуально. — По крайней мере, планетой не ошиблись!

— Уже славно, — согласился я, припомнив, с какого раза мне удалось попасть на «Штандарт». А тут нас перемещалось еще и сразу трое. Зато и на контроле над аппаратурой засел уже более опытный, чем в прошлый раз, диспетчер, с парой новых ассистентов, и я сам после прошлого раза всерьез перепроверял и калибровал настройки. — Засек, где находится лагерь?

— Да. Они посылают обычные маячковые сигналы экспедиции. Все по расчетам. В миле к востоку отсюда.

— Ладно, вдыхаем глубже и идем смотреть.

Тарси только кивнула, нервно сглотнув. Похоже, она временно утратила способность говорить. По понятным причинам она была бледнее обычного, хотя выглядело это менее заметно, чем всегда — чтобы ее сходство с нею самой в этом времени или в этом измерении не так бросалось в глаза, она выкрасила волосы в непривычный ярко-синий оттенок, а Нейт — в радикально зеленый, нарастив себе креативную густую челку, закрывавшую пол-лица. Видок у нас получился, благодаря одному лишь Нейту, чудовищно несерьезный. Впрочем, для праздных развлекающихся туристов, посещающих на своих новеньких скоростных космических яхтах какие им вздумается планеты, не дожидаясь, пока их изучат, засоряя чужую экосферу и болтаясь под ногами у исследователей, все выглядело вполне достоверно.

В подробностях гибели профессора Карелла не значилось никаких техногенных взрывов. Его «подстрелило» местное растение, выпустив облако спор, покрытых жгучей слизью, довольно опасных для местной фауны — слизь представляла собой особый фермент, переваривающий того, в кого угодила, чтобы получше обеспечить споры питательной

средой. Правда, поражение оказывалось летальным лишь для мелких животных, крупные отделялись поверхностными язвами и потерей части плоти. Для человека такое попадание почти безопасно, если не поражает глаз, фермент довольно легко нейтрализовать, но это был первый зафиксированный случай столкновения с данным растением, к тому же вызвавший непредвиденную аллергическую реакцию. Профессору не успели помочь вовремя. Конечно, известие об аллергической реакции тоже невольно вызывало подозрения, учитывая, на что ссылались при снятии с переговоров «полковника Крейга», и едва ли мы могли убедиться в его истинности или неистинности, раз находились в другом измерении с иной версией событий. Тем не менее, мы прибыли за пару часов до происшествия с аптечкой, набитой всеми антидотами, какие только пришли нам в голову, как от всех опасностей, что могли встретиться на этой планете, так и от некоторых других, которым на этой планете места не было.

Пожалуй, не так уж важно было собственно установление истины, как возможность что-то исправить хотя бы в одной из бесконечности реальностей. Всем нам отлично знакомо это желание.

Еще прежде, чем мы увидели своими глазами, а не на карте навигатора, лагерь исследователей, мы слышали сигнал тревоги — то возрастающий, то стихающий гудок.

— Видимо, в честь нас, — нервно усмехнулся Нейт. — Экологическое заражение и все такое.

— Как будто это имеет значение после того, как они находятся тут уже месяц, — подхватила Тарси. — Я точно знаю, что они тут не в спецкостюмах. Эта планета с самого начала была кандидатом на колонизацию.

— Порядок есть порядок, — побыл я Капитаном Очевидность. — Они тут предварительно биологическое имущество описывают, а мы мешаемся.

— Ну да, — Кареллы дружно кивнули, Нейт отключил карту, и мы двинулись просто на звук.

Взволнованные возгласы впереди сменили отключенный сигнал прежде, чем мы ступили на широкую полянку, уставленную легкими сборными модулями на манер обычных палаток.

Около десятка загорелых экологов, — примерно треть всей экспедиции, — в костюмах, очень напоминающих наши, взирали на нас неодобрительно и довольно настороженно, но оружия, похоже, никакого не наблюдалось, у некоторых в руках были лишь считывающие приборы.

— Как вы тут оказались? — осведомились у нас сразу на несколько ладов разными голосами и, на всякий случай, на нескольких самых распространенных диалектах.

— Здрасьте всем! — неестественно надтреснутым голосом окликнул Нейт. — Мы немного заблудились. У нас проблемы с гипердвижком и навигацией. Подскажите хоть, какая это планета? У вас тут какой-то кэмпинг?..

— Эта планета еще закрыта для посещений, — возмутилась какая-то сухопарая дама. — не хотите же вы сказать, что у вас абсолютно все вышло из строя, чтобы вы не могли определить координаты!

— Мм... э... но тут только цифровой код. В базе еще нет названия. — По крайней мере, на данный момент исторически так оно и было.

— Да конечно еще нет, — добродушно отозвался какой-то усатый мужчина с болтающимся на груди биноклем и в шляпе, очень напоминающей пробковый шлем. — Шеф

еще только собирается отослать предполагаемое название с будущим отчетом. Он хочет назвать планету Тарсилис.

Последнее слово произнес не только он. Его тихо выдохнула рядом Тарси. Она об этом знала, хотя планету в итоге назвали совсем не так. Может, поэтому она не любила свое полное имя. Как бы то ни было, Андромаха-1498 стала в итоге Медеей Минор.

— Мы все тут ее так называем!

Сухопарая дама перевела неодобрительный взгляд на коллегу, но только пожалала плечами.

— Простите, — нервно перебила Тарси. — А ваш шеф... он не здесь?

— А зачем он вам? — строго спросила сухопарая дама.

— Просто, чтобы знать, кто здесь главный, — впервые вмешался я, сильно подозревая, что от этого вопроса Кареллы могут разволноваться окончательно.

— Он очень занят!..

— Приболел... — пробормотал кто-то одновременно на заднем плане.

— Приболел?! — выдохнула Тарси. Было похоже, что она готова упасть в обморок — неужели мы опоздали? Но компания исследователей выглядела так безмятежно...

— Извините, ради бога, — опять вмешался я. — Мы тут ничего не знаем. Здесь можно подцепить какую-то опасную инфекцию? Мы правда не нарочно к вам сюда свалились! — Как раз тут-то правдой и не пахло, но обычно это слово людей успокаивает.

Сухопарая дама насмешливо пожалала плечами.

— Откуда же мы знаем особенности вашего иммунитета и с какой планеты вы сюда свалились?

— С Земли! — быстро ответил Нейт. — Я думал, по акценту все ясно!

— Мы бы все равно очень хотели поговорить с вашим главой, или тем, кто его заменяет. Нам нужна помощь, вряд ли вы можете ее нам оказать, никому не доложившись.

Сухопарая дама кивнула.

— Хорошо, мы о вас сообщим. Ждите здесь. — «Никуда не уходите», — читавшееся в ее суровом взгляде, осталось невысказанным.

Она самолично удалилась к центральным палаткам и скрылась в одной из них.

— Кажется, девушка сейчас упадет, — спокойно констатировал кто-то из ученых, остальные заволновались и помогли нам с Нейтом подхватить едва стоявшую на ногах Тарси. Строго говоря, она не падала, ее только очень сильно трясло. Кто-то немедленно принялся измерять ей давление и прочие жизненные параметры, кто-то тут же сделал экспресс-анализ крови — неужели мы и правда умудрились подхватить что-то подозрительное в джунглях? В конце концов, они еще были недоизучены. А если мы приволокли с собой что-то опасное с другой планеты, это могло грозить всей экосистеме.

Ничего опасного так на ходу пока никто не обнаружил, и мы пустились в пространную дискуссию об ипохондрии, а также о том, что профессор Карелл — вот нам и рассказали, что с ним случилось, строго говоря, ничем не заразился, лишь пережил острый приступ аллергии, атакованный коварным местным растением. Но все закончилось благополучно, так как его супруга и первый ассистент, молниеносно разобралась в чем дело и, вполне вероятно, спасла мужу жизнь! Да бросьте, — возразил кто-то, — к чему так драматизировать? Все было совершенно безопасно. Разобрался бы кто угодно, кто оказался рядом — дело-то пустяковое, кто же тут не видел аллергии?

— Его супруга? — заторможенно переспросила Тарси. Насколько мы знали, профессор

Карелл состоял в браке лишь однажды, с матерью обоих присутствовавших тут его отпрысков. Но ее никоим образом не могло быть на этой планете. А кроме того, мы действительно припозднилились, раз нам описывают подозрительно похожее происшествие, которое мы собирались предотвратить хотя бы в этой версии событий. Или, может быть, имел или будет иметь место не один подобный случай. и один из них окажется смертельным?

— Извините, а какой сегодня день? — спросил я. Вопрос Тарси о загадочной супруге профессора все равно звучал риторически, будто она просто повторяла обрывки услышанного. А если бы не звучал подобным образом, казался бы неуместным.

— Девятое, среда, — откликнулся кто-то.

Я рассеянно кивнул. Вопрос самый обычный, в отличие от «какой нынче год?», которым то и дело задаешься в путешествиях во времени. С числом все было в порядке, мы прибыли в нужный день.

— Четырнадцать двадцать? — уточнил я, глянув на часы. При космических перелетах синхронизация всегда та еще проблема.

— Семнадцать пятьдесят, — поправил кто-то.

— О... — Я удивленно посмотрел на здешнее солнце, оно не казалось настолько далеким от полудня. Кажется, мы здорово промахнулись?..

— На вашем месте, мы бы не вдавались в подробности. Мы еще не утвердили оптимальное планетарное время, пользуемся стандартным корабельным.

— Понятно. — Я почувствовал себя идиотом. Это же очевидно... Хотя в нашу чуть более позднюю эпоху планетарное время старались установить первым же делом, а в относительно недавнее прошлое из-за обычно существующего буфера мы заглядывать не привыкли. И такая мелочь от нас ускользнула. Тем более что мы собрались так спонтанно.

Мы прибыли позже инцидента. И либо профессор находился в опасности прямо сейчас, либо событие произошло иначе, видимо, благодаря упомянутой его супруге, так как здесь он женат на ком-то другом, кто был с ним рядом, и с ним все в порядке...

Одновременно с чувством вины — как будто подсознательно я желал именно так ошибиться, я испытал облегчение. Мы опоздали. Все уже случилось и не случилось. Хотя на последний счет еще могли оставаться какие-то сомнения — пока мы не убедимся сами, что здесь все иначе, как я и обещал с самого начала. Это другой мир, в котором не узнать правды о своем собственном.

Тарси отчетливо охнула и втянула воздух сквозь зубы.

— Отец!.. — тихо проговорил Нейт.

Вход палатки в глубине лагеря распахнулся, и из нее вышли двое — коренастый темноволосый человек и помогавшая ему стройная высокая женщина, заботливо подхватившая его под руку. Она заботливо склонилась к своему спутнику, так что мы не видели ее лица, только темно-русые волосы, собранные в пучок. Мужчина весело махнул свободной рукой, будто заверяя, что с ним все в порядке, и негромко успокаивающе рассмеялся. Женщина покачала головой и, хотя мы по-прежнему не видели ее лица, кажется, улыбнулась.

— Мама!.. — пробормотала Тарси потрясенно.

— Что? — переспросил я, и тут женщина подняла голову и посмотрела в нашу сторону.

— Ой, черт... — сказал Нейт.

И мы все подавили желание немедленно исчезнуть, напугав всех свидетелей до смерти.

«Неизвестной» супругой профессора все еще была Лидина.

— Спокойно! Спокойно! — шепнул Нейт сестре, а может быть, и самому себе. — Тут все иначе! Она нас не узнает!..

— Нет! — воскликнула Лидина, и улыбка сбежала с ее лица, на котором появился совершенно человеческий испуг. Она остановилась и как будто постаралась загородить собой мужа. — Что тебе здесь понадобилось?!

Мы озадаченно переглянулись, а члены экспедиции немедленно отошли от нас подальше. Кто-то из них наконец позаботился о том, чтобы раздобыть оружие — короткие широкоствольные хлопушки, отпугиватели крупных животных без причинения им ущерба.

— Вы о ком? — спросил я, весьма абсурдно чувствуя себя единственным человеком, еще не потерявшим дар речи. Даже не подозревал в себе такой толстокожести. Ладно, назовем ее профессионализмом.

— О... О... — Лидина прищурилась, всматриваясь — теперь было ясно, на кого именно она смотрит с таким ужасом — на собственную дочь. — Это не ты?.. Не Лора?.. — произнесла она с сомнением, явно не обманываясь измененным Тарси цветом волос.

Вместо ответа Тарси наконец потеряла сознание и молча рухнула на землю. Мы с Нейтом оказались слишком выбиты из колеи, чтобы успеть подхватить ее на этот раз, да еще эти отпугиватели крупных животных... они вполне могли нанести вред человеку.

Лидина, оставив мужа, в два прыжка оказалась рядом, продолжая цепко всматриваться в лицо Тарси.

— Нет, слишком молода, — пробормотала она, едва ли сознавая, что размышляет вслух, затем требовательно посмотрела на нас с Нейтом. — Кто она?! И кто вы?! Откуда вы, черт возьми, свалились?!

— С ка-катера! — заикаясь, ответил Нейт, неопределенно махнув рукой в сторону джунглей. — У нас авария, неисправность...

— Не заговаривайте мне зубы! Кто она?

— Беатрис Тилли, — назвал я условленное вымышленное имя. — Да что с вами такое? Вы же видите — ей нужна помощь!..

— Даже не вздумайте к ней приближаться и держите руки на виду!

Вблизи я разглядел получше, что было сжато в ее собственной руке — это был не отпугиватель, а усыпитель. Такая штука могла уложить слона концентрированным зарядом контактного снотворного. И на корпусе мигал красный индикатор — предупреждающий, что установленный режим представляет опасность для человеческой жизни.

— Кто ее мать? — осведомилась Лидина.

— Что-что? — пролепетал Нейт.

— Прототип для клона?.. — предложила она альтернативу.

— Лидия? — позвал из-за ее спины встревоженный голос мужа. — Что происходит?

— Не приближайся, Фари, — ответила она, не оборачиваясь. — Кажется, нас вздумала навестить моя сестра.

— Она точно не ваша сестра! — заверил я.

— А вот проверим! — парировала она. — Кто-нибудь, держите их всех на мушке. Ну а если все же вздумаете напасть на безобидных ученых, — сказала она, обращаясь к нам, — бог вам судия и будьте прокляты!

— Да не собираемся мы нападать! — запротестовал Нейт.

— Посмотрим, что вы скажете, когда я достану это, — Лидина вытащила из кармана

портативный анализатор, — и проверю ее ДНК. Ну, как ваши триггеры? В порядке?

Вот это было совсем нехорошо... Но сам по себе ее страх перед тем, кем мы могли оказаться, был чем-то потрясающим, я бы не отказался узнать всю историю того, что он значил.

— Да о чем вы говорите? — сделал я последнюю попытку отвлечь ее, отлично зная, что она не сработает.

— Вы знаете, о чем!

Она склонилась над Тарси с анализатором. Несколько секунд до полной катастрофы. Или до откровения... Исчезнуть прямо сейчас? Благоразумие или любопытство? Нейт пристально посмотрел на меня, и мы оба выбрали последнее — никто не нажал аварийную кнопку. Мы подождали, пока не завершился анализ.

Лидина резко выдохнула, глядя на монитор.

— По крайней мере, похоже, она не совместима с программой... Но все-таки, какого черта вы тут делаете? И... — Она пригляделась к монитору внимательней и побледнела еще больше. — Это невозможно!

Аппарат запищал, регистрируя полное совпадение с кодом, уже внесенным в программу. Она поняла, кто такая Тарси. Как минимум — полный клон ее дочери. Зачем она таскала ее код в анализаторе? Вместо семейной фотографии? Наверняка у нее были на то веские причины.

Она снова решительно вскинула усыпитель. Если только не внести очень быстро соответствующий антидот, выстрел будет фатальным. Нейт почти бессознательно потянулся наконец к браслету.

— Не двигайся! — широкое дуло метнулось к нему.

— Не надо, мама!..

Лицо Лидиной исказилось от холодного бешенства. Своим намеком Нейт разъярил её окончательно. Раздался хлопок и заряд концентрированного снотворного швырнул его наземь рядом с Тарси. После чего усыпитель снова оказался нацелен на меня.

— Ну а ты что скажешь? — осведомилась она свирепо. Ее всю колотило, но оружие она держала уверенно. Теперь, когда Нейт уже подстрелен, ей нужно будет поскорее успокоиться и прийти в себя, чтобы устранить последствия того, что она только что сделала. Точно не время для долгих разговоров.

— Вы все равно выстрелите, — констатировал я.

— Ты прав, — кивнула она. — Выстрелю.

Уверенный, что, как и Нейту, она выпалит мне прямо в лицо, я успел зажмуриться, но она выстрелила мне в середину груди, едва не остановив мое сердце. Она понятия не имела, что ей это не впервой. И что если бы она его все-таки остановила, то увидела бы потрясающее зрелище, как я растворяюсь в воздухе, автоматически возвращаясь в свое время.

Но на что мы и могли рассчитывать, так же, как усыпили, нас привели в чувство: как будто я перенесся через пропущенное время рывком. Естественно, с пульсирующей болью в голове и тяжелым комком и онемением в легких, но сознание, субъективно, вернулось быстро, почти без дезориентации. Поднять руку, чтобы протереть глаза, конечно, не вышло — это был просто рефлекторный порыв. Кстати, где она вообще?.. Кажется, зафиксирована за чем-то твердым и неудобным — за столбиком? Я потряс головой и несколько раз

моргнул, прогоняя заволакивающий все туман. Свет вокруг оказался приглушенным, но не потому, что наступил вечер — он пробивался сквозь ткань палатки. Точно, это должен быть опорный столбик... Опорный столбик? Кто пользуется опорными столбиками в сборных каркасных модулях? Но видимо, зачем-то эта штука была нужна, не ставили же ее специально ради этого случая. Предположим, какая-то профессиональная специфика. И палатка какая-то упрощенная... хозяйственная? С рядами пластиковых контейнеров. Ладно, пусть будет опорный столбик, хорошо хоть пол не земляной, а все-таки выстланный каким-то пластиком. С такой влажностью, как в этих джунглях, было бы чертовски неудобно.

— Очнулись? — осведомился враждебный и знакомый женский голос.

— Почти... — В одной руке Лидина по-прежнему держала усыпитель, в другой — автоматический шприц. Несмотря на обстановку, я ощущал, что это она меня боится до смерти и одновременно чувствовал себя в полной безопасности, хотя последнее могло быть несколько поспешной иллюзией, возникавшей на контрасте бездны мелких факторов. — Спасибо, что не выстрелили в лицо.

— Пришлось бы час ждать, пока не спадет опухоль, чтобы поговорить.

— Конечно... — Косвенное подтверждение, что и с Нейтом все в порядке, по крайней мере, будет через час. Да и как могло быть иначе? Это же безобидная научная экспедиция! На последнем слове из легких наконец вырвался затаившийся в их глубине хрип. Все-таки и в таком варианте не все было идеально для беседы.

— Я проверила всех, — заявила она, пока я переводил дух. — Они — полные клоны моих детей. Вы — нет. Видимо, это говорит о том, что именно вы кукловод? Что за шантаж вы затеяли? Что с моими настоящими детьми?

— Не знаю, но думаю, они в полном порядке.

— Не знаете? — с нажимом повторила она. — А кто знает?!

Меня разобрал кашель, что она наверняка приняла за увиливание от ответа. Раздался отчетливый легкий щелчок.

— Отлично, сами напросились!

— Стойте?!.

Она быстро наклонилась и всадила мне в шею что-то из автоматического шприца. Голова резко закружилась, желудок тоже. Зато кашель пропал будто по волшебству, видимо, просто переключилось внимание.

— Что это за гадость?!.

— Одна из разновидностей сыворотки правды.

— Отлично!..

— Что с моими детьми?

— Они в безопасности. Если только вы их не прикончили!

— Что?!.

Черт... Нет. Это не сыворотка. И в прошлый раз не подействовало, и сейчас не должно. Кажется, я просто разозлился. И да, все еще не придумал, как лучше выкрутиться, помимо того, чтобы и впрямь не рассказать все как есть. Обычно от этого у людей случается шок.

— Мы вам не враги. Это действительно ваши дети. Вы слышали о станции «Янус»? Или ее нет в вашем мире?

— В нашем мире? — тупо переспросила она, и я расслышал новый резкий щелчок.

— Прекратите! Хотите, чтобы меня тут стошнило?..

— Не стесняйтесь! — великодушно разрешила она и всадила мне в шею еще порцию той

же дряни.

Замутило еще сильнее. Только чудом удавалось сдержаться. В глазах здорово потемнело.

— Как вы сюда попали?

— Перенеслись во времени. — Интересно, я это сказал или только подумал?

— Ответ неверный.

Но новой инъекции не последовало. С ней бы этот разговор точно закончился.

— Тогда хоть общитесь, никакого катера вы не найдете. — Очень странно, что вообще получалось отвечать в полуобморочном состоянии. Не поручусь за внятность, но она как-то разбиралась, и то ладно.

— Какое отношение вы имеете к моей сестре?

— Абсолютно никакого. Она, кстати, давно мертва.

— Мертва? — настоящее удивление в голосе, но никакой скорби. — Я говорю о королеве Веги.

— Ну да, и Вега давно не монархия.

— А! Вы все еще делаете вид, что вы из будущего!

— Нет... а что, разве она еще жива?

— Кажется, средство действует на вас парадоксально, — произнесла она с явной досадой и шприц опять щелкнул.

Очень хотелось отпрянуть, но было некуда, да и направления сейчас, честно говоря, я совершенно не разбирал. Но после третьей инъекции в голове начало проясняться. Я вздохнул с облегчением. Верх и низ разобрались, кто где находится, и вывернуться наизнанку больше так не хотелось.

— Какое отношение вы имеете к Департаменту государственной безопасности?

— Ни малейшего, — заверил я. Очень захотелось прибавить: «В отличие от вас!» Но это бы ее точно не успокоило. — Так вы все же слышали о станции «Янус»?

— Да, — проговорила она задумчиво.

— Маловероятное не является невозможным. Да, мы из будущего и появились здесь затем, чтобы хоть в каком-то мире ваши дети спасли своего отца.

Она недоумевающе и раздраженно потрясла головой.

— Что за разговоры о каких-то других мирах?

— Вы не слышали? Мы никогда не попадаем в собственное прошлое, только в один из похожих потоков, в другую вероятность.

Она пожала плечами, явно не очень веря.

— Именно поэтому мы не изменяем прошлое, оно защищено.

— Как-то мы, похоже, не очень защищены от вас?

— Потому что здесь все иначе. Вас тут не было в нашей версии прошлого, и ваш муж погиб сегодня от аллергической реакции, вызванной спорами местного растения.

Ее щека нервно дернулась, и еще, слабее, но несколько раз, почти неуловимо.

— Поэтому ваша дочь в таком шоке. Для нее этот день сплошное потрясение. И она еще не очень опытна в путешествиях во времени.

— Вы говорите, что не во времени.

— Во времени тоже, и в вероятностях развития событий вместе с тем, неизбежно. В нашей версии ваша сестра в это время действительно уже погибла. Но что вас в нас так напугало?

— Не ваше дело!

— Честное слово, мы унесем ответ в свое время, где все совсем иначе.

— Впервые слышу такую галиматью!

— Кстати, наши браслеты — вы смогли их снять?

Она нахмурилась и явно задумалась, отвечать или нет. Пожалуй, ответ был — нет. И на их месте я не стал бы сильно стараться, мало ли что непредсказуемое можно запустить подобным образом. Да и в конце концов, это только подстраховка. При определенной практике, стоит как следует сосредоточиться на условленной формуле переноса, мы просто растворимся в воздухе. Разве что Тарси может не суметь проделать этот трюк самостоятельно.

— В крайнем случае, — заметила она довольно мрачно, — всегда можно и отрубить руку с браслетом.

— Не верю, что вы так кровожадны.

— Лучше не испытывайте свою веру.

— Не буду. Только повторю, что вам ничего не угрожает. Но именно вас мы тут встретить совсем не ожидали.

— Почему? В вашем «мире» я уже умерла?

— Нет, — ответил я и, подумав, решил все же рискнуть: — Хуже.

— В каком смысле?

— В нашем мире и времени именно вы возглавляете Департамент госбезопасности Солнечной Лиги.

Лидина жутко побледнела и пару раз судорожно схватила ртом воздух. Перспектива ее совсем не порадовала.

— Невозможно!

— Нет такого слова. Может быть, смерть сестры повлияла на вас и как-то изменила приоритеты.

— Да она мне даже не сестра! — в ее голосе послышались истерические нотки, хотя в целом она еще отлично держала себя в руках.

— Только что вы говорили иначе.

— Может быть, Лора мне и сестра, но... — она опять резко замолчала.

— А что вы говорили о какой-то программе, с которой несовместима ваша дочь?

Не перестарался ли я? Она медленно начала поднимать усыпитель, и почему-то мне показалось, что она не намерена приводить меня в сознание еще раз, ей хотелось избавиться от меня, как от ночного кошмара.

— Это будет большой ошибкой. Впрочем, моя смерть вызовет автоматический перенос и, надеюсь, в моем мире меня успеют откачать. Мы всего лишь не договорим. Повторяю, я вам не враг. По крайней мере, в этом мире.

На последних словах она замерла. Попал! Уф.

— В этом мире? — повторила она странным голосом.

— В другом — увы. Хотите знать, чего боялась ваша дочь, и зачем ей нужно было здесь оказаться — что не давало ей покоя? Она боялась, что вы подстроили смерть ее отца.

Лидина словно окаменела. Превратилась в статую — аллегория потрясения и растерянности.

— А еще она была в ужасе от того, что мы опоздали. Мы не знали, что вы еще не перешли на планетарное время. И думаю, она была счастлива увидеть здесь вас обоих.

Живых. И не в ссоре. Хотя в нашем времени она вас боится до смерти.

Снова повисло молчание. Затем полог палатки приподнялся, пропуская внутрь грузную фигуру.

— Дорогая, что ты делаешь? — мягко позвал профессор Карелл. — Остановись. Я думаю, они настоящие. Это не клоны. Будь они выращены так быстро, теломеры выглядели бы совсем иначе.

— Все в порядке, — заверил я его, вместо его жены, так и застывшей в молчании. Похоже, ее душили слезы.

Профессор покосился на меня с явным недоверием и все еще с настороженностью.

— Это правда? Вы путешественники во времени? Все эти сказки хотя бы в будущем не сказки?

Я покачал головой. Кажется, последние полчаса я говорил не переставая.

— Зачем же вы сюда наведались?

— Хотели предотвратить несчастный случай. Но в этой версии событий он не произошел. Сперва мы перепутали время и опоздали, потом оказалось, что и без нас тут все в порядке.

— Но эта девушка... Тарси, ваша, другая Тарси, почему она упала в обморок? Я проверил, но не нашел никакой интоксикации.

— От облегчения. Когда увидела, что с вами все в порядке... с обоими, — прибавил я.

— Дорогая! — тревожно воскликнул профессор, поспешно шагая к жене и обнимая ее за плечи. — Выходит, эти жгучие споры должны были попасть на нас обоих?..

Лидина судорожно дернулась.

— И если вы откроете чемоданчик, который нес Нейт, наш, другой Нейт, то увидите, что это аптечка, и особое место в ней занимает препарат, который должен был вас спасти. По счастью, это не понадобилось.

— Ох, но это значит!..

— Мы из совсем другого будущего. Никто не может попасть в свое собственное.

Профессор вздохнул не без облегчения.

— Это еще одна из причин, по которой Тарси потеряла сознание — будто оказалась в каком-то нереальном мире, где все так, как она и не мечтала, после самого большого ее страха.

Лидина вдруг решительно отстранила мужа, не менее решительно и быстро приблизилась ко мне, щелкнув такой чрезвычайно полезной во всяком хозяйстве вещью, как складной нож, и перерезала что-то вроде пучка пластиковых стяжек для оборудования, удерживавших меня у «опорного столбика».

— К черту мои чувства! — произнесла она глухо. — Хорошо. Запомните. Лорелей — не моя сестра. Моя сестра — Лора. А Лорелей — не просто модификация имени и не псевдоним. Это название программы, искусственного интеллекта, совместимого с ее сознанием. Она не была такой, какой ее все запомнят. По счастью, «успех» программы был случаен. Остальные участники эксперимента вообще не выжили. Предположительно, она обладает какой-то особой мутацией, которая может быть наследственной. Возможно, ею обладают и какие-то ее близкие родственники. Говоря, что «она не совместима с программой» я лишь имела в виду, что это не клон Лоры. На самом деле, я не знаю... Но и клонов Лоры пока, насколько мне известно, не создано. Она их тоже не создала. Возможно, не хочет утратить единоличный контроль. Но это пока она жива. В вашем мире нет, и вы

явно впервые слышите о программе. Может быть, вам повезло. А может быть, вы многого не знаете о том, что творится вокруг вас.

— Лора была и моей младшей сестрой, — печально прибавил профессор.

— У нас были разные отцы, — сказала Лидина.

— А у нас разные матери, — подхватил ее муж.

Я кивнул. Нейт и Тарси мне об этом говорили, да и с биографией мы сверялись заранее. И это тоже давало повод для меланхолии. Тарси не зря так походила на Лору, у нее были с ней общие гены с двух сторон, от обоих родителей. Откуда появилась гипотетическая «нужная» мутация, и передалась ли дальше, пока трудно было сказать.

— Кстати, вы случайно не со станции «Янус»? — обронил профессор. — Значит, у вас он не уничтожен?

— Уничтожен?.. Простите?..

— Это верно, что вы не всегда путешествуете сами, а отправляете свои воспоминания — так называемую психоматрицу? Вам знакомо это слово? — вдруг вмешалась Лидина, будто вспомнив о том, что давно ее беспокоило.

— Да...

— Кажется, я догадываюсь, почему Лорелей добила закрытия проекта.

— Закрытия?.. Лорелей?!

— Мне кажется, возможность отправлять куда-бы то ни было свое сознание, имела для нее какую-то особую ценность или таила угрозу.

— Вполне вероятно... — Искусственный интеллект, внедряемый в сознание, или наши психоматрицы, возможно, в чем-то невелика разница... если она вообще есть.

— Понятия не имею, к добру или к худу, перед демонтажом станция взорвалась. Считается, что в тот момент на ней никого не было: закрыта на карантин, опечатана, а в какое-то мгновение просто все оказалось разворочено и уничтожено.

— Ага... — В голове одновременно мелькнули образы и однажды взорвавшегося вместе со своей королевой дворца Веги, и, конечно, «Штандарта». — А остались после взрыва какие-нибудь следы самой станции?

Профессор и его жена удивленно переглянулись.

— Конечно, — ответила она. — Это же был огромный комплекс.

Действительно, так себе вопрос. Даже если бы она «аннигилировала», «не очень чисто переместившись во времени...» — а как бы она это сделала без дополнительного гиперпрыжка? — на Луне находилось еще очень многое, следы чего там бы остались. Так же, как остались после того, как мы однажды сами ее похитили, отправив ненадолго в пятый век, а затем вернув в нейтральное космическое пространство за пределами охотившейся на нее Солнечной Лиги. Понять, что произошло, по косвенным и засекреченным данным, будет непросто... и это ведь произошло в другом мире, мы не можем исправить все вероятности, это вообще не в их природе. И это ничего не говорит о том, что в нашей вероятности дела обстоят лучше. Некоторые — да, некоторые — вовсе нет. К тому же, «мы многого не знаем, что творится вокруг нас». И здесь мы лишь затем, чтобы узнать кое-какие ответы.

— Похоже, первый из оставшихся у меня вопросов: как вы теперь объясните случившийся внезапный переполох?

— Полумкой анализатора? — с нервным смешком предположила Лидина.

Мы вышли из палатки с контейнерами как друзья, по-видимому, не слишком всех этим

встревожив, а наоборот, успокоив. Исследователи, остававшиеся поблизости, оглянулись, облегченно вздохнули и вернулись к своим делам. Никто не любит лишних неприятностей. А мы тут же перешли в другую палатку, более жилую. Нейт и Тарси лежали без движения на походных койках.

— Они все еще без сознания? — забеспокоился я.

— Мы не знали, что им сказать, — ответил профессор извиняющимся тоном. — Но они вне опасности. Просто спят. Теперь мы можем их разбудить.

— Мне лучше быть рядом, когда они проснутся, чтобы они не исчезли отсюда, немедленно катапультировавшись и оставив вашей команде кучу неудобных для вас вопросов. — Например: где, интересно, они спрятали трупы? И так приходилось надеяться на лояльность членов экспедиции и не слишком пристальное будущее расследование.

— Безусловно, — вздохнул профессор. Положение вещей его печалило, но явно не слишком беспокоило. Я предпочел считать, что это говорило в пользу экспедиции.

Лидина едва слышно нервно сглотнула, глядя на свой шприц. Щелчок новой настройки я тоже услышал, но, в отличие от профессора, знал то же, что она — что едва ли она та, кого ее дети хотели бы увидеть, проснувшись.

— Предлагаю начать с Нейта. Он опытнее в путешествиях во времени, для него проснуться в любой странной обстановке будет меньшим шоком.

Лидина чуть выдохнула. Следовало бы перестать мысленно называть ее так, это был лишь псевдоним, подобный измененному имени ее сестры Лоры, хотя Лидина уверяла, что это еще и собственное имя программы. Но так было привычнее. Сама ее решимость будто все еще делала ее той, кем мы ее знали, хотя сейчас она не казалась злонамеренной и враждебной. Только напуганной и расстроенной.

— Хорошо, давайте по порядку, — согласилась она с некоторым облегчением. — Я правда не знаю, что сказать... Тем более после того как я...

— Он поймет. Все будет хорошо.

Уж после того, как однажды я его убил, и он не затаил зла...

Она быстро кивнула и облизнула пересохшие губы:

— Господи, ну надо же... Наши дети, такие взрослые...

Руки у нее сильно тряслись. Весь день — сплошное потрясение.

— Вы позволите? — Я протянул руку к шприцу. Собственно, так и впрямь было бы лучше всего. — Нажать вот сюда?

— Да... — она отдала шприц без сопротивления, с благодарностью.

Я подошел к Нейту и не без опаски пригляделся к его лицу под нелепой ярко-зеленой челкой: опухшее, но все не так уж страшно, будто от приступа уже проходящей крапивницы. Профессор явно поколдовал над ним в наше отсутствие.

Приложив похожее на пистолет прозрачное устройство к его яремной вене, я сделал инъекцию. Нейт задышал глубже и беспокойно пошевелился, еще не открывая глаз. Последнее будет для него непросто. Я заранее посочувствовал.

Первое, что он сделал — попытался судорожно схватиться за браслет.

— Нейт! — позвал я, перехватывая его руку.

Он шумно выдохнул, расслабившись — должно быть, подумал, что мы уже переместились домой, и затрудненно заморгал.

Из его рта вырвалось жалкое мычание. Жестоко ему досталось, что ни говори.

— Дыши спокойно! Есть у вас что-то, что поможет убрать этот отек?

— Да я уже... — растерянно протянул профессор.

— Да, — засуетилась Лидина, выхватывая у меня шприц, чтобы ввести новые параметры.

Заслышав голоса, Нейт напрягся.

— Спокойно, — повторил я. — Мы уже разобрались с недоразумениями. Отлично, давайте шприц.

Я сделал еще одну инъекцию, ближе к его нижней челюсти. Судя по всему, у бедолаги опух язык, как от сильной заморозки, но уже через полминуты дело пошло на лад. Он смог наконец сфокусировать зрение и даже пробормотать, хоть и не очень внятно:

— Вот черт!.. — И тут же крупно вздрогнул.

— Не волнуйся, приходи в себя. Нам еще Тарси будить.

Нейт всполошенно переводил взгляд поочередно то на одного, то на другого из нашей невозможной компании.

— Хорошие новости, — резюмировал я, — все живы, никаких несчастных случаев и тебя больше не подозревают в шпионаже и невероятных злодействах. И да, твои родители знают, кто мы, и ничего не имеют против этого. Это их не пугает.

— А что пугает? — тут же настороженно прохрипел Нейт.

— То же, что напугало бы нас. Видишь ли, твоя тетя Лорелей в этом мире еще жива.

— Ох... И?..

— И все, здесь присутствующие, очень не любят кое-какой Департамент.

— Да ну?!.

— Вот именно. Можешь расслабиться. Нас заподозрили в том, что мы как раз оттуда.

— О господи... — Нейт снова шумно выдохнул. На этот раз действительно успокоенно. Совсем другой мир, как всегда и бывало.

— А теперь извини, мы будем будить Тарси.

— Нет проблем. Удачки. — И тихо всхлипнул, потрясенно глядя на родителей: — Ну надо же... вы оба... Прямо сон наяву!

Вот почему лучше не переноситься в такое ближнее прошлое даже когда это возможно. Слишком много эмоций.

Профессор тихо кашлянул.

— А в вашем мире вы можете путешествовать во времени на такие небольшие промежутки? Впрочем, вы же из будущего, там могли что-то придумать, а тут «Януса» уже десять лет как нет. Здесь такого не было, или это скрывалось...

— У нас обычно тоже такого не бывает. Иногда, очень редко, открываются окна, но это скорее в порядке аномалии и быстро проходит. Они не хотели упускать такой шанс.

— Понятно. А мы их так встретили... — удрученно вздохнул он.

Инъекция тонизирующим средством не совсем похожа на поцелуй, которым принято будить спящих красавиц, тем не менее, от ассоциации мне избавиться не удалось.

Тарси заволновалась и начала всхлипывать, еще не открыв глаз.

— Все хорошо, — завел я снова прежнюю песню. — Ты в другом времени, здесь все иначе. Сегодня на этой планете не произошло ничего плохого. Разве не стоило здесь оказаться хотя бы для того, чтобы это увидеть?

Она глубоко вздохнула и открыла глаза. И крупно вздрогнула, как и Нейт.

— Ничего плохого не произошло, — повторил я. — Потому что здесь они были вместе. Приходи в себя.

— Они все знают? — пробормотала Тарси с недоумением.

— Верно. Уже знают. Кто-то очень многое проспал!

Она неуверенно, испуганно, усмехнулась.

В целом все было в порядке, она быстро успокаивалась, но я поймал себя на том, что внимательно слежу за ней не только потому, что для нее все внове и так тревожно. А потому что беспокоился за всех вокруг. Вдруг опасения ее матери в этом мире были вовсе не беспочвенны? Мы ведь из будущего, мало ли что могло быть придумано к нашему времени, даже если брать в расчет разницу между мирами.

— Не может быть! — воскликнула Тарси. Ее синие глаза стали огромными как блюдца и сверкали как чистые озера под ярким солнцем. Вместе с удивлением и отрицанием на ее лице возникло облегчение — ей нравилась мысль, что ее тетя не была настоящей злодейкой, как не была ею здесь и ее мать.

— погоди, — благоразумно предупредил Нейт. — Это ведь только в этом мире. В нашем может не быть ничего подобного. И может быть... может быть... — Он глянул на «мать» и ступешаванно запнулся.

Их родители обменялись трагическими взглядами. Профессор уже не пребывал в блаженном неведении насчет того, что с его супругой в другом мире было что-то неладно, после недолгого разговора с детьми все тайное стало явным, но, едва все прояснив, мы теперь старались обходить этот неудобный момент стороной.

Я попробовал сок из местных плодов, ярко-оранжевого цвета, напоминающий сразу персиковый и грейпфрутовый, с мятным холодком и солоноватый. Все эти нотки вкуса принадлежали одному и тому же фрукту, не приходящемуся родственником ни одному из растений, которые напоминал.

— Я не знаю, — выдохнула Тарси, опустив взгляд, отвечая на невысказанный вопрос брата. — Но я ничего не слышала о подобном. Внедрить постороннюю личность? Зачем? Можно просто скорректировать существующую. Какой смысл в искусственном разуме?

— Вы понятия не имеете, что творится в секретных службах, — печально заметил профессор.

— О, ну, не то чтобы совсем... — Тарси залилась краской, но старалась не упоминать о своей к ним когда-то причастности, чтобы это не прозвучало угрожающе. — Но какой бы в этом был смысл?

— А что вообще делает эта программа? — поинтересовался Нейт. — Для чего ее разработали?

— Для успешного захвата власти, — ответила «Лидина». — Она просчитывает массу стратегий и выбирает оптимальную, а затем действует без всякого намека на мораль.

— Так может казаться со стороны, — упорствовала Тарси. — Никогда ведь не хочется признавать, что родной человек изменился не в лучшую сторону, но это случается сплошь и рядом. Ей могли повредить определенные функции мозга — и вот вам существо без какой бы то ни было морали, это просто!

— Но трудно не повредить при том когнитивные функции! — заметил профессор.

Тарси заметно напряглась, без сомнения, подумав о состоянии собственных когнитивных функций.

— Вы говорите, ее случай успешен. А сколько было неуспешных? По простой статистике могло произойти что угодно.

— Безусловно! — воскликнула «Лидина». — Но ее когнитивные способности явно улучшились. Вот только она стала совсем другой личностью! И она сама однажды рассказала мне, что произошло. Мы пытались общаться с ней, она ведь наша сестра.

— И она рассказала вам такое? Она могла рассказать, что угодно!

— Не горячись, Тарси, — успокаивающе позвал Нейт. — Вы извините, что мы так. Мы ко всему этому равнодушны. В нашем будущем мы не сталкивались с необходимостью подобного, да и здесь Лорелей выглядит очень... уникально. У вас ведь нет целой стаи таких «королев». Какой-то не очень повторяемый опыт. У нас же ее и вовсе давно нет.

— А здесь она правит почти половиной известного мира!

— И Солнечной Лигой? — спросила Тарси с подозрением.

— Нет. Номинально. Но она с ней в союзе. Теперь все, что не Лига, подвластно Лорелей, а что не подвластно ей, то подвластно Лиге, все прочее ими ослаблено...

— А Денеб? — не выдержал я. Хотя нельзя и попросту не стоит знать все происходящее в каждой версии вселенной. И все же ответ немного успокаивал:

— Денеб независим, но потерял большую часть своих колоний, теперь они частью под влиянием Лиги, частью под влиянием Веги.

— Но династия еще существует? — уточнил Нейт, глянув на меня немного смущенно.

— Да. Но ведь монархия в Денебе глубоко конституционная вот уже пару столетий. Глубже некуда, — добродушно заметил профессор.

Я бы сам назвал нашу монархию «глубоко конституционной», хотя согласились бы со мной не все, не без иронии называя ее «просвещенным абсолютизмом», особенно при сравнении со ставшей у нас демократической Вегой.

— Ну, это нормально, — выдохнул я, пусть обрисованная ситуация выглядела и несколько похуже, чем «у нас». Заодно этот мир стал казаться еще дальше, еще более чужим.

— А у вас там иначе?

— Разве что самую малость.

— Это другая вселенная! — напомнил Нейт всем, и себе тоже. — Здесь Лорелей может быть и программой. Но у нас скорее всего не была. Может, поэтому долго не протянула.

— Есть масса способов повредить психике человека, — мрачно сказала Тарси. — Но посторонние программы, успешно действующие годами — это нечто сказочное.

— Жаль, — вздохнул Нейт. — Кое-что я бы не отказался объяснить подобным образом.

— Ты забыл про «массу других способов», — печально напомнила его сестра.

— Не очень хорошо влияющих на когнитивные функции и не настолько эффективных, чтобы успешно действовать автономно.

— Да. Зато и генетические особенности тут совершенно ни при чем. Вы должны быть в безопасности, как и любые клоны, которые могут у вас или нас появиться.

«Лидина» улыбнулась с сомнением, но не без облегчения. Она тревожилась за детей с самого начала.

Но все же интересно. Может быть, в этом обосновании, каким бы оно ни было сказочным, крылась хоть часть причины — зачем самой Тарси подправили память? Быть может, ее стремились таким образом защитить от какой-то гипотетической опасности? А ее бурные возражения? Разумеется, искренние, но вдруг и это какая-то маскировка в ее сознании?

Время шло, но Кареллы не очень-то стремились расставаться. Спустя пару часов во мне

созрела уверенность, что они не прочь остаться тут на каникулы. А может быть, эмигрировать в эту вселенную навсегда, несмотря на зловещие гипотетические программы. Это и правда было соблазнительно — провести тут пару-другую дней, полюбоваться на ночные звездопады, принять участие в исследованиях, «первыми» найти еще не обнаруженные диковинные цветы... Да, ужасно соблазнительно

Мы уже объяснили остальным участникам экспедиции первичные недоразумения действием токсинов все тех же спор, которые, оказывается, заделали не только профессора, а заодно поделились сведениями еще о кое-каких местных опасностях и парочке интересных видов животных — спасибо знаниям из будущего, — что вызвало у ученых детскую радость, но, злоупотребляя их доверием, мы все-таки вызвали бы рано или поздно нежелательные подозрения хотя бы в «промышленном» шпионаже и усугубили проблемы тех, кого здесь оставим. А в нашем мире, пусть прошло бы лишь несколько минут, проведи мы тут хоть весь остаток жизни, мы все еще рисковали возможным появлением буфера в самый неожиданный момент и потерей стабильности сигнала — последний во многом зависел и от проведенного нами здесь времени. В любом случае это сложное уравнение, зависящее не только от стабильности действия машины времени в том моменте, в котором она находится на самом деле.

Я напомнил об этом друзьям, как мог, деликатнее. А затем предложил побыть часок наедине с «родителями».

Побыть одним им стоило. Я бдительно наблюдал все время, не переключит ли что-нибудь у кого-то в мозгу, в том числе, может быть, и у меня, но пока ничего плохого не происходило.

Конечно, торчать в одиночку в лагере, слоняясь вокруг палатки, было бы так же неразумно и подозрительно, так что я целенаправленно устремился в джунгли, якобы проверить, подойдет ли для ремонта запасная деталь. Пришлось, разумеется, отбиться от желающих сопроводить и помочь в сложном деле. Солнце клонилось к закату, и это было не очень хорошо, если бы мы вздумали еще задержаться. Кто бы поверил, что мы спешно куда-то стремимся уже после того, как стемнеет? Но пару часов светило еще должно было оставаться над горизонтом. А значит, мы как раз собираемся успеть до настоящей темноты. Зайдя поглубже в заросли, я подумал, что поступаю, возможно, немного нелепо, на самом деле собираясь прождать тут час. Если бы я отправился домой, они в любом случае вернулись бы одновременно со мной, сколько бы времени ни прошло. Но я все еще беспокоился о том, что будет происходить здесь, и сколько это займет. А может быть, я тоже хотел побыть кое с кем наедине. С этой планетой, которую здесь уже вряд ли назовут Медеей Минор. Я прислушивался к ее шепоту в шорохе ветвей и шуршании мелких зверьков, в пении птиц, к ее дыханию во влажных испарениях и движении воздуха, переносимого неощутимым ветром, и мог не тревожиться о том, что она может оказаться не той, кем кажется, о том, что она может страдать как любой смертный человек, испытывать страх и отчаяние. Хотя смертны и планеты. А стихии — переменчивы как души, и ничуть не виновны. Возможно, наше родство с ними куда глубже — так ли мы на самом деле живы? Так ли сознательны? Так ли бессознательны они? Нужен ли разум для того, чтобы обладать знаниями, которые тем полнее, что не являются знаниями, а просто вещами, живыми существами, природными явлениями, законами физики, тем, что есть, а не представлениями об этих вещах.

Час пролетел незаметно. Я посмотрел на браслет с немигающим маячком, и дал им еще

немного времени. А затем еще немного. Наконец маячок замигал. Я включил канал связи:

— Нейт?

— Эрвин, — его голос звучал немного взволнованно, но лишь самую малость, и волнение тут же улеглось. — Ты еще здесь?

— Безусловно. — Иначе связаться у нас бы и не вышло.

— Мы готовы идти!

— Хорошо. «Деталь отлично подошла» — передайте всем большое спасибо!

Нейт издал смешок.

— Обязательно! — И отключился.

Я вернулся немного ближе к лагерю, прошло всего лишь еще четверть часа, когда я услышал приближающийся треск и шорох ветвей и приглушенные знакомые голоса. Сумерки сгущались. Но все еще не катастрофически. Зато у заботливых родителей был лишний повод немного проводить своих внезапно повзрослевших отпрысков. Разумеется, прочим участникам экспедиции были невдомек такие мотивы, но мы-то знаем...

Но сгущающиеся сумерки стали вновь расступаться. Сперва это показалось обманом зрения, потом я подумал, что кто-то в лагере выпустил сигнальную ракету. Затем поднялся ветер и в небесах раздался раскатистый гул.

Ну конечно, гул!.. На каком же расстоянии от лагеря должны были приземлиться мы, чтобы нас не заметили? Конечно, мы претендовали на совсем небольшое частное суденышко. А то, что спускалось на эту планету, ошестинившись яркими копьями прожекторов, казалось чем-то монструозным и спускалось практически на сам лагерь.

— Вы знаете, что это? — крикнул я, перекрикивая гул.

Профессор и его жена казались озадаченными и встревоженными, но они могли выглядеть такими и просто от того, что их застали врасплох при нашей еще не закончившейся встрече.

— ... малейшего представления!.. — прокричал в ответ профессор.

— ... не можем их оставить! — крикнул Нейт, прикрывая глаза от летящего вокруг, поднятого в воздух мусора. — ... должны узнать!..

Вот только от нас тут могло быть куда больше осложнений, чем пользы...

— Ладно! — согласился я совершенно вразрез с этим соображением и почувствовал, как Тарси крепко вцепилась мне в локоть, будто чтобы нас не разнесло в стороны поднявшимся ветром.

— Спасибо! — сказала она мне в самое ухо. — Извини...

5. Лорелей

Это был всего лишь челнок, посадочный модуль, но челнок огромный, некоего оставшегося на орбите корабля, сопоставимого с флагманом. Было ли судно военным? Возможно... Впрочем, обозначившиеся чистые элегантные линии, лишённые явной щетины стволов и грубости функциональной брони, уводили от подобной мысли.

— Это какая-то фантазмагория, — возмущенно проговорила Тарси. Бледность на ее лице могла быть всего лишь отсветом от прожекторов, разгоняющих сумерки. Теперь мы скрывались поблизости от лагеря, наблюдая за происходящим из зарослей. Профессор с супругой вернулись к экспедиции, настаивая, чтобы мы не валяли дурака и немедленно отправлялись в свое время. Наверное, так было бы лучше всего. Но их повзрослевшие дети не желали исчезать, не получив подтверждения, что с ними все будет в порядке, хотя согласились на первых порах не вмешиваться, если не потребуются. На долгие уговоры времени ни у кого не было, так что старшие удалились, безнадежно уповав на наш здравый рассудок.

— Все свое несем с собой! — нервно хихикнул Нейт.

Чем нас больше, и чем значимее для нас событие, тем вероятнее отклонения в сторону наших желаний или страхов. А вот это, черт возьми, чем было? В известной нам истории ни о чем таком не было ни слова. С другой стороны, все, чего мы сегодня наслушались, не только порядочно нас взвинтило, но могло быть отголоском более всеохватывающей химеры, отбросившей тень на всю эту ветвь событий. Так что, честно говоря, я опасался, что все мы уже знаем, что происходит.

Челнок совершил аккуратную посадку на краю лагеря, прожектора потеряли чрезмерно слепящую силу и на обшивке стала ясно различима эмблема Веги.

— Нет-нет-нет!.. — простонал Нейт. — Ведь все было так хорошо! — Кроме доставшихся нам зарядов для усыпления крупных животных. А так — в целом неплохо. Уж получше перспективы увидеть настоящую катастрофу. За которую нас еще и приняли в самом начале. — Что ж нам теперь делать-то?

— Вы были правы, — упавшим голосом проговорила Тарси, — не стоило все это затевать.

— «Опыт — сын ошибок трудных», — хмуро пробормотал ее брат. — Мы ничего не можем сделать, можем только исчезнуть.

— И они будут думать, что мы действительно со всем этим связаны!

— Брось, — с горечью ответил Нейт. — Ведь на самом деле это вовсе не настоящие они...

— Достаточно настоящие, просто в другой версии событий.

— Ого, какая прыткая! Ты прыгаешь во времени всего второй раз!..

— Да вы оба правы! Тише вы! — прервал я. — Если это начало вторжения и захват новой планеты, мы трое точно ничего не сможем сделать, только спровоцируем на лишние потери, усугубив паранойю у обеих сторон. Но может, это просто официальный визит к родственникам, и она не сделает им ничего плохого?

Они оба повернулись и потрясенно уставились на меня.

— Ты помнишь, как нас встретили, когда подумали, что мы как-то с ней связаны?..

— Мы появились неожиданно, будто подкралась...

— Эта штука тоже!

— Да, и пока сила на ее стороне, никто не станет лишней раз в нее палить и провоцировать. — В этом, собственно, и смысл силы, когда все ясно. — Даже если она собирается захватить новую планету, это не значит, что она навредит сестре и брату, едва ли в этом есть необходимость. В случае прямой агрессии, они могли расстрелять лагерь с воздуха.

— Если Лорелей, это программа, а не человек, у нее нет родственников! — панически воскликнула Тарси.

Я вздохнул — да, пожалуй.

— Но пока это только один челнок, не армия...

Хотя на нем вполне могло разместиться достаточно вооруженных людей, чтобы сровнять тут все с землей, если что-то пойдет не так.

— Так каков план? — глуховато, но деловито продолжил Нейт. — Убить ее? И исчезнуть в свое время? В некотором роде могло бы быть идеальное убийство...

— Ничего идеального, — возмутился я. — Мы исчезнем, а экспедиция останется. Никто не станет разбираться, что они тут ни при чем...

— Да знаю, просто теоретизирую вслух. Абстрактно. Все лучше так абстрактным и остается...

— Верно, — выдохнула Тарси. — Так что же, и в самом деле придется исчезнуть и уповать на лучшее?

— Это самое разумное, — кивнул я. — Или этот мир затянет так, что никогда из него не выпутаемся.

Под их предположительно согласные вздохи я глянул на перемещающий браслет и задумчиво кашлянул. Индикатор не светился.

— Боюсь, у меня для вас паршивые новости.

Нет, правда, это каким же надо было быть идиотом, чтобы согласиться на эту авантюру? Не то что согласиться — наспех спланировать и самому всех сорвать на внезапное сумасбродство. А потом позволить тянуть время. Обрыв связи мог быть временным, как произошло на «Штандарте», а мог быть и окончательным. В случае, если внезапно стабилизировался буфер. Мы никогда не были уверены, из-за чего именно и как он появляется.

Впрочем, все это лишь ретроспективная рационализация, если бы все получилось, мы бы только радовались, что так удачно проскочили.

Индикатор подмигнул. И погас снова.

— Простите... — снова сокрушенно завела Тарси.

— Черт, как я мог так тянуть время... — покаянно пробормотал Нейт. — Ведь знал, что все держится хуже, чем на соплях, а нас тут аж трое...

«Ладно, — подумал я. — Ну, в крайнем случае, будет революция, подумаешь... А может, еще рано радуясь. Еще ни одно из перемещений «Пандорь» не проходило гладко, но все еще удавалось возвращаться, отделавшись приступом паники».

И собственно, не пробить ли нам дно, раз уж все равно начали? Можно было уже не подозревать, что у меня что-то не в порядке с головой, оставалось это только констатировать.

— Ну, раз мы пока все равно тут застряли, а этот мир слишком далек от нашего, и мы

можем считать его не совсем настоящим, и терять почти нечего, может, просто присоединимся к экспедиции? Понаблюдаем из первых рядов, а не из кустов.

Они снова довольно дико на меня воззрились, а потом принялись давиться смехом.

— А правда, почему бы нет? — отдышавшись, проговорил Нейт, явно повеселевший. — Надеюсь, она-то свой «клон» не узнает. А то мало ли что ей в голову взбредет насчет генетической совместимости?

— А смысл? Если бы это было ей нужно или в этом было дело, давно бы их уже сотворила.

— Правда! — Нейт буквально заорал шепотом. — Ну так что, пошли?

— Обойдем немного и зайдем с неосвященной стороны.

— Экспедиция, конечно, будет в шоке...

— И еще более в шоке, когда мы растворимся в воздухе. Но, в конце концов, каждый имеет право заблудиться в инопланетных джунглях и честно сгинуть, не оставив следов.

— Раз уж мы все равно здесь...

— Действительно. Что нам терять? Соберем побольше информации.

Все еще то и дело нервно посмеиваясь, мы стали пробираться кружным путем через заросли к лагерю, не выпуская отчасти из виду вегийский челнок. Совсем недавно, после всех обычных приготовлений, как это всегда бывает, открылся люк челнока, выдвинулся широкий трап, и по нему спустилась дюжина гвардейцев со штатными лучеметами наперевес, ни на кого, впрочем, не нацеленными. Спустившись, они церемонно отсалютовали на несколько сторон и замерли полукругом перед трапом. Вслед за ними из люка показались еще двое гвардейцев, повыше рангом, а за ними — фигура в золотистом атласном платье. Мое сердце неожиданно будто запнулось. Нет, совсем не похожа, но этот цвет, яркий всполох в лучах прожекторов... как то платье, что было на Линор в тот самый день... на лбу непрощенно выступила испарина. Неужели после всего сегодняшнего увиденное будущее кажется мне совсем ненастоящим, и я опять слишком боюсь, что они просто погибли в моем собственном мире? Так и будет, если однажды я не увижу обратного. Кажется, я чувствовал злость — на кого? На Кареллов и их безумные фантазии? На всю историю их семейства? Или моего собственного?

На территорию лагеря мы вернулись незамеченными. Ученые беспорядочно метались по периметру, а глава экспедиции с супругой уже приближались к челноку. Косясь по сторонам на спешно собираемое с видных мест оборудование, мы догнали старших Кареллов.

— Опять вы здесь! — всплеснула руками Лидия.

— Мы не могли вас оставить! — воскликнула Тарси. — Что бы ни произошло, мы будем рядом!

— И вы точно никак не связаны с этим? — профессор указал пальцем в небо, имея в виду и челнок и оставшийся на орбите корабль.

— Ни в коем случае, — запротестовал Нейт. — Мы даже не знали, что тут все так... сложно.

— Если только вы и правда путешественники из будущего.

— Даже если это вторжение, — вмешался я, — поверьте, это выглядит довольно вежливо. Просто как официальный визит. Вы все равно не можете им ничего противопоставить, следовательно, им незачем применять силу. Пусть разбираются правительства, не вы.

— Интересный совет, — откликнулась Лидия с сарказмом. — Если вы их шпионы, вы не могли бы дать лучшего. И как вовремя вы тут появились!..

Тарси всхлипнула.

— Мы на вашей стороне!..

— Если Лорелей уничтожила «Янус», она тоже может что-то знать об этом дне, — добавил я. — Может быть, потому и прибыла, посчитав экспедицию обезглавленной. А может быть, чтобы выразить скорбь по брату. — Немного раньше мы дали понять, что инцидент затронул их обоих, чтобы не пояснять, что именно произошло с его женой, но в дальнейшем уточнили, что это привело к гибели только одного из них. — Это похоже на очень личный мотив. Хотя, возможно, она опасается изменить историю, отчего и относилась враждебно к перемещениям во времени, и потому не прибыла раньше, как мы. Или, по ее сведениям, все произошло позже, может, она даже ошиблась днем. Мы тоже ошиблись часом.

Кареллы уставились на меня во все глаза, на этот раз все четверо.

— Но я же, э... — откашлялся профессор.

— И лучше будет, если так и останется, — ответил я почти рефлекторно. — Посмотрите на них, если они вздумают сказать, что прибыли на какой-то сигнал бедствия... Если что-то пойдет не так, мы постараемся сделать все, чтобы вы не пострадали. — Я глянул на Нейта, ткнул пальцем во временно умерший браслет и кивнул ему — тот озаренно поднял брови и почти улыбнулся, понял, что я имею в виду — если что-то пойдет не так, а наши перемещающие браслеты оживут, мы можем просто схватить их родителей и переместить в наше время. А если не сможем этого сделать, побудем просто хроникерами, свидетелями, и будем надеяться, что автоматический режим возвращения когда-нибудь и как-нибудь работает, даже если нас просто пристрелят за компанию.

— Говорить нетрудно, если на нее вы и работали с самого начала, — фыркнула Лидия и упрямо отвернулась, навстречу шагавшему к ним офицеру с белым флагом.

Они двинулись к нему, а мы немного отступили назад в тень, продолжая держаться поблизости. Кто-то внезапно требовательно потыкал меня пальцем сзади в плечо, будто палкой — толстяк-исследователь, которого мы видели днем щеголяющим в пробковом шлеме, уже без шлема, и взирал он сумрачно и неодобрительно, не в пример дневному добродушию.

— Все-таки ваши приятели, а? — кивнул он в сторону челнока.

Я только покачал головой и он саркастично засопел, еще раз чувствительно ткнув меня пальцем — это было единственное, что он мог сделать, чтобы доходчиво выразить свой протест.

— ... сим ставим вас в известность, — церемонно сообщил офицер в синем мундире с бирюзовыми лацканами, — что мы приняли исходящий с этой планеты сигнал бедствия. И находясь случайно поблизости, не могли оставить его без внимания. Тем не менее, мы сознаем, что экспедиция организована другим государством и не желаем вторгаться на чужую территорию без приглашения. Позвольте ли вы оказать вам помощь, которую мы можем вам предоставить? Можем ли мы что-то сделать для вас?

— Как по нотам, — слегка удивленно заметил Нейт.

— Позвольте вас заверить, — суховато и осторожно отвечал профессор, что мы не отправляли никаких сигналов бедствия.

— Возможно, его отправил с этой планеты кто-нибудь еще? — вежливо предположил

офицер.

— Да, ребята, натворили вы дел, — с усмешкой просопел толстяк, но уже без прежнего осуждения.

— Возможно, — внезапно резковато ответила Лидия. — Сегодня мы как раз обнаружили на своей территории посторонних. Может быть, это они послали сигнал? По их словам, у них проблема с транспортом. Не могли бы вы забрать их отсюда? Нам они здесь совершенно не нужны.

— Лидия, пожалуйста, — попытался смягчить жену профессор.

Но собственно ее уже никто не слушал.

Не дожидаясь установления формального соглашения, фигура в золотом стремительно приблизилась, под легкое поднявшееся волнение со всех сторон.

— Прошу прощения за бестактность! — голос королевы Лорелей был изумительно красив вживую, не в записи, он будто проводил по нервам невидимым бархатным смычком. — Но едва ли вы можете отрицать, что мы знакомы. Фарук! С тобой правда все в порядке? — в бархатном голосе отчетливо слышалась тревога. И, может быть, облегчение. Нотки нервной радости? Она точно действительно знала, что сегодня могло что-то произойти. Королева Лорелей, знакомая с путешествиями во времени, возможно, не понаслышке? Жутковатая перспектива, в какой бы отдаленной вероятности это ни происходило, раз мы так запросто можем оказываться в мирах друг друга.

— Э... да, смею надеяться, *ваше величество*, — прохладно отозвался профессор, но без выраженной враждебности, которая была бы попросту неразумна. Да и вряд ли он на самом деле совсем не любил сестру.

— Наверное, все дело в этом свете, он бросает жуткие тени, и во времени — мы давно не виделись. Кажется, да, все в порядке, насколько я могу судить. Показалось на мгновение.

«Или кто-то в лагере или за его пределами сообщил тебе о сегодняшнем маленьком происшествии?» — наверное, можно было бы прочесть по лицу Лидии, которого мы не видели.

— Очень рада видеть вас обоих в добром здравии! — королева сделала паузу. — Я была осведомлена о вашей экспедиции и перехваченный сигнал меня весьма обеспокоил. Мы намерены оставаться поблизости на орбите еще два дня на случай, если ложный сигнал послали не вы. Убедившись, что вы в безопасности, мы вас покинем.

— Свежо предание, — непримиримо проворчала ее сестра.

— Поверь мне, Лидия, — ответила та печально и очень миролюбиво. — Я не желаю вам зла и никогда не желала. Только не вам. Пожалуй, вы правы, из-за меня у вас могут быть проблемы с вашими властями. Если позволите мне провести здесь час, как я и намеревалась с самого начала, узнав, что вы здесь, я отбуду по своим делам. Обещаю. Это ни в коем случае не вторжение. Если мне понадобится эта планета, я решу вопрос дипломатическим путем, ко взаимной выгоде всех сторон.

Лидия вздохнула.

— Значит, ты просто хотела убедиться, насколько тебе подходит эта планета, правда ли она перспективна? Тогда понимаю.

— Ты в самом деле веришь, что Солнечная Лига чем-то лучше Веги? Может быть, мы и зовемся монархией, а не республикой, но уровень жизни в нашем королевстве выше, чем где бы то ни было еще. Я правлю просвещенно, как бы тебе ни хотелось думать иначе. Вега никогда не стала бы настолько процветающей без меня.

Я услышал в этом нечто кроме обычной оскорбленной похвальбы — если рассматривать все во времени, все приобретает особый оттенок.

— Тем не менее... — мысли Лорелей немного переключились после того, как она удостоверилась в том, что представлялось для нее главной злободневной проблемой и успокоилась, решив, как решил бы и я, зная об ином исходе, что это просто другой поток времени и все на самом деле в порядке. — Ты говорила, кто-то проник в ваш лагерь? И, как обычно, подозревала мои происки?

— Да, — немедленно вскипятилась Лидия, будто бросаясь в последний бой, — хочешь сказать, что ты тут ни при чем? При том, как они выглядели?!

Нейт зажмурился и пробормотал что-то неразборчивое. Смесь гнева и страха не сотворила с Лидией ничего хорошего, она с самого начала подозревала, что дело вовсе не в путешествиях во времени, она к ним совсем не привыкла, в отличие от собственного параноидального бреда, отчасти справедливого...

Она как-то странно повела рукой назад, себе за спину, сделав жест, будто отмахивалась.

Минутку, это был сигнал, который она посылала нам? Ну конечно, она же понятия не имела, что у нас барахлит связь с «Пандорой», она давала нам знак убираться к черту немедленно, как настаивала уже давно. На тот случай, если мы все-таки им не враги. Она и верила нам, и нет — одновременно.

Я глянул на браслет — все еще глухо. Может быть, глухо с концами.

— О господи... — тихо, но отчетливо произнесла королева. Мы стояли не слишком далеко, и, проследив за жестом сестры, она нас увидела. — Эрвин?..

Что?..

Подняв взгляд, я увидел, что она в упор смотрит на меня, во всем этом сюрреалистическом освещении, посреди скрывающих нас теней от окружающих лагерь буйных зарослей, со смесью ужаса и еще чего-то совершенно непонятного. Не на Тарси, которую Лидия приняла за версию нее самой, не на Нейта, а именно на меня. Как она вообще могла меня разглядеть, если не знала? И она знала мое имя. Во времени, безусловно, возможно все. Когда же мы, черт возьми, успели познакомиться?.. Именно из-за этого она знала будущее?

Ее глаза на мгновение метнулись к брату, — ну конечно... если наши истории сколько-то похожи, она теперь считает, что знает, почему здесь сегодня все в порядке, — затем снова вернулись ко мне.

— Подожди! — воскликнула она, не обращая ни на кого внимания. — Не исчезай.

Я опустил руку, бессознательно пряча браслет с давно погасшим индикатором.

— Прощу прощенья, вы, наверное, ошиблись...

— Возможно, — не стала она спорить. Слишком мягко и покладисто, будто не хотела спугнуть. Даже не знаю, кем я себя почувствовал. Питером Пэном? — Ты же не боишься меня?

— Мм... нет, — ответил я осторожно.

— Отойдите, — велела она офицеру. — Вернитесь к своим людям.

Тот изумленно поклонился и повиновался приказу. Королева осталась практически без защиты. Впрочем, вряд ли она в ней нуждалась. Не могли же причинить ей вред безобидные ученые и ее собственная родня? За кое-кого я бы, правда, не поручился, но подумал, что она так же заинтригована.

— Простите меня, — обратилась она к своим родственникам, и глаза ее в свете

прожекторов удивительно блестяли. — Вы позволите нам переговорить? Всего несколько минут? — Она сделала короткий отметающий жест, не оглядываясь и не сомневаясь в том, что ей все повинуются.

Нейт пробормотал нечто сдавленное вроде «твою же мать...», они с Тарси тоже отступили куда-то в сторону, как и все остальные. Догадываясь, что Лорелей все же не стоит подходить слишком близко к лагерю, я сделал пару осторожных шагов ей навстречу. Все это было очень похоже на сон. Или на те давние безмятежные экспедиции, которые ровным счетом ничего не значили и никому ничем не могли повредить. Да и эти — разве могли?.. Да ладно, я просто не мог справиться с любопытством и бесполезно искать оправдания.

Я удивленно смотрел на нее, стоя совсем рядом. Царственное прекрасное чудовище, немного напомнившее мне мою собственную мать. Менее отрешенное, более резкое... теплое? Какое странное впечатление. Seriously? Разве так и выглядит опасность?

— Не думала, что когда-нибудь увижу тебя снова, — негромко проронила она, чуть громче, чем шепотом. — Значит, однажды ты все-таки сделал это для нее, не боясь разрушить историю?

Я приоткрыл было рот, и подавил желание со стуком его захлопнуть. Я видел, как она коротко глянула в сторону, туда, где, должно быть, стояла Тарси. Волосы у меня на голове слегка приподнялись — наверное, я давно догадывался, но теперь окончательно понял, кто она. «Посторонняя программа», та, что уничтожила «Янус», та, что знала, что должно было произойти сегодня, и не удержавшаяся от того, чтобы прилететь в день своей старой скорби. Конечно, Лора в силу близкого родства с обоими ее родителями отлично подходила для нее в качестве носителя.

— Тарси? — проговорил я, и она чуточку вздрогнула и неуловимо улыбнулась, вскинув голову.

— Не ожидал встретить меня здесь? Кажется, в твоей версии ты понял гораздо раньше, что никогда не попадаешь в свое настоящее прошлое? Когда я знала тебя, ты так боялся что-то нарушить. Видимо, это больше не наша история.

— Видимо, так...

— Не думала, что еще раз увижу тебя, — повторила она. — Живым. — Надо ли говорить, как подобные слова леденят кровь? — И таким молодым. Есть ли я в твоей истории? Есть ли там королева Лорелей?

— М-м...

— Если нет — берегись наследников Веги. Ты всегда был лучшим ученым, чем королем. Вега этим воспользуется. В том мире, где меня нет.

Я снова еле удержался от того, чтобы со стуком захлопнуть рот. Сделал это с усилием очень аккуратно.

— Наши миры совсем разные, — едва сумел выдавить я.

— Надеюсь, это прекрасно, — тепло улыбнулась королева Лорелей. — Я рада, что ты исполнил ее просьбу, — она коротко глянула в ту сторону, где, должно быть, стояла Тарси, и опустила взгляд. — Ей было неловко смотреть на «саму себя», или она не хотела смущать Тарси и пробуждать в ней преждевременные подозрения. Во мне — не избегала их пробуждать, считала, что я отлично ее пойму и просто очень хотела предупредить.

— Не знаю, как в твоём мире, — проговорила она, — но в моем — я очень любила тебя. Прощай, Эрвин. И живи — во многих других мирах.

— Спасибо, — проговорил я ошарашенно. — Прощай, Тарси. Ты знаешь, что...

— Я знаю, — прервала она. — Иначе вас бы здесь сегодня не было. Я очень это ценю. Надеюсь, здесь эту планету назовут так, как они того хотели. Хотя теперь я понятия не имею, к чему все приведет, раз все изменилось.

— Я тоже этого не знаю.

— Это прекрасно, — заверила она, продолжая неуволимо улыбаться. — Что может быть лучше тайны?

— Быть может, ее разгадка?

— Разгадка закрывает путь множеству возможностей. Но не во времени.

— Я на это надеюсь.

— Я тоже. Теперь я и правда могу удалиться. Я видела все. Береги себя, — повторила она. — Если она любит тебя, как я, она не захочет пережить потери, не перевернув весь мир.

— Благодарю. Я понял, — прошептал я.

Она царственно кивнула. Она и впрямь была безумно прекрасна. И пугающа. Хотя бы тем, что я начал винить себя в вещах, о которых прежде не подозревал. Ее кивок превратился в полупоклон, и я ответил ей тем же. Затем мы оба сделали несколько шагов назад. По моей руке внезапно побежали слабые токи, будто просто мурашки, но я был уверен, что знаю точно — наши браслеты снова начали действовать. Если это правда так, нам следует побыстрее убраться. Хотя хотелось бы еще столько всего узнать. Но в любом случае это совершенно другой мир. Все обоснования событий могут быть абсолютно различными. И потакать собственным фантазиям может быть самой большой опасностью.

— Подожди! — воскликнул я почти шепотом, но она все еще могла меня слышать. — «Янус» — как он появился здесь?

Она приподняла брови.

— Ты знаешь о нем? Его перенес некий Вирем, если тебе знакомо это имя.

— Спасибо... Что ты сделала с ним?

Она равнодушно пожала плечами.

— Ничего. Возможно, он погиб при взрыве.

— Возможно.

— Я решила, что слишком опасно существовать чему-то подобному здесь. Это всегда было опасно, и чем раньше во времени, тем хуже.

— Понимаю.

— Но я не виню тебя за это изобретение.

Я не смог ей ответить. Тем более, что не изобретал ничего подобного в своем мире.

Она снова опустила взгляд — просто в знак того, что отпускает меня.

— Прощай.

— Прощай, — ответил я.

Легенды о Лорелей повествовали о разбитых кораблях. И я тоже чувствовал, будто налетел на скалу, познакомившись с последствиями того, что... я не делал? И все же продолжал каким-то образом делать — рвать и комкать ткань реальности. Пусть теперь все было «придуманно» задолго до меня. Но я не мог не совершать того, что все еще совершал. Хотя ведь знал об опасности. Но желал получше в ней удостовериться. Прощупать насколько возможно. Как загнать в бутылку джинна, существующего изначально в моем мире независимо от меня?

Кто бы ни вел здесь такой корабль как «Янус», он разбился — в этом мире.

Вирем, Вега — будто снаряды, пролетающие так близко.

Но не стоит забывать, что все, что мы можем узнать здесь, все же может быть извлечено из наших собственных голов.

Прожектора немного померкли. Лорелей говорила еще о чем-то со своей родней, а я отступил к своим.

— Чего она хотела? — требовательно теребил меня Нейт. — Она правда тебя узнала? Ты уже заглядывал в ее историю?

— Что-то вроде того. Наверное, в будущем.

— Она точно не причинит им вреда? — спросила Тарси.

— Думаю, нет. Уверен, она им его не желает. Но не так просто она разрушила «Янус». Она знала будущее. Но боялась его нарушить. Поэтому появилась позже. Она любит их, судя по всему, и рада тому, что теперь все иначе.

Тарси облегченно выдохнула.

— С вами никогда не знаешь, чего ждать!

— Верно, — согласился я. — Проверьте-ка браслеты.

— Работает! — громким шепотом воскликнул Нейт.

— И у меня, кажется, исправен...

— Она оставит их в покое. Она правда их любит. Просто удостоверилась, что все хорошо. Если отойдем подальше в тень и заросли, никто не заметит, что мы растворились в воздухе.

— Верно, — согласился Нейт. — Пошли! Хватит с нас.

Так мы и сделали. Просто отошли бочком-бочком подальше ото всех и активировали браслеты, оказавшись, как в совершенном бреду, среди яркого электрического света, заливающего королевский кабинет, и долго еще пытались прийти в себя, пока Вирем, в одном из миров уведший «Янус» в прошлое, и «наследники Веги» хлопотали над нами, пытаясь выспросить, что произошло, и насколько мы в порядке после того, как у них традиционно катастрофически на какое-то время прервалась связь.

Возможно, просто прервалась из-за общей нестабильности и большой нагрузки, или из-за перегрузки от встречи с Лорелей, хотя теперь не было никаких перемещений в гиперпространстве — у нас, но у нее, возможно, совсем недавно были. А может быть, дело было совсем не в этом, а просто в том, что все мы оказались из разных миров — дополнительные осложнения и погрешности в расчетах.

Но если я рассчитывал, что путешествие поможет мне развеяться, то тут уж точно просчитался.

6. Неквантовая запутанность

Смертельно не хотелось ни с кем ни о чем говорить. Понятно, что всех переполняли эмоции, не только меня, но будто накрыло тяжелым облаком — и просто усталость, и многое хотелось переварить в одиночестве, не среди них всех. Если бы Лорелей упомянула только Вирема, или только «наследников Веги»... впрочем, ясно ведь, что Майк был тут совершенно ни при чем, если бы не королева Лорелей в нашей собственной истории, он бы даже не родился — вряд ли его родители когда-нибудь вообще встретились. Впрочем, откуда я знаю? В любом случае история была бы совершенно иной, Вега оставалась бы королевством, и когда-нибудь это повлияло бы на Денеб таким образом, что, судя по тому, что обронила Лорелей, я, видимо, умер. А она отправилась в прошлое, спалив все мосты, вселившись в собственную тетушку, используя ее просто как подходящую молодую оболочку, и, должно быть, из-за той истории, что она помнила, она практически выкосила королевский дом Веги на корню. Феерически... И это люди, которым я теперь больше всего доверяю, не беспочвенно, но оказаться причиной жутких трагедий в их прошлом — не тот сюрприз, что мог бы порадовать.

— Голова болит? — сочувственно переспросил Нейт. Его глаза блестели от возбуждения после приключения. Невольно вспомнилось, как сияли глаза Лорелей. Я только сейчас понял, что это из-за того, что в них стояли слезы. В глазах Нейта их точно не было.

— Наверное... — хм, и правда побаливала, но было все равно не до нее. Даже если «Пандора» каким-то образом вытащила все лишь из шкатулки моей головы — это следовало переварить и успокоиться, не так вот сразу...

Но иначе никак. Воображение, будь оно проклято.

Может, и правда что-то не в порядке: в прошлом о будущем слишком много знала Лорелей, а здесь, предположим, ее сестра? И у нее какие-то настоящие личные причины меня ненавидеть? И зачем-то скрывать генокод Тарси от нее самой?.. Чтобы ее тетушка Лора не казалась ей слишком очевидным вариантом? Вот же черт, тут прямо напрашивалась какая-то связь. Если только я не путал причины и следствия, и именно эти странности не создали ту реконструкцию реальности, к которой отправила нас «Пандора». Да, вот это возможно. Дыши глубже, даже если пока паршиво получается.

— ...Удивительно! — делилась между тем впечатлениями Тарси. Ее глаза светились. «Слезы», — снова отметил я. Но не печали, восторга. — Невероятно! Но едва ли я решусь когда-нибудь повторить подобное!

О, я только что пронаблюдал такое «подобное», что дальше представить сложно...

— Изумительно. Но ведь это неправда. Просто исполнение желаний, — вздохнула она. — Как вы и предупреждали.

— Возможно, — согласился я.

— Возможно?

— Обычно несколько более материально.

Я порылся в кармане легкомысленного сафари-костюма, — неплохо бы, кстати, переодеться на случай неожиданной военной тревоги, которая всегда может стрястись, — и вытащил маленький помятый сиреневый цветок, который сорвал с какого-то деревца, пока ожидал остальных в стороне от лагеря. Тарси уставилась на сувенир с таким недоумением, будто и правда решила, что едва она перенеслась в исходную версию реальности, все

увиденное должно было растаять, как сон. Способности человеческого мозга к самозащите потрясающе и трудно преодолимы. А ведь даже просто техника в наши дни вполне способна «материализовывать» объекты. Но все-таки...

— Ты в курсе, что он ядовитый? — предупреждающе кашлянул Нейт. — Родители рассказали нам об этом кустарнике, кажется, ты тогда уже ушел.

— Я не ешь его собираюсь, — успокоил я. Хотя ладно уж, не знал — мы, конечно, немного подготовились перед экспедицией, но на все тонкости у нас времени не было. В перечне очевидных опасностей цветок не маячил, так что едва ли прикосновение к нему чем-то грозило, если только я не додумаюсь добавить его ради экзотического аромата в чашку с терро.

— Если рассматривать реальность как своего рода волну, которую только наше ограниченное восприятие субъективно превращает в «частицу» с определенной неизменностью произошедших событий и их устойчивым привычным порядком, то это многое бы объясняло. — Цветок я просто положил на стол рядом с блюдцем. Раз Нейт не пытался при этом паниковать, значит, угрозы это не представляло.

— Несмотря на то, что выбор направления оказывается настолько... тенденциозным? — неуверенно уточнила Тарси. Прежде мы старались обезопасить ее от разочарования или травмы, заверяя, что все это «слишком далеко и неправда», но раз все обернулось довольно хорошо с ее точки зрения, можно уже было не настаивать на этом так навязчиво.

— Куда же деться от эффекта наблюдателя, то есть, нас, любимых? Но «его» — наша гипотетическая роль может оказаться сильно преувеличенной. Да, мы можем попадать в те зоны волны, которые подсказывает механизму наш мозг, в числе всего прочего, но это не значит, что все это не существует само по себе. Ведь в таком случае нет никакого «коллапса волновой функции», кроме мнимого.

Нейт кашлянул:

— Просто убедиться, что все бывает по-другому — это в любом случае дорогого стоит.

— Да... — Тарси немного порозовела. — Но все-таки не ожидала, что мы можем вызвать к жизни такое количество наших родственников! Очень странно...

И не говорите... Тут я заново осознал, в чьем присутствии все это наговорил. Если Майк, как «наследник Веги» тоже пожелает посетить место и время старой семейной трагедии и что-то в ней исправить, этот узел может запутаться еще туже. А раз может — скорее всего уже запутался. Где-то «в волне».

Кстати о невероятной простоте нашей династической ситуации, к которой невольно скакнули мои мысли после воспоминаний о том, что случилось или не случилось с Вегой. Никаких претендентов из дальних или не дальних родственников, не то что в «исторические времена», а ведь при всех новых способах репродукции их могла бы быть уйма. Но именно потому что их могла бы быть уйма, помимо жестко регламентированного узкого круга, прямо и четко обозначенного действующим монархом в ситуациях, исключающих всякие двусмыслицы, все прочее тут же переставало быть легитимным. Это продолжалось уже несколько столетий и все к этому привыкли. Приоритетные права за границами обозначенного узкого круга были сразу же у смены государственного строя. С одной стороны — замечательный повод легко и быстро избавляться от ненужных «анахронизмов», с другой, при имеющихся ограничениях, «анахронизмы» меньше всех беспокоили и порой казались привлекательной альтернативой вечной демократической неразберихе с безостановочной борьбой за власть всех, кого попало. Альтернатива, конечно, иллюзорная,

но имела какой-то успокаивающий психологический эффект.

Майк и Джелли переглядывались. Конечно, и они что-то говорили все это время, но я этого не помнил, помимо того, как они нас встретили — Джелли радостно вопила, было дело, а потом они подсунули нам терро — кофейная подзаправка сразу по возвращении самый невинный способ быстро справиться с последствиями путешествий во времени. Есть методы и посомнительней, обойдемся пока без них.

— Хм, — проговорил Майк. — А будет очень невежливо спросить, что будет, если я загляну когда-нибудь в раннюю историю отца?

Конечно, он тоже хотел ее исправить — сделать так, чтобы никто не погиб хотя бы в призрачной истории в других измерениях. Смешно было бы ему препятствовать после всего, что мы творили на его глазах. Да и возражений еще полчаса назад я бы, пожалуй, не имел.

— Понятия не имею, что будет, — осторожно ответил я. — Наверняка есть версии событий, где все в порядке, изначально и само по себе. Так же, как там, где мы были сегодня.

— А... — кивнул Майк со сдержанной улыбкой. — Хорошо. Тогда, пожалуй, не стоит.

— Мм... что? — переспросил я, не спеша испытывать облегчение.

— Если и так всегда есть версии событий, в которых все в порядке, наше вмешательство ведь не требуется? — уточнил Майк.

— Верно...

— Значит, удостовериться в том, что все может быть в порядке, это, в сущности, лишь психотерапевтический эффект?

— Спорить не буду.

— Если же вдруг это окажется не так, то масштаб события, полагаю, сам по себе довольно опасный для нас и для настоящего.

— Еще вернее, — подтвердил я, и мы несколько секунд довольно напряженно смотрели друг-другу в глаза.

— Я понимаю, — улыбнулся Майк, явно думая, что понимает, из-за чего я напряжен. Я бы и без Лорелей мог быть таким. Если у каждого появятся «маленькие личные просьбы», растущие как снежный ком, легче будет сразу пустить себе пулю в лоб. Ах да, в наши времена пули слегка не в моде. — Всего все равно не исправишь. А что можно испортить — неизвестно.

Я мысленно выдохнул и ощутил легкое чувство вины. Но, может, он всего лишь, как я, понимал, что если бы не давняя трагедия, он бы просто не появился на свет, и не хотел подвергать сомнению собственную реальность.

— Да еще этот ваш буфер, — вставила Джелли, решив сверкнуть посвященностью. — Который должен скоро появиться, да? Тут и так все время связь рвется.

— Ага, — согласился я. — Правда... Не знаю точно, какой период он в итоге захватит. Но прежде чем захватит, на какое-то время перемещения в принципе станут недоступны. Не знаю, как именно это на нас отразится. Мы оттуда не вернемся, или вернемся спустя несколько месяцев — никто не знает.

Внезапно мои мысли скакнули к «Янусу». Вот же что с ним, скорее всего, случилось — он «замер». Поэтому я никак не могу ни с кем там связаться ни по какому каналу? Потому что пространственно-временной теперь бездействует, а обычные перекрыты, так как это там для всех чрезвычайная ситуация, которая может выйти очень боком нашим старым друзьям и, скорее всего, как раз выходит, судя по мертвому молчанию... ох.

— Но вообще-то, — заметил Майк, обращаясь к Джелли, — событие, которое я имел в виду, скоро уже не будет закрыто буфером.

По крайней мере стандартным, какой был у «Януса». И черт, это тоже может стать проблемой... Хотя, чем дальше во времени, тем все же безопаснее и больше расхождения в вероятностях. Не исключено, что когда Майк наконец решится, он посетит тот самый мир, в котором Лорелей так и не появилась. Да, пожалуй, стоило уже перевести дух. Хотя бы ненадолго.

Видимо, поэтому я предложил сразу же еще одно маленькое путешествие. Потому что когда еще придется? Вдруг «Пандора» так же остановится, как «Янус»? Или просто будет совершенно не до этого. И чтобы Кареллы немедленно не принялись тормозить меня предположениями, откуда со мной может быть знакома Лорелей. Да и я давно уже был должен нашим новым посвященным хоть какое-то невинное приключение.

— Потрясающе!.. — покачнувшись, вымолвил Дон, едва оказавшись на широком пространстве выгоревших трав и с восторгом оглядываясь.

— Надеюсь, вам нравится! — я до сих пор не выпускал чашку терро из рук, с которой и переместился на этот раз во времени, решив, что могу себе позволить после всех волнений немножко повалить дурака — главное не оставить ее тут в саванне, хотя археологи все равно никогда не поверят в то, что нашли. Нейт и Тарси остались колдовать над механизмом.

— Очень, — заверил Майк, подняв ладонь к глазам козырьком и запрокинув голову. — Ничего себе, какое солнце!..

— Старое доброе земное, — констатировал я.

— Точно, — усмехнулся он. — Мы не так уж часто бывали на Земле... А представить, что тут еще нет сплошь покрывающих ее городов, это просто ого-го!

— И эге-гей! — подхватила Джелли. — Здорово и то, что местным начисто плевать, в каком ты костюме!

— Абсолютно, — подтвердил я, поглядев на перемещающееся в отдалении стадо буйволов. Впрочем, мой-то костюм все еще отлично подходил для сафари, в отличие от прочих, зато, надо сказать, и от солнечных ожогов те защищали получше.

Если бы даже мы случайно встретили не только крупную фауну, но и кого-то из древних людей, они бы не смогли ничего внятного передать о нас потомкам.

Вблизи мы узрели пока лишь мирного тушканчика, выскочившего из норки и вскоре снова нырнувшего в какую-то дыру в земле.

— Точно не тигр, — констатировал Майк, медленно поджаривающийся на местном солнышке.

— Однозначно, — согласился Дон. — Ну что, поблуждаем? Мы же можем менять местоположение? — уточнил он у меня на всякий случай.

— Конечно.

Они неуверенно разбрелись в разные стороны, осматриваясь.

— И все это совершенно без корабля! — заметила Джелли, покачав головой со вздохом восхищенной досады. — Не тратя ни минуты времени на полет!

— Но только не в реальном мире, — напомнил Майк.

— Что? — удивилась Джелли. Происходящее явно выглядело и ощущалось очень даже реальным.

— В реальном все равно понадобится корабль, — уточнил Майк. — Чтобы все было по-

настоящему, взаправду.

— Ага, точно, — кивнула Джелли. — Но ведь машина времени — тоже корабль? Нет, стой, сама знаю. Где угодно, но не в нашей настоящей реальности. Все равно обалдеть, мать вашу!.. Здорово! Эге-ге-е-ей!.. — заорала она на всю обозримую зазвеневшую саванну.

Дон обнаружил длинную кость какого-то копытного и немного поразмахивал ею как дубинкой, выражая солидарность своим далеким предкам.

Смилодонов мы увидели издалека, на них ведь и была настроена «Пандора». Так что они и правда тут были. Но подходить слишком близко не стали — полюбовались небывальными для Земли нашего времени просторами и ободренным до самых нервов синим небом и вернулись через неполную пару проведенных в прошлом часов и пару минут в настоящем. Обошлось без всяких технических эксцессов — на этот раз связь не пропадала ни на мгновение. Что ж, и эпоха была далека от той, что обычно образовывала буферную зону, потому, как ни странно, столь далекая вылазка была на самом деле куда безопаснее предыдущей. В некотором роде — что и требовалось доказать.

И теперь, выполнив обещание, было гораздо проще распрощаться со всей компанией, избежав на время неудобных вопросов.

Я немного посидел в одиночестве, наведя в кабинете порядок, то есть убрав все следы «Пандоры», подумал и решил, что переходить к здоровому образу жизни совершенно не время. В конце концов, всегда можно прибегнуть к небольшому шулерству с помощью одного приспособления, вызывающего искусственный сон на десять-пятнадцать минут, если совсем уж припрет. Может быть, даже прямо сейчас, несмотря на весь поглощенный кофеин. Пожалуй, это была очень хорошая мысль, так что так я и поступил, отправившись в комнатку, все чаще заменявшую мне нормальные апартаменты. Устройство представляло собой два маленьких диска, которые следовало приложить к вискам, заранее запрограммировав. Я всегда был невысокого мнения об эффективности этой штуки, но точно уж лучше, чем ничего...

Или нет. Проснулся я с головной болью и будто напрочь слежавшимися мозгами. На всякий случай рискнул повторить процедуру. Кажется, немного полегчало. Ладно. Сойдет.

Прежде чем отключить «Пандору», я попытался еще раз связаться с «Янусом» — просто на всякий случай, убедиться, что на данный момент это безнадежно. Похоже, так оно и было. Но теперь поблизости находилась и кое-какая часть «Януса», с которой связаться было очень даже можно.

Но сперва я связался со Страйкером и сообщил, что готов провести обещанный смотр орбитальным войскам. Управились мы часа за четыре с небольшим. По счастью, все было очень локально. И только затем наконец отправил сообщение Олафу и Гамлету: «Еще не спите?»

Оказалось, что нет — уже проснулись, вздремнув практически сразу после нашей встречи, и теперь как раз размышляли, чем бы заняться.

«Как насчет встретить рассвет над океаном?»

Все только за. Вот и отлично.

— Жизнь пуста, — печально разглагольствовал Гамлет. Под нами волновался темный океан, усеянный блестками отраженного света. Старый город сиял всеми огнями, над ним сновали как светлячки крупные и мелкие суда. В вышине вспыхнул и распался искрами

метеор. — Все закончилось. Целая эпоха, эон. Кстати, красивый отсюда вид... — Он вздохнул. — Но если сравнить со всей многомерностью, к которой мы привыкли, любой вид, любая высота, даже любая корона какой бы то ни было звездной империи — это ничто.

В самом деле. Какой еще сектор Цефея? Как мы могли говорить об этом серьезно?

— Не то чтобы все закончилось, — сказал я.

— Ой, если ты про то, что «Янус», «теоретически», все еще существует, я тебя умоляю! Для нас — закончилось. Первое время, конечно, было почти забавно — словно наше время лишь одно из множества времен. Но потом — это все равно, что отнять у птицы крылья!

Олаф промычал что-то согласное с заднего сиденья.

— Многие птицы лишаются крыльев, — заметил я мрачно. — А еще абсолютно всем когда-нибудь придется умереть.

— Как все запущенно, — фыркнул Олаф.

— Спасибо, подбодрил, — проворчал Гамлет. — И как я понимаю, вряд ли ты попробуешь построить что-то подобное в скором времени.

— Не уверен, что хочу это делать.

— Ну вот, — зловеще проговорил Гамлет после короткой паузы. — Это несчастное время нас пожирает, выедает нам мозги! Кем мы становимся? Не средоточиями разума во множественной вселенной, независящими от окружающей среды, мы сливаемся с декором, ландшафтом, прахом археологических слоев!

— Изумительно передает ощущение, — кивнул я. — Но честное слово, я притащил вас сюда не только затем, чтобы повисеть в пустоте между небом и землей.

— Водой, — автоматически подсказал Олаф.

— Да? — встрепенулся Гамлет. — Что-то, о чем нельзя поговорить в стенах дворца?

— Вообще-то, можно. Но он уже слегка... растворяет в ландшафте.

— Точно, так гораздо свободнее! — согласился Гамлет и тут же сник. — Но значит, ты не хотел сказать ничего важного? — в его голосе звучало разочарование и почти что смертная тоска.

— Ох, ребята, если бы вы прибыли немного раньше... Но ничего никогда не получается держать под контролем! — неожиданно для самого себя, я ударил по приборной панели, чудом не задев важных элементов управления. Катер лишь чуть покачнулся в воздухе, да и удар все же был несильный — может, все-таки, я его почти контролировал? Да и что бы особенного могло измениться, если бы они прибыли раньше? Я не позвал бы в команду «наследников Веги»? Все равно собирался. Маловероятно, что я бы заподозрил с их стороны что-то неладное раньше, чем они оказались бы посвящены в секрет, да и мало ли, что я могу еще узнать о ком угодно? — Ладно, черт с ним, с контролем. У меня есть машина времени!

— Уже?.. — от подскока Гамлета катер качнуло куда сильнее, чем от какого-то задевания приборной панели. — Когда ты успел ее построить?!

— Я не строил. Я ее даже не изобретал!

— Что? — небрежно переспросил Олаф. — Как бы ты мог? Она же давно существует.

— Именно. Неважно.

— И где она? Где-то здесь? — засуетился Гамлет. — Под водой?

— Нет. Она во дворце.

— Хм, а почему мы тогда все-таки здесь?

— Потому что здесь спокойнее.

— Для кого спокойнее? — слегка обиженно спросил Гамлет.

— Или ты ее по какой-то причине боишься? — слишком проницательно предположил Олаф. — Думаешь, она может нас подслушать?

— Или потому что так проще спрятать концы в воду, — процедил я сквозь зубы.

— Звучит как-то не очень, — заметил Олаф. — Что происходит?

— Куча побочных явлений, — признался я. — Вот почему я говорил, что не уверен, что хочу создавать подобное. Но она у меня уже есть, она действует, и мне кажется, я по уши во все это влип. — И если вдруг мне втемяшится, что так безопаснее, правда можно будет спрятать концы в воду. Впрочем, ладно, это нервное. Но в некотором роде именно эта иллюзия помогала мне сейчас говорить откровеннее, когда мы были на отдалении от «Пандоры». Все прочие участники проекта сами казались более «отдаленными», но не Олаф с Гамлетом, с которыми мы не раз пускались во все сомнительные тяжкие, уже связанные с «Янусом».

— Минутку, минутку, — переполошился Гамлет. — Ты что, пытаешься сказать, что ее тут уже кто-то создал до тебя?..

— Не совсем. Просто выяснилось, что существующая техника настолько хорошо подходит, что достаточно было только добавить схемы, чтобы все по-настоящему заработало.

Олаф присвистнул.

— Фантастика!

— Вот это удача!

— Я не уверен, что это удача...

— А что тогда?

— Неквантовая запутанность...

— Чего-чего?..

— Да может и квантовая, неважно! А можете считать, что я тут просто тихо спятил. Но если что, у меня есть свидетели. Хотя бы в том, что эта штука работает.

— Кто у тебя есть?

— Как вы понимаете, не мог же я это делать совершенно один.

— Но ты говорил, что не делал...

— Гамлет, подожди минутку, ладно? Я еще ничего не строил. Но когда я подключил схемы и проверил их соответствие внешней среде, они совпали не то чтобы идеально, но слишком уж хорошо. Не настолько, чтобы работать безотказно и гладко как часы, но достаточно для того, чтобы перемещать во времени и возвращать обратно, иногда с непредвиденными сюрпризами.

— Это с какими?

— Например, с одним воспоминанием, которое я то и дело «видел» уже год. Оказалось, оно из совсем недавнего прошлого, но отдача прокатилась чуть дальше.

— Здорово! — негромко выдохнул Олаф. — Всегда было интересно, на что способна не совсем исправная машина времени! Но чего-нибудь похуже ведь не было?

Уж про «Штандарт» я бы им все равно пока всего рассказывать не стал.

— Дальше уже может быть паранойя, поэтому, вообще-то, мне очень нужен ваш свежий взгляд.

— Всегда готовы, вот правда!

— Даже не сомневайся! — горячо поддержал Гамлет.

— Я знаю, насколько все это зыбко и может быть неправдой, и могу быть предвзят. Я

вообще под впечатлением. Мы совершили несколько пробных скачков. В основном — я совершил, остальные так, по разу.

— Мы же знаем остальных, да? — вставил Олаф.

— В целом да.

— Тогда все нормально. — Действительно, было же все предсказуемо. — И что там с этими скачками?

— Как вы понимаете, буфера тут еще нет...

— О, понимаю! — снова подскочил Гамлет. — Ты попробовал вернуться туда... ну... туда... и что же вышло?!

— Да, и туда тоже!

— Тоже?..

— Да, черт возьми! Ты хоть представляешь, чего это могло стоить?!

— Упс, спокойно...

— Я не сразу на это решился. И все это может быть только чертовым «исполнением желаний». Да, там у меня все получилось. Они живы. Там.

— Ох, господи!..

— Но я боюсь делать далеко идущие выводы.

— Понимаю-понимаю...

— И есть еще кое-что. — Только сейчас мне показалось, что все это ужасно мелко, по крайней мере, в том виде, о котором это можно рассказать. — Из совсем недавнего другого скачка. Очень может быть, что совпадение всей техники не случайное. Возможно, когда-то «Янус» появился здесь, на основе все того, что есть в Денебском дворце. А потом уже оказался в прошлом.

— Мда... — протянул Олаф. — Пожалуй, тебе и правда необходим «свежий взгляд».

Я невольно рассмеялся, и хотя они попросту многого не знали, мне стало спокойнее.

— Да, пожалуй. Ну что ж, исследуем местные глубины!

Я развернул катер носом вниз, и уронил его из крутого пике в темную воду. Стены стали прозрачными, нас повсюду окружала вода, освещенная нашим собственным светом — пузырьки, мечущиеся рыбки, кораллы, колышущиеся ленты водорослей. И среди всего этого — тень акулы, силуэтом торпеды скользнувшей совсем рядом.

— Да твою же мать... — вырвалось у меня, когда я непроизвольно выстрелил, разнеся в тучу пыли, замутившей все вокруг, верхушку гигантского коралла.

7. Синхрония

— Какого хрена только было? — осторожно спросил Олаф. Вокруг нас медленно клубилась и оседала коралловая крошка.

— Ни-че-го, — выдохнул я. — Вот в прошлый раз были биоторпеды.

— Биоторпеды? — голос Гамлета слегка дал петуха. — Здесь?

— Ну да. В акулах. Но сейчас все чисто. Пардон, рефлексы.

— Черт, кажется, у тебя тут было еще веселее, чем мы думали.

— Едва ли веселее, чем у вас.

Они внезапно расхохотались, до слез, и долго не могли успокоиться.

— Черт тебя дери! — весело воскликнул Олаф. — А ты совершенно прав. Ох! Ну наконец-то!

— По-моему, все чертовски плохо. «Янус» не откликается на вызовы. Думаю, он «застыл». А тем из наших, кто там остался, совсем несладко.

— Мы тоже так думаем!

— Есть смысл выдвинуть ультиматум. Если нам не дадут с ними поговорить, стоит поднять шум.

— Эрвин!.. — Гамлет с восторгом вцепился мне в плечо и принялся восторженно трясти. — Ты есть, ты живой!

— А ты сомневался, что ли?..

Тут мне пришла в голову еще одна дикая мысль... странно, что она не приходила раньше.

— Возможно, это странно прозвучит, но... — Я тут же резко замолчал. Все-таки это действительно было дико и опасно, хотя показалось вдруг лежащим ужасающим образом на поверхности, на самом виду. Мне все еще казалось более спокойным действовать в одиночку. В конце концов, зачем ждать? Если можно просто проникнуть на «Янус» и посмотреть, что там творится. Впрочем, я тут же осознал некоторую абсурдность. «Только не в реальном мире», — как сказал Майк. Я увижу только одну из возможных, а то и невозможных версий. Но Тарси тут же вспомнила «Горгулью» и была совершенно права. Не обязательно дожидаться гибели кораблей или людей, чтобы сдвинуть что-то хоть на волосок к желательному результату. Я ведь собираюсь только взглянуть, и затем следовать исходя из каких-то вероятных данных... Что-то в этих рассуждениях звучало фальшиво. Каждый раз начиналось примерно с этого. А когда я однажды вернулся всего на пару часов в прошлое, среди этого же океана, там не было ни торпед и никаких трагедий. Возможно, так будет и сейчас — ничего опасного вместо того, что есть на самом деле. Ложное успокоение. Но ведь, по крайней мере, это будет означать, что я сделал, что мог.

Насколько было бы проще, если бы «Пандора» уже обзавелась буфером... Но пока не обзавелась, не стоило терять времени.

— Послушайте, — проговорил Олаф, будто не обратив внимания на мое повисшее в воздухе начало фразы. — Может, это прозвучит дико, я пойму, если вы наотрез откажетесь, может, я просто увлечен известием и моментом, к тому же тут есть что-то от нарушения страшных божественных табу, вытатуированных у нас на подкорке... но что будет, если мы одним глазком заглянем на «Янус»? Ну, скажем, днем или двумя назад?..

Гамлет издал вопль восторга, которому мои барабанные перепонки не порадовались.

Черт... все-таки слишком лежало на поверхности, мы оказались в одном ментальном поле. Ну что ж, поздно запирайте конюшню.

— Только что думал о том же, — вздохнул я. — Только вас не хотел впутывать.

— Как это?! — снова завопил Гамлет у меня над ухом, теперь возмущенно. —

Издеваешься, что ли?

— Я говорил, что эта штука непредсказуема. И мы же говорим о «Янусе»!..

— Вот именно! Мы видели его куда позже тебя и знаем больше его новом состоянии!

— Ну, тут спорить не буду...

— Еще бы ты спорил!..

— Но я мог сперва заглянуть очень осторожно. К примеру — через мозг Фризиана.

Заодно точно бы узнали где он, все, что он знает, и жив ли вообще.

— Ох! — глухо заворчал Олаф. — И вот тут мне стало не по себе. Мозг одного из нас?..

— Ну, я как-то и в свой вторгался.

— Твой — это твой...

— Я знаю. Но на деле это самый щадящий метод. Думаю, он поймет и простит. К тому же есть система допусков. Наши давно аннулированы, при малейшей ошибке мы поднимем тревогу. Как теперь расположены банальные камеры слежения, мы тоже не можем быть уверены. А вот по итогам разведки можем уже проникнуть на Станцию по-настоящему.

— А довольно продуманно! — заметил Гамлет. — Правда похоже на неплохой план. Я почти согласен.

— Почти?

— Если представить, что кто попало может внедриться в мой мозг, то как-то брр...

— Заметь, мы это постоянно делали с ни в чем не повинными людьми.

— Брр!.. — повторил Гамлет.

— Ужас! — поддержал Олаф. — Но звучит разумно. Так когда мы это сделаем?

— Теперь, раз уж мы об этом заговорили, хочется сделать это не откладывая. Может, тогда отложим созерцание подводного мира и встречу рассвета как-нибудь на потом?

— Бинго! — воскликнул Олаф. — Давайте!

Гамлет торжественно кивнул. Я кивнул им обоим и поднял катер из воды. Развернувшись в воздухе, мы взяли курс на Город, когда запищал сигнал экстренного вызова в моих часах. Я нажал кнопку на всплывшем голографическом меню.

— Арли? Вы никогда не спите?

— Как и вы, — иронично отозвался Арли. — Уверен, вы захотели бы узнать сразу, где бы сейчас ни были. У нас запросили убежище.

— Да?.. — от волнения и беспокойства, что это может оказаться не то, о чем я думаю, мгновенно пересохло во рту.

— Ваши друзья Регул и Витали.

— Боже! Где они сейчас?

Гамлет и Олаф притихли, затаившись. Или я просто перестал их слышать.

— Примерно в часе полета к Леде. Ждут разрешения на посадку. В данный момент они в безопасности.

— Они на своем корабле? Можете направить их к дворцовым докам? Мы тоже скоро там будем.

— Разумеется. — Последовала пауза, пока Арли пересылал данные нашим друзьям и дворцовым службам. — Номер четыре должен подойти. Они на арендованном челноке.

— Спасибо, Арли!

— Какая, однако, кучность событий... — пробормотал Олаф.

— А ты думаешь, это случайность? — встревоженно и, для разнообразия, тихо проговорил Гамлет. — Или потому что тут уже петли наверчены? Если бы мы пробились к ним на несколько дней назад, они бы как раз долетели. Но теперь мы можем спросить их напрямую, прежде чем вмешиваться.

— Да уж... — Олаф ощутимо поежился, зашуршав на заднем сиденье. — Жутковато...

«Теперь вы меня понимаете?» — подумал я, но так и не спросил вслух.

— Ну, вот теперь мы можем даже успеть увидеть рассвет — он начнется через двадцать минут.

Ответом мне была зловещая тишина. Я удивленно обернулся.

— Что? — Мои старые приятели буравили меня подозрительными взглядами.

Гамлет кашлянул.

— Мы насчет неслучайности. Ты точно ничего не подстроил? Конечно, пока не пришло сообщение, ты мог быть не уверен, что все получилось...

— Да ну вас. Разве я стал бы тогда звать вас немедленно повторить, не теряя времени?

— Да кто ж тебя знает. Может, просто собирался повисить шансы.

— Отпараноились уже? — фыркнул я.

— Да, пожалуй, — кивнул Олаф. — Правда, рассвет теперь как-то...

— Ерунда какая-то в сравнении со всем, понимаю...

— Нет-нет, погоди! В самом деле, какая разница, где ждать?

— Вот именно. Просто не будем долго задерживаться, но раз уж мы все равно здесь...

— Согласен!

Мы какое-то время задумчиво смотрели в сторону горизонта.

— Кажется, не судьба, — заметил наконец Гамлет, глядя на стремительно сгущающуюся облачность. — Если только не подняться над облаками, но это уже как-то...

— Затянет дело, — поддержал Олаф. — Можно, конечно, поманеврировать нарочно в шторме, когда всерьез разыграется, просто так, для адреналина, но...

— Как-то не до них сейчас, — согласился я. — Все равно уже все мысли о другом. Ладно, Эльза, — сказал я, обращаясь катеру, — ты знаешь, что делать.

Включился автопилот и катер, дрогнув на усиливающемся ветру, ударившем в борт, изящно развернулся снова в сторону дворца. И снова пару раз вздрогнул, будто что-то натужно переключалось. Затем опрокинулся носом вниз и камнем полетел в океан.

— Турбулентность?.. — успел удивленно предположить Гамлет просто от неожиданности.

— Эльза, верни управление!.. — Ноль реакции.

— Твой автопилот пытается нас убить!.. — трезво подметил Олаф.

Это был до чертиков странный маневр, да еще и в поразительной атмосфере почти спокойствия — забеспокоиться мы еще не успели, а выкручиваться было уже пора: Олаф высунулся или просто выпал к нам со своего заднего сиденья, уперся одной рукой о лобовое стекло и несколькими сильными ударами проломил приборную панель. Что-то заискрило, заволакивая кабину удушливым дымом.

— Черт... — хладнокровно откомментировал Гамлет, оперативно нажимая чудом уцелевшую кнопку кондиционера. — Точно хорошая идея?..

Олаф выдернул из-под кожуха пару проводков, тихо что-то бормоча сквозь зубы.

— Заводи ее! — крикнул он, мгновением позже, чем я это сделал — едва он вручную покончил с автопилотом и включилось аварийное питание. Загудел кондиционер, очищая воздух, а заодно проснулись и двигатели. Олафу удалось слегка оторваться от лобового стекла и почти вернуться на место.

— Уже...

Кое-что, конечно, пострадало после вынужденного варварского обращения, но в основном управление вернулось.

Мы уже канули носом в волны; не предназначенные для такого способа взлета двигатели протестующе взвыли, пытаясь преодолеть инерцию и сопротивление воды, закипевшей вокруг в совершенно непроглядную муть. Но спустя несколько очень долгих секунд, когда мы лишь надеялись не взрыть носом дно на мелководье, не врезаться в коралл или подводную скалу, мы поплававком выскочили на поверхность, казалось, очень медленно оторвались от нее и так же непривычно зловеще неспешно потащились к своей первоначальной цели. Что-то угрожающе постукивало и шипело, но в целом катер держался в воздухе уверенно.

— Неплохо дружно сработано! — выдохнул Олаф. — «Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу...», — все невольно издали смешки, даже не особенно нервные. — Уже можно заорать?

— Если очень хочется, — отозвался я.

— Не особенно... И часто у вас так?

— Иногда бывает.

— Ну к черту! Цефей безопаснее, — напомнил Гамлет.

— Ну к черту, — отозвался я. — Не выйдет. Я пока не могу отодрать нашу машину времени от дворца, а «Янус» больше не наш.

— Тогда Цефей отпадает, — покладисто вздохнул Гамлет. — Но что смена часовых поясов творит! Кажется, я все еще ничего не чувствую.

— Я тоже, — заверил я.

— Даже не уверен, что помогло проснуться...

— Не о том думали, — предположил Олаф. — И это не пояса. Мы же не на древней Земле!

— Так, ностальгическое, — отмахнулся Гамлет. — Главное, что все поняли, а тонкости побоку, тем более что на каждой планете тоже есть пояса, хотя мы меняли не их... Ну, не на этой планете в данном случае.

— А раньше с автопилотом все было в порядке? — поинтересовался Олаф.

— Без понятия, я им пользовался всего раз, когда запрограммировал команду на возвращение пару месяцев назад. Если уж я вырывался полетать, так предпочитал поманеврировать сам.

— Ого, так может, у него давным-давно кукушка сорвана? Только кто-то плохо тебя знал и оторвал не ту деталь?

— Ну почему... зато эффект неожиданности.

— А если бы ты так и не включил автопилот?

— Вряд ли это у кого-то основной план.

— Ага. Точно... Дивно.

— Еще хорошо, что мы летели над океаном! — вставил Гамлет. — Летели бы над сушей, нам бы уже была хана.

— Или если летели бы не втроем... — добавил я.

— А тогда ты не включил бы автопилот! — почти торжествующе заключил Олаф. — Хотя да, рано или поздно все равно мог. Неприятненько.

До дворца оставались уже считанные секунды, но мы успели до посадки, не сговариваясь, начать насвистывать «На честном слове и на одном крыле».

Едва мы приземлились, к катеру сбежалась куча техников и гвардейцев. И то дело, летели мы по очень подозрительной траектории.

— Почему вы не выходили на связь? — всполошено выкрикнул бедолага Страйкер. Не первый раз я его пугал вылетами с приключениями.

— Вышла из строя. Извините.

Полковник, рысью преодолевший оставшееся расстояние, уже заглядывал в кабину и запыхтел при виде разбитой панели.

— Это был единственный способ отключить автопилот. Из-за этого и пропала связь... или из-за того же, из-за чего автопилот решил немедленно перейти в неотменяемый режим падения, можете попробовать установить.

— О, гм...

— Совершенно согласен. Пожалуйста, пришлите мне график техобслуживания за последние пару месяцев, когда выпадет свободная минутка.

— Разумеется! — Страйкер тут же подключился к базе, дело было и правда минутное, и лучше было сделать его сразу и лично, на случай, если кто-то вздумает отредактировать файл — наверняка в него заранее внесены правки, но надо проверить, вдруг что-то упущено. Конечно, Страйкер проверит его сам, но и я пробежусь свежим взглядом, вдруг придет что-то в голову.

И, почти выбросив произошедшее из головы, мы отправились в соседний док, встречать друзей. Было все еще очень волнительно, пока мы их не увидели, и кто знает, что еще могло случиться до этого момента. Хотя все что угодно могло случиться и после. Когда Арли связался со мной, на деле до прибытия оставалось уже меньше часа, или с полученным разрешением время было оптимизировано, так что прождали мы недолго.

Обычный маленький челнок совершил посадку в несколько необычном для таких челноков месте. Мне только сейчас пришло в голову, что так же сюда прибыли и Гамлет с Олафом. Не находил же я это таким уж странным. Ладно. Нашел. Но определенная кучность событий дополнительно нарушала все статистические вероятности. Наверное, не за горами тот день, когда мне покажется невероятным каждый вздох, не говоря уже об их кучности... Но совпадения случались и до того, как кто-то изобрел машину времени. Предположительно. Откуда нам, в конце концов, знать?

Кабина челнока открылась, из нее вышли двое. Пилот выходить не стал — скорлупка снова закрылась и покинула дворцовый док, возвращаясь к маточному кораблю, прибывшему по каким-то своим делам.

Мы приблизились друг к другу быстрым шагом, изумленно друг друга оглядывая.

— Быть не может! — даже не знаю, кто сказал это первым, был ли это кто-то из ожидавших или прибывших. А потом мы принялись с чувством жать друг другу руки, хлопать по плечам и обниматься — будто очень нужно было почувствовать каждого во плоти. Выглядели они немного усталыми, но казались совершенно не изменившимися, в отличие от Олафа и Гамлета, покинувших Станцию раньше.

— Совсем без багажа? — спросил я.

— Он по каким-то другим каналам — там у вас, знаешь ли, таможня, — отозвался Фризиан.

— А, ну я уверен, с этим можно было что-то сделать...

— Он и так на каком-то особом положении, не думаешь же ты, что Арли бы не позаботился? — Фризиан позабавленно усмехнулся. — Серьезно — это правда тебя интересует?

— Нет, стараюсь говорить о пустяках, пока сами все не расскажете.

— Понимаю, — он на мгновение обнял меня особенно крепко. — Расскажем обязательно. Хотя, особенно, нечего, — прибавил он как-то рассеянно и немного искусственно, как будто заметал следы.

— Как это?

— Во-от! И мы уже не о пустяках... если не считать пустяком то, о чем нечего рассказывать. А вот почему мы здесь — чуточку другой разговор.

— Какой еще?..

— До этого обязательно дойдет, обещаю. — Фризиан загадочно улыбнулся и большими глазами глянул в сторону Антеи, утонувшей в объятиях Олафа и Гамлета.

— Хорошо... Здорово устали или можем поговорить прямо сейчас? Ну и выходит... считаете, что за вами никто не гонится?

Улыбка Фризиана стала чуточку скорбной.

— Думаю, что пока никто. В самом деле. Думаю, плевать все на нас хотели.

— Чепуха какая-то... Такое возможно?

— А разве они, — Фризиан слегка кивнул в сторону Гамлета и Олафа, — так уж были кому-то нужны? За ними кто-нибудь гнался?

Я в замешательстве пожал плечами.

— Но этот запрос об убежище...

— Должны же мы были официально обозначить визит.

Я продолжал глядеть на него недоверчиво.

— А еще... — протянул он, и только теперь мне стало казаться, что он все-таки нервничает. — Было бы здорово поговорить с тобой наедине.

— То есть... — я слегка кивнул в сторону Гамлета и Олафа, и Фризиан кивнул в ответ.

— Если только ты не опасаясь, что мы — вражеские шпионы. А то мало ли что.

— Хм... — Самое гадкое, что в этом всерьез мог быть смысл.

— Лучше раньше или позже?

— Лучше раньше. Хотя, конечно, какое это имеет значение во времени?.. Вдруг, никакого? Или наоборот?

— Ладно, тогда не будем тянуть кота за хвост, — я хлопнул в ладоши, привлекая внимание. — Ребята! Гамлет, Олаф, извините, мне тут собираются что-то сообщить с глазу на глаз, но уверен, как только мы что-то уточним и разберемся, о чем мы вообще, мы тут же и вам сообщим. Я все правильно понял?

Антея поглядела на меня ошарашенно, Гамлет и Олаф переводили взгляд с меня на Фризиана предсказуемо обиженно, хотя после такого зачина и не очень.

— Ну, началось... — осуждающе протянул Гамлет.

— Тут многое от тебя зависит, — заявил Фризиан. — Сам решишь, насколько быстро тебе захочется этим поделиться. Это довольно личное.

Олаф озабоченно нахмурился. Гамлет принялся нетерпеливо пританцовывать.

— Послушайте, если это о тех, кого мы потеряли, вы не думаете, что это все-таки и нас касается?..

— Нет, немного о другом.

По крайней мере, по одному пункту я ощутил что-то похожее на облегчение. Или наоборот...

— А... Минутку, тогда случайно не о том, что кто-то забрался тебе в голову несколько дней назад?!

Фризиан с тихим присвистом втянул в себя воздух и окинул нас взглядом с легкой опаской.

— Нет! Надеюсь...

— А, отлично, а то мы тут...

Олаф дернул приятеля за рукав, пока тот не слишком увлекся.

— Давай пока не будем. Потом будем решать, стоит об этом говорить или нет.

Гамлет кивнул. Я с признательностью кивнул Олафу.

— Давайте, по крайней мере, не посреди дока. Но до основных помещений все равно можем пройти вместе.

Мы ступили на бегущую ленту, ускорившую наше движение к более жилым и официальным зонам. Экскурсию можно будет провести как-нибудь попозже, а пока мы преодолели почти весь путь в скоростных лифтах — вертикальных, горизонтальных, диагональных — пересекающих комплекс под всеми возможными углами. Лифты могли быть обзорными, если специально снизить скорость, я даже что-то объяснял на ходу по мелочи, но намеренно замедляться мы не стали, было как-то не до того.

— Предпочитаете поговорить без риска быть подслушанными? У нас есть особые помещения...

— Лучше то, в котором мы уже говорили, — сказал Фризиан.

— Понял.

— Что? — изумился Гамлет.

— Из которого я выходил на связь, — объяснил я. — Давно это было.

— А...

— Ну а если вдруг что-то происходит не так и кто-то из нас не переживет грядущую беседу, свяжитесь с Нейтом.

— Э... Ладно.

Фризиан задумчиво покивал.

— Да-да, мало ли что может случиться.

Антея вздохнула. Мы почти не шутили.

— Гадко, — печально заключил Гамлет.

— Кто знает, может, на самом деле все к лучшему.

— По крайней мере, все уже здесь, — поддакнул Олаф. — Никого не надо искать и беспокоиться о тех, кто далеко.

— Может, очень скоро соберем мозаику.

Тут мы совершили остановку и временно попрощались с частью команды, оставшись втроем. Антея снова вздохнула.

— Здоровенный дворец, — прокомментировал Фризиан.

— Они все такие. «И только самолетом можно долететь...». Но вроде, и не особенно большой.

Фризиан тихо хмыкнул, улыбнувшись. Мы вышли из лифта и оставшийся недолгий путь проделали в молчании. Наконец мы оказались там, куда и стремились — в кабинете.

— Я ведь так понимаю, что защита тут еще лучше, чем в ваших переговорных? — уточнил Фризиан. Я предложил им садиться, но они пока не спешили. Принялись оглядываться по сторонам — изучая взглядами и мониторы, и кресла, и даже будто бы то, что располагалось где-то за стенами.

— Исключая то, что из переговорных не бывает трансляций и связи со всем миром. Защита да — а вот сами возможности...

— Но лучше поговорить прямо на месте. Так сказать, в средоточии...

— Потрясающе, — произнесла вдруг Антея с чувством. Кажется, она была очень взволнована. — Просто потрясающе!

— Что здесь удалось подключить условно работающую модель?..

— Нет, что здесь все и началось!

— Началось? — переспросил я осторожно.

— Это, на данный момент, ее теория, — сообщил Фризиан. — Я склонен считать ее правдоподобной.

— Да, ты понимаешь, что твой дворец — это и есть прототип «Януса»?

— Мм... — Как-то все происходило быстро и без всякого моего вмешательства. Наверное.

— Мне кажется, ты не очень удивлен, — заметил Фризиан, все-таки уже севший в кресло.

— Да как вам сказать... С чего вы взяли?

— С изучения архитектуры, — отозвалась Антея. — Что меня всегда удивляло в Станции — это ее избыточность. Нелогичность многих узлов, неэффективность, громоздкость...

— Даже не знаю — все крупные комплексы этим страдают — какие-то модули строятся гораздо позже, а переделывать с нуля уже поздно...

Антея рассеянно отмахнулась.

— Все встает на место, если допустить, что на самом деле в «Янусе» кто-то пытался повторить иную, исходную структуру, не понимая полностью, как все это работает...

— Не принимай на свой счет, — с усмешкой вставил Фризиан.

— С чего бы... Насколько я понимаю, планы дворца не то чтобы общедоступная для всех информация.

— Разумеется, нет, — подтвердила Антея, наконец тоже усаживаясь в мягкое крутящееся кресло. Ее глаза азартно горели. — Но раз у тебя хоть что-то заработало даже без попытки что-то построить — это о многом говорит! Потому что ведь... мы тоже даже сейчас не до конца понимаем, как и почему все работает и все ли. Что-то понимаем, даже очень много, но какие-то вещи... их будто добавили из чистого суеверия.

— Ну, вот в это я не верю...

— Любая продвинутая технология... — философски протянул Фризиан.

— Неотличима от магии, я помню.

— Ничего такого в этом нет, — воодушевленно продолжала Антея. — только представь, сколько раз могло что-то повториться во временных петлях, никогда не полностью, в спешке, не доводимое до конца в результате каких-то чрезвычайных ситуаций или интриг, из-за чего передача информации и пострадала. Не говоря о том, что это скачки между

вариациями реальности. Изначально, возможно, все было до чертиков разумно и эффективно.

— Не очень-то, раз Станция лишь копия дворца.

— Его энергосистемы, — уточнила Антея. — Курица, яйцо — какая разница? Даже то, что это королевский дворец — разве невозможно, что все это потому, что кто-то намеренно повлиял на ход событий в прошлом, чтобы так все и получилось? Чтобы получить максимальный доступ к ресурсам!

Я слегка вздрогнул.

— Ох. Не то чтобы я об этом не думал... — В конце концов: королевства — это же такая архаика, это было бы так в нашем духе, или в духе того, кто копался во всех эпохах вперемешку. А буквально в самое последнее время я еще с ужасом отгонял мысль о том, что и Вега могла быть не просто конкурирующим королевством в прошлом, но конкуренция могла быть куда более глубокого порядка, только я пока не успел навести справки насчет архитектурных планов того, уничтоженного, дворца, в котором технических возможностей едва ли было меньше, чем у здешнего...

— Естественно! Тем не менее, необязательно. Просто: где базис, там надстройка, где ресурсы, там и излишества!.. — трезво заключила Антея.

— Ага, можно рассматривать и так...

— И мало ли кто изначально слегка спутывал следы, добавляя что-то для безопасности. Например, для существования того же буфера. Насколько он необходим на самом деле?

Воцарилась пауза. Мы выжидающе смотрели друг на друга.

— Что? — наконец спросил я. — Это был вопрос?

— На всякий случай, — вздохнула Антея, отведя взгляд. — Мало ли. Было бы интересно услышать новенькое.

— А на «Янусе» же он в итоге появился? Сейчас все в порядке?

— Да, все в порядке. «Янус» теперь просто «Янус», каким и был... до всех неприятностей. Мы решили, что оставить его вполне безопасно.

— Нам и так давно мечтали дать пинка, — заметил Фризиан. — А то и линчевать, пока он как следует снова не заработал после застывания. Но линчевать и вышвырнуть одновременно было очень трудно.

— Даже не представляю, как вы это пережили, — признался я.

— Только нам все-таки не мешает твоя помощь, чтобы его оставить, — прибавил Фризиан почти рассеянно. — Твоя модель ведь кое-что может помимо идеальной синхронизации связи через световые годы? Честное слово, нам нужно совсем немного.

Я секунду посмотрел на него в задумчивом молчании.

— О чем именно речь?

— Нужно, чтобы кто-то открыл один замок снаружи, — сдержанно ответила Антея. — Дальше мы и сами справимся.

— Черт возьми!.. Вы сказали, что за вами никто не гонится!

— Мы не всегда говорим правду.

— Надо было как-то успокоить ребят, — поддакнула Антея. — Иначе они бы так просто нас не оставили.

— Ну знаете...

— Ты сам посоветовал нам так сказать.

— Я?..

— Ну да, какая-то твоя версия из какой-то версии твоего будущего. Если мы ее правильно поняли. Конечно, если тут все получится иначе или вообще не получится — *c'est la vie*, не может же все совпасть точно. Но если возможно, думаю, очень желательно поддержать такую версию событий.

— Ладно... очень интересно, зачем я вообще посоветовал вам такое?

— Возможно, ты не их имел в виду, а любых непосвященных. И кто знает, насколько они были посвященными в той версии событий. Мы ведь не уверены, насколько они в курсе. А они уже в курсе?

— Да, они в курсе. Хотя... — «вот только-только...»

— Тогда, возможно, мы перестраховались. Но так все равно будет быстрее и ювелирнее, верно? Точечное быстрое осторожное вмешательство. И потом совершенно необязательно будет признаваться в своем участии — вдруг это почему-либо может оказаться важно, по крайней мере, меньше будет всех нервировать и так легче сохранить секрет...

— Не говоря о том, что... а это вообще возможно? — нерешительно уточнила Антея. — А то мы как-то увлеклись. В конце концов, мы опираемся на информацию из другой версии событий. Вдруг на самом деле все не так? Все же это лишь модель, и я не знаю — ты экспериментировал с ней всерьез? Это огромный риск...

— Вы меня извините за то, что я как-то нервничаю?.. — Я хлопнул ладонью по экстренной кнопке: из распахнувшихся глубин стола воспарил автоматический дымящийся кофейник на подносе с шестью чашечками величиной с наперсток.

— О, кофе! — радостно отметил Фризиан.

— Здесь мы его называем терро.

— С волками жить — по-волчьи выть. Терро так терро. Честное слово, мы сами как на иголках и непонятно на каком свете.

— Чего-нибудь посерьезнее не желаете?

— Может, позже.

— Отлично... Господи, мне бы еще как-нибудь убедиться, что вы не какие-нибудь собственные клоны! Я чертовски рад, что вы здесь! Если только это и правда вы. Ну да, просто я тоже не совсем уверен, на каком я свете. Может, это у нас такая веселая запутанная загробная жизнь? — Черт, наверное, не стоило так шутить. А вдруг так оно и есть.

— Правда мы, а что... были прецеденты?

— Вроде того. Почти.

— Безмерно сочувствую, — скорбно кивнул Фризиан. Так, для сведения, без должной проникновенности. В конце концов, что тут еще скажешь?

— Что именно нужно сделать? Пожалуйста, не надо темнить. Почему такие противоречия по поводу сбежали вы или нет, удалились сами или с чьей-то помощью?

— Все довольно запутанно! — вздохнул Фризиан. — Как я говорил, нас собирались то ли линчевать, то ли вышвырнуть, пока Станция не начала функционировать на известном для всех уровне.

— Да?

— И так как теперь, когда все заработало, «вышвырнуть» стало актуальнее для всех, просто на радостях, мы обо всем договорились. Нам даже транспорт предоставили. Вот только, когда мы уже совсем собрались и должны были покинуть Станцию, оказалось, что мы не можем выйти из комнаты ожидания в переходной шлюз, да вообще никуда: двери заблокированы, связь пропала. Мы так понимаем, пришло какое-то срочное распоряжение

на наш счет. Впрочем, понятия не имеем, что там было, беспокоились мы считанные минуты, так как дверь открылась сама, за ней оказался ты, сказал нам, чтобы мы побыстрее проходили, летели туда, куда собираемся лететь, и делали вид, что все в порядке и так задумано, пока не попадем в этот кабинет. А потом растворился в воздухе — надо сказать, неприятно все это выглядело, как жуткий симптом шизофрении! Представляю, как должно действовать на мозги ни в чем не повинных граждан! Транспорт нас все еще ждал, там, похоже, ни о чем не подозревали, и мы просто проследовали по изначальному плану. Да, это тоже походило на какой-то нехороший симптом, но вот мы здесь.

— Прелестно. Это точно не шутка?

— Ни на вот столько.

— Абсолютно, — серьезно сказала Антея. И ей я поверил.

— И я, конечно, понимаю, что везде все происходит совершенно по-разному, но как-то немного нервно — что именно может случиться, если где-то эта петля не замкнется как надо? При том, что отлично понимаю, что на деле это вовсе не петля...

— Если брать аналогию, — вставила Антея, — скорее что-то вроде последовательности ДНК с постоянными мутациями, расположенной перпендикулярно обыденной стреле времени.

— Хм... — Кажется, мы оба с легкой опаской глянули на нее и прихлебнули медленно остывающий кофе... называйся он хоть двадцать раз иначе.

— А вы уверены, что не было какой-то подготовительной работы? С тем же транспортом?..

— Конечно, нет. Как мы можем быть уверены? На этот счет у нас нет ни малейшей информации.

Я тяжело вздохнул. Конечно, нужно было соблюдать хоть какую-то осторожность, не следовало торопиться — ведь у нас же машина времени, в конце концов... С другой стороны — все смертно, все мы можем куда-то не явиться по самым уважительным причинам. Даже если где-то в мутировавших или наоборот, еще не мутировавших участках «ДНК» все случилось бессчетное количество раз — ни на что никакой гарантии. Отвлечешься, и вот уже некогда будет вернуться, сперва из-за кучи дел и соображений, потом и по техническим причинам.

— Ладно. А как я хоть выглядел?

— В точности как сейчас, — ответила Антея и указала пальцем на мой рукав, вернее, на высунувшуюся из-под него манжету, тыльную сторону кисти и на что-то, чего я не мог видеть у себя на лбу. — Следы копоты или что это такое?

— Да, думаю, она...

— Я подумала, что это откуда-то из шлюза, мало ли где там можно испачкаться. Разве что ты там уже был? Это возможно?

— Нет, еще не был.

— Да, вряд ли. Гамлет и Олаф тоже были немного испачканы, — я обратила внимание.

— Это не навело вас на мысль, что мы все в этом замешаны?

— Не навело, — отозвался Фризиан. — Не хотелось тебя подставлять — вдруг ты что-то скрываешь. Страшные государственные тайны и все такое, покрытое мраком. Ну а если они тебе сейчас нужны, ты всегда можешь их позвать.

Я вытащил из кармана носовой платок, по рассеянности собираясь избавиться от замеченных следов копоты, но Антея всполошенно перехватила мою руку.

— Не надо! Может, глупость, но лучше ничего не менять.

— А, возможно. — «Я рад, что вы здесь, но до чего же я ненавижу предопределенность...».

— Конечно, ты можешь изменить все прямо сейчас, — с дьявольской пронизательностью подсказал Фризиан. — Мы-то уже все равно здесь, а надо ли спасать нас где-то еще — большой вопрос. Не остановил же нас никто по дороге. Может, нам ничего и не угрожало на самом деле.

— Но ведь был же в какой-то момент зачем-то запущен этот цикл — едва ли без причины. — «Сперва корабль взрывается, потом ты попадаешь на него и оказываешься причиной того, что было принято за взрыв. Но бомбы-то мы все-таки нашли...». Ладно, мне все равно никогда не понравится эта мысль, так хоть избавиться от нее можно будет поскорее. Э, нет — ведь если где-то все иначе, то можно как раз все чертовски осложнить... Или вовсе испортить и всех погубить из-за поспешности и непредусмотрительности. А какая бы то ни было предусмотрительность отпадает — если настоящие данные на самом деле совершенно неизвестны. — Меня лишь тревожит, что мы можем все испортить. Любое наше знание отягощено погрешностями при постоянных переменных.

— Очень понимаю, — кивнул Фризиан, и осененно наклонился над столом, будто его посетила гениальная идея: — Но что, если ты отправишь туда меня? По-моему, отличная мысль, я точно совершенно не против!

8. Почти бритва Оккама

— Мысль просто ужасная! — возмущенно возразила Антея, со стуком поставив чашечку на стол. — Ты представляешь, насколько сразу такой переменной изменишь все исходные условия? Это гарантированно изменит уравнение до неузнаваемости.

— А может быть, наоборот? Компенсирует погрешности и придаст больше устойчивости, если обе версии событий окажутся рабочими?

Антея раздражено затрясла головой.

— Это значит «множить сущности без необходимости»!

— О, давайте вспомним доисторических монахов со всем их мракобесием, они себе и мультивселенную представить не могли! Унаследуем их ограниченность?

— Крайне маловероятно, что что-то получится! — не сдавалась Антея. — Скорее всего ты попросту окажешься в версии событий, которая имеет куда меньше сходства с нашей. Нет, конечно, мы можем сперва попробовать и так...

— Так давайте попробуем! — Фризиан глянул на меня и деликатно перевел дух: — Извини. Если все это возможно, конечно.

— Ну, в целом возможно. Ладно. — Я пододвинул проектор и запустил программу. Свет вокруг слегка померк, заглушенный переплетением сияющих линий.

— Ого, — сдержанно прокомментировал Фризиан. — Как оно все... призрачно.

— Уж как есть. — Из ящика стола я вытащил один из уже готовых браслетов фиксации сигнала и перебросил ему. Второй положил рядом с собой.

— Мм... думаешь, нам обоим стоит отправиться?

— Плохая мысль! — продолжала гнуть Антея. — Удельный вес перемещения отклонит вас от курса еще сильнее.

— Нет, это на тот случай, если экспериментальный вариант не сработает.

— Он не может сработать!

— Тут есть некоторые технические сложности. Связь не всегда стабильна. Я отлично знаю, насколько ты компетентна, но все-таки ты видишь этот неполноценный конструкт впервые, мне будет проще ориентироваться в модулях, которые потребуется подключить или, наоборот, сбросить. А после этого мне будет проще оставить кого-то приглядывать за системой. Мы попробуем трюк дважды...

— Вы рискуете натворить накладки! Если Фризиан отправится в нужные координаты, он может там столкнуться с тобой из другой временной линии.

— В каких-то версиях я могу и сам с собой благополучно столкнуться.

— Благополучно — неудачное слово.

— Пожалуй.

— Но если это будет не Фризиан, у нас гораздо выше шансы, что повторится именно нужная модель! Пока ты еще случайно не стер эту копоть. Тут просто идеальное совпадение, уверена, что это хороший признак!

Фризиан сделал вид, что сейчас начнет биться головой в стол.

— А представь, что было бы, будь нас тут сейчас пятеро!..

Не исключено, что мне было бы менее нервно. Но и правда, хорош уже нервничать, я же все равно собирался это сделать, пусть не совсем так, и считал отличной идеей послушать, что именно произошло, раз выпал случай, и действовать, исходя из этого. Пожалуйста —

буквально все на блюдечке! Я надел свой браслет, подвинул голографический терминал поближе к Антее, и мы принялись вместе вводить данные. Заодно я ей показал, где подключается наша коварная Капелла, с участием которой трудно попасть точно по адресу, но без которой бывает трудно вернуться назад. Фризиан подошел посмотреть поближе, но браслет Антея у него отобрала.

— Нужно всего лишь открыть дверь, — напомнила она. — Что говорить, ты тоже представляешь. Если что-то пойдет не так, просто возвращайся, я надеюсь на идеальное совпадение модели, но, если разница будет сильной, бессмысленно рисковать.

«Просто возвращайся» — это может оказаться не таким простым делом — сколько раз уже получалось застревать совершенно непредвиденно. Что ж, еще один аргумент, что это может оказаться новостью для Фризиана, тогда как для меня уже привычно, а с Капеллой справился даже Вирем.

— Если там все хорошо, все справятся, если все плохо — незачем, чтобы все плохо было и здесь, — заключила Антея. — И вот что еще — пожалуйста, думай о хорошем! Если «Янус» практически всегда использовал в уравнении то, что извлекал из нашего сознания, постарайся все не испортить!

— Господи, Антея!.. Я постараюсь. Вот только не хотелось бы думать, что если меня все-таки забросит не туда, то это только потому, что я все испортил!.. — А не потому что мы торопились, пытаюсь сохранить идеальные пятнышки копоти. Но можно понадеяться, вслед за Антеей, что они сами по себе обещают удачу. Так что я перевел дыхание, допил вторую чашечку и постарался думать о хорошем.

В шлюзе было сумрачно и холодно, но он и не предназначался для того, чтобы находиться в нем долго. Теоретически, блокировка могла касаться и возможности проникнуть из него внутрь, но практически, по умолчанию, всегда была односторонней — либо из него можно легко попасть в помещения, которые он связывает, либо как раз из него выйти невозможно, а вот из любого внешнего помещения он бы открывался с легкостью. Ведь если никто не может сюда войти, это значит, что тут никого нет. Так что на простом кодовом замке я набрал стандартную комбинацию, которая никогда не изменялась — служила только дополнительной защитой от случайной разгерметизации, при которой должна была активироваться автоматическая блокировка — «Янус» ведь теперь дрейфовал в пространстве, а потом нажал на большую кнопку рядом с ним, как и было задумано. В худшем случае это бы не сработало и пришлось бы повозиться. Бинго! Дверь открылась.

— Привет! — насколько мог ободряюще сказал я. Мало кому нравятся призраки тех, кого тут никак не должно быть. — Выходите скорее.

Фризиан и Антея уставились на меня с ужасом. Надо же, насколько могут поражать неожиданности, наверное, на их месте я смотрел бы так же. Но, отметив это лишь мимоходом, я первым делом оглядел комнату. Кроме них здесь никого не было — отлично, я расслабил руку, лежавшую на кобуре.

— Не беспокойтесь, я всего на минуту...

— Так и знал, сволочь, что без тебя не обойдется!.. — на удивление яростно произнес Фризиан, решительно шагнул вперед и, вскинув руку с бластером, выстрелил в меня.

Я изумленно отпрянул, но определенно опоздал. Вспышка, искры из глаз, тотальная потеря равновесия и невероятный провал в бесконечно короткий многомерный колодец, закрученный, как пространство Калаби — Яу, в конце которого я упал в очень светлом месте

на очень светлый ковер. А, привет ножки от стола, похожие на птичьи лапы, недавно виделись... Но, кажется, умирать я вовсе не собирался, хотя в левом плече начал разгораться пожар.

Кто-то вскрикнул, забежал вокруг. Меня подхватили с двух сторон и помогли сесть.

— Какого черта произошло?! — требовательно спросил Фризиан.

— Что случилось?! — одновременно с ним воскликнула Антея.

— Это вы скажите! — выдохнул я. — Как я сюда попал? — индикатор на браслете пульсировал красным.

— А... автоматически! — ответила Антея. — Я переставила автовозврат на любое повреждение с обычного летального, на всякий случай подстраховалась. Осложнения? Пришлось пробиваться с боем? На кого мы там напались?.. Мы вообще там были?

— Еще как! Это вы меня подстрелили.

— Ух ты... — изумилась Антея, садясь на пол рядом.

— Так и задумывалось?.. — Может, дорогая Антея «подстраховалась» неспроста?

— Нет!.. — Значит, видимо, я просто недостаточно «думал о хорошем».

— Но дверь ты открыл? — обеспокоенно спросил Фризиан.

— Ага.

— Тогда, надеюсь, все получилось, этого достаточно, — торжественно подытожил он, это вызвало у меня нервный смешок. Я бы посмеялся и дольше, если бы дыхание не перехватило.

— Кажется, мы там враги...

— Наверное, просто от неожиданности нервы сдали?..

— Не-ет!

— Может, все-таки и мне попробовать такой маневр? — оживился Фризиан. — В себя мы, наверное, стрелять бы не стали.

— А вдруг там будете не вы?

— Прекратите болтать на минутку... — проворчала Антея, взясь с моим воротником. — Надо посмотреть, вдруг что-то серьезное...

Что хорошо в ранах от бластера, так это мгновенное прижигание, сводящее к минимуму возможные кровопотери. Калибр стандартный для «Януса» — весьма малый, почти условность, серьезную опасность несло лишь очень точное попадание в цель, а раз я активно принимал участие в обсуждении произошедшего, попадание явно было не точным. Все равно до ужаса неприятно, особенно смысловой составляющей. Что делать — вселенная совсем не доброе место, это лишь ее очередной намек.

— Ой-ой... — пробормотала Антея. — Как дышится?

— Так себе.

— Вдохни поглубже.

— Не хочу. — Пока все казалось неплохо, но рисковать разорвать спекшиеся края совершенно не хотелось, только чтобы выяснить, задето там легкое или нет. Если да, то точно будет хуже.

— Сейчас запустим медсканер... — Антея уже управлялась со всей технической начинкой почти как дома (да она ведь и вычленяла когда-то всю рабочую схему, загнанную затем в маленький записывающий куб, вот бы кому подошло на самом деле создать машину времени, если бы все шло естественным образом) — воспользовалась голографической заменой «Януса» и для подобной диагностики, мгновенно закутав меня в кокон светящихся

линий. — Как плохо-то...

— Что?..

— Ужас... Когда ты последний раз спал?

— Это как-то относится?..

— Выстрел — ерунда. Но не с таким общим состоянием. Еще и следы множественных перемещений в короткий промежуток времени совсем недавно, нервная система на грани коллапса. Чем ты тут обычно занят?.. Есть тут у тебя нормальная аптечка? Не голографическая и не кофе?

— О, кофе! Спасибо, что напомнила!.. Помогите мне лучше подняться, и, пожалуй, пора мне вызвать моего адъютанта, даже если придется разбудить бедолагу, он знает, что делать, и как нам будет лучше скрыть это происшествие.

— Что?

— Мм?..

— Извини, ты говоришь очень неразборчиво...

— Правда?..

— Почти. Давай не так быстро. Твоему адъютанту точно можно доверять?..

— Смотрите! — позвал нас Фризиан. — Что это происходит?

— А, я уж подумал, это у меня просто в глазах рябит...

Окружающие нас линии утратили насыщенность и выцвели до едва видимой бледной серости.

— Это что еще такое? — изумленно проговорила Антея, озираясь и пытаясь бессознательно потрогать светящиеся потоки руками. — Буфер? Сейчас?

— Тогда это еще не буфер, а замирание, — поправил Фризиан. — Выходит, мы успели в последние секунды.

Я невольно выдохнул с облегчением. Наконец-то. Пока механизм действует, всегда задаешься вопросом, почему все еще валяешь дурака и не исправил все возможные ошибки бытия с начала вселенной, пусть вслепую и с вечно меняющимися данными.

— Ну что ж, — вздохнула Антея. — Значит, какое-то время нам уже не плодить сущности... Может и хорошо.

Посреди серых линий пробилось неприятное пульсирующее алое сияние.

Антея удивленно охнула:

— А это что?!

— Нет, это уже не «Пандора», — успокоил я.

— Не... что?

— Ну не называть же ее по-прежнему «Янусом». Маленький черный кубик, и такой загадочный. — Хотя — вот вам и второй лик, может, и называть. Но как-нибудь потом разберусь. Я все-таки поднялся, отключил проектор и включил связь с дежурным — временно все прочие виды связи кроме этого экстренного канала были отключены. Экран на всякий случай включил только для входящего сигнала. — Что случилось?

Майор Такер взволнованно метался за своей стойкой с мониторами.

— Ваше высочество, сэр!.. Чрезвычайное происшествие в военном госпитале. Вы дали распоряжение срочно сообщать обо всех возможных там проблемах...

— Да-да, все верно, благодарю, Такер. Насколько серьезно?

— Пересылаю общий план! — Такер прислал мне изображение дымящихся руин. — Выглядело, впрочем, не так уж ужасно, но, разумеется, то самое «проблемное» крыло. — На

госпиталь рухнул шаттл!

— Что рухнуло?!

— Шаттл, сэр. Частный. Пространственная регистрация — республика Орион. Судя по графику, который я тут вижу, он по какому-то делу посетил дворец около получаса назад. Затем совершал маневры для выхода на орбиту к маточному судну в порядке своей очереди, потом рухнул вниз. Противовоздушная оборона не сработала, из-за полученного во дворец допуска статус неприкосновенности не успел оказаться снятым вовремя. Более точные данные уже пересылаю...

— Черт возьми, — ахнул Фризиан рядом. — Это что, тот шаттл, что нас доставил?.. Что могло с ним случиться?

Такер прислал картинку с техническими данными шаттла. Мы втроем пораженно на нее уставились.

— Точно, он. С ума сойти. Не удивительно, что не было никаких препятствий...

— Есть более подробные отчеты с места происшествия? — спросил я.

— Пересылаю первичный отчет доктора Фрисби!

— Он не пострадал? Прекрасно.

На экране возник очень взъерошенный доктор — это была запись и очень суматошная, мелькающая, прыгающая, с помехами. Поверх записи продолжал говорить Такер, будто переводя сбивчивую речь Фрисби:

— Доктор сообщает, что разрушены имеющие приоритетную важность изоляторы. Боюсь, большая часть их пациентов погибла. Из-под обломков все еще извлекают тела.

— Черт, черт, черт... — выругался я, прикрыв ладонью микрофон. В наши времена не то чтобы были нужны какие-то микрофоны — разве только для того, чтобы можно было их вовремя прикрыть. — Спасибо, Такер! Пожалуйста, вызовите ко мне Вирема. Я прибуду на место происшествия, как только смогу.

— Есть, сэр!

Я включил отключенный коммуникатор и задумчиво полюбовался на пропущенные недавние вызовы от Фрисби, Арли, Страйкера и Вирема. Ответил всем одним махом: данные получены, скоро буду на месте.

— Черт! — тихо сказал Фризиан. — Но это значит, что нас вовсе не собирались останавливать. Только задержали на какое-то время, пока что-то внедрялось в полетную программу шаттла. Совершенно не нужно было кому-то открывать нам дверь, она бы и так открылась. Скорее всего. Мы лишний раз играли с огнем и зря торопились.

— Интересно, кто бы это мог быть... — так же тихо проговорила Антея.

Отличный вопрос. Может, даже, это был я из другой временной линии? Если беспокойные пациенты изоляторов на этот раз действительно погибли и это вело к какой-то моей выгоде?

— Ну, может, в каком-то мире и не зря. Никогда же не угадаешь. — И все подвержено мутациям. Может быть, мы не успели сделать главного — запрограммировать шаттл не падать на госпиталь раньше времени, вместе с моими друзьями?

Мы вылетели вчетвером — Фризиан и Антея присутствовали в качестве свидетелей, раз уж их доставил этот злосчастный шаттл. Дон был уже в курсе происшествия и с «Эльзой». Остальные тоже. Для них это оказалось шокирующим откровением — мы ведь так и не обмолвились опервом утреннем падении, занятые другими вещами, пока нас не настигли

новости о действительном крушении.

— Два похожих случая за одно утро! — заметил Вирем сразу же при встрече. — Думаете, совпадение?

— Понятия не имею, Дон. На всякий случай — не включай сегодня автопилот.

А ведь и правда идея совсем недурная.

— Отличная мысль, сэр. Простите — мы ведь еще не знакомы? — Дон с любопытством, смешанным с восторгом, воззрился на моих старых друзей — они все еще носили униформу «Януса» и выглядели чертовски «аутентично».

— Фризиан Регул и Антея Витали. Прибыли на том самом шаттле. Все было благополучно. А потом, возможно, для возвращения к маточному судну кто-то использовал автопилот.

— Просто ужасно! — скорбно воскликнул Дон.

— А это Дон Вирем, — представил я. — понятия не имею, что бы без него делал.

Все обменялись рукопожатиями и, фигурально выражаясь, расшаркались.

Затем мы погрузились в свеженький, еще не падавший сегодня, катер.

— Предупреждение о возможном вирусе в эфире уже разослали, — сообщил Вирем, заскакивая за штурвал. — Так что, пока все не перепроверят, сегодня все воздержатся от автопилотов.

— А вам не кажется, что падение было очень уж... прицельным? — поинтересовался Фризиан с заднего сиденья.

— Кто знает, — пожал плечами Вирем. — А вы, сэр, простите, куда сегодня падали, не в ту же точку? — уточнил он у меня.

— Просто в залив. Камнем вниз.

— Пока не сходится.

— Это не значит, что нет связи, — предостерег нас Фризиан от поспешных выводов.

— Конечно, — кивнул Вирем. И мы взмыли в небеса над заливом. — Тем более все равно все это как-то близко... Может, вирус поразил автоматическое управление в заданном радиусе от нужной точки?

— Может.

— Диспетчерскую уже вверх дном переворачивают. На случай, если это оттуда поступили сигналы.

— Не думаю, что что-то обнаружится, — заметил я равнодушно.

— Я тоже, — согласился Дон.

Но, в крайнем случае, гипотеза о вирусе в эфире — отличное дипломатическое оправдание, придется только обнародовать наш утренний случай. Арли и Страйкер уже вместе этим заняты — вычислением целесообразности подобного заявления и составлением улик и протоколов. Разумеется, Лига обязательно ответит, что все это для отвода глаз и никаких покушений на мою царственную особу не было и быть не могло — все лишь для того, чтобы разделаться с их неудобными гражданами. Но такое уж это дело — никто никому не верит, а оправдания придумывать все равно приходится — для собственных сторонников, чтобы у них было больше поводов поддерживать свою веру и проповедовать ее всем сомневающимся.

Не так уж много было смысла, если говорить откровенно, в этом вылете. Разве только увидеть своими глазами все разрушения, поговорить с шокированными, уцелевшими врачами, увидеть, как выносят тела в пластиковых мешках, укладывая их в ряд во внутреннем

дворе. И позволить недремлющей прессе увидеть меня на месте события, чтобы разнести всем, что мне не все равно — разумеется, нет. Но интерпретаций будет тысяча.

Фрисби и его сотрудники в спецкостюмах и копоты метались между телами, целыми, или их собранными частями, анализировали ДНК и устанавливали личности погибших.

— Все здесь! — запыхавшись, доложил мне Фрисби, приподняв защитный щиток с респиратором, позволявшим проникать в задымленные помещения, в которых также присутствовала опасность радиации и непредвиденных химических угроз и заражений из разгромленных лабораторий. — Насколько мы можем судить. Все образцы присутствуют!

— Абсолютно все?

— Да, а также десяток человек из нашего младшего персонала и технических сотрудников. Достаточно раннее утро, присутствовали на месте только дежурные.

— И ни одного выжившего?

— Ни одного, сэр. Хотя местами... тела не целые, как вы понимаете. Но анализ ДНК указывает на всех.

— Поразительно точное попадание, — повторил Фризиан за моей спиной.

Фрисби поднял голову и поглядел на него трагическим взглядом.

— Совершенно верно, сэр. Кошмарное происшествие. Остается только надеяться, что оно не окажется поводом к полномасштабной войне!

Антея вздохнула почти со стоном:

— Начинаю думать, что на «Янусе» было не так уж плохо...

— Можно было представить, — мрачно ответил ей Фризиан, — еще с того случая с флагманом, что здесь не то чтобы непрерывное веселье.

— Да нет, практически непрерывное... — пробормотал я. — Хотя не то чтобы веселье.

— Черт, — вздохнул Фризиан. — И теперь все мы тут застряли.

— И не говорите.

— И не можем ничего изменить... — пробормотала Антея.

От ее слов я почти вздрогнул. Что толку изменять что-то вслепую?..

Я еще раз просмотрел список Фрисби, мрачно окинул взглядом еще дымящиеся руины и решил, что пора возвращаться. Еще и плечо под пластырем жутко разнылось. Дону мы так ничего и не сообщили — хорошо, что соседние с кабинетом апартаменты были настолько обжиты, что быстро нашлось, во что переодеться. Но пора было возвращаться и хотя бы на пару часов от всего отключиться, пока не нахлынет следующая волна неприятностей.

— Вы уж извините, — сказал я друзьям. — Пока не смогу уделить вам время. Если хотите — пообщайтесь пока с остальными или отдохните. Дон вас проводит, для вас уже должны были организовать удобные помещения, или исполнит все ваши пожелания. Верно?

— Конечно! — отозвался Дон. — Почту за честь.

— Только не включайте автопилот, на всякий случай, — напомнил Фризиан.

Возвращение прошло как в тумане, хотя, как обычно, я, кажется, изображал вполне «функционирующую модель». И конечно, возвращался я не в свои королевские жилые комнаты, а в привычный кабинет, откуда всегда можно сделать какое-нибудь срочное официальное заявление, а заодно просто очень хотелось проверить — в самом ли деле замерла «Пандора», или это был снова лишь какой-то временный перебой связи. Я же еще не наблюдал их лично, в отличие, например, от Дона. Может, для него все так и выглядело в свое время.

Итак, я добрался до кабинета, едва закрылась дверь, привалился к ней ненадолго,

закрыв глаза, а потом вдруг почувствовал, что я здесь уже не один. Они тихо вышли из того скрытого коридора, что вел в комнату отдыха. Волоски у меня на загривке поднялись, я открыл глаза и дернул ручку двери. Заблокировано. Снаружи. Да черт тебя дери, Такер, кто так делает?!

— Ну что ж, *ваше высочество*, — иронично проговорила Лидина, — пора нам наконец поговорить серьезно, не правда ли?

9. Почти троянский конь

«Полковник Крейг» — отнюдь не покойный и не находящийся в состоянии овоща — выстрелил парализующим разрядом в мое правое плечо раньше, чем я успел дотянуться до личного оружия — еще бы, он ведь держал меня на прицеле еще до того, как я осознал, что в кабинете кто-то есть. Сколько уже можно в меня стрелять за последние сутки? В разных временах и временных потоках. Совсем сдаю. Затем все тот же бывший «овощ» тигром подскочил ближе, схватил меня за шиворот и бросил в ближайшее кресло, меньше чем за минуту прикрутив к спинке и подлокотникам, да и к оси, на которой оно обычно вертелось, прочными пластиковыми ремешками. Кажется, они были здорово похожи на синтезированные браслеты фиксации сигнала... Нет, конечно. Но синтезировать нечто подобное можно в два счета где угодно. Вряд ли все-таки у них уже появился доступ ко многим функциям этого кабинета. Могли запасть еще в госпитале. Судя по тому, что я видел, катастрофа вовсе не проложила им дорогу — они должны были выбраться раньше, а затем рухнувший шаттл только замел следы и всех отвлек. То, что их ДНК была обнаружена на месте катастрофы, даже ничего не говорило о злонамеренности Фрисби — они ведь там жили какое-то время, оставили кучу естественных следов, образцов тканей для анализов, и так далее, наверняка еще и позаботились о том, чтобы что-то нашли, а в большем еще не было времени разобраться.

Оба они были в форме королевских гвардейцев — кто-то должен был их всем этим обеспечить. А кто провел — не возникало сомнений. Интересно. Всегда считал, что Такер работает на своего дядюшку премьер-министра. Не противоречит — Денеб уже куда ближе к демократическому правлению, чем пять минут назад. Впрочем, и пару часов назад он был весьма к этому близок.

— Выходит, вы сознательно уничтожили весь свой экипаж? — спросил я вместо ответного приветствия, едва переведя дух.

— Я? — Лидина изогнула выцветшую бровь. — Вовсе нет. Разве что один мой коллега решил для надежности окончательно замести следы, но меня вовремя предупредили, так что уничтожение обернулось удобным прикрытием и сигналом форсировать события. Некоторые жертвы неизбежны.

— Ясно.

— Кроме того, — продолжала она отстраненным тоном, — разве на самом деле это был не ваш приказ?

— Не делайте вид, будто так считаете.

Она мягким движением выложила на стол перед мной черную коробочку — не многовато ли в моей жизни значимых черных коробочек? Пусть всего двух разновидностей. Против тех, что величиной с ноготок, я ничего не имел, но вот эта мне решительно не нравилась. Наверное, пришло время испугаться. Но мозг пока решительно отказывался принимать происходящее всерьез. Подумаешь, еще одна неприятность — они тут градом. Может, хоть что-то прояснится лучше. Вот ей наверняка теперь проще быть немного откровеннее.

— Я ведь предупреждала?

— Если с вами «что-то случится». Непохоже, чтобы с вами случилось что-то серьезное.

— Мой корабль перенесся во времени, — отрезала она. — Кто еще мог это сделать? Но

пока ты можешь не все, правда? Иначе меня бы здесь не было. Может, какое-то грядущее все же на моей стороне? И сейчас самое время, когда можно все изменить. Но ты прав — я не собиралась ждать, чтобы что-то случилось. Это было предупреждение о неизбежном.

— Откуда вы это взяли? У вас с собой его не было.

— Всегда удобнее взять нужное на месте, когда есть те, кто готов его предоставить.

— Похоже, у вас здесь много друзей.

— Достаточно.

— Майор Такер? — начал я с очевидного.

Она пожала плечами и усмехнулась.

— Такер, Страйкер, Фрисби... мои дети, которым вдруг вздумалось меня проведать именно в эту ночь, мне продолжать? — вкрадчиво произнесла она, похоже, не собираясь сообщать ничего нового, а кое-что было уже очень сомнительно. Но кое-что очень-очень тревожило.

— Серьезно? Фрисби? — вслух усомнился я, с усилием проигнорировав дальнейшее. Да, Тарси и Нейт могли после нашего путешествия в альтернативное прошлое, и я невольно забеспокоился, в порядке ли они. Но они ведь, кажется, связывались со мной после происшествия, только у нас не было времени поговорить. И это ведь правда были они, а не какая-нибудь очередная симуляция?

— А как, вы думаете, мы покинули госпиталь? — Она была совершенно безмятежна — не удивительно, раз не предполагалось, что после этого разговора я окажусь в состоянии поговорить с кем-то еще.

— Мало ли. Госпиталь набит персоналом всех рангов.

Она снова усмехнулась с чуточку недовольным видом и присела на краешек стола. Действительно, почему бы не пооткровенничать?

— Что ж, Фрисби просто дурак и сам не знает, что помог. А кое-кто, кто помог, едва ли сможет кому-то о чем-нибудь поведать.

— Как цинично, — я почти улыбнулся. — Да, об этой штуке — могу я предположить, что это музейный экспонат из коллекции госпиталя?

— Можете.

— Уверены, что он работает?

— Я проверила.

— Это и значило «едва ли сможет кому-то о чем-нибудь поведать»?

Она тихо фыркнула в ответ. На самом деле, вряд ли у нее было время проверить всерьез, но начать она могла. Когда-то и мне досталось совсем немного, но впечатления остались яркие. Кажется, она сама была не прочь помедлить, расставить точки над «i», нужно было только ей не мешать. Не считая того, что она все-таки замышляла меня убить, но по каким-то причинам это как будто пока не беспокоило. Привык к внезапным вмешательствам извне? Путал ее с другой ее версией, с совсем иными мотивами? Сами возможные версии событий, теряя чувство реальности? Или пришло время обещанного Антеей коллапса нервной системы? Она сама вела себя обманчиво успокаивающе — возможно, надеялась что-то узнать из почти светской беседы. Что ж, это и к лучшему, пока худшее всерьез не случилось. В конце концов, вдруг она и впрямь не в точности та самая версия, с которой мы встречались при наиболее скверных обстоятельствах? Я не ощущал в ней того, что раньше — ядовитая всеохватывающая ненависть ослабла. Может, лишь потому, что она наконец близка к цели.

— Не люблю предателей, — поделилась она. — Никогда не могут работать на одну сторону.

— Понимаю.

Она секунду смотрела на меня странным испытывающим взглядом, будто что-то мысленно взвешивала. Пока я сам взвешивал, в какой же момент ей стоит сказать, что я знаю, и стоит ли.

— На что-то надеетесь? На какой-то козырь в рукаве? У вас же их неисчерпаемый запас.

— Разве? Вы мне льстите.

— Или вы все же не тот, кто когда-то был моим гостем?

— Что наводит вас на подобные мысли? — Теперь сбивать ее с толку было не так уж важно. Вся разница могла оставаться в нюансах с таящимися в них черными дырами, удобными для обеих сторон. — Ваш коллега, собиравшийся «окончательно замести следы» — мы с ним, случайно, не знакомы?

— Знакомы, скорее всего, — она слегка улыбнулась уголком рта — это было обоюдным, пусть косвенным, ответом на вопрос, виделись ли мы все-таки раньше. — Вы, как будто, не верите, что я этим воспользуюсь, — она нежно провела сухощавым указательным пальцем, похожим на лапку богомола, по грани черной коробочки.

— Долгий процесс, — заметил я нарочито безэмоционально. — Слишком много риска.

Она снова вздернула выцветшую бровь, будто ее это позабавило.

— Какая очаровательная рационализация. Вы думаете, я собираюсь попросту убить вас? Это ведь и правда — такие пустяки. Кажется, что это самый простой и быстрый выход для всех.

— Так я прав?

— Это могло бы быть верно. Если бы я беспокоилась о своей безопасности, а не о чем-то гораздо большем.

— О чем же?

Она еще секунду пристально глядела на меня.

— А, так все наоборот? Если я использую то, что собираюсь, то, как бы это ни было неприятно, это потребует времени. А время — это то, с чем вы привыкли играть. К сожалению, приходится иметь это в виду. Хотя ваш старый «друг» за дверью уже предупредил всех, чтобы нас не беспокоили в ближайшие пять часов. Времени хватит с лихвой. — Да, пожалуй, хватит и все закончить, и неторопливо поговорить перед этим. — Уверена, он выдержит оборону. А если бы была возможна помеха из будущего, она бы, верно, уже случилась? Может, именно после наших действий некому будет вмешаться? — Интересно, она сама выжидающе медлила, чтобы это проверить? — И все же не будем слишком тянуть.

Решившись, она слегка тряхнула головой, соглашаясь с самой собой, подхватила со стола коробочку и кивнула своему помощнику, стоявшему за моим креслом. Тот чуть развернул его, зафиксировав в удобном для нее положении.

— Погодите, — сказал я, — пока они не начали. Я знаю, почему вы это делаете. Это не сработает.

Она удивленно замерла и выжидающе прищурилась, держа «коробочку» в руке.

— Действительно?

— Думаете, множество смертей каким-то мистическим образом распространится на

множество версий событий? Вовсе нет. Во многих версиях событий нас давно нет, но на нас это не отражается.

— Пока что. А как же резонанс? От крайне неприятного длительного фатального события, заключающего в себя множество событий? Оно может отразиться во временных потоках по-разному, но мы ограничим вероятности, или расставим так ловушки на возможно большем их числе, чтобы расчистить путь нужной нам версии событий. Даже если не сработает — стоит попробовать выжать максимум из доступных средств!

В этой извращенной логике даже мог быть смысл.

— Как Лорелей сообщила вам, кто она?

На этот раз она застыла действительно пораженно. Черная коробочка задрожала в ее руке.

— Ты знаешь? — проговорила она как-то глухо. — Ну конечно, знаешь. Иначе зачем бы...

Протянув руку, она расстегнула первую пуговицу на моем воротнике. Возникло ощущение, что она делает это как во сне, и в то же время, какой-то другой частью мозга, наблюдает за моей реакцией. Я решил не реагировать.

— Зачем бы что?

— Зачем бы мне это делать, — она расстегнула вторую пуговицу. То есть, она надеялась на то, чего еще не знала?

— Я тоже не хочу, чтобы она ею становилась. Это не должно случиться. Каждая версия событий уникальна. Ничто в точности не повторяется.

— Да. Потому что мы это изменяем. — Третья пуговица...

Она отогнула край воротника и хмыкнула с рассеянным интересом — заметила краешек пластыря. Подцепила кончиком ногтя и отодрала, заглянув под него.

— Ожог от бластера? Совсем свежий. Кажется, не только я считаю, что среди живых тебе делать нечего.

— У вас же здесь столько друзей.

— Полагала, с моим основным союзником здесь у меня четкое соглашение. Никаких случайных быстрых смертей. — Не считая неисправных автопилотов. Но кто же знал, что мне наконец втемяшится включить то, чем я столько времени не пользовался? — Должно быть, это кто-то еще. Ты понимаешь, о чем это говорит?

Нет. Не понимал.

— Вселенная отторгает тебя как чужеродный объект, как угрозу.

Проклятая черная коробочка плотно прижалась к коже и тут же запустила под нее тончайшие вибрирующие щупы — непосредственный контакт с нервной системой. Перед глазами запорхали мушки, будто я вот-вот потеряю сознание.

— Вы делаете ошибку, — устало сказал я — говорить стало труднее, мерзкие усики плотным шевелящимся клубком опутали легкие, хоть пока это было лишь субъективное ощущение — и они прокладывали путь дальше... — Я знал другую вашу версию. Там вы не были чудовищем.

Она криво усмехнулась, но в ее глазах застыла застарелая боль, правая щека едва заметно судорожно подергивалась.

— Мне пришлось стать чудовищем — из-за тебя. Как пришлось стать чудовищем Лорелей, потому что ты извратил ее, отравил своим ядом! Думаешь, теперь она сможет остановиться, если только я не устранию все возможности? Ты погубил их обеих — мою

сестру и мою дочь, они погибли в одно мгновение, став одним существом, ненавидимым всеми. И ты продолжаешь это делать, делаешь это снова!..

— Мы могли бы даже не встретиться. Наша встреча, из-за вас — почти «самосбывающееся пророчество».

— Ну не-ет! — глубоко выдохнула она, почти экстатически. — На этот раз нет! Тебе больше не создать эту адскую машину времени, из-за которой вся вселенная обрушится в хаос!

— Конечно, ведь «Янус» давно существует, никто из нас уже не может этого отменить.

Она негромко расхохоталась.

— Да-да, мы подходим к этому! Еще как можем. К этому времени «Янус» уже должен быть уничтожен. Вы больше не охраняете его и никак не могли на это повлиять. Очень скоро весть об этом разнесется.

— Вы лжете. Это невозможно.

— Очень даже возможно. Ваш старый коллега поведал нам достаточно о том, как можно уничтожить ваш проклятый «Янус» изнутри, прежде чем мы позволили ему умереть. Да и разрушать, по счастью, не такое уж трудное дело.

Если это было возможно... то, пусть не во вселенной, а в моей голове, разыгрывался хаос. Конечно, она бы не убила меня, не сказав такого на прощание. Но она говорила об устранении «всех возможностей»? Уничтожить «Янус» — полдела, когда есть «Пандора». Устранить меня — бессмысленно, пока есть те, кто разбирается во всем куда лучше, хотя доступ к средствам может оказаться затруднен, но если однажды вернется «Штандарт»...

— Как вы разрушили «Штандарт»? — спросил я, мне показалось, что беззвучно, но она услышала.

— О, это вопросы вашей внутренней политики, — отмахнулась она беспечно, в любом случае улучшив свою репутацию в моих глазах. Если бы она была замешана, обязательно бы похвасталась. — Хотя, признаю, это было кстати. — Так... если она отказалась от своего участия в катастрофе, то рассказала мне об уничтожении «Януса» не потому, что хотела понадежней испортить мне последние минуты. Выходит, это была правда. — Сюда оказалось проще подобраться и можно было сосредоточиться на меньшем. Теперь мы здесь. Как я понимаю, в средоточии того, из чего появился твой адский механизм, и похоже, ты его уже испытывал, или его зародыш, — какое хорошее определение... — когда мой корабль совершил скачок. Лорелей оставила записи — о том, где все началось. Зашифрованный дневник — но отчасти это был наш собственный общий шифр... Тут все и кончится. Через три часа, или, если кто-то попытается сюда пробиться, немного раньше, наш многофункциональный «полковник Крейг» активирует режим биобомбы и взорвет все в этом кабинете, по крайней мере, перекрыв доступ к системе, долгое время ею нельзя будет воспользоваться, тем временем мы разрушим ее ключевые компоненты. — Биобомба? Вроде известных мне биоторпед, только в человеке, вернее в человеческом клоне? Я успел машинально ужаснуться этой мысли, как и тому, что они в самом деле невероятно близки к тому, чтобы уничтожить и «Пандору», но она продолжала: — А мои денебские союзники позаботятся о том, чтобы все произошедшее оказалось на совести твоих друзей, которые так любезно здесь собрались. Кто, как не они, могли уничтожить «Штандарт» с помощью «Януса»? Все знают, что мой корабль перенесся во времени, а исчез он весьма похоже — все отметили это сходство. Может быть, они не хотели, чтобы вы разносили общие страшные секреты? И вот теперь добрались до тебя, как и до моего экипажа в госпитале. С вами всеми

будет покончено одним ударом. Вот почему никто не появится из будущего. Теперь-то ты действительно в ужасе?

Это и правда был сокрушительный удар. Самое время отправить меня в ад, где я и так уже отчасти находился. Она победно протянула руку и передвинула маленький рычажок на грани черной коробочки, подводя итог. Вот и всё. То есть, еще очень долго будет «не всё», но думать там уже не получится. Сердце замерло, будто и правда все рухнуло. Я понятия не имел, чувствовал это по-настоящему, или уже начался процесс, который наберет силу спустя пару минут. Никаких «богов из машины». А самое ужасное — может быть, так действительно будет лучше? Разыгрывающийся хаос коллапсирует в относительно ограниченном охваченном пространстве. Вселенная будет спасена именно благодаря этому? Из-за таких постоянных коллапсов она вообще все еще существует более-менее стабильно? А сейчас мне просто отольется все, что я только мог натворить и разрушить, вернее натворил и разрушил в неслучившемся и одновременно случившемся будущем, прошлом, настоящем, все несчастья, произошедшие и которые только произойдут по моей вине, и в этом есть своя омерзительная справедливость...

Лидина судорожно всхлипнула и, вскинув руки, рухнула на выстланный светлым ковром пол у длинного стола.

«Там отличные птичьи лапы, — абсурдно подумал я ей вслед, обрадовавшись возможности отвлечься. — Как они вам?..»

Стоп... Что вообще происходит?..

Мистер Франкенштейн бросил бластер, по-видимому, все еще находящийся в режиме излучателя, и, тихо чертыхаясь сквозь зубы, промазав с первого раза, явно торопясь и нервничая, перевел рычажок на черной коробочке обратно, а затем выдохнул:

— Успел! Извини, подумал, что надо дать ей до конца высказаться. Но если тебя все-таки хватит сердечный приступ, я буду глубоко неправ! Потом развяжу. Надо ее сперва зафиксировать, пока не очнулась, согласен?

— Э... — Я ошарашенно пронаблюдал, как он взгромоздил бесчувственную неумолимую Немезиду в соседнее кресло и прикрутил к нему таким же манером, как и меня. — Кто ты? — спросил я.

— Я не из будущего, — ответил он, взясь с прозрачными ремешками. — Так, ну вот, надеюсь, теперь она будет поспокойнее... Минут десять точно. — Он ухватил ее кресло за спинку и откатил подальше. Придвинул другое, упал в него, переводя дух, трясая головой и беспокойно теребя стоящие дыбом взмокшие светлые с проседью волосы. — Ну и денек! — и возбужденно хлопнул по кнопке, призывающей немедленное явление кофейника. — Ты представляешь, каково внезапно выйти из комы и осознать себя искусственно созданной машиной для убийств? Знаешь, конечно, только не так незапланированно, и, думаю, это с концами.

— Если ты не из будущего, то... — медленно начал я.

— Ты совершенно прав! — кивнул «полковник Крейг». — Постарайся не нервничать. Я — это ты. Из прошлого.

— Вот черт... — сказал я.

10. Дьявол, которого знаешь

— Даже черта с два! — поправил он со смешком и глянул на меня с легкой опаской чужими холодно-серыми глазами: — Ты в норме? Если я разрежу эти ленточки, эксцессов не будет?

— Эксцессы будут! Если не разрежешь!

— Просто пытаюсь представить, как бы реагировал на твоём месте, ну а так как ты — это я, много чего приходит в голову. Может, сперва снять эту штуку?..

— Разрежь уже эти чертовы ленточки!

— Хорошо, хорошо. — Он вытащил входящий в стандартное снаряжение маленький лазерный «карандаш» и быстро перерезал им прозрачный пластик. Затем на всякий случай осторожно отодвинулся. Интересно, чего он ожидал? Тем более, если был мной. Разве что ощущал неловкость от того, что не раскрывался до самого драматического финала. Спокойно — я бы сам так сделал. Я стряхнул остатки «ленточек» и осторожно потрогал «черную коробочку». Сидела она, казалось, крепко.

— Как, по-твоему, она снимается?

— По-моему, надо просто потянуть.

— По-моему, тоже. — В прошлый раз, когда такое происходило, я был не то чтобы в сознании, но теоретически... Я аккуратно охватил за коробочку и слегка потянул. Эта мелкая скотина сопротивлялась...

— Помочь?

— Разберусь!.. — Я потянул сильнее и зашипел — ощущение было премерзейшее.

— Тащи! — поддержало мое альтер-эго. — Честное слово, вытаскивать катетеры — тоже та еще мерзость!

— Да уж!.. Вдохновляет, спасибо! — Что там кто-то говорил о том, что частицы этой дряни остаются внутри навсегда? Те самые отломившиеся хрупкие щупики, что могут долго ждать своего часа... Впрочем, программа так и не активировалась, они должны быть безвредны.

— Постарайся тащить под прямым углом... — Он нетерпеливо ерзал, порываясь вскочить, но не желая мешать.

— Все! Вытащил! Гадость-то какая... — Тонкие, густые как щетинки в кисти, тянущиеся серебристые нити превратились в прозрачную, вяло шевелящуюся субстанцию, втянувшуюся в черную поверхность и бесследно пропавшую. Меня передернуло.

— И не говори... — поддакнул другой я.

— Ну, теперь, пожалуй, можно поговорить спокойно. Все-таки, каждый из нас многое пропустил. Хотя кое-что из новостей ты уже слышал.

— Да уж. Потрясение — это слабо сказано! Seriously: Тарси — это Лорелей?

— Узнал совсем недавно. Заглядывали с ней и Нейтом в прошлое их родителей. Познавательный вышел опыт.

— Выходит, Тарси и Нейт тоже знают?

— Нет. Лорелей узнала меня и захотела поговорить лично.

— Это не оттуда у тебя ожог от бластера?

— Не оттуда. Она, оказалось, все еще меня любит, а в прошлое отправилась после моей смерти, чтобы разделаться с моими врагами, похоже, еще до их рождения. Как тебе такое

откровение?

«Крейг» сделал большие глаза, и, вместо ответа, одним махом выпил еще одну микрочашечку терро.

— Я до сих пор под впечатлением, с той встречи прошло меньше суток. И с кем таким поведишься?

— Ну, разве что со мной... или с ней, — он кивнул в сторону пребывающей без чувств упрямой леди.

— Вот-вот. А ты, как я понимаю, появился в результате сбоя переноса психоматрицы?

— Да, ты, наверное, думал, что ничего не вышло, или попал в той версии событий в кого-то другого?..

— Ничего из этого. Я перенесся именно в этот самый мозг, но потом благополучно вернулся.

— Понятно. А я застрял. Но узнал об этом только, когда меня разбудили, загрузив программу этого Крейга. Кстати, если что, по нашей старой традиции можно так меня и называть — по имени прикрытия. А то неловко и выйдет путаница.

— Как скажешь.

— Для друзей — Рейнард.

— Хорошо, будем знакомы, — мы шутовски пожали друг другу руки.

— Но как теперь это исправить?.. — вслух подумал я.

— Без понятия, не думаю, что это возможно, — он пожал плечами. — Первым порывом, когда я пришел в чувство, было попробовать вернуться. Как видишь, не сработало. О!.. Не беспокойся, меня это не угнетает, наоборот — ощущение как в старые добрые времена, когда мы путешествовали в виде «чистого разума», поселяясь в ком попало в прошлом. Такая свобода! Почти сам себе завидую, вспоминая, каково было быть тобой последнее время!

— Меня беспокоит, что это тело может быть недолговечным.

— Оно довольно крепкое, не стал бы переживать. Боевых клонов хрупкими не создают.

— Но стартовый возраст — вдвое больше моего.

— И тут неважно — помнишь, мы всегда считали, что на самом деле куда старше, чем кажемся, ведь прожили кучу чужих жизней? Так что разве что — чуть больше гармонии с действительностью. Да и нынешние «вдвое» совсем не то, что пару тысяч лет назад, все равно перспективы такие, до каких, с текущими мировыми тенденциями, мы вряд ли дотянем естественным образом. Похоже, тут просто стада желающих нас прикончить.

— А еще возможность взорваться, — напомнил я осторожно. Не говоря обо всем остальном. Мало ли кто может перехватить управление над этим «филиалом» моей личности?

— Я перехватил управление, — отмахнулся он, улыбнувшись не без самодовольства, в глазах заплясали веселые хвастливые огоньки, — да, не совсем сразу, были поначалу небольшие откаты и рекомбинации в сознании, но загруженная программа совсем не то, что чья-то полноценная память, совершенно на нее не тянет, так что в ней куда легче найти нужное, вся как на ладони. Кто же ожидал, что она будет загружена на не совсем чистый лист? Я довольно быстро обнаружил, что существует способ блокировки всех внешних сигналов — обычно применяется перед последним заданием, когда инструкции даны и их ничто не должно сбить. Я его применил. Очень странный способ — повернуть левый мизинец вокруг своей оси...

— Наверное, то еще ощущение...

— Да тут все ощущения те еще. Но функциональность мгновенно восстановилась и эта блокировка необратима. Так что, *скорее всего* — ладно уж, оговоримся на всякий маловероятный случай — если я взорвусь, то исключительно по своему желанию. Вдруг когда-нибудь окажется полезным.

— Чертов оптимист.

— Кто бы говорил. Кстати о «чистых листах». Подозреваю, что то, что я застрял, даже не связано с другой версией событий. Скорее тут что-то вроде «осмотического давления». Легкодоступный мозг без собственного сознания, которое обычно оказывает естественное сопротивление. Будь «Пандора» полностью исправна, может, такого бы не случилось, но ей не хватило энергии справиться с ситуацией с обычной корректностью. В итоге копии продублировались. Отправленная «Пандорой» копия твоего сознания намертво прикипела к пустому носителю, став мной, но копию записи она забрать смогла, поэтому ты тоже помнишь, как побывал в той капсуле.

— Помню, — подтвердил я. Мне казалось, что все в его положении довольно жутко, так что большую часть он говорит только, чтобы меня успокоить.

— А экзистенциальными вопросами загружусь как-нибудь попозже, — кивнул он. И снова усмехнулся. — К тому же, не исключено, что в «аварийном порядке» — например, если я все-таки однажды взорвусь, или что там еще может стрястись, моя память наконец благополучно перенесется к тебе! Вот тогда мы повеселимся!

Мы нервно расхохотались и какое-то время не могли успокоиться.

— О, мне кажется, я не сказал главного... — вспомнил я, но из угла донесся невнятный стон и бормотание — Лидина начала приходить в себя. Рейнард, не оглядываясь, поднял со стола бластер и пальнул в ее сторону, она вновь затихла.

— Да? — переспросил он.

— Кхм...

— Ладно, может, пожилой женщине не очень полезно получать столько разрядов подряд, но сущие мелочи, разве что схлопочет мигрень. Чтобы выписать ей «аспирин», даже Фрисби не понадобится, у нас тут подобного добра и так завались, как я помню. А вот слышать то, что ты собирался сказать, ей, видимо, не стоит?

— Верно. Сразу не сообразил, что ты еще не можешь знать. Ведь это настолько... более чем значимо для нас. Я побывал на «Штандарте».

Крейг заметно напрягся, его руки, лежащие на столе, задрожали.

— Правда? Нет, это я так, риторически... Это было неизбежно, знаю...

— Да. В той версии событий все в порядке.

Он тихо выдохнул.

— Хоть что-то...

— Кое-что еще. Ты слышал, как она сказала, что ее корабль перескочил во времени. Судя по всему, так и было. Не только с ее кораблем. Скорее всего, это из-за нашего присутствия.

— Из-за... нас?

Его взгляд неожиданно стал просто жутким. Разве у меня бывает такой? Но чужое лицо всегда накладывает отпечаток.

— Да, — подтвердил я посреди очень зловещего молчания. — Связанные с нами сбой «Пандоры». Но там были и бомбы, и заблокированное управление. — Он осторожно задышал. — Мы с ними справились, а затем корабль «перескочил».

— Перескочил?..

— На год вперед. Целый флагман. Это другая версия событий, но они были очень похожи на настоящих... то есть наших, из нашей версии событий, во всех мелочах. У нас есть надежда. Может быть, мы их еще дождемся.

Несколько секунд он сидел неподвижно, потом запрокинул голову и шмыгнул носом. Если вы никогда не видели, как плачет многофункциональный боевой клон, вы многого не видели в жизни.

— Но мы не можем знать, дождемся ли мы именно их, — прошептал он.

— И это верно тоже...

Еще несколько мгновений оцепенелой паузы, затем я импульсивно вскочил и кинулся к проекционному диску.

— Ладно, пока у нас есть еще несколько минут, — чтобы не поджаривать чей-то мозг и чтобы не упускать самое жизненно важное, — нужно кое-что проверить...

— По-моему, не время прямо сейчас бросаться куда-то в прошлое...

— Нужно проверить, возможно ли это еще вообще.

— Думаешь попробовать спасти «Янус», если еще не наступило замирание?

— Оно наступило сегодня утром.

— Ох... — разочарованно вздохнул Рейнард. Я тоже — засветившиеся линии оставались выцветше-серыми — как глаза нашей, в данный момент бесчувственной, гостыи. Но была одна догадка, и я внимательней присмотрелся к схеме. Удивленно сморгнул и перевел дух, боясь спугнуть удачу. Да! Капелла осталась неподключенной. Если повезет, может быть, у нас еще есть резерв. Ее обычно не стоило подключать в начале — слишком нарушала стабильность, но возвращаться без нее было сложно, а вот сегодня получилось — видимо, все произошло очень быстро, а затем уже энергия иссякла, разобраться подробнее мы просто не успели, да и замирание — вещь, к которой мы привыкли и которую без того ждали каждое мгновение. Что, если подключить Капеллу теперь?

Я так и сделал. Прошло несколько секунд, а затем с тихим растущим гулом линии начали наливать зеленоватым сиянием, пока еще прерывисто мерцая.

— Что ты сделал? — оживленно спросил Рейнард, тоже приглядываясь к схеме. — А это что такое?

— Капелла. Я присоединил ее позже, чем нас раздвоило.

— Ясно... кстати, помнишь, вот эти узлы, — он указал на них пальцем, — мы подумывали, что будет, если изменить их порядок, энергия не будет поступать ровнее?

— Слушай... отличная мысль! — Когда появилась Капелла, я решил не рисковать лишней раз, оставил все в исходном виде, не решаясь трогать нечто хрупкое, опасаясь нарушить то, что не до конца понимал, но теперь, когда он напомнил... да черт возьми, если, в конечном счете, где-то когда-то именно я создал эту штуку, может, стоит попробовать рискнуть себе довериться, перестав воспринимать существующее как данность, сомневаясь и осторожничая? Безусловно, информация и способности, которыми обладал тот мифический далекий я, неизбежно должны были отличаться, я не мог обладать ими, как по волшебству, просто потому что они существовали в другом мире, но при чем тут волшебство, если мы так давно заняты изучением имеющегося, не раз все разбирали по косточкам, хоть так до конца и не разобрали? А еще я обладал памятью кучи гениев из прошлого, да, минимум полувековой давности и кажущейся неприменимой в обычной жизни, но давно уже шептавшей свое — почему бы не довериться этим инстинктам? Курица или яйцо — какая

разница? Тот я этой памятью не обладал и дойти до всего мог на полвека позже, вот и повод Лорелей удивляться моей молодости, но змея сожрала уже большую часть своего хвоста. Я оглядел схему, обнаруживая повсюду повторяющиеся связи, в которых сомневался. Вот тут — я же всегда считал это лишним, а здесь все стоило переставить...

— Постой, постой!..

Я едва услышал оклик, слишком поглощенный тем, чтобы не упустить вспыхнувший, улегшийся стройно на место, образ. Сноподобное состояние, казалось, усилило сосредоточенность — я проник в нервную систему дворца и «Пандоры»; простая общая связь могла быть заблокирована сколько угодно, она тут была совершенно не нужна. Осторожно принялся распутывать клубок перепутанных нитей. Одна, другая, третья из тысячи... Еще десяток, выравнивание по новому шаблону. Еще одно семейство алгоритмов, и еще, новое правило... Должно быть достаточно. Это не было просто видением. Оказывается, я вполне понимал, что видел и делал. Еще и потому что совершил столько проб и ошибок тут в одиночку. Давно стоило все это переписать, но я вечно находился то в депрессии, то в тревоге, то в спешке, старательно сдерживал себя от опрометчивых действий и самонадеянности, пусть можно было подумать, что не очень-то получалось — но это же только верхушка айсберга! Похоже, выбить этот клин можно было только клином помощнее. Когда все, казалось, было разрушено до основания, сомнения исчезли. «Приведи свои войска в место смерти...». Так что там у нас с «самосбывающимися пророчествами»?

Перезагрузка, мерцающие линии погасли.

— Ты что, решил сам все уничтожить? — напряженно поинтересовался другой я, впрочем, не пытаясь вмешаться. — Понимаю, вселенная в опасности и все такое.

— Посмотрим.

— Слишком хитрые маневры для уничтожения.

— Может, просто спутываю следы, чтобы точно никто больше не разобрался? Пожалуйста, последи, чтобы пока кое-кто не проснулся.

Полминуты мертвой тишины. Затем едва уловимо принялось разгораться мягкое сияние. Не прерывистое, ровное, наполненное, тон привычного гула снизился, превратился в едва слышный нежный шепот, гладкий как скользящий шелк...

— Ого, — сказал другой я. — Я что-то пропустил?

— Совсем немного. Ты же лишь самую малость из прошлого. И это ты напомнил то, что мы оба знали. А потом все как-то сложилось само.

— Может и так. Уверен, что в тебя не вселилось что-нибудь со стороны? С нами все-таки бывает.

— Может и так. Но кажется, все было только из прошлого. Моего прошлого, со всеми ошибками и промахами.

— Уверен, что это работает?

— Уж точно не меньше, чем раньше. И она точно не «замерла». Я будто слышу ее внутри себя. Каждую линию, поток, бегущий импульс... Да, совершенно уверен.

Он посмотрел на меня со странной усмешкой.

— Думаю, все-таки вселилось. Сама «Пандора», машина, питающаяся токами нашего мозга для соединения со всем континуумом, который может быть лишь порождением нашего разума... Кто поспорит, что ты кормил ее чаще всего?..

— Оставим метафизику! — фыркнул я. — Я просто сейчас начну галлюцинировать, если не приму меры!

Отключив проекцию, я полез в ящик стола за свежим пластырем и порцией мощного энергетика, выглядящего как невинная малиновая жидкость, полная золотистых искорок, в прозрачной ампуле. Прощай, здоровый образ жизни! Пусть и обещал себе не употреблять ничего, крепче терро, но ближайшие сутки-двое желательно все-таки пережить. Хотя, конечно, у меня теперь есть замена, но, боюсь, доказывать права на престол, как и все прочие права, моему двойнику будет сложновато, а это может здорово урезать возможности всех, кто нам не безразличен.

Настал мой черед сидеть на краешке стола, задумчиво вертя в руках черную коробочку, в ожидании, когда Лидина, начавшаяся беспокойно шевелиться, придет в себя. Угрожать не собирался, просто не хотелось оставлять этот предмет без присмотра — будто он мог обрести собственную волю, зато хотелось что-то вертеть в руках. Сейчас аппарат совершенно не реагировал на прикосновение к рабочей поверхности. Ему было необходимо бьющееся поблизости сердце, вот тогда он немедленно просыпался, а в иной ситуации оставался просто глухим черным ящиком, инертным и безответным.

Рейнард скрылся в дальней комнатке, помимо прочего — чтобы не смущать нас на первых порах, не отвлекать, не раскрываться раньше времени и не усугублять любой потенциальный риск иным образом, так что мы остались наедине.

Она уже пыталась пару раз открыть глаза, пока безуспешно, я ее не торопил. Наконец, глубоко вздохнув, она их распахнула, бессмысленно поглядела в потолок, по сторонам, и наконец сфокусировала взгляд на мне, еще безучастно.

— Добрый день, — поприветствовал я. — Извините за легкую мигрень, это скоро пройдет. — Я немножко поделился с ней своим заветным малиновым зельем (о да, Фрисби бы не одобрил...), так что знал, о чем говорил.

— Уж конечно, — пробормотала она и, ясное дело, оцепенело уставилась на то, что я держал в руках.

— Не беспокойтесь, не собираюсь пускать его в дело. — Хотя пошутить на этот счет, конечно, мог. — Просто не хочу оставлять там, где его могут найти дети.

— Что произошло?

— Маленькая перемена позиций.

— Где?..

— Не волнуйтесь о вашем друге, он в полном порядке.

Ее пальцы до белизны сжались на подоконниках кресла, а ярость в глазах по взрывоопасности поспорила бы с нитроглицерином.

— Понимаю ваши чувства. Я тоже с утра немного не в духе. А теперь давайте объяснимся. Вы сознаете, что действуете, исходя не из реальности, а параноидальных фантазий?

— Вот только не смей говорить мне!..

— О паранойе? Вам и без меня слишком часто о ней говорили, верно? Нет, погодите, я даже не стану утверждать, что вы *совершенно* не правы! Вы правы.

Она ответила мне ошарашенным взглядом.

— Просто вы не привыкли к тому, что реальность — множественна. Для вас все однозначно. Причины и следствия будто высечены в камне. Но этот камень — только одно из возможных состояний реальности. Он существует, да. Где-то, когда-то, при определенных условиях, при рассмотрении в особом режиме через нужный светофильтр. Но это мизерный

клочок реальности.

— Неужели я вынуждена слушать такой бред?..

— Почему нет? Я же ваш слушал. А теперь объясняю, как выглядит моя реальность. Если бы вы смотрели на нее, как я, вы бы знали, что есть миры, где вы спасаете вселенную, и миры, где ее разрушаете. Есть мир, где вы стали чудовищем, как вы думаете, из необходимости и благих побуждений, и есть мир, где вы бы содрогались от одной мысли о том, чем вы стали. Я видел вас — другую. И больше не могу относиться лишь как к той, кого вижу перед собой.

Она с утомленным видом прикрыла глаза, досадливо морщась.

— Согласен, если бы не был немного раздражен, пожалуй, правда, не стал бы нести подобную чушь, она вам все равно ни к чему, и это тоже только клочок реальности. Вы нашли себе оправдание, все чужие жизни стали для вас лишь расходным материалом. Ведь у вас была цель. Сколько было сопутствующих потерь за все эти годы? Они того стоили? Стоило того, чтобы собственные дети сбежали от вас с ужасом?

— Если это было необходимо!..

— Но вам все равно не удалось, — припечатал я.

Она слегка задохнулась и несколько мгновений беспомощно ловила ртом воздух. Может, я и перегнул палку, но надо было как-то пробить ее непрошибаемую защитную оболочку.

— Где-то, в каком-то мире...

— О, вот теперь вы начинаете мыслить почти как я. Да, где-то в каком-то мире вам удалось убить еще больше невинных, ведь, попробовав, вы уже не могли остановиться. Вы узнали вкус власти, вкус крови, и, если когда-то у вас и была великая цель, она стала только предлогом, может, вы о ней вовсе забыли. Да, думаю, где-то со мной происходит то же самое. Но это не повод повторять подобное здесь, где и пока я еще сознаю, что этого не хочу.

— Значит, ты нашел себе это оправдание?

— Нет. Не нашел.

— Так чем ты лучше?

— Я и не лучше.

Она устало обмякла в кресле.

— Как тебе теперь удобно — ведь официально я уже мертва...

— Думаете, я хочу вас убить?

— Вот только не играй со мной, мальчик! Что еще тебе со мной делать?

— Даже не знаю. Но как, по-вашему, мне потом объяснять это Тарси или Нейту?

— А ты собираешься им что-то объяснять? Ха-ха! — она нервно рассмеялась. — Или хочешь получить разрешение на мое убийство от меня же?

— Первое: да, собираюсь. Второе: нет, не доверяю вашей компетентности!

— Ну а моей? — раздался голос из глубины кабинета. Я вздохнул и обернулся, поглядев на свое альтер-эго с укоризной. Оно слегка приподняло брови и пожало плечами. Кресло закрипело — Лидина беспокойно заерзала.

— Что, черт побери, происходит? Что с ним? Кто это теперь?..

— А, вы все-таки уловили, что теперь я кто-то другой! — улыбнулся Рейнард, принимая вопрос за приглашение и подходя ближе. — Верное умозаключение. А вот все прочее может быть очень спешным.

Лидина фыркнула и, прищурившись, перевела взгляд на меня.

— Это тоже ты, да? Ну да, мне ведь не удалось... — проговорила она с горечью.

— Снова совершенно верно, — кивнул Рейнард и тоже присел на краешек стола. — Хотя нет, постойте! Как я могу быть им? Ведь если бы ваш план сработал, его бы уже не было в будущем, чтобы вернуться? А если бы ничего не случилось, откуда бы он знал, что нужно вернуться?

— Прекратите! Оба! — Она свирепо переводила взгляд с одного из нас на другого.

— Безумный мир, не правда ли? — беспечно переспросил Рейнард.

— Решил сыграть в злого полицейского? — поинтересовался я.

— Ну, раз уж ты разыгрываешь доброго...

— Ничего подобного.

— Я тоже. Кто тебе сказал, что со стороны ты выглядишь так уж радужно, кого бы ни разыгрывал? Просто решил, что так будет быстрее вывести беседу из тупика. Сколько бы там времени нам не зарезервировал Такер, оно не бесконечно, а небеса продолжают сыпаться без перерывов на обед. Пора закончить здесь и заняться остальными делами, — он намекающе помахал планшетом. Одно то, что он подошел, но не мгновенно заговорил о срочном деле, означало, что подтвердилась какая-то из наших предварительных догадок.

— Мда, со стороны ты звучишь несколько зловеще. «Пора закончить...»

— Всегда рад помочь.

— Что за комедию вы тут разыгрываете? — продолжала все больше хмуриться Лидина.

— А, — отмахнулся я, — просто все это, как говорится, «так неожиданно»... Но давайте впрямь перейдем к делу. Как вы уже поняли, убивать вас никто не собирается. Была бы возможность, не стали бы даже удерживать. Недоразумения ужасно утомляют. Что слышно? — спросил я.

Такер блокировал связь с кабинетом — никто не должен был заподозрить ничего странного, я все время так делал, когда бывал занят чем-то важным, мы пока не снимали блокировку, чтобы не поднимать преждевременной тревоги, но из дальней комнатки дело другое, она не несла такой важности и секретности и не была напрямую связана с пультом дежурного — оттуда можно было выйти на связь с чем и кем угодно, так что Рейнард отправлялся разузнать кое-какие последние новости.

Он с готовностью показал планшет, над которым всплыла запись:

— ...Сим заявляем, что восстанавливаем свои права на Станцию «Янус», которая всегда и полностью принадлежала Солнечной Лиге! — старый коллега Лидиной, генерал Рафер весь лучился самодовольством и отчетливо лоснился жиром в ярком триумфальном свете, организованном для такого важного заявления. — Она — наше исконное достояние! В первую очередь ее задача — исследование нашей священной прародины Земли, ее чистых незапятнанных традиций! Да, мы совершили захват. Но считаем себя абсолютно в полном праве! Наше достояние будет возвращено нашему народу, как только будет рассчитан оптимальный курс...

— Нет! — выйдя из шока, выкрикнула Лидина, яростно подскакивая на месте. — Он должен был его уничтожить!..

— Но кто может остановиться, почуяв вкус власти, вкус крови? — вкрадчиво спросил Рейнард. — Я даже не сомневался, что он не сможет!

— Идиот! — застонала Лидина. — Это провал... Вот почему...

— Записи едва ли четверть часа. Уверен, нам уже всю пытаются об этом доложить, но Такер суший бриллиант, еще держится. Вы говорили, что старый коллега собирается

«окончательно замести следы»? Запасной план на случай провала вашей операции. Видимо, действительно собирался так или иначе. Вот ему вы живой теперь не нужны совершенно, а то вдруг обвините в чем-нибудь. Полагаю, с вашим общим союзником на Леде он связался по частному каналу раньше, подавая сигнал, что можно действовать на его усмотрение. Ваш союзник... да господи, давайте уже будем называть его по имени — наш суровый неподкупный премьер-министр Болингброк, решил, что вашими руками совершить то, что ему выгодно, все еще гораздо лучше, чем рисковать самому — внесет нотку здорового хаоса, спутав следы, тут постоянно происходит что-то непонятное — уже входит в привычку. Вас предупредили и мы покинули госпиталь. Может, и предполагалось, что вы должны выйти отсюда живой, но едва ли надолго — с вашей-то бескомпромиссной одержимостью. Правда... вы же и так практически намеревались принести себя в жертву во имя светлого незыблемого будущего?

Лидина едва дышала, судорожно сглатывая и лихорадочно соображая, в каком из чуждых миров она внезапно оказалась.

— Ладно, — сказал я. — Пора, для начала, по-тихому заманить сюда Такера, и заизолировать, пока он всех не переполошил. Был у вас условный сигнал, как его позвать? — Мог он, конечно, показать и кнопку разблокировки под столом, но едва ли — лучше сохранять контроль над всем за собой.

— Сейчас сделаем! — Рейнард бодро соскочил со стола и двинулся к двери, за которой вдруг раздались какие-то очень подозрительные приглушенные звуки. Дверь была практически звуконепроницаемой, но когда что-то будто билось прямо в нее...

— Погоди-ка!.. — я тоже настороженно соскочил со стола и в кои-то веки успел сегодня вытащить бластер. Да здравствует полезная отравка — лишь бы в меру. — Рейнард, назад! За стол! — Если кто-то вдруг ломится с боем, вряд ли в приоритете будет разбираться в первые секунды, кто на чьей стороне.

Отлично, он успел. Дверь распахнулась, чуть не треснув в процессе, хотя технически это было почти невозможно. Просто кто-то разумный наконец разблокировал ее с пульта, а прочие ворвались под собственным напором.

— Всем стоять! — выкрикнули одновременно я и ворвавшийся первым с бластером наготове полковник Страйкер.

Все замерли. А дальше тонким дрожащим голосом завел, выглядывающий из-за спин гвардейцев, возбужденный, мечущийся на заднем плане премьер-министр:

— О боже, стреляйте! Спасите его высочество!.. Застрелите их!.. Скорее! — Если бы тут грянул запланированный взрыв, за очень прочными внешними стенками он наверняка сумел бы уцелеть. И все-таки, каков героизм, чтобы сюда явиться! Просто поразительно.

— Отставить! — выкрикнул я, на всякий случай загораживая кресло. Так я и дам кому-то пристрелить свидетелей. Рейнард, по счастью, сидел за столом смирно и не высовывался. — Страйкер, немедленно арестуйте премьер-министра, он обвиняется в измене!

Сбитый с толку Страйкер выпучил глаза. Его героически схваченный обеими руками бластер был честно нацелен в никуда. Из-за плеча его выглянул взволнованный Вирем, в глубоком изумлении оглядывая кабинет, поставил бы на что угодно, что дверь в итоге открыл именно он.

Наконец со всей ясностью разглядев меня из-за спин гвардейцев, премьер-министр с судорожным хрипом втянул воздух в легкие и отпрянул в ужасе. Страйкер начал

оборачиваться к нему с подозрением. Кто-то даже все-таки перекрыл ему путь сзади.

— Нет, вы не понимаете! — всплеснул ручками премьер-министр, справившись с собой. В хладнокровии ему отказать было невозможно. — Все может взорваться в любое мгновение! Пожалуйста, ваше высочество, уходите оттуда немедленно, вы должны выжить, вы должны нас всех спасти!..

Лидина за моей спиной издала странное восклицание — то ли смех, то ли карканье.

— Спасти? От чего? — поинтересовался я.

— Солнечная Лига захватила «Янус»! Они используют его в военных целях! Пожалуйста, сэр, вы же эксперт! Только вы можете их остановить!

— Болингброк, — проговорил я, прищурившись. — Это точно вы?

— Да, сэр, *теперь* это точно я!.. — взволнованно заверил он, ломая руки, обратив на меня преданный взгляд, в котором, возможно, мне лишь мерещилась насмешливая искорка, пополам со злостью и отчаянием, и трагически выпрямился. — Они использовали меня. Они могут использовать любого! От этого нет спасенья!..

Лидина расхохоталась уже в полный голос.

11. Нервюры

Я уставился на премьер-министра почти зачарованно. Как ни ловко выглядел подобный маневр ухода от ответственности, это же было форменное политическое самоубийство — признаваться в подобной недееспособности. Не рановато ли, какими бы ни представлялись перспективы обвинений в измене? Разве что нечто вскрылось настолько явно, что пришлось даже рискнуть своей шкурой в обещанном взрыве. Это бы немного объясняло происходящее.

Страйкер сдержанно кашлянул, обращая на себя внимание.

— Господин премьер-министр уже под арестом. Но всю рвется помогать, заверяя, что его принудили к ужасным вещам самым абсурдным образом. Правда, абсурдный образ становится все более присущ... гм... так что все отложено до более тщательного рассмотрения. Простите, сэр, у вас тут все под контролем?

— Да, благодарю вас. У меня оказался неожиданный союзник, с которым мы разбирались с тем же, полагаю, заговором с другой стороны. Мы уже видели заявление о захвате и как раз собирались выйти отсюда и присоединиться к вам. Поэтому, прошу — опустите оружие. Полковник Крейг, покажитесь, пожалуйста.

— О, господи!.. — воскликнул Страйкер, бессознательно порываясь снова вскинуть бластер, но героическим усилием справляясь с порывом. Рейнард, возникший из-за стола, кивнул прибывшим с милостивой улыбкой и дружелюбно помахал рукой.

— Не беспокойтесь, ничего не взорвется, — успокоил он. — Вас ввели в заблуждение. Вернее, я невольно ввел всех в заблуждение. Но я, в некотором роде, оригинален, а не то что вы, видимо, ожидали тут застать.

— А! — пробормотал Страйкер, вздыхая с облегчением. — Оригинал, а не тот клон из госпиталя... ловко! Наш агент в Лиге? Но откуда вы взяли, чтобы занять место собственной копии?..

— Примите мои извинения, — прервал я. — Мы обязательно поставим вас в известность позже, обо всем, о чем возможно. Но, чтобы сразу перейти к делам, уверяю, полковнику можно доверять.

— Конечно, — Страйкер с чопорным дружелюбием изобразил кивок-полупоклон в сторону «нашего агента».

— Как я вижу, я что-то пропустил. Каким образом вы узнали о проделках господина премьер-министра?.. — Я попытался остановиться, понимая, что мешаю Страйкеру отвечать, ведь он старался меня не перебивать, но не удержался, чтобы не добавить, ведь чего остро не хватало во всей неразберихе, так это ясности: — Дело ведь не заходило дальше подозрений без доказательств.

— Должно быть, вы слышали не все заявления этого лигийского генерала.

— Действительно? — Я глянул на Рейнарда, тот удивленно покачал головой и развел руками. Ах да, Страйкер сказал «заявления». Видимо, было, по крайней мере, еще одно, но в это время мы уже всю обсуждали первое между собой. — Что еще он сказал?

— Во всеуслышанье объявил, что все, что может его остановить — уже уничтожено. То есть, вы, сэр, ваше семейство...

— Нет!.. — я с яростью оглянулся на Лидину, но она лишь, хмурясь, покачала головой, внимательно слушая все, о чем говорилось. Может она и не была причастна, но похоже, за Лигу она уже не отвечала... Впрочем, с чего я взял, что Лига была причастна, кроме того,

что всегда готов был ее во всем подозревать — Рафер мог всего лишь констатировать произошедшее как большую удачу.

— И в целом объявил Денеб обезглавленным, так как нынешнее правительство всему этому способствовало и у него есть доказательства, он даже выслал нам файлы... После чего предложил народу Денеба помощь и покровительство Лиги.

— Невероятно!..

Я снова повернулся к Лидиной, хотя мы не то чтобы договаривались до чего-то конструктивного.

— Так и должно было быть?

— Он действует не по плану, — твердо ответила она. — Либо по какому-то иному плану, о котором мне неизвестно. Похоже, я слишком надолго здесь застряла. Наведите справки у нашего правительства, а я умываю руки.

— Благодарю, мадам, — всегда признаю настоящие заслуги.

Она только фыркнула. Гвардейцы едва не чесали в затылках, с трудом соображая, что тут у нас творится, и какой у некоторых присутствующих все-таки статус, но разбираться подробней было решительно некогда.

— Как я понимаю, теперь мне стоит поскорее опровергнуть преждевременные слухи о моей кончине...

— Простите, сэр! — обеспокоенно и предостерегающе помахал рукой Вирем из-за спины Страйкера. — Будет ли это разумно, учитывая, что Лига завладела Станцией по управлению временем и грозит ее применить?.. Что, если они нанесут новый, на этот раз роковой, удар?

— Кажется, тут кто-то назвал меня экспертом? Так вот — экспертное заключение: они не могут воздействовать на прошлое в границах ближайшего полувека. Прошу прощения, господин премьер-министр. — С лица последнего будто стекли последние краски, но оно все еще отражало трагическую стойкость. — На данный момент на Станции нет никого, обладающего достаточной квалификацией, чтобы хоть как-то направленно изменять прошлое, если вообще кто-то на это способен, так что все это чистой воды блеф. Который мог бы подействовать разве что...

— Если бы вы были мертвы, — подытожил Страйкер и суровым взглядом пронзил преисполненного смиренной скорби премьер-министра. — Так как кругом все располагают лишь догадками и легендами, подозревают худшее и некому их остановить.

— Все равно Рафер — кретин, — задумчиво вставила Лидина. — Зачем он так поторопился? Хотя, к этому времени вы в любом случае были бы уже не в себе, даже если бы взрыв не закончил дело, а в воздействие на ближайшие измерения он все равно никогда не верил.

Какой праздник откровенности. Стоит только начать кому-то одному.

— Просто он очень хотел, чтобы вас пристрелили на месте, или чтобы вы взорвали тут все вместе с собой.

Она ответила мне мрачным взглядом. Премьер-министр вздохнул и облизнул пересохшие губы.

— Видите ли, я не уверял, что меня заставлял действовать против совести кто-то из настоящего или из совсем ближайшего будущего. Мне сдается, вы прискорбно уверены в себе и катастрофически недооцениваете противника... Едва он оставил мой разум, решив, что дело сделано, я поспешил спасти вас, если это еще было возможно! Вы можете мне не

верить, но прошу вас, примите мои слова во внимание, это может сохранить многие жизни!..

Я импульсивно шагнул ему навстречу, схватил за ворот и встряхнул.

— Прекратите! Можете не беспокоиться, шею я вам не сверну, чтобы не подтверждать пока, что «Денеб обезглавлен», именно на это же вы рассчитываете? Но если будете нарываться, можете стать жертвой несчастного случая, а то вдруг и в меня что-то вселится, вам ясно?

Он тихо гукнул и я его отпустил. «Штандарт» я ему никогда не прощу, может и не мечтать.

— Мы обнаружили, кто программировал ваш автопилот, — сообщил Страйкер, явно думая о том же, — а заодно, кто мог программировать выход на старт «Штандарта». Видимо, это был один и тот же техник. Я могу показать вам данные позже, или желаете увидеть их немедленно, прежде чем приступить к другим делам?

— Да, покажите, пожалуйста. Думаю, это быстро.

Страйкер вызвал голограмму из своего браслета-коммуникатора.

— Да быть не может... — Нет, показалось в первое мгновение... возможно, я бы не уловил сходства в реальности, если бы не контекст.

— Салех? — удивленно проговорил Рейнард, видя голограмму чуть издали.

— Инженер Келлех, если официально, — уточнил Страйкер.

— Всего лишь брат агента Салеха, — снисходительно заметила Лидина, с легкой ноткой мстительности по отношению к возмутительно своевольничающим коллегам. — Внедрен сюда давным-давно.

— Хм, спасибо... Значит, вы все же причастны?

— Разве что косвенно, — она пожала плечами. — Возможно, кто-то, не будем показывать пальцем, тем более, что я и не могу этого сделать, его раскрыл, а далее они действовали совместно.

— Это совпадает с заявлением генерала Рафера, — серьезно заметил Страйкер.

— Ну, хотя бы все сразу повылезло на свет...

— Совершенно с вами согласен, сэр, огромное облегчение... Но, боюсь, вам пора действовать.

— Благодарю, Страйкер. Вы совершенно правы.

Страйкер справился со своим коммуникатором.

— Махараджа Осия весьма обеспокоен и жаждет поговорить с вами. Как вы понимаете, в звездном сообществе сейчас царит некоторое смятение. Хотя громкие заявления, конечно, перепроверяются на предмет злонамеренной подделки.

Госсекретарь Космополитического Союза. Очень его понимаю.

— Еще раз благодарю, немедленно поговорю с ним, как только!..

Из глубин коридора донеслась какая-то суматоха. Все мы — кто был поблизости, невольно выглянули посмотреть, что там происходит.

— А, ваши друзья, — констатировал Страйкер. — Видимо, беспокоились.

— Очевидно...

Прибыли на вторую (или считать ее на деле третьей?) волну революционного штурма буквально все — старая команда «Януса» и новая команда «Пандоры». Никто еще не пытался свалить на них все грехи, да при новом раскладе это было бы затруднительно. Некоторое время мы потратили на эмоциональное освидетельствование моего не-трупа (ха! — даже дважды, но этом как-нибудь потом), заверения в произошедшем всего лишь

недоразумении на фоне всяческих масштабных космических диверсий, в том числе информационных — обычное дело, сплошь и рядом случается, а вот захваты уникальных машин времени, даже фальшивые — дело другое, такое же уникальное, как они сами, так что теперь неплохо бы угомонить готовый взорваться неоправданной паникой континуум, и поговорить нам придется позже, когда немного с этим разберусь. Но если все будут держаться неподалеку — очень меня обяжут, ведь все тут в той или иной мере эксперты, и нам точно придется разбираться со случившимся. А пока я напутствовал их обменяться всеми данными, которыми они сочтут нужными обменяться, и которые, возможно, очень скоро нам пригодятся.

А заодно, конечно, сообщил Тарси и Нейту предположительно радостную новость, что их матушка вовсе не погибла в утренней катастрофе, но, если они не возражают, встретятся они позже — обязательно надо будет выделить для этого время, когда все мы будем к этому готовы. А пока удовлетворимся тем, что все заинтересованные стороны на данный момент в безопасности.

Майк вызвался отвести всех в ближайшую переговорную, его отец дал распоряжение обеспечить компанию всем необходимым, чтобы закусить стресс, Рейнард временно укатил нашу пассажирку в кресле в дальнюю комнату, Страйкер оприходовал одно из помещений неподалеку для временной изоляции задержанных, присутствие которых также могло оказаться необходимым в ближайшее время, а Дон остался курсировать между всеми нами, обеспечивать непосредственное сообщение и бдиль, чтобы никто случайно не выпал из важной цепочки. Старший Арли уже невозмутимо разослал сообщения о том, что поступающие сообщения — сплошная дезинформация, по крайней мере в той части, что касается Денеба (а значит, скорее всего, и во всех остальных частях, но тут еще требуется разбирательство и прочая, и прочая, что потребует времени и всяческой скучной волокиты).

Я на минутку появился с ним «в кадре», ответить на некоторые острые вопросы, завалившие пресс-службу и заверить, что если в какой-то момент бываю недоступен, то это в связи с исключительно важными и срочными делами. Например, в связи с расследованием утреннего происшествия. Есть ли тут какая-то связь с тем, о чем всем стало известно? Еще очень рано об этом говорить. Что там у нас с правительством? Пока ничто не предвещало кризис, но информация будет рассмотрена в штатном порядке. Всплыли на свет и сведения о «более утреннем» происшествии с неисправным автопилотом. Что ж, возможно, у кого-то оказались неверные сведения о его исходе, и это дало повод поднять панику — но нет, все в порядке, технические неполадки иногда случаются. А что, если со мной все в порядке только благодаря своеобразному «обмену ударами» в войне с применением «машин времени» с обеих сторон? Боюсь, этот увлекательный конфликт остался бы вовсе никем не замеченным, так как закончился бы раньше собственного начала, если бы был возможен, тогда как теперь, увы, нам придется потратить на разбирательство кучу настоящего времени, в связи с чем я снова окажусь недоступен, но самая важная часть официальных переговоров будет немного позже обнародована.

На этой торжественной ноте наконец удалось прерваться и официально ответить на запрос действующего главы Союза. Естественно, он уже получил сообщение, что виртуальная приватная беседа принципиально возможна по причине пока еще дееспособности адресата. Он выслал необходимые коды для открытия защищенного подпространственного канала. Как любая дальняя связь в наши времена, она действовала благодаря использованию свойств квантовой запутанности и потому была почти

мгновенной... Но только почти, контролируемое применение на сверхдальних расстояниях все равно требовало времени на синхронизацию и расшифровку максимально сжатого сигнала, подвергающегося неизбежному рассеянию. Для полной виртуальной аудитории, поддерживаемой с обеих сторон, требовалась немалая техническая мощь — одна из многих причин высокой технологичности дворцовых комплексов в населенном пространстве — разумеется, при любом типе правления, любое основное правительственное здание на планете обладало всеми доступными возможностями. Все же по скорости соединения им было далеко до того, как мне однажды удалось связаться с «Янусом» при помощи свежезапущенной «Пандоры». Кто знает, может, когда-то где-то все началось с попытки оптимизировать качество и скорость связи? А потом пошло-поехало... Но сейчас, в любом случае, нам понадобится время.

Кабинет был запущен в его целевой рабочий режим и заблокирован, на этот раз мною изнутри, а затем я выстроил свою часть «зала» переговоров. Обычный интерьер исчез, сменившись имитацией гулко-прохладного сумрачного пространства с теряющимися в вышине остроконечными нервюрными сводами, стены скрывались в тени за строем колонн, окружающих длинный стол, за одним концом которого я теперь сидел. Напротив застыла в неподвижности, будто статуя, фигура в одеянии из жесткой переливающейся золотой ткани с широкой серебристой каймой, сверкающей хрустальными вставками, в золотом же цилиндрическом головном уборе. Махараджа Осия был сирианцем, если точнее — смарагдийцем, родом с планеты не обращающейся непосредственно вокруг Сириуса, так же, как Леда не обращалась вокруг видимого с Земли Денеба — Альфы Лебеда. Но это была первая успешно заселенная и процветающая планета в данном секторе, и ее жителей традиционно называли сирианцами, или даже «первыми сирианцами». Независимо от земного происхождения предков, жители Смарагда за несколько столетий стали практически стопроцентными обладателями очень темной кожи, благодаря специфическому характеру излучения их звезды, чем весьма гордились; в их собственной религии данная особенность трактовалась как благословение первых разумных людей, тогда как большинство прочих бывших землян, также независимо от происхождения, в общей массе «выцветали», живя поколениями в замкнутых пространствах кораблей, станций, баз на слишком медленно обживаемых планетах, «подобно цветам, лишенным света». Даже Земля почти вся «выцвела», теряя со временем жизнеспособность (по мнению смарагдийцев или обитателей многих иных планет), укрываясь от прямого света в бесконечных человеческих муравейниках, подчинив полностью климат во всех своих уголках, чтобы все они стали пригодны для более-менее комфортного обитания и для взращивания самых быстрорастущих культур — под особыми куполами с «умным затемнением», чтобы совершенно не зависеть от прихоти природы — никаких больше засух или неумеренных дождей, ни палящей жары, ни вечных льдов, все это осталось лишь в истории. Или могло себе позволить существовать в новых, менее обжитых мирах.

Как только иллюзия стала полностью стабильна, я поднялся и нажал на виртуальную клавишу:

— Приветствую Вас, Глава Союза всех звезд, подвластных Человеку. Чем могу быть полезен всему человечеству?

Церемонно поклонившись — в рамках обычных денебских традиций, я снова нажал на клавишу, прекращая запись, и сел на свое место.

Всего через мгновение фигура напротив зашевелилась: воздев, не вставая, обе руки

ладонями вверх на уровне плеч — по смарагдийскому обычаю. Это была запись, сделанная предварительно, включенная, едва поступил сигнал о моем присутствии в симуляции.

— Приветствую, монарх Денеба, — именно так, не путаясь в сомнительных статусах, которые мы сами себе выбираем, лишь с подчеркиванием формы государственного строя. — Несказанно рад, что Вы пребываете в добром здравии. Боюсь, что вынужден просить прощения у Вас и Ваших предшественников, которых, увы, более нет с нами. Теперь я вижу, что мы недостаточно серьезно отнеслись к угрозе, на которую Вы обращали наше внимание, и теперь пожинаем плоды своей опрометчивости.

Затем он нажал на клавишу и застыл.

— Вам не в чем упрекнуть себя, Глава Союза, — сказал я, снова нажав на клавишу. Это не было простой вежливостью. Сам Осия был изначально куда более обеспокоен, чем прочие члены Совета и желал бы отнестись к проблеме «серьезнее», чем оказалось в итоге, когда «Янус» оказался без защиты от вторжения, но и не мог принимать решения единолично, пока не настала чрезвычайная ситуация. — Известно ли Вам, как именно произошло вторжение? — Предполагалось, что нейтральное пространство, в котором располагался «Янус», постоянно патрулировалось и патрули всегда могли вызвать помощь сил Союза с ближайших пограничных баз.

— Увы, — ответил Осия спустя довольно продолжительное время ожидания, рывком сместившись на несколько градусов относительно своего прежнего положения за столом. — Моя вина присутствует, ведь я не мог препятствовать, чтобы в патрулировании участвовали, в свою очередь, пограничные корабли Лиги, как и всех прочих государств. Считалось, что злонамеренность Земли преувеличена, более того, меня постоянно убеждали, что именно амбиции Денеба привели к существующим недоразумениям и конфликту.

Он снова замер. То, что он остановился на этих словах, подразумевало не только подчеркивание, в чем именно он желал извиниться, но и скрытый вопрос, почти обвинение, если бы в нем не содержалась нотка надежды.

— Я понимаю. Едва ли в этом можно кого-то винить. Сложно верить в столь ненадежных необычных обстоятельствах кому бы то ни было.

— Денеб не в чем упрекнуть, — ответил Осия, зашевелившись снова спустя пару минут. — Вы исполнили выдвинутые требования, сохраняли нейтралитет при вынесении окончательного решения и не участвовали в дальнейшей судьбе нашего общечеловеческого достояния. Также мне теперь весьма прискорбно сознавать, что постигшее Вас в недавнем времени несчастье могло быть следствием тех же процессов, о которых Вы нас предупреждали.

— Благодарю Вас, — ответил я, и снова повисла пауза на пару минут.

— Теперь, когда мы нуждаемся в Вашей помощи, я вынужден спросить Вас. В самом ли деле есть основания у нарушителей соглашений полагать Вас себе угрозой? Если это так, хоть в какой-то степени, прошу Вас это не утаивать. Я верю в Вашу порядочность, в то, что если Вы что-то скрыли от нас, то лишь для блага и защиты человечества. Доктор Мэллор был прекрасным хранителем Станции много лет. Много лет она не представляла ни для кого опасности. Можете ли вы помочь нам взять ситуацию под контроль? Либо, по крайней мере, сообщите нам Ваше мнение, является ли положение столь угрожающим, как нам пытаются внушить? Каковы реальные риски?

— Как Вам известно, Станция обладает собственной естественной защитой — буфером, охватывающим ближайшие пятьдесят лет, путешествия в которые невозможны. Реальный

риск вероятен, если Станция останется в руках злоумышленников на достаточно долгий срок. Нашей текущей реальности они едва ли смогут повредить, но само по себе систематическое массированное вмешательство без всякой осторожности в соседние временные потоки в ближайшей возможной точке посещения, постоянное беспорядочное создание новых потоков в относительной близости к настоящему, в перспективе не может не сказаться пагубно на всей ткани пространства-времени. Также, пусть со многими искажениями и большой погрешностью, они действительно могут заполучить из прошлого множество сведений секретного характера, что всегда делало недопустимым применение Станции в политических целях. — Ох, кто бы говорил, в самом деле... в пору бросать в собственный огород метеорит, уничтоживший динозавров. — Также риск для нас возможен спонтанным образом, если нас посетит некто злонамеренный из достаточно отстоящего будущего, которому не будет помехой упомянутый буфер, это мы не способны контролировать. Все, что можно сказать на этот счет — подобный вред может быть нанесен всегда в виде непредсказуемой катастрофы, но его чрезвычайно сложно структурировать. Учитывая каждый раз смену временного потока, любой подобный случай станет единичной данностью в текущей реальности. Едва ли на это способны данные захватчики, маловероятно, что они смогут удержать Станцию долго, но что они могут сделать с высокой вероятностью — это нанести непоправимый вред ей самой, если задержатся. Насколько мне известно, персонал, полностью сменивший прежний состав, не отличается компетентностью в силу элементарного отсутствия опыта и должной осторожности. Что же касается того, насколько я или мои прежние коллеги могут представлять для них опасность — все дело именно в том, чем они пока не обладают — в опыте и представлении, что они могут или не могут сделать. Прошу прощения, для более точной консультации мне понадобится вся доступная информация по вторжению, по расположению Ваших сил в непосредственной близости от Станции и плану их действий, а также время проконсультироваться с моими коллегами, покинувшими Станцию значительно позже меня. Я понимаю, Вы желаете быстрого ответа, но могу лишь рекомендовать не наносить немедленный удар, если вы собираетесь это сделать. Возможно, мы еще можем рассчитывать на то, что хоть кто-то из нынешних сотрудников верен Союзу и может запустить один из секретных протоколов, который поможет Вам вернуть контроль над Станцией без лишних разрушений и жертв.

Я прервался, и приготовился ждать ответа довольно долго. Не исключено, что он проиграет мой последний монолог несколько раз, прежде чем продолжит беседу. Однако... это оказалось не так. Только он исчез со своего места за противоположным концом стола и оказался вдруг очень близко, так что я невольно вздрогнул, когда он возник рядом, будто сказочный джинн. Он не собирался переслушивать, он просто подходил ближе по своему залу, слушая, что я ему говорил. Выдержка некоторой дистанции при подобных симуляциях была неписанным этикетом, позволяющим смягчить их нереалистичность. Видеть, как собеседник застывает надолго в непосредственной близости — зрелище довольно смущающее. Также мало кому хочется оказаться так близко, чтобы рисковать стать объектом пристального рассмотрения. Немного опешив, я проследил, как его эбеновая ладонь накрывает то место над столом, где только что находилась моя рука.

— Сделайте это, если сможете. Вы говорите о невозможности проникновения в ближайшее прошлое. Обратное внушало бы страх. У меня есть причины одновременно не верить и доверять Вам. Я не могу требовать всеисильности, иначе многого случившегося никогда бы не случилось. Как с одним кораблем, на котором как-то путешествовала моя

кузина — он должен был погибнуть от взрыва. Но некто появился и этого не произошло. Видите ли — общая связь все еще была включена, хотя трактовать произошедшее можно по-разному, и что-то — только догадки и легенды. Я понимаю — если опасная, трудно постижимая вещь существует, нельзя изменить законы природы и, опрометчиво от нее избавившись, пусть из самых благих побуждений, надеяться, что подобная никогда больше не появится — в чужих руках. Нельзя терять контроль и нельзя оставлять ее в руках безумцев. Прошу Вас. Примените его. Ваш секретный протокол. Чем бы он ни был.

И, протянув руку, он нажал на клавишу рядом, прежде чем я мог бы начать возражать, что это вовсе не «мой» протокол. Симуляция рассыпалась вихрем несуществующих, звенящих осколков-пикселей, горстью песка, и развеялась как мираж в пустыне.

Его кузина? Та эффектная сирианка, одна из пассажирок на «Горгулье»? О господи, а в той версии событий, которую исправляла именно эта версия меня, мы вспомнили о том, чтобы выключить эту несчастную общую связь?..

12. Секретный протокол

Так, с общественными связями временно покончено. Теперь... мне нужны все остальные. Вот только в какой комбинации? Начнем с того, кто ближе, конечно. Кстати, интересно, в задней комнатке по-прежнему все живы-здоровы?

Да, когда я открыл дверь, по-прежнему все были живы.

— Интересный взгляд, — иронично заметил Рейнард. — Может, надеялся, что тут уже кого-то не хватает и одной проблемой меньше?

— Ну, не то чтобы... — Хотя, в некотором роде, доверить кому-то эту странную даму казалось очень напрягающим моментом. На Страйкера она могла воздействовать непредсказуемо, как и на кого-нибудь еще. Оставить в одиночестве без присмотра? Тоже так себе идея. Вернуть в разрушенный госпиталь? Нет, конечно, да и вдруг она понадобится поблизости. Я открыл ящик тумбочки, принявшись рыться в запасах.

— Ищешь подходящее снотворное? — скучающе переспросил Рейнард. — Я уже нашел. Гляди. — Он помахал пластиковым квадратиком. Ничего такого, что можно ввести внутривенно, у нас нет, но завалился этот пластырь, он нам не понравился.

— Серьезно? — почти хихикнула Лицина, откровенно забавляясь.

— Отлично, — я закрыл ящик. — Ну уж извините. Если все пойдет по плану, может, будет неплохо организовать вам встречу с родными в ближайшее время. А доверить вас практически никому нельзя. — Ехидное выражение сбегало с ее лица, когда я заговорил о ее родственниках. Я уже знал, что на самом деле они ее не посещали, хотя в тот момент, когда она об этом заговорила, это не казалось невозможным, но что было в действительности — они справлялись у Фрисби о ее самочувствии и о том, можно ли будет ее посетить, тот сослался на то, что лучше им спросить меня, на том все пока и закончилось. Я кивнул Рейнарду, тот раскрыл коробочку, прилепил квадратик ей на тыльную сторону кисти, а второй — на шею, поближе к артерии. Для верности достал третий и прилепил на вторую руку.

— Должно хватить надолго.

— Надеюсь.

Мы подождали, пока ее глаза не закатились, а голова не свесилась бессильно набок, и поторопились закрыть комнатку на замок с внешней стороны.

— Надеюсь, не будет какой-нибудь непредвиденной непереносимости?

— Я периодически смогу заглядывать и проверять, все ли в порядке, — подхватил Рейнард. — Мы же близко. Я так понимаю, теперь мы попробуем десантироваться на «Янус»?

— Именно. Но придется позвать остальных. Надеюсь, они уже достаточно друг другу рассказали. Наверняка им сильно мешает то, что они считают, что «Пандора» застыла, но основными данными наверняка обменялись.

— А стоит ли? — спросил другой я. — Может, мы сможем все сделать сами?

Что-то в этом определено было. По крайней мере, попробовать мы могли. Да и перенос небольшой команды мог быть гораздо точнее и безопаснее.

— Может быть, но больше шансов, что все получится с первого раза, если мы будем не одни. По крайней мере, нам могут рассказать побольше о текущей ситуации, новых кодах и обо всех изменениях, произошедших, пока нас там не было.

— Ладно. Мне подождать здесь?

— Да, пожалуй... Нет. — Мне пришло в голову, что вторая часть меня запросто может проигнорировать все мои соображения и отправиться штурмовать захваченную Станцию в одиночку. — Мы вызовем их сюда через Дона. Кстати, ты ведь еще не в курсе, что именно он следил за системой, когда я отправился на «Штандарт».

— Похоже, тут целая куча народа в курсе, — проворчал Рейнард, немного помрачнев.

— Мне это тоже не совсем нравится, но так уже случилось. У меня ведь не было в то время двойника, с которым можно пуститься во все тяжкие, никого больше не вмешивая.

Рейнард сдержанно вздохнул.

— Ладно, если мир пока не рухнул... Хотя, кажется, рухнул и уже давно... Зови их.

Я вызвал Дона и попросил привести остальных — он знал, кого именно.

— Более того, — продолжил я, пока мы ожидали. — Лорелей рассказала мне, кто именно увел в прошлое «Янус» — это был Дон Вирем.

— Полное безумие! — заявил Рейнард.

— Как обычно! — подтвердил я.

— Но мы ведь пока не собираемся доводить до того, что придется прятать «Янус» в прошлом?

— Не хотелось бы. Он и так там уже был. Может, это и решило проблему там, где он находился до этого, но здесь вряд ли поможет. — По крайней мере — не сейчас

— Как думаешь, стоит им рассказывать обо мне?

— Как пожелаешь.

— Может, пока не стоит?

— Возможно...

— Правда, как мы тогда объясним, что я тут делаю?..

— Без понятия. Но может, у нас просто нет времени объяснять все в подробностях, а там, по ходу, уже разберемся.

— Время — штука, заслуживающая внимания.

— Точно.

Мы подготовили все к запуску, но пока не стали расцветивать все вокруг светящимися линиями — пока снова надежно не запремся.

Наша команда прибыла в довольно подавленном состоянии духа, а кто-то, похоже, и разругался. Олаф с Гамлетом поглядывали на Антею и Фризиана довольно неприязненно.

— Заходите, заходите, — поторопил я всех, нарочито игнорируя мрачную палитру их настроений. — Не время спорить, кто был прав, а кто нет. Дон, останься тоже.

— Мы, конечно, поговорим, — проворчал Олаф расстроено плюхаясь в ближайшее кресло. — Но какой в этом смысл, если мы уже ничего не можем сделать?

— И я так понимаю, мы единственные тут впервые, — в тон ему проворчал Гамлет.

— Все, я запираю двери, — предупредил я. — Ну а теперь к делу. Все работает.

— Работает? — изумился Гамлет, оживленно выпрямляясь.

— Но как? — удивилась Антея. — Она же замерла при нас...

— Капелла?! — встрепенулся Дон, кресла ему не досталось, так что он, по примеру Рейнарда и по его приглашающему кивку, присел на краешек стола — я проверял, там даже удобнее. — Я думал об этом!..

— Да, именно! — я успел ободряюще кивнуть Дону и тот победно потряс в воздухе кулаком, но меня перебили.

— Или произошло что-то еще? — подозрительно предположил Фризиан, задумчиво глядя на Рейнарда. — К примеру, кто это? Какой-то путешественник из будущего?

— Да к черту! — пробормотал Рейнард, закатывая глаза. — Да, можете считать так.

— Считать мы можем, но не нахожу оснований для полного доверия. Вы ведь не удивитесь, если я скажу, что мы чувствуем себя теперь довольно стесненно? Мало ли с какими целями вы прибыли сюда на самом деле и чем все это обернется...

— Да перестань, Фриз, — вздохнул я, Рейнард махнул рукой и кивнул мне. Ясно. — Это просто я.

— Что?.. — к этому возгласу Фризиана присоединилось еще несколько голосов.

— Да, боюсь, легче вам не стало, но это к тому, что посторонних тут на самом деле нет.

— И из какого он... ты времени? Там этот конфликт уже разрешен?..

— Да проклятье... — и так уже не то чтобы удавалось придержать все при себе, но выдумывать ложные легенды казалось бессмысленным. — Он... я не из будущего.

На мгновение воцарилась пораженная, немного зловещая тишина.

— А это как?.. — спросил Олаф.

— Сбой программы, неважно. Вот что бывает, если по неосторожности попадаешь в пустой мозг при помощи не полностью исправной машины времени. Иногда раздваивает. Так что, когда я призываю быть поосторожнее, это бывает не просто перестраховка. Вот вам примерчик.

— Понятия не имела, что такое может произойти, — пробормотала Антея, с любопытством разглядывая вторую версию меня.

— Все бывает в первый раз. Но главное — сейчас все работает. Мне прислали файлы о расположении патрулей в секторе «Януса». Я пока порекомендовал не атаковать — потому что мы сами собираемся это сделать. Кто может рассказать что-то полезное?

— Ты сказал, что мы собираемся атаковать? — заинтересовался Олаф.

— Нет, конечно! Порекомендовал подождать, потому что кто-то на борту может применить один из секретных протоколов. Ну так как, будут какие-то советы или мы просто вломимся, а там разберемся?

Вышла серьезная заминка, на целых пять минут, когда мы стали решать, кто останется следить за аппаратурой. Вся команда «Януса» вызвалась на десант и резонно аргументировала это отличным знанием объекта, который мы собираемся обезопасить. Майк и Джелли заявили, что они оперативники, и без них никак нельзя. Рейнард оперировал сразу двумя выше озвученными аргументами. Дон бил копытом и очень надеялся, что его не оставят, как обычно, просто за всех волноваться. Тарси заметила, что гораздо лучше всех нас знает противника, что тоже было совершенной правдой. Все почему-то очень хотели оставить на месте меня — мол, мало ли что может случиться, да и вообще «тебя теперь двое, одного вполне достаточно» и все в таком духе. Но я решил, что мне недостаточно, и я никак не могу остаться на месте, тем более именно я в курсе, чего желает и чем располагает Союз, каковы его намерения. Поэтому мы рискнем и отправимся всей компанией, никого не оставляя на дежурстве. Еще недавно подобное бы меня всерьез встревожило, но после недавно внесенных изменений я был уверен, что все пойдет хорошо, а кроме меня ни у кого особых причин беспокоиться не было — они меньше были знакомы с подводными камнями действующего механизма. Более того, мне было спокойнее от того, что никто из моих старых коллег пока не увидит, что что-то изменилось, не станет задавать преждевременных

вопросов и уж точно не попытается что-то исправить в мое отсутствие. Переживать о чем-то еще, кроме возможного сбоя системы, не приходилось — здесь нас не будет лишь несколько минут, даже дверь выбить не успеют, если кому-то в голову вдруг опять взбредет что-то подобное.

— Но минутку, — все еще беспокоилась Антея. — Это же очень масштабное перемещение, нас тут одиннадцать!

— Будем надеяться на то, что это только усилит резонанс, — не подхватил ли я подобные идеи от нашей гостьи в соседней комнате? — А если забросит очень уж далеко, тогда попробуем более деликатные методы.

— А вы уверены, что «Янус» вообще еще на месте? — волновался Гамлет.

— Иных данных пока нет. Не исключаю, что это потому, что мы уже вмешались. Предлагаю не дожидаться того, чтобы «пронаблюдать» обратное. Антея! Я пока собираюсь оставить твои настройки автовозврата...

— Мысль хорошая, но не очень, — решительно возразил Фризиан. — Представь — изо всех сил пытаешься героически сделать что-то важное, и вдруг тебя вышвыривает в другое измерение от того, что ты случайно поцарапался или врезался в косяк, потому что торопился. Досадно выйдет.

— Точно, ты чертовски прав.

Я запустил «Пандору», убедился, что на самом деле от настроек Антеи ничего не оставил еще час назад, и дал команду на изготовление дополнительных браслетов фиксации сигнала.

— Она ведет себя иначе, — заметила Антея. — Гудит гораздо тише.

— Верно. Так получается с Капеллой, — небрежно отмахнулся я. Дон удивленно вскинул бровь, но благоразумно промолчал. — Сигнал гораздо ровнее. Только обычно не удается установить такой режим с самого начала, но раз сегодня мы уже не первый раз...

Я разбросал готовые браслеты. Ящик с приличным оружием нам чуть раньше уже доставил Дон. Бластеры «парадного образца», как мой обычный или штатное оружие «Януса», мало пригодны к оглушению (да и к чему-то более серьезному, чем художественное выжигание по доскам), а как раз оно-то нам и понадобится. Мы настроили на браслетах обязательный захват всего взятого с собой, чтобы не разбрасываться в соседних временных потоках чем попало, и приготовились к перемещению. Запуск!

Ого! Как гладко... Нет, в самом деле — есть с чем сравнивать. Даже голова закружилась как будто не от привычной дезориентации от перемещения, а от легкой победной эйфории. Ладно, не время восхищаться собой. Служебное освещение на складе было тусклым, да и загорелось, лишь едва мы здесь появились...

А, нет. Я ошибся. Кто-то бродил тут среди стеллажей, переговариваясь, что-то двигая, роняя и, похоже, взламывая контейнеры. Ага — значит, не придется раздумывать, как незаметно открыть дверь, хотя они обычно и не запирались наглухо, у нас не имелось обыкновения прятать на складе мумий, которые могли вздумать бродить сами по себе, и все же простые кодовые замки здесь были, а все действия с ними отражались на пульте, если бы кто-то за ним следил. Но мы надеялись на неразбериху. Неважно, что было крайне маловероятно, что мы останемся совершенно незамеченными и не породим еще небольшой легион легенд — одним легионом больше, одним меньше. Пока же наши «оперативники» сориентировались очень быстро. Опять же не время восторгаться собой... хм. Совершенно понятно, что Майк и Джелли отстали от Рейнарда на целую секунду просто потому что пока

еще меньше привыкли к дезориентирующим скачкам во времени... А еще они менее хорошо знали склад. Несколько тихих хлопков, и разорители склада, создав не больше шума, чем от перетаскиваемых ими из любопытства контейнеров, полегли рядом с несостоявшейся добычей. Помахав друг другу, мы разделились и внимательно осмотрели прочие линии проходов между стеллажами. Нашли еще одного любопытного гражданина, безмятежно копающегося в экспонатах, и отправили вздремнуть и его.

— Похоже, все чисто, — объявил Фризиан.

— Очень похоже, — подтвердил Олаф.

— Вы только гляньте! — Гамлет возмущенно обратил внимание на последнего «усопшего» и на ярлычки к контейнерам. — Он что, пытался вытащить Экскалибур?..

— Нет, это не он, — отмахнулся Фризиан. — Он у нас в багаже.

— Где?..

— Да елки! — вздохнул Фризиан. — Испортил сюрприз. Мы хотели доставить его на предполагаемую коронацию — хорошая же была бы шутка, а?

— Спасибо, польщен, — оценил я. — А откуда вы знали про коронацию?

— Да пора бы уже — вот что мы хотели заметить. Нельзя вечно делать вид, что ждешь, что ситуация изменится. Настораживает. Тем более, что мы поняли кое-что об «архитектуре». Которую желательно сохранить и оберегать всеми силами. Думаешь, иначе мы бы оставили «Янус»? — он вздохнул. — Хотя, наверное, будь мы сейчас тут, мы бы уже ни с кем не разговаривали.

— Все сложно, — кивнул Олаф.

— Да и сейчас не стоило бы, — нервно заметил Нейт. — Ну, может тут кто-нибудь подключиться к камерам общей сети?

— Конечно! — сказала Антея, Тарси отправилась ей помочь. На скорую руку они соорудили свой дежурный пульт из захваченных планшетов и кое-какой старинной техники из местных экспонатов — собственно для этого мы и прибыли именно на этот склад, на «Янусе» их несколько, и принялись изучать царящую на Станции обстановку. Прибыли мы заблаговременно — может быть и не до того, как генерал Рафер записал свои исторические обращения, но до того, как он их опубликовал.

— Смотрите-ка, — привлекла наше внимание Антея. — Он как раз записывает речь!

— Заканчивает... — заметила Тарси, — отвлекшись от «листания» и поворачивания под разными углами видов десятков различных помещений.

В самом деле, Рафер махнул рукой, и несколько прожекторов погасли.

— Сделаю звук... — пробормотала Антея.

— Прибыло послание от архиарха, господин генерал, — сообщил кто-то в униформе «Януса» — нынешние сотрудники определенно не пострадали от захвата. — Желаете ознакомиться?

— Как вы думаете, — мрачно протянул Гамлет, — они все были подставные? С самого начала?

— Борьба с коррупцией методом злостной коррупции, клин клином, — фыркнула Антея. — По-видимому. Вот технический персонал, возможно, нет. Иначе зачем бы тут вообще понадобились войска?..

— Вижу технический персонал, — мрачновато заметила Тарси и увеличила изображение темного отсека, на полу которого лежало вповалку два десятка тел. Впрочем, другие два-три десятка должны находиться где-то еще.

— Думаешь, они мертвы? — трагически спросил Нейт.

— Да нет, не должны, — горячо и обеспокоенно возразила Джелли. — Их бы выбросили за борт. Скорее, усыплены, чтобы гарантированно не представляли проблемы какое-то время. А вот если решат, что точно не нужны, тогда уже избавятся. Присмотритесь — дышат!

— Нет, погоди-ка... — вмешался Майк. — Глянь на этот индикатор. Он только что ушел в красную зону — кажется, кто-то уже что-то решил, им выкачивают кислород.

— О... мы можем это отсюда остановить?

— Послушайте, мы должны это услышать!.. — позвала Антея, пытаясь обратить внимание всех на запись, которую собирался включить Рафер.

— Мы должны прекратить откачку кислорода!.. — воскликнула Джелли.

— Ладно, вы займитесь этим, а пока... — Антея увеличила звук, нацелив виртуальный приемник на послание, полученное Рафером.

Всплыла голограмма с изображением архиарха Солнечной Лиги. Архиарх — это что-то вроде президента, верховного главнокомандующего и первосвященника одновременно. Обычно всегда чем-то недовольная хмурая блондинка средних лет в темно-зеленом мундире с золотым галуном казалась чуточку менее недовольной, впрочем, улыбка ее выглядела неестественной и немного маниакальной, — должно быть, само событие настраивало на подобный лад.

— ...Мы весьма признательны вам за то, что вы заняли чрезвычайно важный объект. Напомню, что в штабе независимо прорабатывались две стратегии — его полного уничтожения... — Рафер несогласно фыркнул, — и присоединения к нашим стратегически важным резервам. Поскольку сторонники первой стратегии увязли в собственных интригах и не могут приниматься в расчет... — Рафер фыркнул на этот раз одобрительно, — но еще могут сослужить нам службу, подчищая возможные осложнения, мы должны дать им немного времени...

— Ты это записываешь? — взволнованно зашептал Гамлет, видимо, забыв, в каком мы времени.

— Шутишь?!. — возмутилась Антея. Она, конечно, пробовала, но едва ли это был сигнал без встроенного вируса, не настроенный на самораспад после получения. Если что-то запишется, это будут лишь невнятные огрызки. Но могло и повезти, если самоуверенность участников достигла того момента, когда они желали бы сохранить свои переговоры для истории — только тогда и записывать что-то специально просто бы не понадобилось.

— ...Мы обдумали также, будет ли для нас более выгодно объявить и симулировать гибель Станции, захватив ее тайно, или открыто признать захват и действовать на упреждение, сразу же посеяв смуту среди конкурирующих правительств. На последний случай мы решили обнародовать их темные грешки, которые нам известны, так как совершались не без нашей помощи.

— Вы покойники...

— Что? — ошеломленно отпрянул Гамлет.

— Я что, сказал вслух? Не бери в голову, эмоции. Все метафорически.

Рафер прервал воспроизведение и закатил глаза.

— Боги всемогущие, сколько можно болтовни! Она, понимаете ли, решила! Без нее уже все сделали! — справившись с собой, он раздраженно запустил послание дальше.

— Надеюсь, вы уже подготовили соответствующие заявления, и когда я дам

специальное распоряжение...

— Без инструкций бы не справился, тупая ты корова!.. — процедил, снова не выдержав, Рафер. Похоже, он был еще и немного навеселе. Наверняка — кто бы преминул отметить успех совершенной операции?

— А вот это точно стоит записать! — вставил Гамлет.

— Только, может, думаешь, что я твои делишки на свет не вытащу?.. Все, драгоценная моя! Рычаг управления теперь у меня!

— Очень интересно! — заметил Фризиан, резко заламывая бровь — они у него весьма выразительные.

— И попробуй потом захватить еще раз то, что уже захвачено! — Он довольно ухмыльнулся в сторону поставленной на паузу записи. — Если, конечно, не боишься потом не родиться.

— Не потом, а до того... — машинально поправил Гамлет. — И не в этой вселенной!

— Ну, это вы ведь сделаете не сразу, господин генерал? — вкрадчиво произнес странно знакомый голос одного из офицеров, которого мы видели лишь со спины, стоящим в тени среди парящих наготове осветительных приборов.

— Разумеется, не сразу, — небрежно отмахнулся Рафер. — Еще будет время! Наше время! Если все пойдет хорошо, уж этого добра у нас будет хоть отбавляй!

— Как скажете, господин генерал!

Кто-то вдруг вскрикнул, последовала короткая вспышка. Бластер? Рафер изумленно тихо крикнул и кулем осел на пол.

— Никому не двигаться, — отчетливо и негромко проговорил все тот же знакомый голос. Ощувив, что волосы у меня слегка зашевелились, я пораженно взглянул на Рейнарда, кажется, чтобы убедиться, что он все еще здесь. Тот благополучно оставался на месте и уставился на голограмму с открытым ртом. — Изменник казнен на месте. Полагаю, вы все еще храните верность архиарху и нашей Солнечной Лиге?

— Да-да... — пролепетали несколько дрожащих личностей в форме «Януса». Эх, ну просто позор мундира... Несколько офицеров за их спинами хранили невозмутимость и держали мятущихся на прицеле. Судя по всему, они изначально были сторонниками нового командира.

— Прекрасно. А теперь, господа, поскольку у нас чрезвычайная ситуация, я беру командование в свои руки. Возвращаемся к изначальному плану. Продолжайте закладывать бомбы.

— Нет, нет, нет!.. — порывисто воскликнул Гамлет. — Она же ясно приказала другое!..

— Как ты думаешь, кто там на самом деле? — спросил я, продолжая неотрывно смотреть на Рейнарда.

— Ну не думаешь же ты, что хоть кто-то из нас! Видимо, это и есть настоящий полковник Рейнард Крейг. Глава секретной операции, официально находящийся в миссии на Леде, а на самом деле осуществлявший этот захват. Очень удобно!

13. Это ружье не выстрелит

Строго говоря, это все еще мог быть «кто-то из нас». Кто-то из другой версии событий, кому для чего-то нужно было ликвидировать неподконтрольную версию механизма или решивший, что от всего этого одни неприятности. Но какой смысл плодить сущности больше тех, что уже есть?

— Это чертовски все усложняет и спутывает. Мы думали, что клон принадлежит мертвецу!

— Еще рано впадать в отчаяние, — оптимистично заметил Нейт. — Возможно, так обстоят дела только в этой версии событий.

— А может, мы можем как-то использовать это положение вещей? — задумчиво проговорил Рейнард.

— Как? В нашем-то спокойном плане усыпить тут всех, не вступая ни в какие переговоры и контакты? Интересное «ружье», но не думаю, что ему доведется выстрелить. — Помимо прочего, если нам не удастся воспользоваться некоторыми встроенными особенностями вентиляции — главные отсеки были защищены лучше, чем технические, от возможных неполадок, нарушающих жизнеобеспечение, Антея все еще уточняла наши возможности — на этом складе залежались баллоны с охладителем для двигателей — «Янус», сколько мы себя помнили, был укоренен на Луне, но поддерживался все это время в условно рабочем состоянии и в плане обычных перемещений в пространстве, ведь всегда могла измениться политическая ситуация. Содержимое данных баллонов представляло из себя старую добрую закись азота. Ну, почти. — И все-таки, похоже, придется разбираться с тем, что вас двое — живых и почему-то вполне осмысленных!.. — Не говоря о сыгранной тут явной роли, которую трудно будет утаить, как и простое присутствие в двух местах одновременно...

— Ну, в этом никогда не поздно что-то изменить.

— Тарси, ты что-нибудь о нем знаешь?

— Увы, очень мало. Или рассказала бы еще когда услышала о его «прибытии». А потом еще и выяснилось, что он ненастоящий. Как правило, работает под прикрытием. Никогда не известно, где именно и что делает. Он не один такой, так что не было повода присматриваться. Репутация безупречна, как незаполненная анкета. Не так много от меня толку, как хотелось бы, — она казалась расстроенной и уставшей, наверняка чувствовала себя никчемной, ничего не зная о своей тайной истории, но я пока не был готов ею делиться и сильно сомневался, что, узнав о ней, она почувствует себя лучше.

— А еще он пристрелил Рафера больше чем за час до того, как тот опубликовал свои заявления. Даже не знаю, записал ли тот все.

— Ну, тогда несколькими проблемами может быть меньше, — неискренне подбодрил Нейт. — В этой версии событий. Почему ты так беспокоишься, как будто это наша настоящая реальность?

— Потому что она может быть нашей настоящей реальностью! По крайней мере близкой до полной неразличимости! — Потому что так, мне казалось, было на «Штандарте», да и на «Эвридике», хотя, может, просто мозгу было удобнее так считать от большого желания, пока я не узнал обратного, что на обоих кораблях все было по-настоящему — в этой самой истории, и что Рейнард — настоящий я из прошлого, хотя кто знает, какой он

внезапно может выкинуть фокус... А, вот оно, вот почему казалось, что он поглядывал на меня с опаской. Все естественно и очевидно. Не потому что не доверял себе, а потому что черт его знает, какими мы можем быть друг для друга темными лошадками и где внезапно обнаружится подвох. — Кстати, что у нас там с откачкой кислорода? — опомнился я.

— Остановлена и обращена вспять, — с готовностью сообщила Тарси.

— Минут через пятнадцать, максимум через полчаса опомнятся, — бодро добавила Джелли. — Главное, чтобы никто не заметил, пока мы все не исправим, что что-то пошло не так.

— Опомнились бы, — поправила Тарси, — если бы не газ. Усыплены на несколько часов, а будить их сейчас кажется преждевременным.

— А наши подстреленные мародеры?

— О, мы их упаковали! — заверил Майк. — Завязали глаза и даже заткнули уши. Даже если придут в себя, долго ничего об этом никому не смогут рассказать.

— Эй, — обратил внимание Фризиан, — Крейг, судя по всему, следует плану Лидиной. Едва ли он собирается ее подводить. Скорее всего, он вообще не собирается публиковать заявления Рафера, которые тот записал чуть ли не навеселе.

— Ну, тут неизвестно, — возразил Олаф. — Даже если уничтожить Станцию, разве это повод не поблефовать, напугав политических противников до полусмерти, если прилично выразаться.

— Но подкрепить блеф потом будет нечем.

— Да кто об этом узнает?! Подумаешь, даже если жахнуть на все трансляции фейерверком, всегда можно блефовать дальше, что это симуляция!

— Да мало ли кто! Это было и так-то весьма неосторожно и странно. Вы не понимаете к чему я клоню? К тому, что это мы опубликуем эти записи! Гораздо раньше, чем это замыслилось тем, кто их записывал!.. Хотя, может, и он не собирался тянуть. Только еще записал бы пару ласковых о бывшем начальстве.

— Ооо!.. — протянул Олаф с чувством. — Какие мы отъявленные дипломатические скандалисты!

— Потому что это уже произошло! — строго напомнил Фризиан.

— А в «начале»? — спросил Гамлет. — Ведь «раньше времени» все равно, получается, это сделали мы?.. А потом уже — потому что это произошло... хм...

— Добро пожаловать в клуб, — пробормотал я. Кажется, и правда так себе была идея отправляться сюда в одиннадцатером... О чем я там думал? Ну да, спать надо было больше, а не блуждать по заросшим джунглями планетам, выясняя такое, что и так начисто вышибало мозг из черепной коробки... и так на каждом шагу. Самоподдерживающийся праздник абсурда. И это мы еще до закиси азота не добрались... Хотя — ха-ха! Вдруг какие-то другие мы давно здесь и как раз уже добрались? А теперь нам так весело!

— Смотря когда он собирается все взорвать, — проворчал Олаф. — А вообще — вопреки прямому приказу архиарха — да он просто камикадзе какой-то!

— Можно подумать, мало мы камикадзе видели!.. — фыркнул Фризиан.

— Он вошел в этот огромный зал, — внезапно сказал Дон, до этого молчавший среди бурной перепалки.

— Центральный отсек? — отреагировали хором Олаф и Антея.

— О. Да, — продолжила Антея уже в одиночку. — Кстати, там никого нет, что он там собирается делать? Громить центральный терминал?

— Давайте ему помешаем! — воскликнул Олаф и начал ковыряться в вызванном виртуальном дисплее своего фиксатора сигнала.

— Стой-стой! Я бы этого не делала! — предостерегла Антея. — «Пандора» же едва дышит!

— Не знаю, сигнал вроде показывает стабильный!..

— Хорошо, приготовься...

Я тоже начал настраивать браслет на ближний перенос — уже вполне уверенный в своей новой «Пандоре», начали и еще некоторые из нас. Нейт принялся показывать Дону, Джелли и Майку, что нужно делать.

— Но пока давайте подождем и посмотрим, что он собирается делать! Может, сейчас выйдет. Не заполнять же огромный зал газом ради одного! — С другой стороны, если отправиться напрямик туда, пока там никого нет и заблокировать входы, оттуда можно применить вполне стандартный протокол безопасности, усыпив всех вне центрального отсека, без запасных вариантов! Изначально мы этого не сделали лишь потому, что не предполагали, что там может быть пусто и что у нас может быть время изучить все спокойно прямо оттуда. Да и переполох мог подняться раньше времени, если, к примеру, прямо сейчас Крейг не смог бы войти.

— А что, система уже позволяет это сделать? — заинтересовался я.

— Возможно. — Уклончивый ответ. — Да и выдавать себя лишний раз может быть незачем! — Антея все еще осторожничала.

Крейг подошел к терминалу, посмотрел на разные мониторы...

— Кстати, — проговорил Нейт, — похоже, там активна какая-то программа? Мониторы светятся. Может, конечно, и ждущий режим, или пилотный, если они собирались отсюда перемещаться, — это казалось самым вероятным, — но похоже, что обычный рабочий...

А затем, как-то украдкой оглядевшись, Крейг быстро прошел к одной из капсул полного перемещения.

— Это что он делает? — изумился Олаф. — Его тоже понесло вразнос, как Рафера только по-другому? Кажется, «Янус» плохо влияет на неокрепшие умы...

— Черт, — пробормотал Рейнард напряженно. — А может, все-таки «кто-то из нас»?..

Крейг вошел в капсулу, закрылся и — исчез.

— Вот проклятье! Он знал, как это делается! — воскликнул Нейт почти панически.

Его голос прервался с легким хлопком. Я сам не заметил, как очутился уже в центральном отсеке, рефлекторно запустив подготовленную программу, и бросился к терминалам. Помимо кучи информации по легенде, первичным алгоритмам доступных действий, базовой закачиваемой лингвистической системе, массы всего прочего, что никогда не запоминалось и что пока некогда было изучать, я посмотрел на введенный год и очень удивился — Крейг не просто перенесся куда-то восвояси, он нырнул глубоко в прошлое. В тысяча пятьсот тридцать второй год — за девятнадцать лет до моего... тьфу, господи, никакого не *моего* рождения, а... Франция. Шампань. Что?.. Да это несерьезно!

Только потому что я знал, что у меня теперь есть альтер-эго по имени Рейнард, и потому что у меня давно засел в голове кое-чей образ, не дававший покоя, даже параноидально снившийся, как тоже очень отдаленное альтер-эго, и который я мысленно теперь омолодил на тридцать-сорок лет, чтобы сделать узнаваемым, эти кусочки мозаики, возможно, ошибочно, безжалостно кроша друг другу краешки, покрываясь трещинами, со щелчком... к черту, с царапающим слух омерзительным безбожным хрустом встали на

место.

— Оливье? — почти заорал я. — Да быть не может!..

Он же сообщил, что он из совсем другой версии истории! — Наблюдал за странным происхождением своей ветви. Что наши истории никогда больше не пересекутся. Это все было совсем не так?! Или в какой, черт побери, ветви мы сами, и почему она так похожа на нашу?..

Я осознал, что рядом со мной кто-то появился. Рейнард, Олаф, Гамлет, Фризиан. Остальные пока остались на месте. Все равно они нас отлично видели и слышали.

— Оливье, ты сказал? — переспросил Рейнард.

— Сам посмотри!

— Да это просто невозможно! — похоже, он просто ушел в отрицание, ведь не исключено, что именно ему потом придется это расхлебывать.

— Видел себя в зеркале? Представь, как мог бы выглядеть спустя лет сорок, проведенные в средневековье!

— Если точнее, все-таки уже новое время, — занудно вставил Гамлет.

— Да-да, я утрирую! Какая разница?

— Но сорок лет! Это же кошмар какой-то! — не без ужаса заявил Рейнард, явно уже задумавшийся, не придется ли ему однажды повторить этот трюк просто потому, что «так уже было».

— Откуда я знаю? Вдруг почему-то показалось хорошей мыслью вместо заслуженного курорта? — Или чтобы оградить, к примеру, от себя самого злосчастный хрупкий континуум... Возможно, «настоящий Крейг» — это Рейнард из очень близкого будущего, в котором все закончилось печально, и оставалось лишь замести следы подобным образом?

— Но Оливье в итоге исчез из запертой комнаты! — напомнил Фризиан. — Это значит, что он вернулся — сюда? Интересно, зачем?

— Чтобы все-таки самому все взорвать? Видимо, технически все уже должно быть готово, иначе кто его тут теперь узнает?

— А может, он передумал? — с надеждой предположил Гамлет.

— Или знает, что тут уже есть его копия, которая все за него сделает... — тихо добавил Рейнард.

Сколько бы времени ни утекло в прошлом — здесь перенос не займет больше нескольких минут. Мы просто ждали — последнюю минуту в напряженном молчании.

Наконец воздух в капсуле помутнел, и он материализовался внутри нее.

— Оливье, — констатировал я.

Он стал таким, каким мы его помнили — съежился в размерах, загорел как залежалая изюмина, а волосы превратились в белое облачко, напоминающее одуванчик. Помятый, немного полинявший мундир висел на нем мешком — оказывается, он хранил его где-то все это время и надел, чтобы наконец вернуться. Только глаза остались похожими на глаза Рейнарда — голубые и ироничные, даже взгляд был настолько похож, что я подумал, что никакого «настоящего полковника Крейга» мы никогда не видели, ни на какой голограмме.

Он принялся немного неуверенно нащаривать внутреннюю кнопку, чтобы открыть капсулу, я сделал шаг к терминалу и открыл ее за него. Теперь к внешнему облику прибавился запах — ничего ужасного, только чуточку чуждое. Немного земли, немного размятой кожи и старых сладких духов. Там, откуда он появился, он был бы вовсе

неразличим, а здесь лишь слегка контрастировал с обстановкой.

— Привет, Оливье, — сказал я мрачновато.

— И вам наше. Привет, малыш, — усмехнулся он, оглядывая нашу компанию, ничуть не смущаясь. Только при взгляде на Рейнарда слегка вздрогнул и подозрительно сощурился. Должно быть, странно увидеть себя прежнего через столько лет. — А вы правы, ребята — это затягивает!

Секунду мы созерцали его в озадаченном молчании.

— В каком смысле — затягивает? Почему мы правы? — изумленно спросил Гамлет. — Как ты продержался там столько лет?!

— О, мы уже перешли на ты? — забавляясь, усмехнулся Оливье, осторожно делая шаг из капсулы наружу. После переноса он еще был дезориентирован и двигался очень медленно. — Учитывая, что мы никогда прежде не были знакомы в некотором смысле...

— В каком? — еще более изумленно спросил Гамлет.

— Разве ты — не я? — спросил Рейнард. Кажется, в его вопросе прозвучал призрак надежды.

— Вот не знаю! А кто ты? — Оливье вскинул тонкую как перышко бровь и с сомнением оглядел мундир ледийского гвардейца. — Как оказался... в этом? Да и вас тут в прошлый раз не было. Я что, угодил в какое-то очень альтернативное будущее? Вот проклятье, мне казалось, мы все рассчитали...

— Мы — это кто? — спросил я.

— Я и тот парень, который застучал меня в прошлом, случайно грохнувшись мне в голову, и мы малость задержались...

— Оливье, давай-ка с начала! — не выдержал я. — Кем ты был в этом мире? В том, из которого отправился в прошлое, и в который вернулся?

— О... — Оливье привалился плечом к открытой капсуле. — Понимаю... Друзьями мы не были, это для меня прошло сорок лет черт знает где, где все изменилось. Да, сначала я собирался просто узнать напоследок, как это бывает, перед тем как исполнить то, что должно, а заодно, чтобы не просто так время терять, решил перенестись в эпоху, о которой слышал от Линна. Вроде бы здесь все можно было повернуть совсем иначе. Чем черт не шутит, вдруг бы я смог вам в чем-то помешать уже тогда?..

— Помешать нам? Погоди-ка, твое настоящее имя — Рейнард Крейг? — не выдержал на этот раз наш «Рейнард».

— Ну... да, а твое?

— Не совсем...

— Ах да, еще от меня ожидаешь честности!

— Оливье, пожалуйста, это серьезно, — отвлек его я. — Особенно если ты вовсе не в альтернативном будущем, а там, куда и собирался вернуться.

— О, если бы я был там, вас бы тут не было! А куча идиотов сейчас минировала бы ваш «Янус»!

— Оливье! Так и есть! Куча идиотов сейчас минирует «Янус»!

Оливье изумленно моргнул.

— Так, так... Пардон, извините, что-то у меня в голове все как-то мешается... А вы тогда что здесь делаете? Не минируете же «Янус» вместе с ними?

— Нет, конечно!

— Подожди-подожди! — прервал Гамлет. — Ты собирался помешать нам? Но почему в

тысяча пятьсот тридцать втором году?!

— Потому что новый состав «Януса» — некомпетентные идиоты! Я запрашивал год, в котором произошла Варфоломеевская ночь, это был единственный ориентир, что я помнил, да и подробностей, на самом деле, совсем не знал, просто решил прогуляться в «известный» мне пункт, посмотреть, получится ли понаблюдать за творящимися странностями, ненадолго, но по известным только этим придуркам причинам они решили, что это был тридцать второй год, а не семьдесят второй! А может, опечатались. Все равно идиоты. Такая маленькая циферка для человека... Или в этой истории он был все-таки тридцать вторым?

— Нет, не был! — заверил Гамлет.

— Мне уже прямо интересно насчет этих «некомпетентных идиотов», — вмешался Олаф. — Может, они как раз были компетентны, но почему-то не собирались помогать? Уж не свериться с архивом, это верх странности. Мне уже интересно, кто именно это был.

— Хм, вот так я эту проблему еще не рассматривал!.. — Оливье заинтригованно заломил седую бровь.

— Но можно же было вернуться, поняв, что это совсем не тот год, — заметил Фризиан.

— Если собираешься только забежать куда-то «напоследок», вряд ли будешь маниакально повторять маневр, — предположил Олаф. — Может, если хоть кто-то что-то рассчитывал, он на то и рассчитывал?

— Да, только почему кто-то даже не подумал вернуться? Или «некомпетентные идиоты» и это рассчитали, не объяснив, как это делается или дав неверный пароль? — предположил Рейнард. — Они и стабилизатор сигнала, я смотрю, не предоставили? Практически, получается — это было покушение?

Какая неплохая догадка!.. Но в итоге он все-таки вернулся, если только в этом не помог некто из другой ветви истории, с какими-то своими методами.

— Объяснили. Хотя, пожалуй, не совсем внятно... Но к тому времени, как я разобрался, что попал не совсем туда... Сперва мне там понравилось. Было так свежо и увлекательно. Кстати, ваша автоматически закачиваемая лингвистическая программа — что-то с чем-то! Адаптация пошла как по маслу. Спешить, как я понимал, было абсолютно некуда, а когда все-таки надумал, что пора бы отправляться назад, случилось то, чего никто не планировал — чье-то сознание внедрилось в мое, и оно обладало такой потрясающей памятью о совершенно невероятном будущем!.. Что, невзирая на весь ужас произошедшего, это тоже чертовски затягивало! Да и того парня — тоже, когда он осознал то, что находилось в моей собственной памяти. Вот как-то так все и получилось... Мы, можно сказать, взялись за совместные исследования, разбирали по косточкам разницу во временных потоках, отслеживали происходящие изменения, уже не собираясь никому мешать. Это было здорово, скажу я вам! Слишком здорово, чтобы быстро заканчивать. От меня он узнал о вас, мы дождались вместе того самого поворота, которого ждали, и тогда уже решили, что вот теперь совсем хватит, пора это заканчивать, ведь ветви уже так разошлись, что еще немного и будет поздно!

— Но черт возьми, — впечатленно произнес Гамлет. — Сорок лет в прошлом! В одном единственном столетии!.. — кажется, последнее пугало его в особенности.

— Пролетели почти незаметно, — усмехнулся Оливье. — Я уже думал, что застрял там до конца дней... В таком случае, как я понимаю, вы бы тут встретили мою иссохшую мумию?

— Должна была бы быть еще свежей, — поправил Олаф. — Достаточно было просто

отдать концы.

Это действительно казалось умопомрачительным. Но было еще кое-что.

— Выходит, ты знал с самого начала, что с нами будет, до этого самого момента?

Показалось, что воцарилась зловещая тишина. Если только у меня не заложило уши.

— Наши временные линии не обязательно совпадают в точности... — осторожно напомнил Фризиан.

— Когда последний раз бывало, что мы возвращались не туда, откуда отправлялись?

«Оливье» задумчиво, в некотором смущении, потер подбородок.

— Я мог бы сказать, что привык за годы к вовсе другой версии будущего, — ответил он медленно. — Мог бы добавить, что, хотя привязался к тем людям, которыми вы когда-то были в той эпохе — я привязался к ним, а не к вам. Вы же их использовали, не так ли?

— Что ж, по крайней мере, это кажется честным. Думаю, стоит признать, что мы вовсе не друзья, и незачем делать вид, будто это когда-то было так.

Он посмотрел на меня с какой-то затаенной тоской.

— Думаешь, я мог изменить то, что уже случилось?

— Если бы ты хоть намекнул, что произойдет... — Гибель «Штандарта», о которой он знал, и не мог знать, что это еще не гибель. Да и если быть конченным эгоистом, он знал, что в это самое время должно происходить на Леде, пусть этого не произошло, пару десятков раз меня уже успели зверски прикончить в прошлом, не по-настоящему, но это не те воспоминания, что хочется хранить до конца жизни.

— Я исчез, в том числе, чтобы справиться с этим искушением. Ничего бы не изменилось. В этой версии истории — в которую я должен был вернуться. Ведь что бы я ни сделал, вернуться я должен был в эту.

— Значит, не попробовал, — кивнул я собственным мыслям. Даже в той версии, что так и не стала этой.

— Но я мог попробовать опубликовать послания Рафера, что он оставил. Как можно скорее. Вдруг бы это что-то могло изменить?

— Может, так и было? — оживленно спросил Гамлет.

— Не было, — отрезал я. — Мы же здесь.

— Ну а «в самом начале»?..

— Я не стану оправдываться, — устало сказал Оливье.

— Отлично, — обронил я, продолжая чувствовать чистую незамутненную ярость. Неважно, что сейчас было совсем не до этого. Когда-то я слишком доверял Оливье, неважно, что не совсем я. Неважно, что и вернувшийся Крейг был Оливье только наполовину, другая «половина» тоже все знала и не обмолвилась ни словом! — Сомневаюсь, что ты вообще что-то мог бы сделать в твоём теперешнем виде!

Оливье фыркнул и, прищурившись, изучающе посмотрел на Рейнарда.

— Ну, а этот-то молодчик может? Кем бы он там ни был.

14. Хвост змеи

Рейнард без особого энтузиазма натянул на себя полинявший темно-зеленый мундир. «Оливье» его инструктировал насчет собственных последних отданных приказов. С памятью у него, по счастью, было все в порядке, несмотря на все минувшие годы и потрясения.

— Интересная штука — память, — заметил он как бы между прочим с легким удивлением. — Казалось бы, все вылетело к чертям, растаяло в туманной дымке... — видимо, и это помогло ему не обмолвиться ни словом — ведь все уже, казалось, было так далеко и зыбко, — а стоит вернуться на то же место — как будто ничего с тех пор не происходило!

— И с чего ты вдруг передумал? — спросил я все еще без всякой приязни.

— Не вдруг, а через сорок лет, — напомнил Фризиан.

— Теперь я знаю, каково это, — мирно пожал плечами Оливье. — Даже если не стал одним из вас. Наверное, все это время я надеялся, что вы, которых я узнал позже — из другого будущего, не из этого. Значит, все, что я знал, вас не касалось.

Хорошая позиция. Я даже мог ее понять. Со временем. Моя злость проистекала лишь от того, что я ожидал чего-то другого. Создал какие-то собственные мифы. Мои проблемы, разумеется, это нужно было просто пережить и переварить.

— А все-таки, кто ты? — спросил Оливье свою прежнюю точную копию.

— Еще кто-то, кто тебя использует, — неприязненно отозвался Рейнард, раздраженно расправляя мятые складки на мундире.

Оливье приподнял бровь.

— Еще кто-то просочился из будущего? И все еще считаете, что это та временная линия, из которой я отправлялся? С какой же стати меня тут двое?

— Хочешь сказать, что твой клон был изготовлен без твоего ведома? — напрямик спросил Рейнард.

— О... А с памятью все-таки не все так здорово, как казалось... — Оливье показался немного обескураженным, выходит, и правда — забыл, но вспомнил, раз не стал возражать, спрашивая, о чем это мы. — Так значит, ты кто-то из будущего, кто засел в моем клоне? А что ты скажешь насчет того будущего, из которого явился?

— Прекрати! — проворчал Рейнард.

— Как скажешь. Вот клон мне совсем не жалко. Пользуйся на здоровье.

Затем Рейнард вышел из центрального отсека, а мы пока остались в нем. Вскоре к нам присоединились все остальные, дружно перенесшись со склада. Оливье огляделся и только хмыкнул.

— Тут гораздо больше возможностей, — сказала Антея, подходя к центральному терминалу.

— Кто бы спорил...

Просто никто не знал сперва, есть ли здесь кто-то. В некотором роде можно было считать, что ключевую позицию мы уже заняли. Оставалось только разобраться с минированием. И, конечно, с кораблями Лиги, что подтянулись сюда во время обычного патрулирования и готовы были отбиваться, если кто-то застанет их на месте преступления, до тех пор, пока «Янус» не рассчитает курс для перемещения.

Антея вывела голограмму, следящую за Рейнардом.

— Новые данные! Отбой! — объявил тот по внутренней связи на волне, сообщенной Оливье. — Следуем приказу архиарха. Отменить минирование. Объявляем о захвате объекта!

— Ну, конечно, убирать все мины пока никто не будет, на случай новых указаний, — уточнил Оливье. — Но без активации — какая разница? И раз захват, то весь десант остается здесь и уж точно не собирается подрывать сам себя. И если что-то не дозаложили, то уже не продолжат. К примеру, только здесь должны были расположить четыре взрывных устройства. — Он указал абстрактно в разные стороны.

— Очень мило, — отозвался я.

— А еще, — добавила Антея. — Отсюда мы напрямую можем пустить газ в любое помещение Станции, не нужно изобретать никакой кустарщины с веселящим газом со склада! — Один из нормальных протоколов безопасности, который, теоретически, мог бы кто-то запустить, если бы мог или желал.

— Предельно очаровательно.

— А корабли сопровождения удалятся, как только мы переместимся — предположительно в пространство Лиги, возвращаясь на Луну. Затем нам останется... либо вернуться на это же самое место, либо, на самом деле, отправиться туда, где будет безопаснее. Как насчет орбиты Леды? Возмущение пространства и, предположительно, времени — для непосвященных, но подозревающих, может объяснить, к примеру, аномалию с «Эвридикой», если она и правда имела место!

Я покосился на Оливье.

— Да... Она имела место.

— И это может быть ненадолго, — невинно добавил Оливье. — Оттуда можно будет отправить «Янус» позже куда угодно.

— Можно. Но путь туда займет много времени. И все это время все вокруг будут сходиться с ума. — Как бы идея ни выглядела соблазнительно.

Рядом послышались возня, звук, будто что-то роняли, и запыхавшееся дыхание.

— Здорово! — воскликнул Нейт. — Они в порядке?

Майк, Джелли, Дон и Фризиан склонились над парой тел в черных мундирах — они только что перенесли их из отсека, из которого совсем недавно захватчики-злоумышленники собирались откачать кислород. Все уже были вне опасности, но наши «оперативники» под руководством Фризиана отправились проверить, нет ли там кого-то, кто мог хотя бы теоретически проверить то, что мы сейчас делали. Тарси тут же принялась осматривать и сканировать находящиеся без сознания с медицинской точки зрения.

Антея мельком обернулась.

— Верлик! Итан! Ну хоть кто-то тут был нормальный!.. Отлично, сделаем вид, что это они все устроили!

— Но они ничего не будут помнить! — беспокоило напомнил Гамлет.

— ПТСР — он и такой бывает, — с каменным лицом заметил Олаф. — Кто будет отрицать, что они чем-то надыхались? Тут все будут чем-то надыхавшиеся! А если предположить, что кто-то вмешался из дальнего будущего, с него и вовсе взятки гладки. Но такое можно лишь подозревать и никогда ничем не доказать. Да здравствует Оккам с его безопасной бритвой!

Все так или иначе согласились, что да здравствует.

— А пока мы сеем международные скандалы, — прибавил Олаф. — Но все записано до нас!

— И все-таки меня очень беспокоит, что на самом деле все будут отлично знать, кто это сделал. По крайней мере, в Лиге, там, где все и замышлялось. — Впрочем, ладно, и до того все было сложно, но теперь казалось еще сложнее.

— Ты о Рейнарде? — проницательно заметил Нейт.

— А мне все еще ужасно интересно, — заметил Оливье, — как это вы путешествуете прямо в настоящем?

— А я все еще не уверен, что ты не считаешься противником!

— Просто любопытно, что, казалось бы, параноидальные рассказы, на деле, имеют под собой какую-то почву, — усмехнулся он. — Разумеется, если бы я так не думал раньше, я бы вообще во всей этой затее не участвовал. И разумеется... если бы это в самом деле могло решить все проблемы, ни у кого не было бы никакого повода злиться из-за того, что всегда можно изменить. Или, к примеру, вы бы давно сделали то, о чем мечтали архиапостол Эреда или Рафер...

— Может, когда-то и пробовал, когда «наследники Веги» решительно этому воспротивились?

— Это прекрасный инструмент. Как сверхмощный телескоп. Может, он и может быть оружием, но использовать его подобным образом всерьез — такая же удачная мысль, как вскапывать грядки микроскопом. Это его просто уничтожит, а толку будет мало.

— Знаю, — спокойно сказал Оливье. — Тем не менее, не использовать его тоже невозможно. Если ничто не будет ограничивать по-настоящему. Буфер — это хоть что-то. Но когда его нет... это совсем другое дело. Нельзя ведь надеяться, что у всех всегда все будет хорошо и не понадобится хоть немного «откатить назад». — Кем бы он ни был раньше, он долго был и тем, кто явился из совершенно другого мира и отчасти навсегда им остался.

— Знаю, — ответил я.

— Знаю, что знаешь.

— У меня вопрос! — заявил Гамлет, показывая на лежащих без сознания «зеленых новобранцев». — Случайно не они вводили данные для отправки в тысяча пятьсот тридцать второй?

— Нет, — даже не оглядываясь, ответил Оливье. — Эти мелкие сошки были против того, чтобы в чем-то участвовать. Компетентность проявило то, что осталось тут временно за начальство. Вы же в них не сомневались, правда? Те еще дуболомы.

Да как сказать, походило и правда скорее на ловушку. Но почему-то вслух Оливье предпочитал обходить этот момент. Возможно, подобная мысль его травмировала.

— А этих вы просто собирались убить?

— Я все собирался тут уничтожить. Тихая смерть до того, как все кругом начнет разваливаться на куски, представлялась более гуманной и чистой. Между прочим, не всем бы так повезло, — прибавил он.

— Просто не понимаю, на каком я свете! — потряс головой Гамлет.

— В самом лучшем из миров! — саркастично сказал Оливье и я невольно засмеялся. Гамлет осуждающе посмотрел на нас обоих.

— Да ну вас!..

— Вы не они, — заметил Оливье. — И все-таки до ужаса похожи.

— В почти бесконечной вселенной, — автоматически отозвался я, — всегда можно обнаружить повторы, в любом заданном месте и времени, хотя бы частичные. Проще адаптироваться, проще минимизировать вмешательство.

— Насколько помню, вопрос минимизации толком не стоял.

— Это в принципе, не в конкретном случае. Там же, когда все слишком ушло в сторону, в некотором роде это тоже была защита текущего потока — чем дальше от него, тем меньше воздействие.

— Выходит, чем осторожнее действие, тем оно точнее — ближе к текущей реальности и опаснее?

— Почему ты спрашиваешь меня? За сорок лет ты наверняка узнал от того, другого, гораздо больше.

— Больше. Но ведь о совсем другом потоке. Там все по-другому.

— Насколько по-другому?

— Совсем по-другому. К тому же эта память быстро выветривается. Знаком такой эффект?

— После очень длительного сознательного контакта очень многое должно задержаться.

— Да, наверное, — он пожал плечами.

— Обещал ему ничего не рассказывать?

— Не думал, что мы когда-нибудь встретимся. Не мог же я знать, что вы меня здесь поджидаете. Я все еще в смятении! — заявил он с монументальным спокойствием.

Рейнард вернулся в отсек с сумрачным сосредоточенным видом, прижал руку к двери и окинул нас взглядом — все ли на месте?

— Все, насколько я понимаю? Минирование прекращено, отправление на Луну утверждено, идиотские заявления разглашены... — он глянул на часы, — примерно в нужное время. Так как пилотирование должно производиться отсюда, сюда должна прибыть команда под руководством наших компетентных друзей. Минут через пять после меня, как я велел.

— Поняла, — кивнула Антея и тут же нажала несколько висевших перед ней клавиш в определенной последовательности: — Блокировка центрального отсека. Общая блокировка связи. Усыпляющий газ во всех помещениях, где зарегистрирована активность...

— Только не там, где уже все спят! — напомнила Джелли. — Незачем им двойная доза!

Антея и ухом не повела — она давно уже исключила то помещение из списка.

— Не забываем о респираторах! — подсказал Оливье. — Кто-то обязательно успеет что-то заподозрить! А некоторые параноики из них и не вылезают. — Благо в наши времена это очень тонкие мембраны, которые можно поместить в ноздри и легко забыть о них на день-другой.

— Ага... — Антея увеличила размеры виртуальных окон с просмотром помещений, чтобы всем было лучше видно, кому придется помочь улечься спать.

— Ну, значит, не зря мы это тащили! — удовлетворенно заметил Дон, помахивая старинной маской-респиратором из вскрытого на складе ящика. — Но страшные-то какие! И годятся только на то, чтобы сбивать с толку.

Тут он был совершенно прав. Для прямого назначения у нас имелись современные, а эти были призваны создать легкую маскировку и атмосферу нежного хоррора. Хотя кого бы волновали потом чьи-то галлюцинации? Но мы все же решили пощадить чужую нежную психику от излишних последующих узнаваний.

— Все помнят, как это делается? — спросил Нейт. — Пока мы здесь, достаточно направить браслет на нужное окно — координаты считаются сами, дальше только нажимаете пуск!

— Вот там! — сказал Рейnard и, даже не озаботившись маской, перескочил в отсек с заматавшимися в панике лигийскими гвардейцами. Полтора десятка, не меньше.

— Вот же!.. — я перескочил вслед за ним. Не слишком ли он поторопился? Мы быстро оглушили всех — кое-кто увидел его, узнал и застыл в ступоре, став легкой мишенью. — Ты нарочно тут светишься?

— А какая разница? — отмахнулся тот безмятежно. — Без того все предельно ясно. — И склонился над ближайшим с пневматическим экстрактором — не вручную же вынимать из чужих ноздрей все эти легкие тонкомембранные респираторы.

— Скачете как блохи! — не без насмешливого одобрения заметил Оливье, когда мы вернулись к центральному терминалу. Половины наших на месте не было — все отправились на свои рейды в разные «окна».

— Ух! — Майк и Джелли с легким хлопком возникли рядом, Джелли счастливо смеялась. — Вот всегда бы так, а? Хотя нет — слишком просто... Ни выслеживания, ни напряженной схватки...

— Ничего-ничего, — ответил ей Майк. — Я же так понимаю, только при исключительных условиях так можно?

— Именно, — подтвердил я. — В очень редких случаях при благоприятных обстоятельствах...

И перескочил в следующее «окно», где метались очень предусмотрительные «компетентные» новые сотрудники «Януса», видимо, опасавшиеся, что что-то может пойти не так и успевшие обзавестись респираторами. С ними было совсем легко.

— ...Кажется, все чисто, — сказала наконец Антея, скрупулезно перепроверяя то, что ей уже автоматически сообщила система. Теперь завершаем расчет курса, который мы предусмотрели... Отскакиваем в соседний сектор, если ни у кого нет возражений, и посылаем оттуда сигнал Союзу?

— Да... — вдруг мне пришла в голову довольно жуткая мысль. Хотя могло ничего такого и не произойти, но от одной мысли, что я чуть не забыл об этой особенности, охватил легкий озноб. — Только, пожалуйста, не запускай сразу!

— Почему?..

— Представления не имею, куда нас может забросить.

— Забросить? — Антея изумленно подняла брови. — Впервые про такое слышу...

— Поверь мне, с «Пандорой» лучше помягче. Нам придется запрограммировать автопилот и вернуться до того, как «Янус» куда-то тронется...

А в самом деле, что это я? Даже если нас куда-то зашвырнет, хотя маловероятно, ведь «Пандора» откалибрована — просто сдают нервы от того, что она все еще недостаточно испытана или просто по привычке? — у меня ведь всегда получалось вернуться назад, хотя корабли и исчезали в яркой вспышке. Кому повредит, если на какое-то время в такой вспышке пропадет весь «Янус»? Надо будет только установить, куда и «когда» он попал, чтобы потом не было сюрпризов.

— Заговариваешься? Спутанность сознания? Параноидальный бред? — с сочувственным выжиданием поинтересовалась Антея. — А я ведь предупреждала!

— А если бы мы заскочили сперва в прошлое... — начал Гамлет. — А потом, уже оттуда...

— Не усугубляй, пожалуйста! — попросил я.

— Мы могли бы совершить быстрый перенос к Денебу! И это сбросило бы буфер... —

мечтательно продолжил Гамлет.

— А, так вот что происходит! — с готовностью оживился Оливье. — Вы сбросили буфер. А что такое «Пандора»?

— Черт... — испуганно произнес Гамлет. Он совсем забыл, что не все мы из одной лодки. И я, видимо, тоже. Правда, мы все равно подобрались к тому моменту, когда это становилось неважно.

Антея выразительно прикрыла глаза рукой.

— Неважно. Разве это было не очевидно, что сбросили? Вот только это временное нестабильное состояние.

— Что ж, это кое-что объясняет!

— Послушайте-ка! — сказал Фризиан. — Не получится исчезнуть отсюда слишком рано. Мы не можем потерять контроль над тем, что тут происходит. Может, мы все-таки кого-то упустили. Может быть, кто-то проснется раньше времени и все-таки взорвет тут все к чертям, чтобы не сдаваться врагу и все прочее! На отосланный сигнал может появиться совсем не тот, кого мы ждем! Мы можем нарваться на новый захват и все, что мы тут делали, станет бессмысленным! Придется повторять?

Оливье задумчиво одобрительно кивал в такт его словам.

— Знаете, что нам, пожалуй, стоит сделать? Хорошо, что нас тут хотя бы дюжина, включая меня. Рассчитывайте курс, переходите в гиперпространство, а потом нам придется потрудиться, разоружив тут всех сонь в округе и позапирав для надежности! А можем еще и собрать наконец все бомбы, совсем их обезвредив. — Оливье выглядел чрезвычайно довольным собой. — Полно работы — будет чем заняться всю дорогу до нового дома!

Кажется, я застонал не только мысленно. Когда мы долетим, я, наверное, буду желать только одного — умереть. Но едва ли это хоть у кого-то встретит понимание.

Антея вдруг нежно ухватила меня за воротник и поволокла куда-то в сторону диванчиков в нашем старом «светском уголке» в этом зале... Правда, он давно был осквернен оккупантами и в него не тянуло, как прежде, но диванчики все еще стояли на месте. На пару из них уложили мирно почивавших неизвестных мне Верлика и Итана, в масках, контролировавших их сон, уже более похожий на мягкий анабиоз, но еще пара оставалась свободна.

— Тарси, поможешь мне?..

— Что это вы затеяли?..

— У тебя есть какое-нибудь крепкое успокоительное?

— Да вы что, издеваетесь? Я и так постоянно мешаю снотворное со стимуляторами, хватит...

— Ладно, хватит, так хватит — если пару часов полежишь тут смирно.

— Но...

— Он шутит. Да разберем мы их за несколько часов спокойно, сканеры нам в помощь, и в полуанабиоз всех на пару дней уложим без проблем. Только, ты же не против, если мы подбросим «Янус» ближе к Леде? Просто, надеюсь, твои войска будут в любом случае надежнее других в галактике, очень не хочется играть с остальными в лотерею.

— Нет, я-то не против. Тем более, там мы «сейчас» все и находимся, и можем все сами как следует проконтролировать.

— Именно! — радостно подтвердила Антея. — И представь, куда бы, если бы могли, бросились в панике юные новобранцы, попав в беду? Прямиком за нами, только мы ведь

можем им помочь.

— А от всей этой дипломатии все равно одни ключья полетели...

— Они самые. Какую позицию считаешь лучшей?

Нельзя ведь сказать, что я никогда не думал об этом прежде, хоть и не считал это возможным.

— Возле Кастора. — Не у самой Леды, а у одной из ее лун. — Если все пойдет хорошо, там можно и стационарно прилуниться.

— Да ты уже думал об этом!

— Ну естественно. Чистые ментальные модели. Чем Кастор хуже земной Луны? Чуть в стороне от кипящего столичного котла, но им же и защищен, всякая связь легка и в то же время достаточно уединенно и спокойно. Когда вернемся на Леду, сами же все и подготовим для безопасной встречи.

— Действительно, — судя по голосу, Антея улыбалась. — Тарси, последи за ним немного.

— Конечно. Но вам тоже нужна помощь.

— Ты еще его плечо не видела.

— А что у него с плечом?..

— Прострелено полдня назад, так что просто проверь, все ли в порядке.

— Ох, боже ты мой...

— Сразу подсказываю — левое.

— Может, его надо вернуть сразу во дворец?

— Ну нет!.. — сказали мы одновременно с Антеей.

Антея кашлянула со смешком.

— Даю намек. Как только мы вернемся в исходную точку, все опять завертится без остановки, а тут — нам лететь почти трое суток — улавливаешь алгоритм?

— О. Да! — просветленно отозвалась Тарси.

— Вот и отлично. Мы пока пойдем, со всем немного разберемся, потом тоже отдохнем, потом еще немного разберемся. Спокойно. Без спешки. Как тут вызвать через столик кофе и десерты, он сам покажет, но минимум часов пять не давай ему вставать с дивана, если нам что-то понадобится, придем и спросим. Да у нас теперь еще и заместитель есть!

— Ну да, о нем-то я как мог забыть?..

— Счастливо оставаться! — весело напутствовала Антея. — А этот день не так плох, как мне чуть было не показалось!

По крайней мере, она не отправила нас в жилые глубины Станции. Отсюда мы могли спокойно посматривать, что происходит, не чувствуя себя оторванными от действия — и это еще больше успокаивало. Даже если «жилые глубины» просто еще были недоисследованы на предмет безопасности и полностью подконтрольным оставался только этот отсек, наша старая *sancta sanctorum*... Ого. Надо же. А ведь я и правда не думал всерьез, что когда-нибудь окажусь тут снова. А теперь еще и «Янус» отправлялся к Денебу — с ума сойти!.. Будто змея и впрямь, дразня, кусала хвост. Хотя Денеб — это хвост Лебеда, а не змеи. Но и Денеб же, на самом деле, у нас свой собственный!

15. Сон разума

«Янус» возвращался домой! Было в этом что-то безумно потрясающее.

Я и не думал, что смогу уснуть, но оказалось, что в атмосфере непрекращающейся чужой суеты спится просто замечательно, почти как под шум дождя или прибора.

Часа через четыре я вдруг вскочил, чувствуя себя практически нормальным человеком. Хаос в голове почти улегся. Тарси дремала рядышком в мягком кресле. Не привлекая внимания, я прокрался мимо к центру действия у терминала. Там все становилось уже как-то рутинно скучновато — все просто толпились вокруг, негромко переговариваясь, что-то друг другу показывая, что-то переключая или листая. Первые дела были завершены, определенно все устали и готовы были потихоньку перебираться в разведанные и проверенные глубинные покои для отдыха.

— Как дела? — спросил я Антею, как царицу этого тихо жужжащего роя.

— Ожидаемо, — ответила она. — Нормальное сонное царство.

— Индикаторы пока не сбоили?

— А должны были? — Антея посмотрела на свой браслет. — Кажется, нет.

— Ну, всегда кажется, что до замирания недалеко, а любая увеличенная нагрузка может ускорить процесс. Нас тут одиннадцать, мы быстро перемещаемся в пространстве, совершили множество смежных точечных скачков, находясь на другой машине времени со сплошными окружающими помехами — совсем недавно она еще и активно действовала. Мало ли как все это могло сказаться? — До сегодняшнего дня подобная лихость была бы совершенно невозможна и все еще была невероятно непривычна. Даже то, почему это произошло, казалось ужасно странным. Я так долго не решался, и неужели оказалось, что и правда ничего не испортил? Насколько на все это можно полагаться и когда изменит удача?

— Да, пожалуй... но на всякий случай — мы все равно летим туда, куда нужно, доберемся любым ходом! — Она улыбнулась. — Наверное, это одна из немалых причин, почему нам всем очень нравится этот вариант.

Все равно выйдет неловко, если нас потеряют на трое суток.

— Ага. Это немного успокаивает. — А если мы вынырнем в итоге спустя триста лет, сможем использовать для возвращения сам «Янус».

— Можешь вернуться в любое время, если беспокоишься.

— Да ладно, переполохом больше, переполохом меньше.

— О, ты проснулся? — Рейнард подошел ближе и потянул меня за локоть в сторонку.

— Что случилось?

— Ничего. — Он покосился, достаточно ли мы отошли, чтобы нас не слышали. — Просто думаю — рассказать ли Оливье? Когда я вышел к остальным, изображая его, чтобы отдать нужные распоряжения, кое-кто из новых сотрудников был очень взволнован, а кое-кто наоборот обрадовался и предупредил меня, что если я все еще собираюсь использовать прогулку в прошлое, то стоит поправить данные, потому что кое-кто в них вмешался.

— Да, и кто именно?

— Из вполне понятной предосторожности, исполнители донесли Раферу, что кое-кто собирается несанкционированно воспользоваться случаем и попутешествовать без его ведома. Тот посмеялся и пожелал лично изменить дату — по подсказке профессионалов, конечно — и код возвращения. Если кто-то вздумает своевольничать — сам виноват.

— Какая очаровательная взаимная ликвидация!

— Суровая конкуренция, естественный отбор, все как обычно.

— А почему раздумываешь, рассказать ли ему? Какой ему прок от неведения?

— По-моему, он сам догадывается, и это может быть излишним. Может его ранить...

— Ну, тем более. Если кто вздумает своевольничать — сам виноват...

— Я подумал еще кое о чем, — Рейнард еще более понизил голос.

— О чем же?

— А был ли вообще тот — другой парень?

— В смысле — из другого будущего? Я тоже подумал...

— Его необходимость, похоже, как-то отпадает. Так что, если он ничего о нем так и не расскажет, возможно, это будет более правдиво, чем если начнет выдумывать.

— За сорок лет можно было придумать даже воображаемого друга. Вполне честно придумать.

— Вот такое может быть.

— Но как он в итоге все-таки вернулся?

— Перебрал все варианты? Подобрал наконец нужный ключ.

— Но знал об этом заранее, раз оставил записку.

— Необязательно. Написал записку, попробовал наиболее вероятные комбинации. Тем более, самые последние годы он не мог вообще ничего попробовать, перенос не действовал, насколько мы помним от Линна — помимо того, как мы сами наблюдали, как аварийно закрывались все окна от искусственно созданного сбоя — и он мог знать об этом от него же. Ну а теперь, когда все должно было временно наладиться, он оставил записку и проверил наконец наиболее вероятные комбинации, которые давно перебирал. Одна из них сработала, он вернулся. Если бы не вернулся, уничтожил бы записку, и, возможно, отправился бы прямо к нам, советоваться, что делать, пока мы еще были на месте. А до того времени просто держался поблизости, в долгом ожидании нашего прибытия, следя при этом, чтобы с «нами» не случилось ничего непредвиденного, вместо того, чтобы мешать, что бы он там ни собирался затеять с начала, ведь теперь мы были его шансом на возвращение, а потом ожидая лучшего момента.

— Может быть. Но, пожалуй, трудно доказать отсутствие или подтвердить присутствие постороннего вмешательства, было оно или не было.

— Как была ли пресловутая черная кошка в темной комнате.

— Или беспроводный телеграф...

— Он самый! Просто вмешательство становится совершенно необязательным. Как фигура божества при создании вселенной. Это было отличное объяснение для того, чтобы ничего не объяснять, он ведь не думал, что мы его тут прямо-таки «поджидаем».

— Старина Оккам становится назойлив в последнее время!

— И это может быть на самом деле очень неплохо, если задуматься. Или плохо — как посмотреть...

— Звучит довольно раздражающе...

— Еще бы — мы все время так думаем и это ужасно раздражает.

— Точно. Кстати, если он собирался сперва нам помешать, а во времена Линна перенос временно не действовал в любом случае — получается, он в любом случае собирался прокатиться во времени в один конец? Звучит довольно жутковато.

— Ну, он и есть не совсем простой божий одуванчик. Что мы там подумывали про «этот

клон принадлежит мертвецу»?

— Да уж... Но тогда для чего ему вообще было запоминать код возвращения, искаженный или нет? Даже если он понимал, что искажение должно быть небольшим — он мог обратить внимание на него перед отправкой, автоматически отметить, что общий образ соответствует тому, что он уже запомнил и не проверит тщательнее. — Уже само по себе звучало странно, что не проверил, просто для того, чтобы запомнить лучше. Разве только если и правда планировал прокатиться в один конец. А тут, в таком случае, все должно было взорваться по какому-то сигналу вместе со всеми, кто был на борту? Красота какая. Это он имел в виду, заметив, что не всем предстояло сгинуть тихо и почти гуманно?

— На случай, если что-то сразу пойдет не так? Если он окажется в нормальном потоке, где ничего особенного не происходит? Что там было бы делать? Скорее всего, это было именно любопытство — посмотреть, как это бывает, исследовательский азарт, а там уж как получится и что получится. По вдохновению.

— Да, кто бы спорил, что он у нас авантюрист!

— И знаешь, почему я думаю, что это хорошо, если никаких воображаемых друзей из альтернативных потоков на самом деле не было?

— Почему же?

— Свобода! Понимаешь? Простор! Если какие-то пересечения возможны, то крайне редки. По большому счету, мы больше не знаем ни одного, — он возбужденно помахал рукой, предупреждая возражения, призывая сперва его дослушать, — кроме тех вмешательств, что уже произошли за относительно небольшой период — все они были связаны с нами, это, возможно, на деле замкнутое кольцо, хотя и казалось буквально разыгрывающейся вселенской вакханалией!

— То есть, ты оптимистично надеешься, что она так и не разыграется?

— Даже если разыграется — по-своему, возможно, нам будет достаточно и пространства, и времени, чтобы никогда не сталкиваться с чужими подобными вмешательствами! Мы же уже думали о естественном самоуничтожении временных парадоксов? Пусть в нашем мире вся эта вакханалия уже происходила и происходит, возможно, мы существуем только в этом коротком запутанном периоде, который склонен к тому, чтобы схлопнуться, и в результате почти никак не повлиять на остальной континуум. Возможно, всего лишь в чуть более отдаленном будущем нет уже ни «Януса», ни «Пандоры». Или их нет всего лишь в паре шагов в вероятностях, хотя поблизости кажется, будто буквально кипит котел. Но лишь в ограниченном спектре потоков, легкие едва заметные завихрения. Возможно, так происходит со всеми «машинами времени», которые когда-либо были и будут. Змея, пожирающая собственный хвост — может быть это вовсе не аллегория времени, а только вот таких небольших замкнутых периодов, после которых все затихает и разглаживается, как море после бури. Возможно, мы все-таки вообще противоречим законам физики!

— Тут ты точно не перебираешь? Мы же...

— И не думаю. Невозможное — это ведь только очень-очень маловероятное. Мизерная статистическая погрешность в общей картине.

— Вся вселенная — ничтожная статистическая погрешность, случайная флуктуация.

— Да, поэтому мы все-таки существуем. Но относительно чего? Гораздо более обширного континуума, где нас нет!

Я задумчиво посмотрел на Рейнарда, давно говорившего в полный голос, будто ему

совершенно достаточно времени и пространства, и никого и ничего рядом больше нет, начиная кое-что понимать — почему мы говорим так долго, свободно, легко подменяя факты предположениями и пожеланиями. Вокруг и правда никого больше не было. Только Антея застыла у терминала, будто кто-то поставил время на паузу.

— На самом деле я ведь еще не проснулся, да?..

Настоящее пробуждение было и вполнину не таким бодрым. Но и повторяться кое в чем не пришлось. Почти. Когда я подошел к терминалу, несмотря на буянящую в моей голове качку, норовящую сбить с ног, там все дружно просматривали записи с камер, сортируя, что удалить, а что оставить.

— Кстати, — сказал Рейнард, заметив мое приближение. — А мы тут уже выяснили, кто испортил Оливье старт. Видели клочок записи.

— Кажется, я слышал во сне часть вашего разговора.

— Точно?

— Рафер же не обрадовался, что кто-то за его спиной готовит какие-то вылазки?

— Да, но не стал напускаться сразу, приказал изменить одну любую цифру, если кто-то вздумает проскочить без его ведома. «Чтобы не шастали там».

— А код возвращения?

— Едва ли он вообще вникал, что это за зверь такой.

— Тогда почему Оливье застрял?

Будто речь шла не о нем, Оливье преспокойно отошел по кругу на другую сторону терминала. Рейнард усмехнулся.

— А он говорил — ему там понравилось. Уж бог знает почему.

— Что-то мне не верится.

Оливье вдруг передумал и вернулся.

— Потому что я говорил — тут у вас очень компетентные преемники!

— А, то есть, они что-то изменили по своей инициативе!

— Ну, так... — Оливье уклончиво качнул головой.

Рейнард кивнул с усмешкой.

— Но все равно продолжает говорить, что ему там понравилось!

— А кому бы не понравилось? — с вызовом осведомился Оливье. — Почти что в сказку попал! Плащи! Кинжалы! Да еще настоящие, без дураков! Или думаете, у нас, в разведке, не романтики ошиваются?

— Конечно, конечно! — согласился Рейнард.

— Разница была совсем небольшая! Думаете, мне понадобилось целых сорок лет, чтобы догадаться?

— Ну и, конечно, дело непривычки, — подхватил Рейнард. — Как именно надо сосредоточиться или как произнести вслух...

— А я уже говорил, что ваша лингвистическая программа что-то с чем-то?..

— Перевод?! — догадался я. — Понадобился перевод?!

— Первичное подавление и замещение системы символов, — кивнул Рейнард. — Вот тут действительно хочется нагрешить на компетентность, что они не оставили нормальной лазейки, судя по всему, изначально. На записях не видно, чтобы они с самого начала тут что-то изменили. Просто сдуру пропустили. Фризиан говорит, все новенькие при них практически ни разу не пробовали переноситься физически. Все заработало нормально

совсем недавно, когда они и попрыгали гуртом в первые экспедиции и возгордились, что все умеют, но только с помощью психоматриц с заранее запрограммированным возвратом. И разве что пару раз тестово перенеслись без лингвистическо-адаптационной программы, сразу вернувшись назад. Со временем подавление лингвистической программы ослабевает. Но все равно сорок лет бы не потребовалось... От силы три-четыре.

— Но к тому времени можно многое забыть и запутаться.

— О, я не запутался, я все записал. Но потом... да вам не понять! Это личное!

— Кажется, ведь ты был женат? — припомнил я.

Оливье насупился.

— Я уже сказал, что это ни к черту не ваше дело?!

— Помнится, кто-то подумывал, не остаться ли насовсем в пятом веке... — завел Рейнард с невинным видом.

— Вот только не надо сравнивать! — возмутился я.

— Да мне только это и остается! Какова роль генетики в становлении личности?..

— Ха-ха!

— В любом случае ощущается нечто родственное, уж что поделать. Даже если это просто когнитивное искажение из-за банального сходства в зеркале!

— Знаешь что, пойду-ка проверю, может, я все еще сплю?..

— Не спишь! — радостно сказал подскочивший Гамлет, с энтузиазмом хлопая меня по плечу.

— Ай! — внезапно будто звездочки из глаз посыпались. Хорошее такое подтверждение, что не сплю... и почему все как следует разыгрывается только через день-два, когда хорошо бы уже начать проходить?

— Ох, черт, забыл... надо было по правому... Извини. Но это же здорово, да? Мы снова украли Станцию и тащим ее к Денебу!

— Странно, что ты пока не завел речь про Сектор Цефея...

— А можно?..

— Нет-нет-нет! — подключился Олаф. — Ты же не контролируешь политическую ситуацию в Секторе Цефея. Так что безопаснее будет пока у Денеба. Вот если и там не выгорит, еще подумаем...

— Послушайте, а вы уже подумали, что нам делать с трупом?

— Э... — ближе всех это сказал Гамлет, но кажется, и дальше кто-то озадаченно подхватил.

— Ну серьезно же! У нас на борту застреленный лигийский генерал. Надеюсь, вы хотя бы положили его в холодильник? Рейнард, проблема в том, чтобы доказать потом, что его пристрелил не ты!

— Да как я мог? Я все это время находился на Леде!

— А что будет на записи? Мы же это сохранили? Да еще куча свидетелей, которых мы пока не придушили...

— Мне нравится это «пока»! — заметила Джелли.

— Он шутит, — наперебой пояснили Майк и Дон, хотя, боюсь, оба беспокоились на этот счет куда больше, чем Джелли.

— Да знаю я, — буркнула Джелли. — Сама шучу! — Майк и Дон заметно расслабились.

— А что касается Леды — госпиталь разгромлен, предположительно, с тобой вместе. Видели тебя живым и здравствующим только мои доверенные лица из числа дворцовой

гвардии, — ну и не совсем доверенные, вроде премьер-министра и Такера, которым и вовсе веры никакой. — Это все слишком конфиденциально.

— Но ведь еще жива генерал Лидина, — напомнил Рейнард. — А если с ней все в порядке, то и со мной вполне может быть. А если тут действовал некий мой двойник... то тут на записях есть еще кое-что — как он исчезает в прошлом, где и должен был затеряться, возможно, навечно...

— Мне нравится! — оживленно одобрил Оливье, как будто его спрашивали.

— А на самом деле — затерялся где-то на Леде!

— Ох... Вот тут может получиться странно, — признал Рейнард. Видимо, они тут все-таки были слишком заняты, чтобы уже об этом подумать, и переноситься во времени так близко было всем еще очень непривычно.

— Да, и даже будет совершенно неважно, видел тебя кто-то или нет — даже наоборот, если видели, получится, что никакого буфера нет, и мы разгуливаем где хотим, как хотим, и кого хотим — пристреливаем! Не то чтобы это было не так — но как-то не дипломатично...

Оливье откашлялся.

— Ну, я-то у вас все еще есть. С моей грешной дезоксирибонуклеиновой кислотой и свидетельством, что меня зашвырнуло черт знает куда на сорок лет. После того, как я тут всех и пристрелил — так же будет удобнее, чем упоминать, что это было до... Так что в крайнем случае есть на кого все свалить.

— Это мы всерьез обсуждать не можем!

— Ценю, но осуждать не стал бы.

— Но можем подумать об изменении внешности! — вставила Тарси.

— Да, это может быть хорошо — потом. Но пока у нас все равно проблема с тем, как кто-то мог быть в двух местах одновременно и не в виде бессмысленного клона. Просто чтобы это меньше выдавало нас всех...

— Насчет бессмысленного клона — кто-то только что говорил, что обратное — слишком конфиденциально.

— Но не будешь же ты им в итоге притворяться?!

— Как конфиденциальна информация о том, что это был клон. Может, на самом деле клон был здесь?

— А шустрый-то какой!

— Которым мог воспользоваться кто-то из будущего через пятьдесят с чем-то лет! Вот как все вышло.

— Для нас объяснение сошло бы. А для обычных людей — ахинея какая-то.

— Очень просто, — сказала Антея. — Просто сотрем все записи.

— И избавимся от трупа?

— Ну, если он тебе чем-то дорог... — предположил Рейнард.

— Да ничуть! Но мысль плохая...

Фризиан мягко толкнул меня под локоть и подсунул чашку с кофе.

— Выпей уже, и успокойся. Что-нибудь придумаем. А от ахинеи никому никак все равно не избавиться. Что угодно все равно будет ею.

— Да, конечно, — вздохнул я, приняв чашку. Поднимающееся от нее ароматное облачко немного утешало. Просто мне уже так нравилась идея, что, может быть, Рейнард сможет в итоге остаться на «Янусе» вместо меня, даже если тот не задержится надолго поблизости от Леды. Это было бы таким хорошим компромиссом, но увы, все будет сложнее, чем хотелось

бы.

— Мм... — задумчиво протянул Рейнард. — Я тут подумал, а что, если мы попробуем рокировку? Если я еще раз попробую вернуться?..

— То должен будешь вернуться в прошлое. А раз я тебя не помню, если ты и вернулся, то совсем в другую версию событий.

— Что логично, если я вернусь со всей этой памятью.

— Мысль интересная... Тогда, если получится, у нас тут останется только клон? Кстати... с активированной программой или он опять окажется «в коме»?

— Давайте не будем это делать прямо сейчас, — немного занервничала Антея.

— Но ведь так интересно попробовать... — шутливо протянул Рейнард. — И еще мне интересно, можно ли будет отправить сознание Оливье в его клон?

— Но отправится-то в любом случае только копия, сам Оливье останется там, где есть!

— Но может быть, этого будет достаточно, чтобы разобраться с проблемами — если, конечно, ему будет так удобнее? Оливье, ты как? — поинтересовался Рейнард. Черт его побери, кажется, он испытывал автоматическое чувство вины, будто завладел чужим имуществом и хотел как-то отплатить за потерянные сорок лет.

— По-моему, мы заходим уже куда-то совсем не туда, — я раздраженно потряс головой.

— А в чем проблема, собственно, в «морально-этической стороне», или еще в чем-то там? — фыркнул Рейнард нарочито небрежно.

— Может, в том, хочет ли он дополнительно ко всему, оставаясь одновременно собой, еще и разгребать все, что тут натворил с твоей помощью? Понимаю, тебе тоже уже не очень этого хочется.

— Хм, — произнес Рейнард с таким выражением, будто я его раскусил. Да неудивительно, раз мы были одним человеком.

Оливье неопределенно откашлялся.

— Конечно, я понимаю, что здорово снова сбросить сорок лет. Но я же ничего этого на самом деле не почувствую, верно?

— Ну, та твоя копия, что переместится, конечно, почувствует. Для нее все будет совершенно неотличимо от того, как если бы это был ты сам.

— Но на самом деле — нет.

— Нет.

Что не мешало мне теперь почему-то волноваться за собственную копию.

— А как у вас вот так-то вышло?

— Случайный побочный эффект.

— А, ладно, — проворчал Рейнард, — чем делить шкуру неубитого медведя... — и закрыл глаза. Я невольно напрягся, будто ожидал, что сейчас он свалится мне в голову, хотя это было решительно невозможно. Повисла напряженная пауза. Мешать ему все-таки никто не стал. Он имел полное право не оставаться там, где не желал.

— Ну как? — спросил я примерно через минуту.

— Пока никак...

— Замечательно. А сами эти попытки, возможно, рикошетят назад во времени, вот почему та несчастная капсула начала мерещиться мне гораздо раньше, чем мы и правда в ней оказались.

— Ладно, сдаюсь! — вздохнул Рейнард, кажется, вздрогнув от этой идеи. — Оливье, если захочешь себе клон — заведешь позже нового...

— Без проблем, — хихикнул Оливье, кажется, повеселев. — Ребята, серьезно, я не жалею, это были прекрасные годы! Можете считать меня чудачком и маньяком, но это так. Кому бы еще так довелось... вы уж извините, но даже у вас такое «полное погружение» едва ли когда-нибудь получалось! Так что не надо меня спасать.

Тарси подошла к нему с невинным видом, пряча что-то в кармане, потом быстро подняла руку с компактным инъектором и сделала ему укол в шею.

— Да что вы творите, а?! — возмущился Оливье, запоздало отшатываясь.

— Обычная поддерживающая инъекция, — сказала Тарси. — Вы их много пропустили, но если теперь вернуться к обычному режиму для вашего возраста, вы еще помолодеете... ну, лет на двадцать сравнительно с вашим текущим состоянием, а то и на двадцать пять. — И продолжать держаться на таком уровне можно в наши времена, если сравнивать даже всего с тысячей лет назад, почти неопределенно долго.

— Слыхали? — воскликнул Оливье. — Вот это по делу. Ну заглянул я в ваш «эльфийский холм», бывает, сплясал от души. Успокойтесь уже насчет этих сорока лет. И извините... за то, что просто их украл. А вовсе не потерял. Не волнуйтесь, напишу интересные мемуары... может быть. Опыт, насколько я понимаю, все равно довольно уникальный, хоть и немного дилетантский?

— Уникальный, — серьезно подтвердил Фризиан.

— Итак, — произнесла Антея, довольно бесцеремонно. — Что у нас есть в наличии? Гипотетические вероятные вмешательства из будущего. Неважно, были или не были, это область легенд, которые были и всегда будут. Далее — сложные отношения среди самого десанта, с изменами в прямом эфире и убийствами и интригами почти в прямом эфире. У нас есть постаревший на сорок лет полковник Крейг — и мы не стираем из истории последнюю программу, со следами покушения, направленного против него! А еще у нас есть куча баллонов не просто со стандартным усыпляющим газом, а с закисью азота, которую мы все-таки можем приплести во всю эту инсценировку — под ее влиянием чего только не могло случиться! И громкие заявления, и прыжки во времени с ошибками, и галлюцинации, и потеря памяти! Разве этого нам недостаточно? Тут все пострадавшие в этой неразберихе, почти все не по своей воле. А где-то там на Леде, другой полковник Крейг вышел из комы, и остается ни сном ни духом о произошедшем, потому что их всегда на самом деле было двое! Тарси, это сильно противоречит тому, что могло бы происходить на задворках тайной разведки?

— Нет, — рассмеялась Тарси. — Пусть это будет запутанная история с целой серией клонов, как развившихся естественно, как нормальные личности, так и ради путаницы дополненных новым выпуском. Вообще не думаю, что это будет самая большая у всех проблема после произошедшего!

— Ну, как сказать, — усомнился я. — Козлы отпущения всем бывают нужны.

— У нас есть труп в холодильнике! — оживился Нейт. — Сойдет за козла? Куча правительств уверенно скажет «да»!

— Главное, — повторила Антея, изрядно уставшая от всех наших сомнений, — у нас есть веселящий газ! А еще — вокруг «Януса» принято все засекречивать, это традиция!

Когда «Янус» вышел на орбиту Кастора, мы уже более-менее утрясли скользкие моменты, не забывая, что в действительности все может пойти прахом, на борту вообще может оказаться другая версия событий, или в нашей версии событий никакого прибытия к

Леде не будет и придется разбираться со всем заново на ходу, но для этого мы и постарались придумать заранее побольше возможных ходов, чтобы держать их в запасе.

В центральный отсек мы вернули спящих собственных «козлят отпущения», пристроенных на время пути в очищенной жилой зоне — парочка новых сотрудников не провела все это время тут же на диванчиках — это поначалу предполагалось, что скачок Станции будет совсем небольшой, а не такое путешествие. Заодно мы добавили к ним и несколько техников, которые, гипотетически, могли им помочь. Затащили несколько человек на склад, с которого для нас все началось, художественно разбросали вокруг все, что они могли бы использовать, подвели баллоны с веселящим газом к общей вентиляции, предусмотрительно некоторые из них разрядив в шлюзах, а кое-что и правда стоило бы рассеять в системе, чтобы остались достаточные следы. Имитировали неисправность замка в отсеке, в котором и начались общие усыпления, будто кто-то мог оттуда выбраться самостоятельно — если бы, к примеру, у кого-то случайно завалились в кармане респираторы — а у нас вечно много чего могло там завалиться. При этом, кто-то должен был проявить неосторожность с баллонами, так что утечку мы тоже собирались имитировать в последний момент. А Оливье, в здравом уме и твердой памяти с исправными респираторами остался на месте присматривать за тем, чтобы все шло по плану, выходить на внешнюю связь для переговоров и вообще руководить передачей «объекта». Хотя поначалу я и подумывал сразу утащить его на Леду, это бы дополнительно все усложнило. А здесь он оставался загадочным неучтенным фактором, который еще требовалось понять, а пока все будут сбиты с толку, мы быстренько возьмем все под свой контроль.

— Если вдруг мы окажемся совсем другими при встрече... — счел нужным напомнить я на прощанье.

— Знаю-знаю, — с усмешкой отозвался Оливье, оправляя пышные рукава с разрезами — для грядущей встречи мы добавили капельку антуражности, чтобы не пугать всех сразу — нашли ему подобающий костюм двухтысячелетней давности, прямо из той эпохи, из которой он вернулся, — все риски уже просчитаны. И как открыть все шлюзы, мне уже сто раз показали. А если что-то пойдет не так, неужели думаете, что я — и не разберусь?

Оставалось только надеяться, что он не пустится в еще одну авантюру, угнав «Янус», едва мы его покинем. Впрочем, в некотором роде это было бы даже забавно!

Мы вынырнули из гиперпространства в заданной точке, благополучно ни с чем непредвиденным не столкнувшись, убедились, что никто никого пока не обстреливает, и Оливье тут же отправился передавать сигнал SOS, а мы наконец поспешили убраться во дворец на три дня назад, чтобы спустя три дня принять этот самый сигнал во всей возможной готовности.

Корабль «Деметра»[*] входил в порт...

[*]Корабль, на котором в Англию прибыл Дракула.

16. Фазовый переход

— О! — эмоционально заявил в потолок Гамлет, едва мы стабилизировались в пространстве и времени настолько, что стало понятно, где находится потолок. — Как непривычно не возвращаться откуда-то на «Янус», а возвращаться куда-то с «Януса», — для наглядности он энергично помахал руками, — будто потолок с полем местами поменялись!

Тут он был прав. Даже при уже появившейся привычке сюда возвращаться — возвращаться сюда именно с «Януса» было странно.

— Зато как привычно отправляться с него в прошлое! Пусть и всего на три дня назад. — Я отключил паутину тихо гудящих световых линий, и мир померк, став неуютно обыденным, будто прервалась все еще имевшая место в воображении связь с «Янусом». Биврёст погас.

— Для нас — непривычно, — ворчливо возразил Гамлет, нервно оглядываясь, видимо, и он ощутил это продирающее до костей неуютство. — Это ты тут даже не прошлое, а почти что настоящее с будущим кротовыми норами перерыл. Куда ни шагни, того гляди провалишься...

— Серьезно? — нарочито удивился Дон. — Это можно считать кротовыми норами?

— Вообще-то нет, — ответил Олаф. — Это поэтическое. А кроты — это такие маленькие роющие зверюшки...

— У нас тут тоже есть кроты, — вежливо напомнил Дон.

А я с каким-то холодком нехотя вспомнил, что состояние вселенной, в котором мы ее оставили три дня назад, никуда не делось. Все повисло в том же напряжении без всякой разрядки, и на самом деле мы понятия не имеем, что произошло или произойдет в нашем потоке. Да, мы знали об одном из исходов и ему способствовали, но... Я нервно побарабанил пальцами по столу.

— Простите, дамы и господа, боюсь, на этом нам придется на время расстаться...

— Со всеми? — уточнил Дон. Он, казалось, воспрял духом — как ни было ему интересно в путешествии, сейчас он вернулся в мир, с которым знал, что надо делать, получше прочих.

— Согласен. Не со всеми. Но надо слегка прибраться в этом бардаке. С самой прозаической деловой стороны.

— А может, мы могли бы тут остаться, если ты собираешься чем-то заняться вне этого кабинета?.. — начала было Антея.

— Нет, пожалуйста, — попросил я довольно напряженно. — Это невозможно. Он постоянно будет мне нужен, даже если уйду отсюда — он может мне понадобиться в любую минуту.

Фризиан опустил голову, улыбнувшись куда-то в сторону стола.

— Сложно пытаться усидеть сразу на двух тронах, верно?

— Двух? — простодушно удивился Гамлет, не с первой секунды уловивший аналогию или подумавший о Секторе Цефея.

— Один — в пространстве, — усмехнувшись, подсказал ему Олаф, схвативший все на лету. — Второй — во времени.

Вот и Лорелей намекнула, что было сложно.

Едва все, кроме Рейнарда, который все еще был мне нужен хотя бы в силу «проблемы в

задней комнате», вышли за дверь — Дон тоже отправился проверять текущую ситуацию во дворце, — я поспешно заблокировал кабинет и снова включил проектор.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Рейнард.

Уверен, он знал... Хотя, может быть и нет, может, думал, что я хочу еще что-то поправить в недавнем прошлом.

— Надо вернуть старые коды. Хорошего понемножку.

Оливье был прав — нельзя надеяться на то, что все у всех всегда будет хорошо. Никто не сможет остановиться. Мне это в любом случае уже не светит, но надо же хоть немного притормозить процесс. Проявить каплю благоразумия.

— Ты в курсе, что мы жуткие гады? — спросила печально моя копия. В конце концов, кто сказал, что проблемы всех, живущих в это мгновение и во всех прочих, менее важны, чем мои, и меньше требуют исправлений?

— Ну еще бы...

Я замер перед тем, как начать исправлять код, и снова посмотрел на Рейнарда.

— То, что ты существуешь — было поразительной удачей, но не уверен, что мне нравится, куда все заходит. Вряд ли нравится и тебе. Мне кажется, можно попробовать такой маневр — что будет, если я отправлю себя в твою голову сейчас с помощью исправленной «Пандоры»? Может, на этот раз сцепка сработает лучше и возврат будет корректным?

— Вряд ли, — он отмахнулся. — Хотя попробовать, конечно, можно. Но сдаётся мне, даже если подобное сработает, все еще безопаснее не складывать все яйца в одну корзинку.

— Не что?.. — Я понял, что он имел в виду, но прозвучало очень забавно.

— Ты слышал. Да и не думаю, что даже исправленная «Пандора» посчитает меня чем-то не принадлежащим по-настоящему этому мозгу, — он постучал пальцем по виску. — Реакция произошла всерьез. В любом случае экспериментировать не время, даже если, или особенно если что-то получится. Не сейчас.

— Мы все еще не знаем точно ее границ — она все-таки может замереть в неподходящий момент, — как бы гладко ни текла энергия по ее обновленным схемам, — а после обзавестись буфером.

— На что мы сейчас на самом деле дружно надеемся. Потому что в ином случае этот праздник так просто не остановить.

Верно.

— Ну что ж... — И я принялся переписывать все то, что совсем недавно исправлял. Я же смогу потом все восстановить, если понадобится. Наверное. Если вспомню. Если эта память не принадлежала на самом деле какому-то молчаливому гостю в моей голове, который так же молчаливо исчезнет, и память поблекнет. Никогда не знаешь наперед, хотя я в это не верил (как не верил сейчас в подобного даже не молчаливого гостя в голове Оливье) — все виделось слишком естественным, давно зревшим, обдуманым. Не хватало только самой малости, последнего микроскопического толчка, чтобы решиться — ведь на тот момент «Пандора» уже замерла, по крайней мере, мы так было решили, не проверив Капеллу, и казалось не таким ужасным что-нибудь испортить. А вот исправить — казалось очень хорошей мыслью, и нельзя сказать, что это нам не пригодилось, но после всего произошедшего Антея не могла не заинтересоваться пределами возможностей. В частности, оттого представилось неплохой идеей перетащить сюда весь «Янус» — может, он их отвлечет, разумеется, помимо того, что и меня очаровывала возможность такой его близости, немедленного нового его захвата, после того как «начал» кто-то другой. Но еще

это значило более затянувшийся кризис, чем я предполагал изначально.

— Вроде бы всё... — Я перезагрузил программу и услышал знакомый натужный гул — казалось, более натужный, чем помнил. Сейчас, когда я знал, что может быть иначе, я бы поостерегся доверить ему свою жизнь и рассудок. А может, и нет. Когда нас хоть что-то останавливало?

Вот теперь можно было всё отключить до той поры, когда кто-то сможет взглянуть на «Пандору» попристальнее.

— Мне опять отправляться приглядывать за нашей гостьей? — без энтузиазма осведомился Рейнард. — Что-то это не кажется разумным расходом ресурсов.

Тут он был прав.

— Конечно, нет. Если только вам не удастся договориться о чем-то важном...

— Сдается мне, ты обладаешь куда более полезной информацией, которая, гипотетически, могла бы на нее повлиять, — хмыкнул он. — А так как все-таки не стал проникать мне в голову, то так и не поделился потенциально важными деталями. Лучше будет пока доверить ее Страйкеру, может быть, погрузив в легкий анабиоз, как всех на Станции.

— Точно, думаю, в таком состоянии она будет вполне для всех безопасна. Только...

— Очень нервирует мысль, что повсюду могут найтись ее сторонники, как она нам и внушила, которые немедленно ее разбудят и развернут бурную деятельность.

Я усмехнулся.

— А нам вообще обязательно разговаривать?

— Увы, раз мы все-таки локализованы в двух разных точках пространства, даже если всего в двух шагах друг от друга, приходится время от времени синхронизировать «процессоры».

— Согласен. Разумнее будет рискнуть. Давай перевезем ее сюда, а когда вернется Дон, попробуйте ее пристроить где-нибудь снаружи, но неподалеку. Может даже, стоит устроить ей небольшую встречу с родственниками, если они пожелают?

— И что, если она вздумает рассказать Тарси, кто она? И о том, что ты это знаешь, но не сказал ей?

Я вздохнул.

— Думаешь, что не сможешь ей этого объяснить?

— Я сам еще в шоке, — заметил он мрачно, но подозрительно спокойно.

— Как и я. И я, конечно, расскажу ей... — наверное. Ясно, что никакая замена тут не будет полноценной — даже невозможный в нормальной, но не в нашей реальности допельгангер. — Но, может, мать и не станет ей говорить, раз она даже пыталась внушить ей какую-то чушь насчет ее происхождения, — Рейнард успел об этом узнать за время полета к Кастору. Может, даже, это было бы отличное время и для рассказа Тарси о Лорелей, но я так и не решился. Это казалось слишком личным, а обстановка к тому совсем не располагала. Трудно представить, что сможет когда-нибудь к этому располагать.

— Если ты не заметил, сейчас она в отчаянном положении и может счесть, что пришло время для последних доводов, раз уж не сложилось со всеми остальными. Кто знает, что она сможет разбудить в ней своими словами.

Очень трезвое замечание.

— Но не держать же их вечно взаперти по разным садкам. — Остается надеяться, что ее родственники не захотят с ней поговорить до того, как мы окажемся в состоянии как-то

помягче все это проконтролировать. — Ты же сможешь хотя бы предупредить Тарси, если они все-таки вдруг захотят встретиться?

— Я, а не ты?

— Если окажусь вовремя в нужном месте, уж наверняка сумею. Но если нет, а на месте будешь ты — только в этом случае. Не потому же, что хочу это на кого-то свалить: доверить такое кому-то — еще более нервно, чем рассказать самому.

— Ну конечно, — усмехнулся Рейнард, — не потому что выражал недоверие, он еще и поежился, представив, как подобное «сваливание» проблемы должно нервировать. И, в конце концов, он же все еще всего лишь я сам. — Ладно. Ну, я за ней.

— Давай сделаем это вместе.

— Только разблокируй дверь, чтобы Дон мог просто войти, когда вернется.

Я так и сделал, и мгновенно зазвенели звоночки, запищали и замерцали сигналы массы входящих сообщений самой разной степени важности. Ничего, еще пару минут подождут.

И мы отправились за нашей гостьей, все еще крепко спящей. Для нее ведь прошло немногим больше часа. Рейнард на всякий случай прощупал ее пульс — все ли в порядке, нет ли какой-то нежелательной реакции.

— Как огурчик, — констатировал он, возможно, со скрытым сожалением.

— Вот и славно. Покатили.

Дон еще не возвращался.

— Пожалуй, дальше сам разберусь, — сказал Рейнард. — Как я понимаю, «Янус» уже покинул свое место в пространстве, и лучше тебе сейчас держать руку на пульсе.

— Чертовски верно.

Он исчез за дверью, а я посмотрел на надрывающиеся огоньки. Выбрал нужный и все остальное померкло.

«Связался с нашим контактом, — записал я. — Секретный протокол запущен. Нам остается только ждать. Отзовите высланные силы, «Янус» даст о себе знать по прибытии».

Прежде чем отправить запись, я заколебался. «Отзовите силы»? А если здесь, в этом континууме сработает совсем другой план, с расчетом на то, что силы объединенного флота прибудут на место? Но если не отозвать, то очень может закончиться если не кровопролитием, то лишней паникой. Вот же проклятье. Все-таки отправил и немедленно облился потом — все равно что играть в рулетку со вселенскими ставками. Даже если «все будет в порядке» — даже если здесь выиграешь — где-то это будет значить проигрыш. Впрочем, тогда просто еще раз придет черед «Пандоры». А может, и не один раз.

Осия, по истечении времени, необходимого на получение послания и отправки ответа, прислал приглашение на еще одну виртуальную встречу. Но до назначенного момента оставалось еще полтора часа. Дон забегал и убегал пару раз. Я продолжал отстреливаться от панических запросов, в том числе и от весьма многословно выражавшего свои чувства архиепископа, снова напомнившего о том, что желает ускорить коронацию. Кажется, подтекстом его настойчивости была уверенность, что ритуал каким-то чудом изгонит бесов, связанных с таким богопротивным, сбивающим с толку явлением как «Янус», и вернет все для всей вселенной на круги своя... мистическим образом. Также он выразил горячее одобрение тому обстоятельству, что теперь, кажется, я окажусь символом противостояния столь огорчающему всех богопротивному явлению, похоже, это приводило его в восторг, как если бы ему удалось вернуть в лоно истинной Церкви кого-то из царей Ада, и науськать

против мирового зла, посрамив тем такое и обратив во прах. Забавный по-своему старикан. Если любопытно, какому именно богу было бы противно связываться с сомнительными дьявольскими машинами, то для людей пару-тройку тысяч лет назад сама наша религия показалась бы сомнительной. Слияние христианства, индуизма, культа святых — от символически затесавшихся Тора и Гора, ставших ипостасями одного и того же вечного архистратига, до святого Стивена Хокинга и Исаака Ньютона (то, что называлось для кого-то наукой, в последующих поколениях преобразовалось в старомодные откровения свыше — в каждом поколении такие, какие оно было способно принять). И все это, в сущности, были не просто святые, а лики единого бога, множественное его проявление, частным случаем которого при жизни считались и сами архиепископы Ледские.

Я успел переговорить и с Фрисби о ситуации в госпитале. Он страшно извинялся за то, что ошибся в идентификации тел и совершенно не понимал, как такое могло случиться. Я предложил ему не беспокоиться на этот счет и связался с несколькими оперативниками, разбиравшимися с происшествием с катером, а затем и с рухнувшим шаттлом. Связь, как ни странно, обнаружилась. Программа, внедренная в автопилот, оказалась очень похожей в обоих случаях. Только в случае моего катера, она была введена давно и вручную, а в шаттл была загружена при выдаче допуска к дворцовым докам. Предположительная причина задержки у «Януса» отпала. Похоже, моих друзей просто старались задержать, ничего не делая при этом с судном, которое должно было их забрать. Более того — пилот, получив точную программу следования, мог использовать ее автоматически, и тогда шаттл рухнул бы на госпиталь еще до того, как попал во дворец? Зависело от тонкости ситуации, кто и что на кого хотел свалить. А если бы не включил вовсе?.. А вот на этот случай программа запустила бы его на обратном пути принудительно. Возможно, это и произошло. Единичный инцидент едва ли привел бы быстро к своему источнику, но он оказался не единичным, а потом и вовсе кто-то пустился в самодовольные признания, хотя выданы были имена не исполнителей, а заказчиков прежних покушений. И по рассмотрении этих данных — оставалось только признать досрочную отставку премьер-министра и еще некоторых членов правительства. Что и было сделано, как бы это ни противоречило первоначальным заявлениям о том, что у нас все прекрасно и нет поводов для беспокойства — так же всегда бывает. Вот только выглядело это так, будто отставка была добровольной. По крайней мере, пока.

«Янус» покинул свою локацию, предположительно в сопровождении части флота Лиги, и этот факт принялся потихоньку испаривать пространство — все больше крупных и мелких государств пытались выяснить, чем же им все это грозит. Я озвучивал официальную версию, что ничем особенным, как и прежде, разве что немного навредит хронологической экологической обстановке за пределами нашей реальности. Захватывать общее достояние человечества подобным образом нехорошо, но в индивидуальном порядке — ничего катастрофического, и выражал надежду, что новые владельцы, кем бы они ни были, проявят здоровую ответственность, когда пройдет первая эйфория.

Оставалось просто ждать и наблюдать, как прореагирует вселенная. Или — зачем ходить далеко? — как прореагирует, к примеру, Сектор Цефея? Двоюродный дядюшка Гамлета, несмотря на присутствие у нас негласного посольства в лице племянника, выразил свое сожаление, и с ним — желание официально отделиться от Денебской империи «во избежание нежелательных последствий». Не стал его удерживать, лишь выразил надежду, что, по зрелому размышлению, правительство Сектора передумает, например, дня через три

(я ни на что не намекал!). Несколько других областей, напротив, выразили свою лояльность «несмотря ни на что», по крайней мере, пока Лига не сможет подтвердить перемену в балансе сил. А кто-то и не счел перемены существенными, не считая настоящей угрозой, которая может исходить из размытого прошлого или туманного будущего. Особенно, если у нас все не так плохо с правительством, с которым наши союзники все это время имели дело и все произошедшее лишь дезинформация. Я заверил обеспокоенных собеседников, что отставка правительства у нас — акт демонстрации доброй воли, при том все активно действующие его члены остаются консультантами вплоть до устранения всех недоразумений. Кое-кто тут же нашел в этом аналогию моему собственному поведению с объявлением себя регентом. Проклятье, и впрямь ведь похоже. А учитывая, что нынешние отставники действительно виновны, аналогия, прямо скажем, так себе. Но официально — это всего лишь выражение нашей скорби и вежливости. И от своих обязанностей никто из нас не отказывается. А архиепископ и вовсе поспешил раструбить, что в моем случае траур и вежливость наконец-то подходят к концу и с точки зрения Объединенной Церкви Денеба уже объявил меня полноценным монархом, защитником веры и государства и прочая, и прочая.

В какой-то момент Биллингс — сменивший Такера у стойки дежурного, прислал мне запрос с фиолетовой пометкой — от Арли. Раз тот не прислал ее непосредственно, значит, находился прямо у дверей. Я быстро завершил очередной разговор, мало отличающийся от десятка подобных, и отправил сигнал пропустить его в кабинет.

— Что-то еще стряслось? — спросил я, едва он вошел. Арли успокаивающе помахал рукой. Дверь за ним закрылась, и на мгновение мне почему-то показалось, что я уже боюсь этого места, но я подавил это ощущение.

— Пока ничего нового, — заверил Арли. — Ненадолго, конечно. Но, боюсь, мне нужно немного сверить впечатления от происходящего с вашими, если не сочтете это за назойливость.

— Ну конечно, нет!

— Думаю, так наше сообщение с внешним миром станет адекватнее.

— Абсолютно с вами согласен.

Хотя, что может быть адекватного в том, что если бы он знал немного больше о своем прошлом, то счел бы, скорее всего, что Денеб в свое время просто убрал конкурента с политической арены, а теперь я еще и цинично пользуюсь его помощью в собственных делах, и привело бы это скорее всего... к еще одному «самосбывающемуся пророчеству»? Ох, к черту. Но кто знает, может, я неверно понял Лорелей, и на самом деле в ее версии событий примерно так все и обстояло, поэтому она воспользовалась физической оболочкой Лоры — только чтобы взять все под свой контроль, и вот она-то и осталась жива и правила затем «просвещенным королевством», а просто Лора — нет... В какой-то версии событий, возможно, так все и было. Но сестра Лоры своими признаниями в этом самом мире избавляла от подобной, с позволения сказать, «самоуспокоительной» иллюзии. Что ж, ладно! Или я уже забыл, каково это — бывать злодеем? Пусть это тоже угнетало, избавляя от «самоуспокоения» и здесь.

Арли деловито уселся в кресло и сосредоточенно уткнулся в свой планшет. Над ним всплыло голографическое облачко со списком, окрашенным в разные цвета.

— Я позволил себе упорядочить некоторые важные запросы. Надеюсь, это вам как-то

поможет. Но для точного понимания было бы неплохо кое-что прояснить. Я слышал официальную версию, тем не менее, хотелось бы узнать, так сказать, из первых уст — так чего мы можем ожидать от происходящего? Не зря же вы тут же собирали совет из всех имеющихся здесь специалистов, — последние слова прозвучали с намеком на теплую улыбку, спрятавшуюся в пышных усах.

— Справедливое желание, — признал я осторожно.

— Чрезвычайно ценю, что на вашем совещании присутствовали не только старые друзья, но и некоторые новые, — улыбка стала более явной и мягкой. — Что же вы сделали? Простите, если тороплю. Возможно, вы и так собирались поведать, чего нам лучше ждать в дальнейшем. Кажется не деликатным спрашивать о произошедшем других участников вашего собрания. Потому обращаюсь напрямую, просто хочу быть готовым, а может, это как-то поможет рассортировать текущие дела...

— Извините, Арли, я не могу так вас использовать, — вырвалось у меня довольно нервно.

— Перестаньте!.. — он издал веселый смешок. — Государство — это, в конце концов, целый аппарат, а не всего одна личность, которая может или не может что-то исправить. Что, я угадал?..

Что я там утверждал насчет опыта множества жизней? Какая, право слово, чепуха!..

Похоже, он понял все, что я ему объяснил. Конечно, я пытался упрощать. Мы лишь проводили испытания, когда произошло то, что известно уже всей населенной вселенной. И мы провели... более агрессивные испытания. У нас нет полной уверенности в том, что все произошедшее хоть как-то отразится на нашей собственной вселенной. И как именно — если все-таки отразится. Возможно, все, что мы сделали, поможет лишь кому-то в смежных измерениях, а вовсе не нам самим.

— Да, мы применили стандартный для Станции протокол безопасности, который там больше некому было привести в действие, и увели ее в безопасное место. Если все совпадет с той версией событий, то примерно через трое суток она выйдет из гиперпространства в области под непосредственным контролем Денеба.

— Под контролем Денеба? — переспросил Арли настороженно.

— Понимаю ваши сомнения. Я тоже сомневался на этот счет. Но у нас были основания опасаться, что она снова попадет не в те руки.

— Но теперь... это может выглядеть довольно зловещей политической манипуляцией с вашей стороны.

— Может, так лучше, чем это будет очевидной манипуляцией со стороны Лиги, которую она уже объявила на весь свет.

Арли невольно рассмеялся, недоверчиво покачивая головой.

— Кроме того, вы прекрасно понимаете подтекст: несмотря на все, что мы сделали, в нашей собственной вселенной «Янус» все еще может «благополучно» вернуться к земной Луне, в пространство Лиги.

Арли едва заметно поежился.

— Чем же это в итоге может нам грозить?

— Чем угодно. Мы надеемся лишь на то, что они долго будут разбираться с тем, что заполучили, и на то, что все, что они могут сделать, будет так же или еще более призрачно, чем то, на что способны мы. На то, что так и не обнаружат каким-то образом нестабильный период, который позволит им манипулировать с недавним прошлым, что потенциально

гораздо опаснее любых воздействий на более далекое. И мы все еще можем надеяться на естественное сопротивление континуума — что бы они ни вздумали совершить, это произойдет только в смежных версиях событий, никак не отразившись на нашей настоящей версии.

Арли вздохнул.

— Что ж, все ясно.

— Но, кажется, вы хотели спросить о чем-то другом?

Он медленно кивнул.

— Насколько я знаю, вы уже не раз экспериментировали с изменением недавнего прошлого?

— Да, это верно.

— И, хотя я понимаю, что это лишь иногда приносит результаты, я слышал, вам успешно удалось перенестись недавно в прошлое ваших друзей и обнаружить, что трагедии, о которой они помнили, там не произошло?

По крайней мере, кажется, Тарси и Нейту хватило такта и самообладания не упомянуть сразу по возвращении в присутствии Майка о появлении Лорелей. Они ведь тоже знали о прошлом Арли. Хотя, на самом деле, я точно не помнил, был в тот момент слишком потрясен, чтобы внимательно слушать, а проговориться можно было по случайности и позже. Но едва ли Арли был бы так спокоен, если бы знал, что есть мир, где Лорелей жива и здорова.

— И это верно тоже.

— Тем не менее, вы подумывали предотвратить случившееся?

До чего же скользкий лед. Рано или поздно он заговорит об этом прямо.

— Может быть. Если бы это было возможно. Если бы ситуация вообще была скольконнибудь похожей. — Бессмысленно было бы отрицать, что пульс у меня решил сплясать тарантеллу.

— Майк сказал, что спрашивал, мог бы и он рассчитывать на нечто подобное.

Ну вот, пожалуйста.

— Да. Я понимаю, о чем вы.

— А я понимаю, почему это вызывает у вас беспокойство...

— В самом деле? После всего, чем я вам обязан...

— Вас беспокоит то, что вы считаете себя обязанным, — прозвучало утвердительно.

— А как можно считать иначе?

— И, должно быть, думаете, что если приметесь меня отговаривать, я решу, что вы отрицаете свой «долг»?

— А разве нет?..

— К примеру, если вы скажете мне, что неразумно, пусть и спасая жизни, рисковать существованием других жизней, я сочту это уловкой?

— А как на самом деле?

Он усмехнулся.

— Может и сочту, но вы пока не попытались сказать мне подобного, хотя я вижу, что вы сидите как на иголках.

— Это потому что вокруг сейчас многое происходит, и я пытаюсь думать обо всем сразу...

— Именно.

— Простите?

— Это правильно, что вы ни в чем не уверены. Майк говорил, что спросил — верно ли, что другие миры, где все и так в порядке — существуют?

— Да, как существует сама вероятность.

— То есть, вы всего лишь показали вашим друзьям один из таких миров, не так ли?

— Можно сказать и так.

— Возможно, там было все в порядке и не пришлось ничего менять потому, что это было уже достаточно давнее событие?

— Простите? — повторил я, не совсем поспевая за его мыслью, я и правда думал одновременно о многом другом и не сразу понял, какую тонкость он имеет в виду.

— Вас не смущали попытки что-то изменить в недавнем прошлом. В этом смысле все мы вам обязаны, а не наоборот, — напомнил он мягко. — Совсем недавние события — это как нечто, что находится почти в настоящем, что-то, что можно попробовать изменить, и мы не знаем, кому можем навредить этим, знаем лишь тех, кому можем помочь, а вот с более дальними событиями все сложнее. То, что лежит за пределами буфера, в вашем понимании, искажать безопасно, это нас не коснется, а вот то, что ближе этого предела, и все же достаточно отдаленно — если мы повлияем на это, пусть не совсем в текущей реальности, мы можем аннулировать чьи-то другие спасения, которые сами совершили, можем аннулировать чье-то рождение, не так ли?

Я беспокойно кивнул.

— Не волнуйтесь, — сказал Арли. — Я не хочу ими всеми рисковать. Тем более, зная, что вы не можете исправить многого в собственной истории...

— Я этого еще не знаю.

— Конечно. Все и без того слишком ненадежно. Может быть, однажды я был бы не прочь увидеть тот, иной мир, где все в порядке без нашего вмешательства.

— Я знаю, что он существует, — сказал я, следуя импульсу. — Мне о нем рассказали. Мир, в котором королевство Веги дожило, по крайней мере, до наших дней, даже дольше, затем кто-то вернулся из того мира в прошлое, в котором мы и встретились, и рассказал мне об этом. Само то, что мы встретились — выглядело как угрожающе плотный клубок, который кажется опасным затягивать еще больше.

— В самом деле... — проговорил он, и нервно провел рукой по лбу, то ли смахивая пот, то ли отгоняя призраков. — Но, видите ли, мне кажется, что кто-то, вы, или кто-то еще, однажды уже вмешался в ту тягостную историю.

— Неужели...

— Ваш друг Нейт — он как-то рассказывал о том, как вы путешествуете в виде записи собственного сознания. А другой ваш друг, Фризиан, обмолвился, когда оба они вспоминали старые приключения, что, когда сознание путешественника во времени вторгается в чей-то затуманенный разум — а мой и в самом деле был таким, этой дополнительной упорядочивающей энергии хватает, чтобы избавиться от множества посторонних влияний. При том, что можно и не подозревать, что кто-то побывал в твоей голове. Возможно, некий гость когда-то и пробудил меня, хотя казалось, что мой мозг безнадежно поврежден. Может быть, это одно из разумных объяснений тому, что я вышел из-под контроля Лорелей и убил ее.

«Это определенно был не я...» — подумал я и тут же осознал, что был слишком поспешен — кто сказал, что во всех мирах мы питаем друг к другу одинаковые чувства? Будь

оно так, Фризиан, из совсем недавнего прошлого, не вздумал бы в меня стрелять. Впрочем, выбор и помимо меня мог быть огромный — невозможно учесть всех гостей из будущего, если они вздумают повалить толпами, все туже затягивая перепутанную паутину. И все-таки нам придется и приходится жить именно в этом мире, где никто из нас может не быть первопричиной всего, что с нами когда-либо происходило. Кажется, что можешь изменить многое, на что-то влияешь, можешь разрушить весь мир одним движением, но даже тот, кто когда-то и правда начал эту игру, давно сам стал в ней потерянной пешкой. Самоценна разве что сама игра — как стихия, сила природы, физический закон, а мы можем очень немногое — надеяться, что хоть раз сами сделали какой-то хороший выбор. Не относительно других вселенных, хотя бы в одной единственной.

— Мне жаль, что этот некто, если он был, не вселился в меня раньше. Но откуда он мог знать, что я непричастен ко всему, что произошло? Ниоткуда. Разве что из моей собственной головы. Да и тогда — кто ему мои родные? Кто ему я сам? Никто никогда не сможет спасти всех. Но, быть может, в том мире, о котором вы рассказываете, кто-то однажды сделал именно так? Вселился в мою голову раньше?

«Отчего нет. И ему же могла принадлежать та «замечательная» идея, что «Денеб должен быть разрушен»».

А затем пришло время для новой симуляции просторного зала с нервюрными сводами. Он был воздушен и пуст. В несуществующие окна лился несуществующий солнечный свет, врывался призрачный ветерок. Я посмотрел на часы сперва на запястье, а потом на подобии вывернутого наизнанку фронтона над закрытыми дверями — все верно, сеанс должен был начаться. Прошло пять минут, десять. Это не могло продолжаться слишком долго, открытый канал поглощал массу энергии впустую, а синхронизация становилась все затрудненнее, раз подключение не произошло сразу. Наверное, стоило прервать сеанс, назначив новое время, но я решил подождать еще немного — ситуация была непростой, мало ли что могло свалиться на Осию. Внезапно примерно посередине вытянутого стола появилось еще одно резное кресло с высокой спинкой — для еще одного участника переговоров. Я не почувствовал себя очень уж удивленным, когда в кресле возникла статная блондинка с надменно поджатыми губами — архиарх Эреда собственной персоной. И лишь затем замерцал дальний конец стола, за которым возник бесстрастной эбеновой статуей махараджа Осия. Может и можно было бы назвать его мрачным как туча, но это было бы неверным — он надежно спрятал какое бы то ни было выражение за зримой мрачной оболочкой.

— Пожалуй, все, что вам следовало бы знать, господа, — надменно заявила Эреда, — это то, что я не вижу более необходимости в существовании этого института.

— Вы подразумеваете под институтом Солнечную Лигу? — спросил я, едва нажав на кнопку. — Весьма удивлен. Не слышал, что в ней назрел какой-то кризис.

Осия продолжал прятаться за недвижимым аватаром, воздерживаясь от замечаний.

— Разумеется, речь о «Союзе», — презрительно фыркнула Эреда. По крайней мере не проигнорировала «ребяческую шутку». — Но с удовольствием сообщаю, что впредь мы намерены взять все его функции на себя...

Не дослушивая полностью продолжающееся послание, я снова нажал на кнопку.

— Из чего вы заключаете, что обладаете какими-то особыми средствами для поддержки подобных амбиций?

— Из того, что мы вернули свое утраченное имущество! Похищенное некогда непосредственно вами! И будьте спокойны на этот счет — вы будете первым, кто узнает, на что способна эта машина. Наши лучшие ученые спрогнозировали массу возможных санкций...

— Вы все еще говорите так, будто это произойдет в будущем. — Запись продолжала речь, но я снова не стал дослушивать до конца. — Но, что бы вы ни задумывали, это должно было уже произойти в прошлом. Вы берете на себя ответственность за то, что произошло с нашим флагманом?

— Вполне возможно, — отозвалась она с равнодушным самодовольным спокойствием.

— Что ж, так тому и быть. Вы осознаете, что это действие и признание могут повлечь последствия?

Она почти улыбнулась, совершенно уверенная в себе.

— Какие еще последствия? — осведомилась она снисходительно.

— Ответные действия.

— Это каким же образом?

— Кажется, ваши подданные утаили от вас главный секрет? А именно, что это я создал «Янус»?

Если она как-то прореагировала, то «за кадром», вне сессии.

— В далеком будущем, — ответила она беспечно. Что ж, значит, не утаили. Как я и думал, раз уж она продолжила разговор. — Где и утратили над ним контроль.

— Так отчего вы думаете, что вам удастся его удержать? Если это не удалось даже его создателю?

Эреда мягко улыбнулась.

— Создавать и контролировать — очень разные вещи. Вам ли об этом не знать?

— Я знаю одно совершенно отчетливо, — отозвался я так же мягко. — Контроль — это всегда иллюзия.

Связь наконец прервалась. Вот вам и иллюзия — будто просто нажал на кнопку!

Какое странное ощущение — как будто все летит к черту, но мне даже это нравится. Когда мы заговорили о том, кто что создал и кто на что нарывается — будто именно теперь мы заговорили о чем-то стоящем, и в то же время не таком уж важном, потому что что бы ни случилось — все закончится несметным количеством исходов и «все идет нормально». Кто я такой, чтобы влиять на естественную эволюцию вселенной или препятствовать ей? Денеб тут вообще ни при чем. Да в самом деле, сколько можно делать вид, что «Государство — это я»? Зачем я только позволил взвалить его себе на шею хотя бы мысленно? Я — это «Янус»! С этой точки зрения все стало куда проще.

— Как вы это сделали? — настороженно спросил Осия.

— Ничего особенного, просто применил известные мне принципы для лучшей синхронизации сигнала. Ничего странного, ничего опасного. — Почти. Но какая разница? Все, чего мы опасались, на самом деле уже случилось, в будущем, в соседних потоках и так далее, и само наше существование основано на этих ошибках или неизбежностях. — Насколько плохо ваше положение?

— Даже не представляю... — пожал плечами Осия.

— Вы не подвергаетесь реальному вторжению? — спросил я нетерпеливо, пользуясь тем, что могу это сделать — почти перебивать собеседника, что вызывало приятнейшее

чувство свободы — свободно текущего синхронизированного времени.

— Нет... пока, — ответил он сдержанно. Его больше не обрамляли искусственные гулкие нервюрные своды. Он сидел в кабинете, очень похожем на мой — с мониторами и проекторами, большая часть которых не использовалась и просто захламляла помещение. — Расстояния в пространстве все еще имеют значение, по счастью.

— Понимаю.

— Есть ли какая-то вероятность, что Лига не получила того, что хотела?

— Есть. Хотя, признаю, это именно вероятность. Я не могу отвечать за все версии событий, исходящие из нашей текущей точки существования, тем более из чуть более ранней, но эти технические подробности с абстрактными рассуждениями о световых конусах можно было не озвучивать.

— Нам остается только ждать?

— Да.

— Меня изумляет и радует то, что происходит прямо сейчас... Но не преждевременно ли я позволяю себе эти чувства?

— Нет. Не преждевременно. Вы правы. Даже если Лига получит то, что хотела — она получила не всё.

— Вы обладаете своими ресурсами?

— Я владею информацией. И — меньшее и самое безопасное, что я могу сделать — это синхронизировать некоторые сообщения. От этого никому не будет вреда.

— Все же это огромный шаг вперед!

— Весьма скромный на самом деле. Вы правы в одном. Все, на что способна машина времени, может осуществить не она одна. Нельзя завладеть «Янусом», даже завладев «Янусом».

Осия задумчиво опустил взгляд.

— Могу ли я надеяться, что это ваше заявление само по себе не несет в себе угрозы?

— Можете. Безусловно. Мелкие технические удобства — это не то, чем стоило бы угрожать всей человеческой цивилизации. Хотя, боюсь, не готов предоставить их повсеместно. По крайней мере, пока. Пока еще расстояния представляют собой не только препятствие, но и защиту.

— Понимаю. — Осия улыбнулся уголком рта, сведя вместе кончики длинных тонких пальцев. — Но вы сможете сообщить мне сразу о том, что происходит на самом деле?

— Да, как только узнаю что-то об этом точно.

Связь прервалась, и я подумал, что не испытываю ни малейшего угрызения совести из-за происходящего. Что-то творилось с моей личной вселенной. Некий фазовый переход.

17. Дивный новый мир

— Болингброк? — Страйкер все еще удерживал его в одной из переговорных, где никто не мог ни с кем связаться. Выглядел старый политик усталым, расстроенным, но возбужденным — сплошные бегающие глаза и беспокойно движущиеся пальцы, то ли сплетающие невидимую паутину, то ли нервно рвущие ненужные ниточки.

— Ваше ве... высочество?

Я сел напротив кресла, в котором он подпрыгивал, не в силах решить, какое положение ему следует принять. В частной обстановке, и поскольку он был не при исполнении, вставать ему было не обязательно, даже напротив — выглядело бы очень уж нарочитым лизоблюдством.

— Да, можете уже говорить «величество». Архиепископ все для себя решил.

У экс-премьер-министра задергался правый глаз.

— Вы можете мне не верить! — воскликнул он скорбно. — Хотя уж кто-кто, а вы могли бы знать!..

— Вот именно. Я и знаю.

Он всплеснул бледными ручками.

— Знаете всё? Уверены?! Ну что ж, тогда я совсем пропал! Совсем пропал! Неужели вы не знаете никого, кто мог бы желать вам зла из будущего? Никого, кто желал бы разрушить Денеб до основания? Потому что есть другое королевство! Оно есть там! Но не здесь — нет, больше нет... Но кто-то, наверное, хочет, чтобы все было иначе! Для этого сгодятся любые средства! Я же не самоубийца! Я очень осторожен! Я бы не стал!

— Ну хорошо, предположим, — отозвался я суше, чем думал об этом в глубине души, но ему пока не следовало знать, что я все еще не исключаю полностью такую возможность. — Давайте сделаем вид, что я вам верю. Расскажите мне все, что натворили под этим, так сказать, влиянием извне.

— О!.. — дрожащим голосом выдохнул Болингброк. Наверное, ему было непросто выглядеть заискивающим. Месяцами он с горделивой скорбью создавал себе имидж единственной реальной силы в правительстве, отягощенном вздорным реликтом монархии, будто камнем на шее. Еще больше раздражаясь от того, что некоторые мои решения не были совсем уж безответственными и ужасными — спасибо за это Арли и череде древних тиранов, не все из которых были полными идиотами, пусть никогда не знаешь, чей опыт действительно применим в ситуациях со многими переменными. Порой одинаковые действия ведут к совершенно различным результатам — ведь они лишь части огромных уравнений, которые мы никогда не видим до конца. Но иногда помогает само знание этого факта, каким бы бесполезным ни казалось. — Поведаю, что сумею. Хотя в разуме моем сумбур. Неужели вы и правда так поступали с бедными людьми в далеком прошлом? Вторгались в самое их существо! Подчиняли себе все их порывы?!.

— Вот именно, что нет, — усмехнулся я в ответ на все эти патетические обвиняющие нотки, опустив слово «обычно».

— Но вы могли? — спросил он, скорбно изломив брови домиком. — Могли ведь!

— Статистическая вероятность чего угодно, — заметил я, — теоретически существует. Даже того, что светила взойдут на западе. Но она очень и очень мала.

— Я никогда не видел, чтобы Денеб восходил на западе, — почти сердито откликнулся

экс-премьер-министр. — Но я видел более чем одного человека, кто мог бы путешествовать во времени! Перед вторжением из будущего мы все абсолютно беззащитны!

— Хорошо. Предположим. Почему же тогда неведомый враг вторгся в ваш разум, а, скажем, не в мой?

— Я этого не знаю, — тихо прохрипел Болингброк, опуская глаза. — Как не знаю того, кто вы на самом деле. Тот ли, кого я вижу перед собой, или некто, о ком я не могу иметь никакого представления.

— Прошу вас, Болингброк. Не ломайте комедию. Экзистенциальными вопросами мы умеем задаваться без вас. Расскажите мне, что вы сделали, сваливайте это на кого угодно, мне все равно. Попробуйте рассказать мне то, чего бы я не знал.

Он попробовал. И был довольно многословен. Но ничего нового рассказать не смог. Или не пожелал — без суровой на то необходимости.

В какой-то момент я просто встал посреди незаконченной фразы, и вышел за дверь.

— Что прикажете с ним делать? — серьезно поинтересовался Страйкер.

— Устройте где-нибудь в удобном месте и просто приглядывайте. Не думаю, что он будет рваться наружу с помощью пожарного топора или рискнет вылезти через окно.

Страйкер рассмеялся, искренне сочтя сказанное за шутку. Не те в наши времена окна, ох не те...

Что ж, бесполезно оттягивать неизбежное.

«Как ты там?» — отправил я пробное сообщение Рейнарду.

«Непринужденно теряю рассудок, а в чем дело?» — ответил он.

«Она уже в анабиозе?»

«Еще нет. Снотворное перестало действовать только недавно. Был практически уверен, что ты захочешь с ней вскоре поговорить. Мы в третьей переговорной».

Разумеется, за незакрытой дверью, иначе связь бы не удалась.

«Знаю. Скоро буду».

Но прежде я связался кое с кем еще.

Мы встретились с Тарси перед входом в галерею переговорных и я ненадолго задержал ее. Выглядела она бледной и взволнованной, но сосредоточенной, а я чувствовал желание перескочить одним рывком какой-то период времени, который задерживал все течение реки.

— Прости, что не решался сказать тебе раньше.

— Да я и сама не решалась даже думать об этом...

— Прости и за все то, что можешь услышать. Ты ведь уже знаешь, как все запутанно и ненадежно в нашем мире. Никаких ориентиров и все ужасы, какие только могут случиться...

— Где-то случились.

— Необязательно. То, что они где-то случились или не случились, создает ложную иллюзию, что так и должно быть. На самом деле — не должно. Даже наоборот — все должно различаться.

Разумеется, мы все равно вошли в «страшную» комнату «на цыпочках». Рейнард встретил нас ироничным взглядом бывшего демона.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте... — «Пришло время для моментов истины?» — читалось на его лице. Ему их, кажется, уже хватало под завязку.

Лидина кисло покосилась на него, потом угрюмо уставилась на нас. Ей должно было уже порядком надоест это кресло. Тарси напряженно застыла у самой двери, глядя на мать. Наконец Лидина желчно, криво, усмехнулась.

— Ну, здравствуй, Лорелей!

— Здравствуй, мама, — отозвалась Тарси не моргнув глазом, подозрительно ровным голосом. — Или я должна сказать «сестра»?

Рейнард воззрился на Тарси с недоверием, затем с не меньшим удивлением посмотрел на меня — неужели я все-таки сумел так отлично ее подготовить? Я только незаметно пожал плечами — не слишком привлекая к себе внимание других, находящихся в комнате. Хотя, пожалуй, мог не стараться. Походило, что мы тут вовсе лишние. Но дамы, кажется, не возражали, возможно, им нужны были свидетели — для их собственной безопасности, чтобы что-то вероятное не зашло слишком далеко. Свидетели, которые на самом деле были одним человеком: мы, я, дважды я... какие пустяки, то ли еще будет.

Тарси пружинистым шагом подошла к креслу, в котором сидела ее мать — не по прямой, по дуге, будто кружащая хищница, остановилась вплотную, наклонилась вперед, положив ладони ей на запястья, крепко сжав их.

— Ты думала, что можешь остановить меня? — то ли проговорила, то ли прошипела она, и я увидел, как беспокойно задергался Рейнард на заднем плане, не зная, стоит ли ему что-то предпринять: пора кого-то спасать, или просто нужно подыгрывать. Рейнард — конечно! — все равно что смотреться в странное зеркало, показывающее тебе чужое лицо... — Запутать? Ты не думала о том, что сделаешь именно то, что заставило меня поступить так, как я поступила?

Лицо Лидиной напряглось, затем обмякло, будто стекало с костей ее черепа.

— Тарси...

— Лорелей! — припечатала Тарси. — Ты сама так сказала. Ты этого хотела? Ты вызвала демона, назвав его по имени?! Чего ты хотела? «Мама»? — последнее слово прозвучало как злая насмешка.

— Нет... ведь ты... не Лора, нет, — Лидина потрясла головой, как в кошмаре.

— Конечно, нет. Но ты понимала, что на самом деле Лорелей — не Лора. А я. Ты пыталась стереть мою память заранее. Затуманить. Сестра была тебе дороже дочери?

— Нет... что ты? — прозвучало совсем жалко.

— Ты — просто прошлое. Понятия не имеющее, что происходит. Вмешивающееся не в свое дело. Спутывающее карты тем, кто знал, что делал. Или ты думаешь, у нас не было на то причин?

— Но Лора погибла! Ты — погибла! — тихо проговорила Лидина. — Это последнее, чего я хотела — я хотела, чтобы вы уцелели — хоть кто-то из вас!.. Чтобы уцелела ты! Ведь ты — частичка моего сердца! Тарси... Последнее, что мне осталось от всех, кого я любила.

Тарси опустила голову и тихо усмехнулась.

— Но я ведь не погибла. Не во всех мирах, мама. В некоторых — я победила. И мы не погибли — ни я, ни Лора. Пусть это было странное правление, но мы правили всей обозримой Вселенной. Я видела эти миры. А там, где я проиграла... ты уверена, что это не от того, что ты пыталась помешать мне?

— Но как? Ведь я пыталась...

— После того, как я проиграла? Это очень странная вещь во времени! Последовательность событий не всегда очевидна.

Лидина совсем затихла, перестав произвольно конвульсивно подергиваться.

— Так что же теперь?..

— Теперь? — усмехнулась Тарси. — Я не знаю. Никто не знает. Пока что. И вот что еще

о тех, кого ты любила. Я не знаю, любила ли ты своего мужа, но я видела мир, где любила. Где спасла его. Где не умер никто.

Лидина непроизвольно всхлипнула.

— А что скажешь о моем брате? Его ты и вовсе не вспоминаешь? Кого ты пытаешься спасти? В какой воображаемой вселенной?! Мы отлично справляемся сами! Если нам не мешать. Жаль, что нам приходится не брать в расчеты тебя...

— Тарси! — воскликнула Лидина, вдруг воспрянув духом. — Мне все равно! Если только ты уверена, что выживешь! Что будешь защищена!..

— Будь спокойна, — кивнула Тарси после короткой паузы. — Я буду защищена. С собой, моим братом, и тем, кого ты пыталась уничтожить, считая первопричиной моих несчастий. Для нас все это происходит не впервые. Так уж вышло. Но мы знаем о множестве исходов. Многие из них — совсем не так ужасны. А если знать историю каждого — разве она не будет ужасна и печальна? Все они заканчиваются одним и тем же — концом! Такова природа вещей. Все, что нас спасает — что мы не знаем точно, чем всё кончится и когда. А в путешествиях во времени — это только иллюзия, что мы что-то знаем. На самом деле — в каждом случае все будет иначе. Всё, что мы знаем — сбивает нас с толку. А иногда не нас, а тех, кто о нас заботится. — Тарси выпрямилась, отпустив руки матери. — Это трудно — жить в нелинейном времени. Но оно выглядит именно так для некоторых из нас. Для всех из нас, кто к этому причастен. Мне жаль, что у Лорелей не было времени объяснить всего. Но мне жаль, что Лорелей вообще пришлось появиться. Той Лорелей, которая была мной. Но была и та, которой этого вовсе не требовалось.

— Тарси?..

— Верно. Все возможные версии события — волна одного и того же события. Почему, как думаешь, я выбрала Лору? Потому что она была так похожа на меня? Или потому, что она проделала большую часть работы по дороге к выбранной мною цели? Это же так естественно. Экологично — минимальное вмешательство с максимальным эффектом. И только тем, кто готов был оправдывать ее, казалось бы, что в нее вселилось что-то чужое и злое. Мы же всегда готовы оправдывать тех, кого любим.

— Так и ты готова оправдывать его! — Лидина лишь чуть повела глазами в сторону... меня или Рейнарда? Трудно было определить. Тем более что смысл оставался прежним.

— Да, — улыбнулась Тарси. — А ты оправдываешь меня, как будто я была ни при чем. Но я очень даже была! Вот в чем все дело. Думаешь, мне не хотелось власти? Над пространством, так же как над временем? Раз уж я могла! Раз унаследовала всю эту власть. Ты зря пыталась спасти меня, мама. Это я была во всем виновата, и больше никто!

— Тарси, что это было?! — мы вышли из переговорной в коридорчик, выгнали оттуда дежурного и теперь потрясенно переводили дух.

— А как ты думаешь? По-твоему, я неспособна сложить два и два?..

— Способна, конечно! Извини. Просто хотелось уточнить, с нами никогда не знаешь точно... — ты все это говорила, потому что знала и помнила, что происходит, или просто потому что «сложила два и два»?

— О... понятия не имею!..

— То есть, ты думаешь, что постороннего вмешательства не было?..

— А ты уверен, что его не бывает в любой момент твоей жизни?!

— Нет, конечно!

— Теперь и я тоже. Но тот твой разговор с Лорелей, странные взгляды после, реакция моей матери из другого мира, когда она решила, что мы — зловредные агенты ее сестрицы... Все же слишком очевидно! Надо быть совершенной курицей, чтобы не понять!

— Ох...

— И конечно, ты не мог сказать мне о том, что она — это я. Ведь это могло так травмировать мою психику!..

— Ну извини! Я собирался, но никак не мог...

— Я понимаю, Эрвин! — нервно рассмеялась она. — Я сама отлично все поняла! Я же не настолько идиотка и понимаю, с кем и с чем имею дело! Когда-то это могло бы меня задеть, но теперь — нет. Все просто так, как есть. Ну что ж, так, значит так. И сколько из-за этого должно было произойти ужасов — и в прошлом, и теперь...

— Вот поэтому я не мог...

— Да. И она творила все, что творила — тоже поэтому...

— Тарси, я сам все начинаю понимать лишь по круплицам. То и дело сваливаются отрывочные фрагменты и я не знаю, что с ними делать, в какое целое они свяжутся с тем, что уже есть. Какие могут быть рикошеты. То, что она пыталась изменить твою память, могло сказаться совершенно непредсказуемо, это был огромный риск, что мы сейчас вздумали поговорить с ней.

— Да, — вздохнула Тарси. — Но он себя оправдал. Я тоже не совсем пустое место, которое надо постоянно нервно оберегать, лишь бы чего не вышло. И вот теперь мне — гораздо легче. Кроме того... это сразу столько всего значит! — она невольно порозовела, отведя взгляд. — Хотя, разумеется, теперь все должно быть иначе? Раз мы знаем, чем все может обернуться.

— Не обязательно! — возразил я поспешно. — Почему нам не оставить лучшее из того, что может быть, избавляясь только от худшего?

— В самом деле!.. — радостно откликнулась она.

И теперь, по крайней мере, можно было уже не возиться с анабиозом для неудобных «свидетелей» и дальнейшим сокрытием страшных тайн.

18. Царство Небесное

Архиепископ знал толк в политических шоу. Организованные им пышные подготовительные молебны отлично отвлекали на себя часть внимания в оставшиеся дни ожидания «Януса», пока Эреда бомбардировала весь свет ультиматумами, которые еще (определенно это было недолгое время, на которое хватило бы ее терпения) остерегалась подтверждать силой. Разумеется, сама скорая коронация приписывалась теперь реваншизму — последовательность близких событий постоянно меняется местами в общественном представлении: никаких претензий, обычная проблема синхронизации при естественно неполном обладании информацией, а достраивать картину мозгу как-то нужно — в наших собственных полно таких искаженных картин, о чем мы даже не догадываемся. К чему я, собственно, о таких очевидностях? Видимо, к тому, что последовательность событий в моем личном мире всегда запутанна совершенно объективно. В ответ на требования Эреды, я требовал предъявить факт обладания ею «Янусом». Не исключено, что, в конечном счете, она бы их даже предъявила — настоящие, а не старые записи, смонтированные несколько по-разному и раскручиваемые по всей обитаемой вселенной. В конце концов, мы оставляли «Янус» в руках того, кто изначально являлся нашим врагом, и если можно было по прошествии многих лет как-то быть уверенным в Оливье, то никто не мог быть уверенным, с какой его версией-ипостасью нам доведется встретиться в следующий раз. Ужасно утомительно, но ничего не поделаешь, такова эта множественная реальность.

Шила в мешке утаивались плохо. Правительство все же уходило в отставку осязаемым составом, временно замещаясь благонадежными исполнителями без всяких выборов (что выглядело, конечно, весьма не демократично). Следственный комитет и аудиторские комиссии вытащили на свет больше неприглядных улик, чем представлялось в самых смелых фантазиях (так всегда бывает, мир вообще несовершенен и даже не мог бы иначе существовать). Денеб жужжал как разворошенный улей, и не только он. Хорошо, что расстояния все еще имели значение. А расстояние — почти всегда неотделимо от времени.

Одной из главных церемоний перед коронацией нового монарха, стала дань памяти последней королеве и всему погибшему флангану. Года еще не прошло, но кто сказал, что должен пройти именно год? Казалось, момент для возвращения идеален. Сейчас, посреди застывших почетным караулом кораблей. В самом сердце торжественного безмолвия. Прежде, чем вспыхнут краткие яркие салюты. Или сразу после... Каждое мгновение я напряженно ждал, что это вот-вот случится. Но ничего не происходило. Пространство оставалось темным и недвижимым. Возникшая однажды на их месте пустота. Зримо нерушимая. Дразнящие надежды казались в ней призраками. Снами о том, что потери нам лишь приснились. Все закончилось, тягостная трансляция прекратилась, и Рейнард, оставшийся рядом, когда все ненадолго разошлись перед следующим актом, тихо сказал то, о чем я думал все это время.

— Мне казалось, они вот-вот вернуться.

— Мне тоже.

Может быть, еще не поздно? Корабли только разворачивались для возвращения к Леде. Может быть, это произойдет едва они лягут на новый курс или в любой момент, пока мы еще будем поблизости, или когда уже не будем, но вскоре, совсем вскоре...

— Когда «Янус» будет у нас, трудно будет объяснить, что возвращение произошло без

его помощи.

— Это всегда будет трудно объяснить. Сам «Янус» тоже. И вообще, он может на этот раз оказаться у Эреды.

— Значит, придется еще раз «поправить вероятности». Нельзя же будет так это оставлять.

Я предпочел промолчать. В конце концов, что мы вообще могли сказать друг другу помимо очевидностей, будь они сколь угодно сомнительного характера?

«Дракон» развернулся к Леде и обманчиво медленно поплыл по направлению к циклопическим светящимся линиям, протягивающимся на орбите планеты, выстраивающимся в огромный голографический собор. Как именно проходит коронация на Леде? Вот так. Не люди, а корабли и огромные виртуальные конструкции. Все символически. Даже хорошо, что в этом так мало личного. Будь иначе — это было бы слишком мелко. Из-за перенесения важнейших ритуалов по-настоящему в самые небеса, потеряла некогда свою важность старая дворцовая Капелла.

Флагман медленно проплывал через световые линии, пока архиепископ на Леде, в более материальном соборе, совершал благословения и читал традиционные наставления. Ни одна планета на самом деле не могла считаться настоящим «домом» звездного королевства, и это, пожалуй, чертовски правильно. Но закончилось все куда проще: пришлось спуститься по сияющему лучу «с небес на землю» навстречу архиепископу, «державшему в руках»... голографическую корону. Ведь она лишь символ, сотканный из света. Когда-то у нее был материальный прототип, и не один — некоторые стали экспонатами в музеях, некоторые оказались утрачены в старых катастрофах. Но чем были эти материальные прототипы, как не неуклюжими попытками воплотить ускользающую и вечную идею? Вслед за сияющим образом мне была вручена шкатулка — с вещественным символом символа, исполняемым строго индивидуально для каждого правителя, принадлежащим только ему. И только время покажет, уцелеет ли он для того, чтобы однажды оказаться в музее.

— А как же скипетр и держава? — ностальгически поинтересовался Рейнард во время очередного короткого перерыва, с рассеянным любопытством извлекая из обитой серебристым бархатом шкатулки платиновую диадему. Если подумать — даже похожа на железную, только не так склонна ржаветь. Стоило ли упоминать, что по дизайну она напоминала стилизованного Уробороса?

Рейнард теперь формально или не совсем формально считался кем-то из моей личной охраны. Или охраны сакральных государственных ценностей и символов.

— Сам знаешь, что не положено, — отвечивал я. Как будто подозревал его скопированную с моей памятью в возможной неполноценности. Или в том, что в чем-то может наконец найтись несовпадение. — Слишком много лишних деталей.

— Да и мир больше не такой уж шаровидный.

— Это как посмотреть. Но, кажется, на очередных рассуждениях, не является ли Вселенная бубликом, традиция и заглохла.

— Сам знаешь, что это просто легенды. Бублики обсуждали гораздо раньше. Да и кто бы переживал из-за подобной мелочи?

— Короны гораздо больше похожи на бублики...

— И вообще монархий какое-то время практически не было...

— Формально какие-то были. Даже с державами.

— А потом появились снова. Без отживших излишеств. Некоторых.

— Прямо как зубы мудрости, которые, наконец, исчезли.

— С некоторой помощью генетиков.

Не беседа, а очередной приступ шизофрении.

— Точно, — подтвердило мое альтер-эго со смешком, хотя я не сказал этого вслух. —

Чистая клиника.

— Рейтинги падают! Рейтинги падают!.. — тревожно воскликнул Дон, второпях просматривавший новости, чуть не роняя планшет, спотыкаясь о церемониальную шпагу и едва не падая сам.

— В смысле? — переспросил Рейнард, поднимая удивленный взгляд от шкатулки, в которую только что снова упрятал платиновую змею, со щелчком захлопывая крышку.

— Сами посмотрите на графики!..

— А что это за пики, стремящиеся в тропосферу?

— Да, тут пики, но гораздо меньше ожидаемого.

— А ты вообще чего-то ожидал после захвата «Януса» Лигой? — удивился я.

— Но она же его не захватила!.. — протянул Дон, явно уже успев сам сообразить, в чем дело.

— Но никто же об этом не знает!

— Ну да, да... Я просто думал о том, как это должно было быть сразу после коронации, пока все не случилось.

— Вот оптимист! Всегда ждал, что будет гораздо хуже. Не может все быть так хорошо, они точно что-то замышляют... Вот еще и правительство, между прочим, всегда само подрисовывало графики, так что все было не так радужно, как представлялось.

— Есть ложь, большая ложь и графики! — торжественно заявил Рейнард.

— Да, как выяснилось...

— Так что если тут нет больших натяжек, то все еще лучше. И еще подозрительнее.

— Да просто эйфория, — снова вставил Рейнард. — В частности от снятия правительства. Глоток анархии, которая хороша только в малых дозах. И от того, что уже все подозревают, что на самом деле «Янус» не у Лиги, ты же сам на это намекаешь на каждом шагу. Не так уж незаметно, как тебе кажется — со стороны виднее, можешь мне поверить. Но все это еще лопнет как мыльный пузырь — нельзя бесконечно дразнить осла морковкой. Даже когда морковка появится, в реальности она будет сплошным разочарованием. По крайней мере, куда большим разочарованием, чем безупречная воображаемая.

Дон невольно занервничал, поглядывая на нас попеременно.

— Я понимаю, что довольно сложно вдруг оказаться другим человеком, которого все происходящее почему-то не касается, какую это должно вызывать досаду и потерянность, может, мы как-то можем исправить это положение?..

Рейнард только усмехнулся, сунув руки в карманы. Не говорить же, что в такой ситуации поможет разве что убийство — да и оно не поможет. Сами знаем.

— Ничего подобного, — покачал я головой. — Это просто внутренний голос, который всегда говорит «помни — ты смертен». Познакомься — мой внутренний голос.

— Да-да, мы уже...

— И это все еще из благих побуждений. Представь, что было бы из плохих.

— А дракон-то белый, — задумчиво проговорил Рейнард. — Древних британцев здорово бы нервировало, если бы они знали.

— В конце-то концов, мы же практически в загробном царстве, — пожал я плечами. — Все тут переворачивается с ног на голову.

Формально дракон Денеба золотой — но только формально. Тень Лебеда всегда его затмевала. Да и мое отношение к этой короне оставалось печально-призрачным — что-либо иное казалось бы неуместным. В древней Британии не хотелось бы подыгрывать легендам о «королях зимы», здорово, что там меня звали «королем лета» — пусть и потому, что одного единственного, но здесь призрачная звездная белизна казалась естественной.

Идея с коронацией оказалась на поверку гениальной. Если не знаете, как пережить кризис, предайтесь традиционным формальностям. В конце концов, для того их и придумали поколения мудрых компульсивных личностей. Церемонии, на которые бы так не хотелось отвлекаться при других обстоятельствах, отлично убили время, заняв почти все оставшиеся двое суток до часа Икс. Конечно, и тут следовало расставить все по местам. Проследить как бы невзначай за тем, чтобы пространство вокруг Кастора было гарантированно очищено, отозвать случающиеся здесь патрули под разными предлогами в нужный момент — архиважные смотры и инспекции в ходе торжеств естественны и закономерны, и просто ждать. И вот только что казалось, что времени впереди слишком много, чтобы суметь дожить до важного события (ведь что угодно могло вторгнуться из любого измерения и помешать этому), а затем — караул! Да времени просто не осталось! (И еще столько всего не готово или пришло в голову слишком поздно). Если, конечно, все пойдет по плану...

Все шло по плану, по крайней мере, в этой части. Флагман все еще не выводился из полной церемониальной готовности и мы полным наличествующим составом «Януса» присутствовали на борту (никакой случайности, разумеется — именно так и рассчитывалось), когда поступил сигнал о прибытии загадочного крупного объекта, тут же вышедшего на связь с заявлением о своем полном миролюбии и лояльности. И мы, немедленно совершив маневр из-за другой стороны планеты, взяли курс на луну Кастор. Пришло время узнать, не будет ли объект теперь отстреливаться, несмотря на все «идеальные пятнышки копоты».

И именно тут поступил еще один сигнал.

— Нападение?

— Вторжение?

— Нас атакуют?!.

Если эти слова не звучали вслух (а звучать они тоже звучали), то читались на лицах всех, кого я мог видеть. В самом деле: с одной стороны — появляется исчезнувший скандальный объект, предположительно чрезвычайно опасный, и буквально одновременно с ним нечто крупное возникает также неподалеку от столицы. Стоит ли немедленно высылать войска, чтобы адекватно ответить на это несанкционированное появление, мобилизовать все имеющиеся силы в ожидании целого вражеского флота, который вот-вот хлынет вслед за ним?..

Подспудно я ждал другого, поэтому совершенно не беспокоился, пока не стало ясно: это и в самом деле вторжение. Забеспокоиться все равно не успел. За первым крупным кораблем возникли еще несколько и принялись выстраиваться птичьим клином.

— Генерал Ченг! Адмирал Лири!

Голографические образы командующей обороной Леды сухопарой суровой Ченг и недоверчиво приподнявшего брови седовласого Лири, координировавшего объединенные силы в секторе, занятые в последнее время главным образом торжественными парадами, смотрами и маневрами (разумеется, не без расчета на постоянную возможность реальных действий — на что же еще нужны войска), приблизились, стабилизировавшись будто на расстоянии вытянутой руки. На едва видимом дальнем плане суетились их подчиненные, передавая внутренние и внешние сигналы для слаженного построения по давно существующим, пусть никогда не применявшимся всерьез протоколам.

— В полной готовности, сэр! — невозмутимо отчеканила Ченг.

— Проводим перегруппировку, — сообщил Лири чуть более вальяжно. — Если мне будет позволено заметить, это чистый блеф, сэр. Они могут нанести ущерб, но не утвердить свою позицию.

— Если только они не надеются на иную поддержку, — сдержанно добавила Ченг.

— Согласен по всем пунктам, господа. — Ченг важно кивнула, она была бы весьма озадачена, если бы я вздумал сейчас именовать ее дамой. В светской обстановке — иное дело, но не в деле.

— Их канал связи открыт?

— В режиме ожидания, — ответил Вирем — на данный момент временно исполняющий обязанности командующего флагоманом. С постоянным командующим случились кое-какие неприятности в связи с недавним несостоявшимся переворотом, к которому он оказался причастен, да и на встречу с «Янусом» хотелось лететь с кем-то не только проверенным, но и хорошо посвященным в соответствующие тонкости.

— Хорошо. Отправьте им наше приветствие.

Вирем хмыкнул и открыл канал.

— Доброго дня, господа, дамы. Полагаю, вы прибыли на коронацию? Вы чуточку припозднились, но я все еще открыт для поздравлений!

На нескольких экранах отразились командующие разных кораблей. Взгляды у них были изумленные как под копирку. Ну да, чтобы прибыть сюда сегодня, они должны были отправиться заранее, видимо, еще тогда, когда предполагалось, что в этот момент меня уже не будет в живых. Неудивительно, что они застыли в ожидании, еще не успев получить корректирующие указания. Забавно, что на данный момент они получали их от меня.

— Также, полагаю, вы ожидали поддержки со стороны одного гипотетически очень важного объекта во вселенной. Вирем, не могли бы вы открыть еще один канал, устроив нам конференцию?

— «Денебский дракон» вызывает «Янус» — подтвердите контакт!

— Всецело подтверждаю! — раздался в динамиках веселый голос потешающегося «Оливье». Его голограмма в пышном костюме эпохи Ренессанса возникла между всеми нами как... глоток свежего воздуха!

— Прошу подтвердить ваши намерения!

— С кем имею честь поддерживать великосветскую беседу? — любопытно спросил Оливье.

Шутник, черт его побери. Если, конечно, он из нужной вселенной. Конечно, «Янус» всего лишь переносился через гиперпространство, а не через время, но на какой его версии побывали мы?

— Всемиловейше разрешаю вам угадать!

— Прошу прощения, сир! — Оливье отвесил в пространство шутовской поклон. — Неужели я вижу перед собой августейшего монарха Денебской империи?

— Полагаю, вы видите того, кто, может быть, знает, что делать с «Янусом», чтобы он причинил по возможности меньше ущерба реальности в которой мы существуем.

Оливье отвесил еще один поклон, уже не совсем шутовской, но и не столь глубокий — лишь обозначил его как официальное подтверждение.

— Согласен с вами. Но что нам делать с сими малыми, введенными в заблуждение стяжателями и профанами, не имеющими представления об опасностях, лежащими вне возможностей их представления?

— Быть может, просто не шутить над ними? Они не столь уж виноваты.

— Ибо не ведают они, что творят, — подтвердил Оливье. — В конце концов, это не их забота и обязанность. Как когда-то не была моей. Также прошу ознакомиться с одной записью реальных событий. А затем связаться со своим руководством и уточнить, точно ли еще архиарх Эреда занимает свой пост и остаются ли в действии ее приказы?

Оливье нажал на кнопку на своей панели управления, и мы все увидели старую — такую ли уж старую? — запись, где Рафер, вопреки всем приказам и планам решает захватить «Янус» самолично.

Трансляция все еще продолжалась, а корабли Лиги начали исчезать в гиперпространстве один за другим.

— Что происходит? — нетерпеливо ерзая на своем месте, громким шепотом спросил Вирем.

— Время — сложная материя, — пробормотал я рассеянно. Оливье мог блефовать, или разумно предполагать, а мог иметь уже и действительные сведения — я знал, как здорово «Янус» просто синхронизирует информацию с разных концов обитаемой вселенной.

— Оливье?.. — проговорил я с сомнением. Ох, елки, еще и назвал его по «имени», но это всегда может сойти за метафору, с нами бывает, да в некотором роде так и есть. — Все в порядке?

— Разумеется! — Оливье преувеличенно пожал плечами. — Что может пойти не так? Мне нужен кто-то, кто может разобраться с этой чертовой машинкой! Надеюсь, я прибыл по адресу?

— Разумеется! — отозвался я тем же словом, с трудом вспоминая, что мы все-таки не один и тот же человек. Хотя...

Я встретился с его пронзительными холодными глазами на проекции и уже не смог отвести взгляд. Оливье усмехался, снисходительно и очень уж многозначительно, будто только мы с ним вдвоем знали какую-то старую шутку. Может быть, знали. Может, он правда не шутил на тот счет, что в него будто бы вселился некто из будущего. Кто-то, кому было некуда возвращаться, потому он так задержался. Кого, быть может, искала та, кому это было небезразлично, какая-то иная ее версия — едва ли та, что могла стать Лорелей и для чего-то желать уничтожить «Янус». (Если, конечно, она его уничтожила). Она исследовала далекое прошлое осторожно, едва прикасаясь, не проявляясь вполне, прячась тайно в чужом сознании, а нечто все же проскальзывающее стало основой к тому, что сошло за «обычный» дар предсказания, смешавшись со всеми ошибочными привычными домыслами, которыми это могло сопровождаться. Только она отчего-то представления не имела о «какой-то там» Варфоломеевской ночи. Потому что именно мы ее, хотя не то чтобы отменили, но изменили до неузнаваемости? И если «сперва» мы это сделали и их история уже была измененной —

нами, то... Так что там было раньше — курица или яйцо? И они все равно спугали и замели следы, бросив концы в воду темной холодной ночью!..

Одна из возможностей, почти неизбежная в бесконечности.

— Что ж, значит, именно здесь ей самое место, — заключил Оливье.

И у меня появилась твердая уверенность, что, когда мы прибудем к «Янусу», Оливье там уже не будет. Несмотря на все бессмысленные рассуждения о великодушном предоставлении его ДНК для возможного расследования. Оставлять здесь даже «носителя», со всей вьевшейся за десятилетия памятью, я бы, на его месте, не стал.

Адмирал Лири, все еще проводящий масштабные маневры поблизости, на случай, если отбивший противник вздумает перестроиться и появиться в новом близком к столице секторе, поднял тревогу:

— Внимание! Внимание! Несанкционированное проникновение крупного объекта, координаты...

Пока он их диктовал, из моей головы, будто силой нажатого поршня, выдавливалось все, что касалось и несостоявшегося нападения — скорее лишь яркого блефа в условиях, которых не произошло — и очутившегося у Кастора «Януса». Вот это — было невозможно!

Или «Оливье» со всем своим «Янусом» как-то повлиял на то, что сейчас происходило. Проложил путь — намеренно... или хотя бы случайно, всеми помехами и сбоями, которые могли окружать аномалию и сам создающий их старый механизм. Он ведь мог сделать что угодно, если задуматься. Оливье же был мной, а за себя я точно не ручался, особенно в совершенно неизвестных и неконтролируемых своих версиях.

— «Денебский Дракон» вызывает «Денебский Штандарт»! Оставайтесь на месте. Сохраняйте спокойствие. Сейчас двадцать девятое марта три тысячи пятьсот шестьдесят седьмого года по стандартному летоисчислению... — Но до чего же печально, что, выходит, это не тот «Штандарт», на котором я когда-то побывал — он прибыл слишком рано, и я понятия не имею, кто все те люди, что сейчас на нем находятся...

Я повторил это несколько раз, прежде чем обратил внимание на озадаченный взгляд Вирема.

— Почему вы назвали эту дату, сэр?.. — спросил он тихо, почти шепотом. — Это ведь больше, чем через полгода.

— В самом деле?.. Понятия не имею. Просто был взволнован.

Что ж, пусть то, что я по случайности назвал ту же дату, что когда-то услышал, ничего не значило. Но еще оставались призрачные поводы надеяться на то, что «Штандарт», который вернулся, был тем же самым, что когда-то исчез в этом самом мире, как той же (казалось) была «Эвридика», или тем же был «Янус», совершивший когда-то кульбит через древнюю Британию. Но гарантий, как обычно, мироздание не собиралось давать никаких. На самом деле было довольно жутковато. Вечный страх перед теми, кто возвращается из небытия — кто именно возвращается в облики тех, кого мы знали и любили? Те ли мы, кого они способны принять? Мы тоже изменились. Та самая вода, в которую не войти дважды... Не считая того, что, собираясь ждать еще больше чем полгода, я нервно присвоил корону. Буквально едва вписался, чтобы успеть это сделать? Выглядеть со стороны должно потрясюще. Как рассчитанный маневр? Или как триумфальное возвращение спасителей

цивилизации, несмотря на попытку их подлого устранения злобным узурпатором? Уф... Все варианты возможны, все будут рассмотрены и обкатаны в сознаниях современников и потомков и в разных версиях нашего существования в более глобальном смысле, с чем я мысленно нас всех и поздравил.

Многое в историях зависит от того, где поставишь в них точку.

Может быть, сейчас самое время. Тот волшебный момент, который еще не разрушен столкновением с реальностью. Пожалуй, именно так. Стоит поставить здесь точку?

Какие еще точки?

Конец — странная штука. Хороших концов не бывает. Ведь если бывает — это просто никакой не конец. Движение к «Янусу» было отложено. Мы сменили курс, отправившись навстречу «Штандарту».

Он откликнулся на наши позывные, терпеливо и дружелюбно ждал на месте, пока мы не убедимся, что с ним все в порядке и не составим ему сопровождение. Оставалось надеяться, что он не был троянским конем — может, поэтому он появился раньше времени? Все сущее слишком зыбко, ни в чем нельзя быть уверенным, ни на что нельзя положиться. Да, конечно, это просто чертов невроз, но чертовски отражающий реальность.

Ничего плохого пока не случилось. Два флагмана из прошлого и из настоящего пристыковались друг к другу. Как петли, составляющие восьмерку бесконечности. И в точке соприкосновения этих петель мы встретились. Мне показалось, они выглядели не такими, какими я их запомнил. Они тоже смотрели на меня удивленно и недоверчиво, не узнавая — в их случае все было объективно, многое для меня произошло и с тех пор, как они исчезли из реального пространства, и с тех пор, как мы виделись в последний раз.

— Простите за ошибку с датой. Все немного перепугалось — дата вашего исчезновения впечаталась в сознание, но хоть с годом... — Ох, нет, и с годом ошибся. Возможно, постоянные прыжки туда-сюда во времени, влияют на мозг. Минутку, что значит «возможно»?.. — Простите. С ним ошибся тоже.

— Или нет... — усмехнулась Линор. И от сердца немного отлегло. Она не могла сдержать улыбку. Значило ли это, что она помнила то же, что и я, и могла при этом подумать, что я намеренно «ошибся», чтобы сохранить «идеальные пятнышки копоти»? По крайней мере, ее сияющее огненное платье уже не должно было напоминать мне зловещий взрыв.

— Ты ведь уже извинился, — напомнил отец. — А мы рады, что на самом деле прошло не так много времени.

— Мне показалось, что прошла целая вечность! Но теперь... — Я поклонился матери. Хорошо хоть не заявился на встречу в своей новой короне. — Ваше величество, с возвращением! Я рад, что могу вернуть вам ваше королевство, быть может, не в полной сохранности, но надеясь на то, что ваша мудрость поможет исправить мои ошибки.

— Нет, — отрезала мама.

— Простите?

— Нет, — повторила она с очень непонятным выражением.

— Что ж... — я просчитал возможные пути к отступлению. «Янус» недалеко, да и «Пандора» пока еще теплый воск в моих руках и никто не разбирается в ней так, как я — я об этом позаботился. Если она намерена рвать и метать, я буду только счастлив сбежать к черту на кулички куда-нибудь, например, в древнюю Британию!..

— Я считаю произошедшее божественным вмешательством, — продолжила она с какой-то зловещей ноткой. — Раз Денеб все еще существует, это показывает твою состоятельность в качестве следующего монарха. Следовательно, я могу со спокойной совестью отойти от дел, оставив все так, как это есть сейчас!

— Но... ты не можешь! — вырвалось у меня почти с ужасом. Вот этого я точно не ждал!

— Еще как могу! — воскликнула она торжествующе. — Но обещаю, что буду помогать

тебе советами на правах королевы-матери!

— Нет... Невозможно. Только вы разбираетесь во всем происходящем. Я могу все испортить. Тут настоящий кризис. И буквально только что к Кастору прибыл «Янус»...

— Вот именно! Кто сможет разобраться в этом кризисе, кроме тебя?

— Мм... Может, мы все? — предположил я.

— Я не понимаю во временных аномалиях абсолютно ничего! — твердо заявила мама. И выглядела при этом слишком довольной, чтобы можно было заподозрить, что она шутит.

— А я ничего не понимаю в Денебе! — как будто сговорившись с ней, подхватил отец.

— Ну, с «Янусом»-то я смогу тебе помочь, — ласково добавила Линор.

— Спасибо... Давайте не будем торопить события! — предложил я. — Пожалуйста! Сперва рассмотрим происходящее и будем исходить из текущей ситуации. Я предлагаю считать предыдущего монарха, который все еще жив и дееспособен — приоритетным! Мы не знали, когда вы вернетесь, и действительно ли это случится, но это случилось! Могу я тоже считать это божественным вмешательством?!

— Можешь, — кивнула мама. — Но, так как я тоже считаю себя «приоритетным монархом», последнее слово тут за мной. Если не возражаешь, конечно? — последние слова прозвучали очень ехидно.

— Я никак не могу возражать. Но, думаю, что приоритетны тут интересы Денеба!

Она даже не обратила внимания на этот коварный маневр.

— Ты всегда можешь рассчитывать на нашу августейшую помощь!

Ну, конечно... Впрочем, если она вяжется помогать, как и обещает — а там: коготок увяз — всей птичке пропасть! Она же еще не знает всех подробностей — они точно покажутся ей ужасней некуда.

— Что ж. Я невероятно рад, что вы вернулись, и непременно введу вас всех в курс дела! В данный момент мы направлялись к «Янусу». Очень надеюсь, что вы не возражаете против того, чтобы мы посетили его. «Янус» просит нашей помощи и защиты, как и Космополитический Союз.

— Прекрасно! — воскликнула мама. И взяла за руки отца и Линор. — Давайте же наконец посетим ваш «Янус»! Это совершенно невероятно!

— Появление «Януса», — предположил отец. — Не могло ли оно вызвать резонанс и создать аномалию, которая проложила нам путь именно в эту точку континуума?

— Возможно, — отозвался я, сознавая, что каждое наше слово буквально записывается для истории, хоть и не предназначено для общего доступа. Пока что. — Это очень возможно. Но вам стоит узнать всю историю кризиса. «Янус» успел побывать не только в наших руках. Все могло наложить свой отпечаток. Теперь главное, что нам нужно — осторожность со столь деликатными материями!

Для них действительно прошли какие-то минуты. Встреча со всеми прочими ветеранами «Януса» была для кого-то радостной, для кого-то совершенно неожиданной и выбивающей из колеи. Линор была в восторге, отец сдержанно пытался во всем разобраться, а мать, как будто, оказалась в ином измерении — я никогда не знал ее настолько хорошо, чтобы понять точно, что она чувствовала.

— Видишь ли, — проговорила она, стоя рядом, на правах «старшего» монарха, но в то же время «не совсем». — Насколько я понимаю, людям этого мира трудно будет принять, что тот, кто исчез из реальности почти на полгода, возвращается прежним. Такое

возвращение воплощает ту же опасность, что сам ваш «Янус» или неожиданное вторжение.

— Это звучит так, будто только этого вы все и ждали! — проворчал я довольно сердито.

— Может быть, — усмехнулась она, и мне пришлось напрячь память, чтобы припомнить, что все было совсем не так. — Лично я ждала слишком долго, когда смогу признать, что у меня есть наследники. Дольше, чем могла быть уверенной, что делаю все правильно, и все не рухнет от того, что я тянула время столько лет. Это был страшный груз.

— Но ты прекрасно справлялась!

— Но больше я этого не хочу. И, повторюсь, сейчас я покажусь этому миру страшнее, чем ты. Неизвестно, чего можно от меня ждать. Из какого мира я прибыла. А ты уверен в том, что знаешь это?

Я посмотрел на нее очень задумчиво.

— Хочу верить, что знаю.

— А что делать с теми, кто хочет совершенно другого? Это подарок судьбы — пропасть на полгода... — На деле гораздо меньше, но может, это и есть разница между мирами, а не метафора, и еще стоит все довыяснить? Возможно, мы существуем в самозатягивающейся временной петле, постоянно теряющей энергию и протяженность, пока однажды она не превратится в несуществующую нулевую точку — но не на нашей памяти. — А потом обнаружить, что ничего еще не рухнуло!

— Подожди, ты еще не все знаешь!..

— Ты не представляешь, насколько хорошо я это знаю — что знаю не все! И насколько возможно знать не все!

Какое там, когда весь наш мир — мозаика из разнородных стеклышек, игра с постоянно меняющимися правилами.

Бог играл со мной в карты как-то.

На спине большой черепахи.

А вокруг все плескались воды

Из надежды, мечты и страха.

Были ставкой слоны и сказки,

Было солнце — алмаз Востока,

И лазоревый бархат с белым,

И, в алмазах весь, бархат черный.

Были жарки костры — рубины.

Были колки стальные блески.

Мягко стлались шелка — туманы,

И муары фата-морганы.

Мы играли, но кто тут вправе?

Проиграли мы черепаху.

Отыграли — простор и волю,

Бесконечность огня и праха.

Будут ставкой миры и звезды,

Будет вечность, как гвоздь Вселенной,

Мы сыграем на звездных картах,

Может быть, отыграем Время.

Больше книг на сайте - Knigoed.net